

ББК 63.3(5)
А23

Редактор издательства
И. М. ДИЖУР

Агаджанов С. Г.

А23 Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 303 с.
ISBN 5-02-017184-0

Первое в науке исследование истории Средней Азии в составе государства Сельджукидов. На фоне истории Средней Азии — колыбели империи Сельджукидов — вскрываются предпосылки образования этого государства и прослеживаются важнейшие этапы его развития, заката и распада на отдельные владения и государства. Дается обширная панорама событий на территории от западных границ Китая и Монголии до Египта и Средиземноморья. Освещаются динамика сельского хозяйства, городская жизнь, состояние ремесел и торговли, развитие и эволюция аграрных феодальных институтов.

А $\frac{0503010000\text{-}176}{013(02)\text{-}91}$ 28-91 ББК 63.3(5)

ISBN 5-02-017184-0

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Держава Сельджукидов, возникшая в середине XI в., оставила заметный след в мировой истории [1]. Она образовалась в ходе ожесточенной борьбы кочевых вождей огузов и туркмен с Газневидами [2] в Северном Хорасане [3]. В пору своего подъема империя Сельджукидов включала почти всю нынешнюю Среднюю Азию, Иран, часть Афганистана, Закавказья, Передней и Малой Азии. Период существования этого некогда могущественного государства характеризуется заметными переменами в политической и социально-экономической жизни, в материальной и духовной культуре народов мусульманских стран. В XI—XII вв. происходит дальнейшее развитие феодальных отношений в покоренных сельджуками регионах Востока. Данная пора характеризуется сложными и многогранными процессами в сфере урбанизации, сельскохозяйственного и ремесленного производства, денежного обращения, торговли.

Рассматриваемая эпоха отмечена знаменательными событиями в политической истории стран Востока и Запада. Наиболее важное значение имело при этом падение держав Газневидов (962—1186) и Буидов (945—1056), дальнейшее ослабление Аббасидского халифата (750—1258) и закат Византийской империи. В истории этого периода крупным фактором, имевшим всемирное значение, явилось начало крестовых походов на Восток.

Сельджукское нашествие в середине XI в. на страны Ближнего и Среднего Востока сопровождалось ожесточенной борьбой с Фатимидами Египта (910—1171) и Византийской империей. В 1055 г., после захвата Ирана, султан Мухаммад Тогрул-бек (1038—1062) вступил в Багдад. Сельджукиды отстранили от власти Буидов и установили политический контроль над халифами из династии Аббасидов [4]. В ходе дальнейших завоеваний, произведенных в основном силами огузских и туркменских ополчений, были заняты Сирия и Палестина, которые удалось отнять у Фатимидов. Сельджукские владения расширились и за счет восточных и средиземноморских областей Византийской империи. В 1071 г. султан Алп Арслан (1062—1073) нанес поражение императору Роману IV Диогену (1067—1071) в Малой Азии, в решающей битве у Манцикерта. Спустя примерно десятилетие на отвоеванных у Византии землях возник Румский султанат. Византия, оказавшаяся неспособной остановить сельджукский напор в Средиземноморье, обратилась за помощью к

папству и королям Западной Европы. Короли, рыцари и духовенство европейских стран воспользовались этим предлогом для организации экспансии на Восток. Начался первый крестовый поход, в результате которого в 1097—1099 гг. были основаны Эдесское графство, Антиохийское княжество и Иерусалимское королевство. Однако крестоносцам не удалось навсегда обосноваться в Ираке, Сирии и Палестине. Во второй половине XII в. они потерпели неудачу в борьбе с сельджукскими войсками, местными арабскими и курдскими эмирами и армией Салах ад-Дина (1174—1193) из возвысившейся в Египте династии Аййубидов (1171—1250). Такова была в самых общих чертах международная обстановка, в которой протекала история Сельджукской державы, включавшей и значительную часть Средней Азии.

Образование громадного Сельджукидского государства имело немалые последствия и для этнокультурных процессов в странах Востока. В XI—XII вв. принимавшая активное участие в завоеваниях волна тюркоязычных кочевников хлынула в Иран, Северный Афганистан, Арабский Ирак, Сирию, Палестину, Закавказье и Малую Азию. Относительно долгое время мигранты составляли главную опору Сельджукидов. В своей основной массе это были огузо-туркменские племена Средней Азии и Казахстана. В дальнейшем они ассимилировались в той или иной степени с местным, главным образом кочевым и полукочевым, населением. Начались сложные этнические процессы, которые привели к образованию ряда тюркоязычных объединений на территории Средней Азии, Ирана, Ирака, Сирии, Египта. Особенно важную роль сельджукские племена наряду с субстратными компонентами сыграли в этнической истории туркменского, азербайджанского и турецкого народов.

Название «огуз» первоначально употреблялось для обозначения различных по происхождению тюркоязычных групп, преимущественно кочевников, живших наиболее компактно в Прикаспии, низовьях Сырдарьи и Приаралье. В пределах современного Казахстана и Средней Азии оно получило широкое распространение начиная с IX—X вв. Скорее всего, это было прямым следствием основания огузами сильного государственного объединения с политическим центром в Йангикенте [5], у впадения Сырдарьи в Аральское море. Огузская конфедерация сформировалась из пришлых и местных этнических компонентов, но ведущую роль в этом процессе играли тюркские роды и племена — выходцы из Западного Семиречья и отдельные группы номадов, обитавшие ранее в междуречье Оби и Иртыша [6].

В IX в. огузы потеснили кангаро-печенежские и некоторые угро-финские племена и заняли Присырдарьинские степи, Южное Приаралье и Северный Прикаспий. Примерно в течение двух столетий политическая гегемония в этом регионе находилась в руках их вождей, носивших титул «йабгу». Однако в середине XI в. держава сырдарьинских огузов была разгромлена

племенами, входившими в состав кипчакского объединения. Значительная масса огузов ушла в степи Южной Украины, на Балканский полуостров, в оазисы Хорезма, Мавераннахра и Хорасана[7]. Другая их часть, состоявшая главным образом из полукочевых и оседлых групп, смешалась с течением времени с победителями и растворилась среди племен Дашти-Кипчака[8]. С той поры термин «огуз» постепенно стал исчезать со страниц истории Средней Азии и Казахстана[9].

Приблизительно с конца X — первой половины XI в. вместо старого этнонима «огуз» все чаще употребляется название «туркмен». Первоначально так именовалась лишь часть огузов и других тюркских племен — главным образом карлуков и халаджей. Они населяли бассейн среднего течения Сырдарьи и западные окраины Семиречья. Ряд городов этого региона в конце X — первой трети XI в., по словам ал-Бируни, назывались «туркменскими». Очевидно, туркменами именовали те их группы, которые были исламизированы и в определенной мере смешаны с жителями земледельческих оазисов.

Более широкое собирательное значение имя «туркмен» получает на рубеже X—XI вв., в период так называемого сельджукского движения в Мавераннахре и Северном Хорасане. Скорее всего, это было связано с целым рядом политических, этнических, социальных и других, не выявленных пока факторов. Известно, что около середины X в. начинаются столкновения между вождями огузо-туркменских группировок среднего течения Сырдарьи. Основной их причиной было противоборство из-за обладания пастбищами и землями в присырдарьинских степях. В этой обстановке выдвигается клан Сельджукидов — выходцев из племени кынык. Сельджукиды объединили под своей властью часть местных огузов и туркмен и вступили в конце X — начале XI в. в борьбу с сырдарьинскими йабгу.

Переселившись из областей, расположенных в предгорьях Каратау[10], в район нынешнего Дженда[11], племена сельджукского объединения начали войну против огузских правителей Янгикента. Сельджуки, приняв мусульманство, выступили против йабгу под лозунгом «священной войны» с неверными. Однако силы были неравными, и сельджуки ушли в пределы Мавераннахра, а затем — Хорезма и Северного Хорасана. После образования державы Сельджукидов султан Тогрул-бек и его брат Чагры-бек разгромили сырдарьинских огузов-язычников. Оказавшись во главе исламского мира, они не могли, естественно, называть подвластных им кочевников старым именем «огуз». Представление о данном этнониме, несомненно, ассоциировалось с враждебными им номадами — язычниками низовьев Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия. Исчезновению слова «огуз», по-видимому, способствовало и то обстоятельство, что племена сельджукской группировки стали постепенно оседать в завоеванных странах и ассимилироваться с их населением[12].

История государства Сельджукидов рано привлекла внимание средневековых хронистов. Большой интерес к ним проявили не только восточные, но и закавказские (армянские и грузинские), а также византийские и западные историки, особенно в эпоху крестовых походов [13]. Среди известного сейчас разнородного круга источников ведущее место занимают сочинения, написанные на арабском, персидском и тюркских языках. Характеристика основного корпуса этих источников дана в специальных обзорах К. Брокельмана, М. А. Кёймена, К. Ч. Стори, К. Каэна, Х. Гибба, Ф. Розенталя, К. Босворта, Б. Шпуллера [14]. Значительное внимание им уделено в работах В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, В. И. Беляева, А. А. Ромаскевича. Восточные источники по истории державы Газневидов и Сельджукидов рассматривались также в публикациях К. А. Арендса, С. Г. Агаджанова, З. М. Буниятова, Г. М. Курпалидиса [15].

Наличие столь обширной литературы избавляет нас от необходимости останавливаться подробно на каждом источнике. Поэтому мы даем лишь краткий обзор, основное внимание уделяя наиболее важным нарративным и документальным публикациям. Исследуемый круг источников функционально можно разделить на придворные хроники, мемуары, сочинения по всеобщей истории, политические трактаты, энциклопедии, биографические словари, эпистолярные сборники [16].

В XI—XII вв. в странах мусульманского Востока продолжается развитие основных историографических жанров, разрабатываются постулаты о сущности и задачах истории. Предметом историографии как науки ('илм ат-та'рих) становятся происшествия и события былых времен и современности. В центр истории ставятся рождение и гибель крупных держав, судьбы исчезнувших и реально существующих народов, генеалогии правителей и династий. Особое внимание уделяется истории пророков и святых, халифов, султанов, шахов. Принцип деления и систематизации по династиям находит в тот период отражение в появлении нового раздела, посвященного истории государства Сельджукидов [17].

Очевидно, еще в буидском Иране была сформулирована концепция моральной и практической ценности истории. При этом исторические процессы нередко воспринимались как повторяющиеся и сменяющиеся циклы. Одновременно история рассматривалась как важный источник и база общественного и государственного опыта [18]. Данное направление получило свое отражение в ряде сочинений, главным образом в специальных трактатах о государственном управлении [19].

В произведениях мусульманской историографии XI — начала XIII в. прослеживается некоторый интерес к способам подачи исторических фактов. Появляется нужда в определении критерия достоверности, что связано с идеей равноценности и необходимости согласования разноречивых версий и повествований. Однако стремление к беспристрастности нередко оборачивается

простой регистрацией обычно противоречащих друг другу исторических сведений. Историки в подавляющей массе при этом избегают выражать собственное мнение и комментировать описываемые сюжеты. Типичным представителем такого подхода был арабский историк второй половины XII — начала XIII в. Ибн ал-Асир ал-Джазари [20].

В обширном кругу источников по избранной нами теме особую группу составляют нарративные исторические сочинения периода царствования Газневидов и Сельджукидов. Династийные хроники этого времени преобладают над традиционной анналистикой и трудами по всемирной истории. Официальные труды данного периода, как и вся мусульманская средневековая историография, проникнуты идеей провиденционализма. Причины исторических событий и фактов объясняются волей Аллаха, карающего или вознаграждающего людей за их поступки. Отсюда же исходит и теория божественного происхождения государства и верховных прерогатив власти. «Всевышний в каждую эпоху,— писал сельджукский везир XI в. Низам ал-Мульк,— избирает одного из людей, прославляет и украшает его достоинствами государя. Он связывает с ним благо вселенной и спокойствие рабов; от него же зависят разруха, смуты, мятежи. Страх и трепет перед ним распространяет он перед сердцами и очами тварей, дабы люди проводили дни в его правосудности, были спокойны и жаждали бы продления его державы» [21].

В историографии освещаемого периода сравнительно широкое распространение имела концепция идеального монарха, справедливого, просвещенного и мудрого. Общее направление и результат исторического развития поэтому ставились в прямую зависимость от личности того или иного султана, шаха, эмира. В русле этой теории находилась и подкрепленная авторитетом исламской религии и права идея законности карательных мер против всяких мятежей и смут, направленных против царской власти [22].

В историографии газневидского и сельджукского периодов наряду с общеисламскими чертами появляются и некоторые специфические особенности. Для основной массы исторических произведений по-прежнему характерен сервилизм, но он обретает новый оттенок. В исторической науке XI—XII вв. получает импульс идея мусульманской благочестивости тюркских правителей. Истоки ее восходят к более ранней поре и связаны, очевидно, с возрастанием политической роли тюрок-преторианцев в Халифате. Однако дальнейшее развитие этой тенденции приводит к подделке родословной и династической истории Газневидов и Сельджукидов. Появляются труды, в которых вопреки истине говорится об их исконном царском происхождении [23].

В изучаемый период наряду с официальным панегиризмом проявляется и противоположное, негативистское направление. Оно нашло отражение в ряде источников, в том числе в некоторых теологических и полемических трудах. В частности, к ним

можно причислить один из анонимных трактатов XI в. и критические высказывания о сельджукских властях в сочинениях Мухаммада ал-Газали (1059—1111). Некоторые сюжеты и мотивы, имеющие антисельджукскую и в более обобщенном виде антитюркскую направленность, обнаруживаются и в средневековой персидско-таджикской поэзии [24].

В XI—XII вв. пробуждается большой интерес к тюркоязычным народам в историографии всего мусульманского Востока. Появляются специальные трактаты и экскурсы о тюрках, отличительных чертах их физического типа, нравах и обычаях кочевников. Одним из таких произведений является «Китаб тафдил ал-атрак». («Книга о достоинствах тюрок») Абу-л-'Ала ибн Хассула (ум. 1058 г.). Ибн Хассул написал эту книгу после взятия сельджуками Багдада и посвятил Кундури — везиру султана Тогрул-бека. Он призывает к объективной, сбалансированной оценке тюркских племен. В кратком предисловии к трактату он отмечает, что хочет показать особенности характера, а также достоинства и храбрость тюрок [25].

Описание тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии имеется также в сочинении сельджукского придворного врача и естествоиспытателя XII в. Шараф аз-Замана Тахира Марвази. Хотя его труд называется «Природные свойства животных» («Таба'и' ал-хайаван»), в нем содержатся главы о различных народах. Трактат ал-Марвази заключает в себе оригинальные разделы о тухси, ягма, карлуках, огузах и других тюркоязычных племенах [26].

Интерес к тюркским народам, пробудившийся в XI—XII вв., объясняется выходом их на широкую мировую арену. В значительной мере это было связано с образованием держав Газневидов и Сельджукидов. При их дворах появляется целая плеяда ученых, в том числе историков. Среди последних можно отметить Абу Насра ал-Утби, написавшего в 1021 г. «Китаб ал-Йамини». Основной целью автора было прославление царствования газневидского султана Махмуда (997—1030). Историческое произведение ал-Утби является одним из главных источников по истории Средней Азии X — первой четверти XI в. [27]

В правление Газневида 'Абд ар-Рашида (1049—1053) был написан исторический труд под названием «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»). Его автором был персидский историк Абу Са'ид Гардизи, доведший свое повествование до царствования султана Маудуда ибн Мас'уда (1042—1048). Сведения, имеющиеся в «Зайн ал-ахбар», представляют большой интерес для освещения истории Газневидской державы. В них заключены также уникальные материалы о сельджукском движении в Хорасане в первой половине XI в.

Замечательным источником по избранной теме является сочинение Абу-л-Фазла Байхаки. Произведение этого историка-мемуариста под названием «Та'рих-и Мас'уди» («История Мас'уда») хорошо известно в востоковедной литературе. Исто-

рический труд Абу-л-Фазла Байхаки состоял из нескольких томов, из которых до нас дошли лишь последние книги. Сохранившиеся части произведения, основанные на личных наблюдениях и копиях официальных документов, посвящены царствованию газневидского султана Мас'уда (1030—1041). В отличие от большинства своих предшественников Абу-л-Фазл рисует подробную и яркую картину своей эпохи. Сочинение Байхаки — ценнейший источник по истории образования государства Сельджукидов [28].

После воцарения династии Сельджукидов в письменной литературе продолжаются старые газневидские традиции [29]. В XI—XII вв. появляется целый ряд исторических произведений различного жанра. Одно из ранних сочинений, посвященных сельджукской истории, было написано Ануширваном ибн Халидом Кашани. Несколько позднее оно было переведено с фарси на арабский язык 'Имад ал-Дином ал-Исфахани (1125—1201); переводчик дополнил труд Кашани и довел изложение событий вплоть до середины 90-х годов XII в. В 1226 г. это сочинение было сокращено Абу-л-Фатхом ал-Бундари, снабдившим его предисловием и комментариями [30].

В 1126 г. неизвестным историком был составлен обширный труд под названием «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» («Свод летописей и рассказов»). Это сочинение представляет большой интерес для востоковедов, изучающих историю государства Сельджукидов. Автор данного произведения использовал многие утраченные ныне источники. В нем содержатся важные сведения по истории Средней Азии, Ирана, Закавказья [31].

Примечательным историческим произведением XII в. является «Селджук-наме» Захир ад-Дина Нишапури. Это сочинение послужило основным пособием для многих написанных позднее трудов. Захир ад-Дин приводит любопытные подробности о сельджукских завоеваниях, политической и административной системе империи Сельджукидов.

Одним из первоисточников по истории освещаемого периода является трактат знаменитого Низам ал-Мулька «Сийасат-наме». Автор занимал должность везира при сельджукских правителях Алп Арслане (1062—1073) и Маликшахе (1073—1092). В «Сийасат-наме» заключены богатые фактические данные об управлении, политической и социально-экономической структуре государства Сельджукидов [32].

В XI—XIII вв. в странах мусульманского Востока успешно развивается жанр так называемой региональной историографии. Появляется серия трудов, посвященных крупным областям и городам Сирии, Ирака, Египта. Особого расцвета эта локальная историография достигла в Иране, Хорасане и Мавераннахре [33]. Создаются труды по истории Табаристана [34], Кермана [35], Мерва, Бухары, Самарканда, Хорезма. Однако большинство этих сочинений, к сожалению, не дошли до нашего времени. Среди тех произведений, которые сохранились доныне, можно выделить

«Та'рих-и Байхак», написанный Захир ад-Дином Абу-л-Хасаном 'Али Байхаки (1105—1169). В 1168 г. он завершил свое произведение по истории Байхака — одной из крупных областей Ирана[36]. В нем содержатся ценные факты о политических событиях в Хорасане, его экономике и общественном строе в XI—XII вв.[37]

Большого внимания заслуживают произведения энциклопедического характера, написанные в XI—XII вв. Из них следует выделить «Нузхат нама-йи 'Алайи» («Книга услады 'Алайи»), автором которого был персидский ученый Шахмардан ибн Абу-л-Хайр. В 1120 г. он завершил свой компендиум, посвятив его одному из правителей династии Какуидов Табаристана. Особенно важное значение это произведение имеет для характеристики земледелия и агротехники рассматриваемого периода[38]. К этой же категории трудов следует отнести и «Му'джам ал-булдан» («Словарь стран») — классическое произведение арабоязычного ученого, грека по происхождению, Йакута ал-Хамави (1179—1229). Его труд — подлинная энциклопедия по географии, этнографии, истории и естествознанию. В «Му'джам ал-булдан» при описании регионов мира приводятся уникальные сведения по истории и культуре Ирана и Средней Азии[39].

В XI—XII вв. в странах мусульманского Востока большое распространение получает эпистолярный жанр, что приводит к появлению целой серии так называемых письмовников. Составители таких сборников включали в них лучшие образцы приватных и деловых писем, а также копии официальных документов. В середине XII в. одно из таких эпистолярных произведений было составлено Мунтаджаб ад-Дином Бади'. Долгое время он занимал пост главы «диван-и инша ва-л-тугра» — канцелярии, ведавшей государственной перепиской при султане Санджаре (1118—1153). Мунтаджаб ад-Дин Бади' собрал большое количество писем и копий правительственных указов Сельджукидов. В составленном им эпистолярии под названием «Китаб 'атабат ал-катаба» («Ступени совершенствования катибов») имеются фирманы о назначении чиновников на различные государственные должности. Сборник грамот канцелярии Санджара представляет собой ценнейший первоисточник по истории державы Сельджукидов в XII в.[40]

Современником Мунтаджаб ад-Дина Бади' был поэт и государственный деятель Рашид ад-Дин Ватват (1089—1178). Длительное время он занимал должность главы «диван-и инша» в правление хорезмшаха Атсыза (1127—1156). Между 1157 и 1172 гг. он составил два сборника писем и государственных указов. В них заключены частная и деловая переписка, копии различных грамот и распоряжений[41].

В освещаемый период создаются биографические и генеалогические труды (ансаб), посвященные знаменитым личностям и кланам[42]. Одним из таких произведений является «Китаб ал-ансаб» («Книга генеалогий») Абу Са'да 'Абд ал-Карима ас-

Сам'ани (1113—1167). В его труде заключено много ценных материалов по истории и культуре Средней Азии и Ирана [43].

Среди произведений рассматриваемого жанра следует также отметить труды авторов XII в. Абу Хафса ан-Насафи и Мухаммада ас-Самарканди. Абу Хафс ибн Мухаммад ан-Насафи (ум. в 1142 г.) написал на арабском языке историко-биографическое сочинение под названием «Китаб ал-канд фи ма'рифат 'улама Самарканд» («Сахарная книга познания ученых Самарканда»). Мухаммаду ибн Абд ал-Джалилу ас-Самарканди принадлежит близкий по содержанию трактат — «Мунтахаб китаб ал-канд фи ма'рифат 'улама ас-Самарканд» («Извлечения из „Сахарной книги познания ученых Самарканда"»). Отечественными и зарубежными востоковедами не раз делались попытки идентифицировать эти произведения с более поздними ираноязычными версиями жизнеописаний средневековых ученых и других знаменитых людей Самарканда. Однако вопрос об атрибуции и соотношении этих текстов остается пока нерешенным. Несмотря на это, можно констатировать устойчивую письменную традицию создания подобных биографий, доходящую в Средней Азии вплоть до XIX — начала XX в. В этих жизнеописаниях содержатся исторические предания, описания «святых» мест и биографии именитых самаркандцев [44].

Важное значение для изучения событий периода существования державы Сельджукидов имеют летописи по всеобщей истории. Среди них почетное место занимает труд видного мусульманского традиционалиста и хрониста Ибн ад-Джаузи (1114—1200). 'Абд ар-Рахман ибн ал-Джаузи написал на арабском языке многотомное сочинение под названием «Ал-Мунтазам фи та'рих ал-мулюк ва-л-умам» («Упорядоченный свод по истории владык и народов»), содержащее примечательные сведения по политической, социальной, культурной истории мусульманских стран в XI—XII вв. Летописный труд Ибн ал-Джаузи заключает в себе и материалы по истории сельджукских государств и владений в Малой Азии, Ираке, Иране, Хорасане [45].

Продолжателем дела Ибн ал-Джаузи был его внук Шамс ад-Дин Абу-л-Музаффар Йусуф ибн Кыз-оглу, известный больше под именем Сибт ибн ал-Джаузи (1186—1258). Свое историческое произведение он озаглавил: «Зерцало времени в летописи знаменитых людей» («Мир'ат аз-заман фи та'рих ал-а'йан»). Данный труд представляет собой детальное, по годам, изложение истории начиная с «сотворения мира» и вплоть до середины XIII в. При этом описание событий перемежается с биографическими заметками о выдающихся личностях. Автор использовал ряд не дошедших до нас источников, в том числе сочинение историка XI в. Гарса ан-Ни'ма Мухаммада ибн Хилала ас-Саби. Многотомный труд Сибта ибн ал-Джаузи содержит оригинальные, подчас уникальные материалы по истории Сельджукидов [46].

Особую категорию источников, почти совсем не использован-

ных в советской востоковедческой науке, составляют жизнеописания везиров. В числе произведений этого жанра следует назвать сочинения авторов XIV—XVI вв. — Сайф ад-Дина 'Укайли, Мунши Кермани, Хиндушаха ибн Санджара Нахчивани, Фахри Харави, Хумам ад-Дина Хондамира [47]. В них приводится немало доселе почти неизвестных сведений по исследуемой теме. Значительное место отводится биографиям крупных везиров газневидского и сельджукского периодов. Большое внимание уделяется Абу Насру Мишкану [48], Низам ал-Мульку и другим видным государственным деятелям XI—XII вв. Примечательной чертой данной группы источников является использование их авторами письменных документов. Они излагают содержание переписки сельджукских везиров с различными историческими деятелями, халифами, султанами, шахами и приводят цитаты из нее. Можно лишь сожалеть, что эти документальные материалы не стали еще предметом специального исследования советских медиевистов [49].

Рассматриваемый корпус нарративных и документальных материалов составляет основную источниковую базу для раскрытия избранной темы. Особенно важное значение имеют данные эпистолярных сборников. Дальнейшее изучение и осмысление исследуемого круга источников требует совершенствования научной методики. Необходимы комплексное текстуальное сопоставление и использование приемов внешней и внутренней источниковедческой критики.

Сельджукская проблема издавна привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Историографические обзоры трудов по этой проблеме не раз публиковались в общих и специальных работах советских историков [50]. Поэтому нами вкратце рассматриваются лишь наиболее крупные исследования, изданные в последние 50 лет [51]. Более подробно автор останавливается на вопросах историографии в соответствующих главах книги, главным образом при анализе дискуссионных проблем.

В 30—80-х годах был издан ряд исследований по различным периодам истории как всей державы Сельджукидов, так и регионов, входивших в ее состав. В 1938 г. профессор Калькуттского университета М. Санауллах опубликовал книгу о падении этой «мировой империи». В первой половине 50-х годов вышли в свет работы турецких историков И. Кафесоглу, М. А. Кёймена, О. Турана. В труде И. Кафесоглу рассматриваются исторические события периода царствования султана Маликшаха. Книга О. Турана освещает проблему «тюрко-исламской» культуры в странах Востока в эпоху Сельджукидов. В монографии М. А. Кёймена излагается в основном политическая история державы «Великих Сельджукидов» в XII в. [52]

Однако публикация серии таких работ не привела к следующему логическому шагу — созданию обобщающего труда по истории этого государства и образовавшихся в ходе его распада

феодальных владений. Главной линией изучения сельджукской тематики оставалось историко-региональное направление.

В 1941 г. была опубликована первая в советской и мировой историографии работа В. А. Гордлевского о государстве Сельджукидов в Малой Азии. Продолжением исследований в этом направлении явились труды К. Каэна, Р. Вриониса, диссертации Х. М. Мусаева, А. А. Чакряна. Одновременно велась разработка проблем истории сельджукских владений в Закавказье. В 60—80-х годах появились работы Р. А. Гусейнова, З. М. Буниятова, В. М. Бейлиса, книги Н. Н. Шенгелия, С. В. Борназяна [53]. Различные аспекты истории государства Сельджукидов по материалам Ирана, Афганистана, Средней Азии были рассмотрены Э. Лэмбтон, К. Босвортом, К. Каэном и др. В них освещается история миграций огузских и туркменских племен, хозяйственная жизнь, общественный строй и развитие феодальных институтов в державе Сельджукидов. Появились также специальные исследования А. Икбала и К. Клаусснер, посвященные вопросам государственной организации, военной, религиозной и юридической практики сельджукского периода в Иране и других странах мусульманского Востока [54].

В последние десятилетия вышли в свет труды общего характера и некоторые специальные работы по сельджукской истории, написанные иранскими и арабскими учеными. Среди них наибольший интерес представляют книги Мухаммада Джавада Машкура, 'Абд ал-Мунима Хасанайна, Амина Хусайна. В этих работах освещаются главным образом политическая история Ирана и Ирака в сельджукскую эпоху и существовавшая там система управления. В Иране и арабских странах появились первые крупные исследования по истории социально-экономических отношений средневековой эпохи. В этом отношении заслуживают внимания монографии Мухаммада Раванди, Гулама Ризы Эснафпура и египетского историка Ибрахима 'Али Тархана [55]. Основное их содержание составляет освещение вопросов общественного строя в странах Ближнего и Среднего Востока в XI—XII вв. [56]

Изучение сельджукской тематики в мировой историографии имело свои особенности в Западной Европе, России и Азии. Однако в целом оно характеризовалось смещением акцентов от описания политических событий к освещению более глубоких внутренних процессов. Постепенное накопление фактических материалов, совершенствование научных методов подводили историков к решению более сложных вопросов. Вехой в этом отношении явилась научная конференция, которая состоялась в начале 70-х годов в Англии. В 1973 г. в Оксфордском университете был организован симпозиум, посвященный истории стран Востока в X—XII вв. Одной из главных тем в завязавшейся дискуссии стала историческая трансформация в сельджукский период. К. Каэн, К. Босворт, Э. Лэмбтон, Р. Буллет и другие видные ученые поставили ряд актуальных вопросов, касающих-

ся содержания и направления дальнейших исследований по истории сельджукского периода. В числе первоочередных задач было названо определение ведущих процессов внутреннего развития, динамики форм земельной собственности и аграрных институтов. Западноевропейские и американские востоковеды поставили вопрос об оценке массовых передвижений огузо-туркменских племен и их влияния на хозяйственную жизнь и общественный строй самих этих кочевников, принявших активное участие в создании империи Сельджукидов. В связи с этим на повестку дня были выдвинуты проблемы развития города и характера взаимоотношений между оседлым и кочевым населением после сельджукского завоевания стран Западной Азии в XI—XII вв. В ходе дискуссии был также поднят вопрос об изменениях в сфере духовной и материальной культуры в покоренных сельджуками странах мусульманского Востока [57].

Важное значение в этом плане имели научные форумы советских востоковедов, проводившиеся в рамках традиционных «Бартольдовских чтений». В конце 70-х — начале 80-х годов Отделом памятников письменности, руководимым Е. А. Давидович, в Институте востоковедения Академии наук СССР были организованы конференции о формах феодальной земельной собственности и товарно-денежных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Ряд прочитанных на них докладов (Е. А. Давидович, Р. А. Гусейнов, Г. Г. Берадзе, Г. М. Курпалидис) был посвящен вопросам денежного обращения, торговли, социально-экономического строя, генезису и развитию феодальных институтов в XI—XII вв. В ходе дискуссии обозначился круг актуальных, подлежащих глубокому анализу проблем, имеющих прямое отношение к истории государства Сельджукидов [58].

Постановка зарубежными и советскими учеными столь важных и сложных вопросов оказала в значительной мере влияние на выбор политических и социально-экономических аспектов настоящей темы. Определенную роль в этом сыграло и общее направление разработки освещаемой проблемы в современной историографии. Господствующей тенденцией в ее изучении, как отмечено выше, является историко-региональный аспект исследований. Существующие в этой области монографические работы посвящены истории сельджукских владений и государств Малой Азии, Закавказья, Ирана и Ирака. Продолжая существующую традицию, автор настоящей книги поставил своей задачей освещение истории Средней Азии в составе государства Сельджукидов. Дальнейшим этапом в разработке данной проблемы, как мы надеемся, станет написание обобщающего коллективного труда по истории державы Сельджукидов.

В предлагаемой работе делается попытка осветить в связи с историей народов Средней Азии причины возникновения государства Сельджукидов, проследить важнейшие этапы его развития, постепенного заката и распада. В ходе исследования ав-

тору пришлось столкнуться с серьезными препятствиями, вытекавшими главным образом из состояния источниковой базы и неравномерной изученности многих аспектов избранной им темы. Особую трудность представляла необходимость ограничения исследования географическими рамками Средней Азии. В рассматриваемый период еще не сложились государственные и этнополитические границы, существующие в настоящее время. Средняя Азия была тогда тесно связана с областями, являющимися ныне частями Западного Ирана и Северного Афганистана. Поэтому при изложении политических событий и анализе социально-экономических процессов требовалось обращение к истории соседних и некоторых других стран, входивших в состав державы Сельджукидов. Такой подход расширял возможности поиска исторических закономерностей и локальных особенностей.

В публикуемой книге арабские, персидские и прочие имена собственные, географические и топонимические названия, социальные и другие термины даны без фонетической транслитерации. Сделано это для облегчения восприятия текста широким кругом читателей. Исключение сделано лишь для передачи арабской буквы *'айн* и некоторых звуков тюркской речи, не имеющих эквивалента в русском языке. Историографические обзоры исследуемых проблем в целях более предметного и систематизированного изложения даются в соответствующих главах монографии.

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА СЕЛЬДЖУКИДОВ

В 1040 г. недалеко от затерявшейся в сыпучих песках Южной Туркмении небольшой крепости Данданакан [1] произошло решающее сражение между армией газневидского султана, эмира Мас'уда и сельджукской конницей под водительством Тогрул-бека, Чагры-бека и Мусы-байгу. Огромное по масштабам того времени и хорошо оснащенное войско Газневидов, казавшееся еще совсем недавно грозным и непобедимым, потерпело жестокое поражение. Газневидская империя, охватывавшая земли от Кашмира и Пенджаба до Амударьи, Каспийского моря и Хулванского прохода, стала постепенно распадаться [2].

Сельджукиды овладели Хорасаном, Гурганом [3], Хорезмом и другими областями Средней Азии, Ирана, стран Передней Азии.

Разгром армии «величайшего падишаха эпохи» (как пишет о Мас'уде Газневи историк Абу-л-Фазл Байхаки) ополчениями кочевых огузо-туркменских племен в безводной пустыне между Сарахсом и Мервом многие годы занимает исследователей. Зарубежные и отечественные ученые высказывали различные точки зрения на генезис так называемого сельджукского движения и историю создания государства Сельджукидов. Историки прошлого столетия обычно рассматривали возникновение этого нового государства на средневековом Востоке как результат нашествия «диких воинственных орд» на древние «культурные» оазисы Западной Азии [4]. Гораздо шире и глубже к этой проблеме подходят современные крупные западноевропейские, особенно французские и английские, востоковеды. Наглядным подтверждением данного положения являются их выступления на состоявшемся в 1973 г. в Оксфорде симпозиуме [5]. Образование Сельджукской империи многие его участники связывают с процессами внутренней истории и культурного развития того периода в Средней Азии, Иране, Афганистане и в соседних регионах Востока. В частности, К. Каэн считает, что, хотя государство Сельджукидов и возникло благодаря мощи кочевников, оно сложилось на экономической базе, где номадизм не играл существенной роли. Огузские и туркменские племена, составлявшие основное ядро сельджукского объединения, не были чистыми кочевниками и еще задолго до сельджукского движения находились в хозяйственных и политических контактах с зем-

ледельческим населением Центральной и Средней Азии[6]. Э. Лэмбтон и К. Босворт также обращают внимание на факторы социального и экономического развития в Средней Азии и Иране, но вместе с тем подчеркивают влияние традиций местных древних и мусульманских государств на характер и структуру державы Сельджукидов. К. Босворт считает при этом, что туркменским бекам с «удивительной легкостью» удалось победить газневидскую рать благодаря своей военной тактике[7].

Изложенные концепции видных западных востоковедов представляют собой большой шаг вперед по сравнению со взглядами их предшественников. Однако в целом ряде моментов обнаруживается спорность и недостаточная обоснованность их суждений. Прежде всего, это выражается в заметном упрощении, «варваризации» общественного строя огузов и туркмен XI—XII вв. Весьма непоследовательный и дискуссионный характер носит теория дихотомии, согласно которой держава Сельджукидов то представляется почти точной копией более ранних государственных систем Востока, то считается результатом «третьего пути развития — между архаическими тенденциями и симпатиями туркменских племен и политикой централизации своих персидских везиров»[8]. В существенном уточнении нуждается и тезис о военной тактике Сельджукидов как основе их головокружительного успеха в столкновении с газневидской армией и создании громадной империи. Разумеется, нельзя отрицать большое значение ратного искусства огузо-туркменских племен для их побед над войсками своих противников. Однако следует отметить, что одной военной стратегии и тактики было недостаточно для успеха. Кроме того, уже в середине XI в. военная организация Сельджукидов в ходе завоеваний претерпела значительную эволюцию. Основой их военного могущества и господства сравнительно быстро стала регулярная армия феодального типа при сохранении отошедших на второй план родо-племенных ополчений кочевников.

В вопросе о генезисе державы Сельджукидов в зарубежной историографии существуют и другие, подчас диаметрально противоположные взгляды. Отдельные иранские авторы характеризуют возникновение этого государства как простое следствие вторжения огузо-туркменских племен, объявляемых толпой «желтокожих разбойников»[9]. В отличие от них некоторые турецкие историки усматривают в империи Сельджукидов воплощение глобальной идеи «господства тюрок» над другими народами мира[10]. Такой подход к сельджукской истории является бесперспективным для подлинно научного изучения рассматриваемой проблемы. Вместе с тем следует отметить значительный вклад, внесенный в изучение сельджукской проблемы (особенно в плане источниковедения) учеными Ирана, Турции, Сирии, Ирака, Египта.

Большое внимание разработке узловых вопросов истории сельджукского периода уделено советскими учеными. А. Ю. Яку-

бовский, Б. Н. Заходер и другие исследователи осветили целый ряд вопросов истории средневековых огузов и туркмен и образования державы Сельджукидов. Главной причиной военных успехов Сельджукидов в Хорасане в середине XI в. они считают неудачную внутреннюю политику Газневидов. В ее основе, по их мнению, лежали курс на централизацию государственной власти и борьба против крупной земельной собственности. Чрезмерно большое внимание при этом уделяется налоговой политике Сури — одного из газневидских чиновников в Хорасане. Б. Н. Заходер полагал, что успех Тогрул-бека, Чагры-бека и Мусы-байгу был во многом обусловлен их сближением с местной «патрицианской» знатью через посредничество суфийских шейхов. Эта точка зрения обрела многих сторонников в отечественной исторической науке [11].

Советские историки внесли существенный вклад в разработку проблем истории сельджукского периода. Однако многие положения, выдвинутые отечественными востоковедами, нуждаются сейчас в проверке фактами, в корректировании первоисточниками. Судя по этим источникам, отношения огузо-туркменской верхушки с хорасанской знатью нельзя рассматривать лишь с позиций одной из противоборствовавших сторон. Союз с местной феодальной аристократией был обусловлен не только неудачной фискально-налоговой политикой газневидских чиновников, но и факторами социально-экономического развития самих огузов и туркмен в X—XI вв. Стремление родо-племенных вождей к превращению в крупных землевладельцев, использующих труд как рядовых кочевников, так и оседлых земледельцев и ремесленников, сыграло, по нашему мнению, важную роль в генезисе и развитии Сельджукидского государства.

В соответствующей дефиниции и фактическом обосновании нуждается и проблема реальности сельджукско-суфийских контактов в Хорасане в первой трети XI в. Отмеченная выше точка зрения Б. Н. Заходера по этому вопросу базируется главным образом на полулегендарном сообщении биографа знаменитого шейха Абу Са'ида Майхани (968—1049). В написанном спустя более столетия после смерти этого суфийского подвижника его житии отмечается, что Абу Са'ид символически «отдал» Хорасан и Ирак явившимся к нему на поклон Чагры-беку и Тогрул-беку [12]. Однако это предание, заключающее в себе ряд исторически недостоверных деталей, не подкрепляется данными первоисточников [13].

Разумеется, сельджукские вожди могли в целях привлечения симпатий народных масс заигрывать с популярными суфийскими шейхами и пирами. Вместе с тем нет основания говорить о тесном их союзе и посредничестве суфиев между завоевателями и местными господствующими кругами [14]. Правда, главы суфийских орденов впоследствии, уже в XII в., стали идеологической опорой Сельджукидов, но это было связано с эволюцией суфизма, который из гонимого еретического движения превратился в

признанное ортодоксальным исламом мусульманское религиозное течение [15].

Рассматриваемая проблема, как мы видим, включает целый ряд спорных и нерешенных вопросов, связанных с возникновением и развитием державы Сельджукидов. Главным недостатком этих исследований является освещение генезиса данного государства в отрыве от глубинных процессов, которые происходили в огузо-туркменской среде в X — первой половине XI в. Большинство историков, особенно зарубежных, рассматривают образование Сельджукской империи исходя лишь из политической и отчасти экономической ситуации, существовавшей в тот период в земледельческих оазисах Средней Азии, Ирана и Северного Афганистана. Столь ограниченный подход, фактически игнорирующий общественную структуру, особенности и уровень социально-экономического развития племен сельджукского объединения, приводит соответственно и к односторонним выводам. Поэтому ниже освещается вкратце хозяйственная жизнь и общественно-политический строй тюркоязычных племен, из которых образовалась сельджукская группировка.

ОГУЗЫ И ТУРКМЕНЫ В X—XI вв.

Одной из важных проблем истории средневековой Азии является генезис сельджукской этнополитической группировки. Существующие в исторической литературе точки зрения по этому вопросу отличаются большим разнообразием. Наиболее обоснованной представляется нам концепция, согласно которой сельджукское объединение сформировалось в X в. из тюркоязычного населения бассейна среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау [16]. Основное ядро этой группировки составляли огузо-туркменские племена, ведшие кочевой и полуоседлый образ жизни. В дальнейшем их состав пополнился главным образом за счет кочевых огузских, а также части кипчакских и других племен, обитавших в нижнем течении Сырдарьи и на северо-западных окраинах Мавераннахра и Хорезма.

Территория обитания рассматриваемых тюркоязычных этносов располагалась на стыке земледельческой и скотоводческой зон, между которыми поддерживались тесные хозяйственные контакты. Здесь пролегали крупные торговые магистрали, соединявшие Восточную Европу, Дальний Восток, Центральную Азию и Индию со странами Ближнего и Среднего Востока. Особой интенсивностью отличались связи между населением средней части долины Сырдарьи и богатыми земледельческими оазисами и городами Мавераннахра. Сюда из кочевий огузов и соседних с ними тюрок — карлуков, чигилей и других племен поступали каракулевые смушки, козьи шкуры, кошмы, отары овец. Богатые купцы из Шаша [17] — нынешней Ташкентской области — направлялись в огузские земли с различными товара-

ми. Отсюда же они вывозили много лошадей, верблюдов и «неочищенное» серебро, добывавшееся в рудниках Гарбиана [18]. В канун «сельджукского движения» часть этого степного населения была обращена в ислам. В источниках X в. отмечается, что исповедовавшие ислам «мирные» тюрки вели полуоседлый образ жизни, но обитали по-прежнему в юртах и палатках [19]. Принятие монотеистической религии, пришедшей на смену языческим культам, было следствием перемен в их общественном строе.

В X—XI вв. огузы делились на ряд племен и множество родовых подразделений. Первоначально они насчитывали 24 племени, но затем от них отделилось два племени халаджей. Махмуд Кашгарский, сообщая об этом, приводит следующий перечень огузских племен XI в.: кынык, баюндур, ива, салур, афшар, бектили, букдуз, баят, йазгыр, имур, кара-булак, алка-булак, игдыр, урегир, тутырка, ала-йондулуг, тюгер, джебни, баджана, двувалдар и джаруклуг.

Огузы, как писал Махмуд Кашгарский, первоначально насчитывали 24 племени, но более поздние авторы, в частности ал-Марвази, сообщают лишь о 12 племенах [20]. Расхождение в источниках, вероятно, можно объяснить делением огузов на две экзогамные фратрии: на бузуков и учуков, составлявших соответственно правое и левое крыло их войска. В каждую из групп входило 12 племен, делившихся, в свою очередь, на роды и колена. Судя по огузским историческим преданиям, бузуки считались «старшими» племенами, а учуки — «младшими». Бузуки пользовались бóльшими, по сравнению с учуками, привилегиями при «избрании» верховного хана.

Существовавшие у огузов племенные и родовые подразделения именовались «бой», «оба» и «кök». Судя по «Диван лугат ат-тюрк» и другим источникам, «бой» означало «племя», термины же «оба» и «кök», вероятно, прилагались главным образом к родовым подразделениям.

Огузы разделялись также на уруги и аймаки (объединения). Термином «уруг» обозначались родовые подразделения и составлявшие патронимию знатные роды (фамилии). Огузские роды и племена входили в состав более крупных союзов. Такие объединения назывались обычно «иль», что означало «народ», «государство». Огузские роды и племена не были чисто кровнородственными организациями первобытнообщинного типа. В их основе лежали не кровнородственные, а хозяйственно-территориальные связи. Огузское общество фактически было раннефеодальным, но с сильными пережитками родо-племенной организации.

В исторической литературе делались попытки решительно противопоставить хозяйственную жизнь огузов и туркмен. Разумеется, существовали некоторые отличия в занятиях отдельных родов огузов и туркмен. Среди туркмен, возможно, имелось несколько больше полуоседлого и оседлого населения, чем у огу-

зов. Однако резко противопоставлять на этом основании огузов туркменам нельзя без риска впасть в ошибку. В обследованных археологами поселениях низовий Сырдарьи обитали значительные группы оседлых и полуоседлых огузов.

Главным занятием большинства огузов и туркмен было кочевое скотоводство. Кочевники регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам. Пути кочевок, вырабатывавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным перевалам, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись лишь в результате захвата пастбищ и выгонов другими племенами либо под угрозой нападения соседей. Согласно источникам, часть огузов зимовала в низовьях Сырдарьи, а летовала в степях Прикаспия. Ал-Бируни сообщает о передвижениях огузов поздней осенью к границам Хорезма и упоминает о других группах, кочевавших в стране кимаков, близ оз. Манкур [21].

Огузские семьи переезжали с места на место на повозках с установленными на них кибитками. Такие повозки были типичны для многих кочевников, перемещавшихся на большие расстояния по степным просторам Евразии.

Огузы и туркмены разводили лошадей, овец, коз, верблюдов. Наиболее важную роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир животных,— пишет о кочевниках ал-Идриси,— употребляли вместо растительного масла, а сало — для освещения» [22]. Бараны, доставлявшиеся из страны огузов в Мавераннахр и Хорасан, считались тогда наилучшими. Наряду с такими породами огузы и соседние племена тюрок разводили курдючных баранов. Ибн ал-Факих пишет, что тюркские овцы «очень крупные и у них большие хвосты, волочащиеся по земле» [23]. Выращивались и ценные каракулевые овцы, дававшие прекрасные смушки черного, темно-красного и красного цветов [24].

В кочевом хозяйстве исключительно важное место занимало коневодство. Благодаря подвижности и выносливости лошадей могли осваиваться наиболее отдаленные пастбища. Кони использовались также на войне и в облавной охоте. Ал-Джахиз образно говорит, что «тюрок сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». Ибн Фадлан, побывавший в X в. в стране огузов, сообщает, что они разводили многочисленные табуны коней [25].

Степные лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям. Круглогодично они содержались на пастбищах, их не укрывали от холода и жары. Кочевые племена конину предпочитали говядине и баранине, а из кобыльего молока приготовляли кумыс [26].

Огузы и туркмены разводили двугорбых верблюдов (бухту). Ибн Фадлан, путешествовавший на таких верблюдах, называет

их «тюркскими». Огузские верблюды отличались от хазарских, имевших сравнительно небольшой рост. Разводили они также крупный рогатый скот, причем быки использовались для упряжек. Крупный рогатый скот в основном содержали полуоседлые группы, которые назывались «ятук» [27].

Среди огузов и туркмен наряду с кочевниками имелись и компактные группы полуоседлого и оседлого населения. Ал-Идриси, говоря о тюрках, отмечает: «Они люди кочевые, но обрабатывают землю, сеют и жнут» [28]. Основную массу перешедших к оседлости кочевников составляли обедневшие семьи, лишившиеся вьючного скота. Переход к земледелию усиливал экономические связи кочевников с оседлой зоной, содействовал расширению торгового обмена. Огузы и туркмены оседали в небольших крепостях, селениях, а также в городах бассейна Сырдарьи и Джетысу. «Огузские города многочисленны,— пишет ал-Идриси,— они простираются один за другим на север и восток» [29]. Абу Дулаф сообщает о городе — ставке огузов, в котором имелись постройки из камня, дерева и камыша [30]. В низовьях Сырдарьи огузам принадлежали города Йангикент, Дженд, Джувара [31]. Огузское население имелось также в среднем течении Сырдарьи, в Карнаке, Сюткенте, Фарабе, Сыгнаке, Карачыке, Сауране [32]. По данным Махмуда Кашгарского, это были «ятуки», которые представляли собой «вид (джинс) огузов, живущих в городах, не переезжающих в другие места и невоюющих, и называются [они] ятук, то есть оставленные, ленивцы» [33].

Согласно данным Абу Райхана ал-Бируни, оседлые группы были и у туркмен, населявших среднее течение Сырдарьи и западные окраины Семиречья. Он называет Сабран и Сюткент «туркменскими» городами, а Йангикент, Дженд и Джувару помещает в стране огузов, близ устья Сырдарьи, при ее впадении в Аральское море [34].

Археологические изыскания выявили в бассейне нижнего и среднего течения Сырдарьи и в предгорьях Каратау наличие многочисленных средневековых поселений. Они характеризуются своеобразной концентрической планировкой и расположены на старых, орошавшихся каналами земельных угодьях.

Оседлые и полуоседлые группы огузов и туркмен возделывали землю, сеяли главным образом просо (тарыг). Подобно другим тюркским земледельцам, они разводили также сады, огороды и виноградники [35].

Земледельческое хозяйство огузов и туркмен было натуральным, едва обеспечивавшим нужды собственного потребления. В источниках нет сведений о продаже или обмене ими своей земледельческой продукции. Напротив, в них сообщается о ввозе зерна в центры расселения оседлых и полуоседлых групп, в частности в резиденцию огузских правителей (йабгу) — г. Йангикент [36].

Таким образом, в рассматриваемый период огузы и туркме-

ны не были исключительно кочевыми скотоводами. В их экономике мы видим сочетание двух основных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, оседлого и полуоседлого земледелия. Эти занятия сочетались с рыбной ловлей, охотой на пушных зверей, морских и речных птиц, ловлей соколов и беркутов.

Огузы и туркмены занимались также различными видами кустарного домашнего ремесла: изготовляли кошмы, паласы, обувь, конскую сбрую, луки, налучники, колчаны [37]. Широко применялись в их быту деревянные, кожаные и металлические изделия. Существовали мастера, делавшие седла, посуду, лодки, плоты, ивовые остовы и решетки для юрт. «Из железа тамошние мастера,— писал ал-Идриси об огузах и кимаках,— делают изделия необычайной красоты» [38]. Особенно славились украшения из золота и серебра, инкрустированные благородными и драгоценными камнями [39].

Ремесло у огузов и туркмен не выделилось в целом в самостоятельную отрасль производства, хотя и существовали мастера по отдельным видам домашних промыслов [40].

Огузо-туркменское общество X—XI вв. находилось на раннефеодальной стадии развития, сохраняя сильные пережитки родо-племенного строя. Высшую ступень в социально-политической иерархии занимали йабгу, байгу, ханы, иналы, тарханы, илики, беки [41]. Носившие эти титулы и звания представители господствующего слоя происходили из среды родо-племенной и военной знати. Среди огузов и туркмен возникала также прослойка мусульманского духовенства [42]. Однако процесс исламизации был неравномерным и относительно затяжным. Основная масса нижнесырдарьинских и приаральских огузов фактически оставалась языческой. Более значительное распространение мусульманская вера получила среди огузов среднего течения Сырдарьи и западных окраин Семиречья. Принявшие ислам огузы, а также карлуки и халаджи, которые, вероятно, в определенной степени были смешаны с древним субстратным населением, чаще всего назывались «туркменами» [43].

Следует отметить, что новая, мусульманская религия внедрялась интенсивно не в народной гуще, а преимущественно среди господствующей верхушки. Мощный импульс этот процесс, очевидно, получил после обращения Сельджукидов в ислам, т. е. начиная примерно с середины X в.

В огузо-туркменской среде наряду с богатой аристократией сохранялась масса простых общинников (эров). Это были лично независимые кочевники — непосредственные производители материальных благ. Свободные общинники, являвшиеся одновременно воинами, не были однородны по своему имущественному и социальному положению. Зажиточные эры имели домашних слуг и рабов, участвовали в набегах и войнах. Обедневшие же и малоимущие общинники, которых было немало, лишь формально считались полноправными членами общины [44].

Беднейшие общинники по своему положению приближались к рабам. И все же их нельзя отождествлять с невольниками, составлявшими самую бесправную социальную категорию. В полурабской зависимости, вероятно, находились и отдельные, главным образом покоренные, роды и племена.

Огузы и туркмены, причем не только знать, но и рядовые общинники, имели рабов — кулов, а также рабынь, называвшихся «ялангук» и «кырнак». Рабыни использовались в качестве домашней прислуги, а также наложниц. Кулы выполняли различные домашние и хозяйственные работы. Положение невольников было тяжелым, за малейшие провинности они подвергались избиениям [45].

Рабский труд в условиях господства экстенсивного скотоводства был малопроизводителен. Поэтому рабство не стало основой производства, а имело преимущественно домашний, патриархальный характер.

Наряду с кулами имелись и привилегированные рабы. К числу их относились молодые невольники, служившие в дружинах ханов, эмиров, беков. В источниках XI—XIII вв. они именуются «гулям», «чакир», «ходжаташ», «оглан» [46]. Военные дружины из чужеземных рабов были удобным орудием для установления господства степной аристократии над простым народом.

Одной из главных причин закабаления знатью непосредственных производителей было их обнищание и разорение. Свободные общинники попадали обычно в экономическую зависимость от состоятельной верхушки. Господство знати над рядовыми эрами осуществлялось и путем внеэкономического принуждения. Одним из средств подчинения при этом была коммендация — отдача себя под защиту сильных и влиятельных господ. Суровая необходимость защищать от нападений скот и пастбища заставляла рядовых кочевников искать могущественных покровителей.

Приведенные факты свидетельствуют о развитии в огузо-туркменской среде X—XI вв. раннефеодальных институтов. Данный процесс был связан с разложением основ родо-племенного строя и постепенным закабалением свободных общинников. Огромное значение для более интенсивного развития феодальных отношений в огузо-туркменской среде имело образование державы Сельджукидов.

Вошедшие в состав сельджукского объединения тюркоязычные племена имели свои политические институты и государственные традиции. Существовавшая в IX—XI вв. держава огузов с центром в г. Янгикенте [47] подобно многим степным этнополитическим образованиям, не была монолитным государством. Ал-Идриси свидетельствует о наличии у огузов ряда владений во главе с «царями» (мулюк). Резиденциями этих вождей, стоявших во главе крупных группировок, служили укрепленные ставки, где хранились казна и запасы продовольствия. Огузские

малики создавали специальные военные отряды для охраны границ своих владений, а в случае войн и набегов укрывались с семьями и имуществом в крепостях [48].

Как было сказано выше, главой огузского государства был верховный правитель, носивший титул йабгу (джабгу). Йабгу имели соправителей и советников, называвшихся «кöль-эркин». Власть йабгу передавалась по наследству, хотя формально он считался «выбранным» на царство. Избирался правитель на советах, представлявших собой трансформированные остатки народных собраний прошлого. «Когда они (огузы.— *С. А.*),— писал Ибн Фадлан,— сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись» [49]. Однако народные собрания у огузов собирались весьма редко, и главную роль в повседневной жизни играл совет знати (кäнкäш). В тех же случаях, когда народные собрания созывались, тон в них задавали не «самые ничтожные», а аристократия. Очевидно, по мере развития феодальных отношений полномочия народного собрания постепенно узурпировались советом знати.

Согласно историческим преданиям, огузские правители «выбирались» из числа наиболее могущественных «ханских уругов», а само «избрание» производилось по тöре — своду неписаных установлений обычного права. В его основе лежала привилегия на власть старшего члена уруга [50].

Йабгу имели наследников, носивших звание «йинал»; их воспитывали специально назначенные опекуны (атабеки). Жены огузских йабгу, как и других тюркских властителей, носили титул «хатун» и играли значительную роль в придворной жизни [51].

Важное место в государстве занимал предводитель войска (сюбаши), опиравшийся на воинский совет. Он мог вмешаться в политические события и иногда даже выступал против йабгу [52].

Огузское государство по своей политической и социальной природе было внешне довольно архаичным, но по сути раннефеодальным образованием. В нем сохранялись общественные институты, выросшие из недр военно-демократического строя, а власть йабгу ограничивалась советом знати.

В X—XI вв. в огузской степной державе интенсивно разлагались старые родо-племенные институты, складывался аппарат государственного управления. Йабгу ввели систему регулярного сбора дани. В случае отказа от уплаты дани против «мятежников» посылались карательные отряды [53].

В государстве сырдарьинских йабгу на рубеже X—XI вв. происходят восстания огузских племен, недовольных хищническим сбором дани. Открытые выступления против верховной власти приходятся на время правления ‘Али-хана, который овладел йангикентским престолом в начале или около середины второй половины X в. Вооруженный «мятеж» против йабгу был использован Сельджукидами, ушедшими с подвластными им

племенами из района среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау в пределы Джендской области, в низовья Сырдарьи.

Приведенные исторические факты позволяют видеть, что огузы и туркмены рассматриваемого периода не были примитивными «варварами». Вместе с тем нельзя и преувеличивать уровень их социально-экономического и государственного строя. Несомненно, степень развития огузо-туркменского общества была ниже, чем населения древних земледельческих оазисов Средней Азии, Ирана и Северного Афганистана. Однако это не дает основания игнорировать его роль при рассмотрении проблемы генезиса и образования державы Сельджукидов.

ОБРАЗОВАНИЕ СЕЛЬДЖУКИДСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

В средневековых источниках сохранились весьма отрывочные сведения о ранней поре истории тюркоязычных степных племен, которые получили затем общее наименование «сельджуки». Не вызывает сомнений, что название это происходит по имени Сельджука — одного из первых вождей, жившего приблизительно в первой трети X — начале XI в. Около середины X в. Сельджук ушел в пределы Мавераннахра, а оттуда — в низовья Сырдарьи вместе «со своим племенем и поданными» [54]. Захир ад-Дин Нишапури, историк XII в., пишет, что «они (Сельджукиды.— *С. А.*) были великим и многочисленным родом, [обладавшим] бесчисленным имуществом, достаточно [большим] числом [военных] отрядов, племен и [многочисленной] свитой» [55]. Другие средневековые авторы отмечают, что сельджуки имели большие стада верблюдов, овец, быков [56].

Уйдя со своими приверженцами в низовья Сырдарьи, Сельджук принял ислам и начал вооруженную борьбу с огузским йабгу, очевидно, ʻАли-ханом. Причиной конфликта послужило столкновение с ханскими чиновниками, ежегодно взимавшими харадж с жителей Дженда. Сельджуки овладели Джендом, но после смерти их вождя область перешла в руки огузского йабгу. Преемнику ʻАли-хана, его сыну Шахмалику, удалось вытеснить потомков Сельджука из бассейна нижнего течения Сырдарьи. Основная их масса, покинув Джендскую область, поселились в долине Зеравшана и в Нуратинских горах [57].

В конце X в. Мавераннахр был покорен вождями тюрок-караханидов, вторгшихся сюда из Семиречья и Кашгара [58]. Саманидская держава, раздираемая острыми социальными противоречиями, рухнула под ударами завоевателей, но борьба за Мавераннахр прекратилась лишь в начале XI в. В этих бурных событиях приняли участие и огузо-туркменские племена во главе с Сельджуком и его сыном Исраилом. Сельджук направил в Бухару, в помощь саманидскому правителю Нуху ибн Мансуру, военный отряд под командованием Исраила. Благодаря этому Саманидам удалось вернуть столицу своего государства. Одна-

ко в 999 г. вождь тюрок-караханидов Наср ибн ‘Али снова вступил в Бухару.

В 1003 г. последний Саманид, Абу Ибрахим Мунтасир, в союзе с огузами разбил войско Караханидов в битве под Самаркандом. Несмотря на это, ему вскоре пришлось отступить за Амударью и бежать к Мерву. Весной следующего года он вновь появился в Мавераннахре, но был оттеснен гарнизоном Бухары. Затем он осадил Нур, где к нему примкнула «группа войск (хашам) огузов» [59]. Опираясь на помощь сельджукского ополчения, Мунтасир нанес поражение караханидскому Илек-хану у селения Бурнамад [60]. Конница союзных Абу Ибрахиму огузов преследовала врага, но после захвата добычи ушла восвояси. Поредевшая и ослабевшая армия Мунтасира была разгромлена, а сам он вскоре погиб на Амударье [61].

Захват Мавераннахра вождями тюрок-караханидов поставил сельджукские племена в трудное положение. Караханидское нашествие сопровождалось притоком из Семиречья и Кашгара больших орд кочевников. Среди них главную роль играли карлуки, ягма и чигили, которые овладели лучшими пастбищами в междуречье Сырдарьи и Амударьи. Вожди тюрок-караханидов покорили не только население оазисов, но и степные тюркоязычные племена. В начале XI в. в зависимости от Караханидов оказались и сельджуки долины Зеравшана и Нуратинских гор. Средневековые авторы не указывают точное время их перехода под власть илек-ханов Мавераннахра. Очевидно, они не сразу покорились караханидским вождям и оставались некоторое время независимыми после взятия Бухары армией Насра ибн‘Али в 999 г. Сельджуки в ту пору составляли две самостоятельные группировки. Одна из них возглавлялась Исраилом ибн Сельджуком, а другая — Мусой Байгу, Даудом Чагры-беком и Мухаммадом Тогрул-беком [62].

В начале XI в. Бухарой овладел Караханид ‘Али-Тегин, опиравшийся на поддержку Исраила. Сыновья Микаила сначала враждовали с ними, а затем сблизились с ‘Али-Тегином. Это произошло после того, как Исраил ибн Сельджук был схвачен в 1025 г. Махмудом Газневи и отправлен в заточение в далекую Индию. Газневидское войско, напав на владения ‘Али-Тегина, разгромило сельджукские кочевья в окрестностях Бухары и рассеяло их по Мавераннахру и Хорасану. Одна из подвластных Исраилу огузо-туркменских орд была переправлена Махмудом Газневи через Амударью и поселена в окрестностях Сарахса, Абиверда и Феравы [63], на территории нынешнего Туркменистана. Возглавляли эти сельджукские роды, состоявшие из 4 тыс. семей, Йагмур, Бука, Кизыл и Кокташ [64]. Махмуд обязал их нести военную службу и платить налоги за земли и пастбища, которые были предоставлены им в Хорасане. Однако газневидские чиновники подвергли новых подданных султана таким притеснениям при сборе налогов, что они не выдержали и в 1027 г. подняли восстание. Махмуд послал против «мятеж-

ников» войско под предводительством Арслана Джазиба. В ходе завязавшихся боев Йагмур, Бука, Кизыл и Кокташ были разбиты и бежали к Дихистану и Балханским горам [65]. После этого разгрома часть сельджуков направилась в Керман и Исфахан, а остальные, среди которых главную роль играет Йагмур, укрылись в степях Прибалханья [66].

В ходе описываемых событий сельджукское племенное объединение распалось в первой трети XI в. на несколько самостоятельных группировок. Первая из них под главенством Мусы, Дауда и Мухаммада, осталась в Мавераннахре. Согласно Абу-л-Фазлу Байхаки, они кочевали от Нуратинских гор до Андаргаза [67], в пределах Хорезма [68]. Вторая группировка оказалась в районе Балханских гор, в западном Прикаспии и в Северном Хорасане. Третья группировка попала в области Гургана, Рея и Исфахана, в северо-западном Иране [69]. В дальнейшем она стала известна под собирательным названием «иракские туркмены» [70].

ГАЗНЕВИДСКАЯ ДЕРЖАВА В КАНУН «СЕЛЬДЖУКСКОГО ДВИЖЕНИЯ» В ХОРАСАНЕ

В 1030 г. умер престарелый деспот, султан Махмуд, и главой империи Газневидов был провозглашен его сын Мас'уд, который сверг с престола своего младшего брата Мухаммада. Правление нового султана, который именовался также «эмиром», ознаменовалось важными событиями, сыгравшими большую роль в исторических судьбах всей Западной Азии. В его царствование империя Газневидов вступила в полосу кризиса, приведшего к упадку государства и утрате им прежнего влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Многие исследователи, особенно зарубежные, связывают этот процесс с резким сокращением добычи, поступавшей ранее от грабительской «священной» войны в Индии, и с крупными неудачами Газневидов в столкновениях с Сельджукидами в борьбе за Хорасан. Однако причины здесь более глубокие, они связаны прежде всего с особенностями социально-экономического и политического развития этого государства спустя добрую половину столетия после его основания.

Газневидская империя состояла в 20—30-х годах XI в. из ряда крупных административных областей, а также вассальных княжеств, уплачивавших ежегодную дань в эмирскую казну. Богатыми и важными провинциями державы помимо центрального, Газнийского округа были Балх [71], Тохаристан и Хорасан [72]. Султанская власть простиралась и на Западный Иран, Южный Прикаспий и бассейн Амударьи. Вассальными правителями здесь были Какуиды, владевшие Казвином, Исфаханом и Хамаданом. Рейская область и Джибал [73], которые были отняты у Буидов султаном Махмудом, находились под управлением

военных и гражданских властей, назначенных Мас'удом Газневи. Эта провинция была известна также под названием Ирак; она занимала важное стратегическое положение на международных путях, ведших из стран Ближнего и Среднего Востока в Среднюю и Центральную Азию.

В вассальной зависимости от Газневидов были также Гурган и Табаристан, находившиеся в руках местной династии Зийаридов [74]. Резиденцией этого окраинного княжества, по-видимому, был Астрабад [75]. Гурганская провинция, в состав которой входил округ Дихистан, отличалась плодородием. Богатой провинцией был и Хорезм, завоеванный в 1017 г. султаном Махмудом Газневи [76]. Правителем этой вассальной области в низовьях Амударьи был назначен хорезмшах Алтунташ. Стремясь удержать Хорезм под своей эгидой, эмир Мас'уд продолжал политику отца, султана Махмуда. В Хорезме было собрано особое войско, состоявшее из ополчений кочевых племен кеджатов (кечатов) и джиграков [77], основная масса которых обитала в степях нынешнего Западного Казахстана. Предводитель этого войска, носивший титул «ка'ид», подчинялся лично эмиру Газны. В случае необходимости султан мог использовать этих храбрых степняков против своего вассала — хорезмшаха [78].

Отношения между центральными властями и окраинными правителями (мулюк ал-атраф) регулировались договором, который скреплялся торжественной клятвой при свидетелях. Вассальные династии, получавшие жалованные грамоты, чеканили монеты с именем сюзерена, упоминали его имя в хутбе (пятничной молитве), обязывались быть покорными и выступать на его защиту против врагов [79]. Другими словами, они были обязаны военной службой — своеобразным «налогом кровью». Население окраинных владений уплачивало поземельный налог (харадж) и другие подати. Какуиды, например, вносили ежегодно в казну 200 тыс. гератских динаров и 10 тыс. пар одежд. Сверх этой дани к праздникам новруза (нового года) и михригана (весеннего равноденствия) они доставляли ко двору различные подношения, в том числе арабских лошадей и верховых мулов с седлами [80]. Такие подношения являлись завуалированной формой экстраординарных поборов.

Султанская власть в зависимых областях была неустойчивой, и при всяком удобном случае вассалы легко изменяли газневидскому трону и отпадали от государства [81].

Одной из важных пограничных окраин Газневидской империи был Хиндустан, в состав которого входили покоренные огнем и мечом земли Северной Индии. Хиндустан составлял отдельную военно-административную единицу во главе с саларом — наместником и предводителем регулярной армии и войска из гулямов [82]. Особенностью этого «горячего» субрегиона было то, что сюда отовсюду стекались отряды так называемых добровольцев (мутавви'а) и борцов за веру (газиан). В значительной массе это были разорившиеся крестьяне, горожане,

«толпы простого народа» из Хорасана и Мавераннахра [83]. В первой половине XI в. здесь наряду с основной, «лахорской» армией действовали и конные отряды туркмен, отправленные в помощь газневидскому наместнику Северной Индии.

В рассматриваемую пору саларом Хиндустана был назначен Ахмад Йинал-тегин, выдвинувшийся на службе при дворе Газневидов. Положение в этой «стране войны» (дар ал-харб) было неустойчивым. В Северной Индии был установлен военный режим. Оккупационные власти проводили жесткий курс, включающий насильственную исламизацию местного населения. Налоги с индийских крестьян, ремесленников, купцов, представителей различных каст взимались обычно с помощью армии. Сбор налогов зачастую перерастал в грабительские набеги на пограничные селения и города, где захватывались драгоценности, ткани, золото и серебро, благовония [84]. Значительную часть добычи составляли золотые слитки, полученные в результате плавки идолов, захваченных в индуистских храмах [85].

Жестокие поборы, убийства и ограбление мирного населения (на общем фоне распространения среди неофитов еретических учений) вели к частым волнениям и мятежам [86]. Регулярно сменявшиеся наместники Хиндустана, используя неустойчивую ситуацию и опираясь на хорошо оснащенное и сильное войско, нередко в открытую выступали против центральной власти. В этом отношении не был исключением и Ахмад Йинал-тегин, который необычайно разбогател в результате непрерывных войн в Северной Индии и подозревался в намерении узурпировать султанский престол [87].

Положение в Хиндустане и в других окраинных землях так или иначе влияло на общую ситуацию в Газневидской державе. Недовольство деспотизмом эмира, стремление покоренных народов к своей независимости, выражавшееся в различных формах протеста, ослабляли и подтачивали силы огромной разноплеменной империи.

В пограничные владения державы Газневидов, на ее южных и западных рубежах, входили области Чаганиана и Хутталяна, Термеза и Балха [88], располагавшиеся на землях нынешнего Узбекистана, Таджикистана и Афганистана. Положение в этих краях, служивших яблоком раздора между эмирами Газны и караханидскими правителями Туркестана, было весьма беспокойным [89]. Махмуд и его менее удачливый преемник удерживали власть над этими владениями ценою немалых усилий. В ход шла искусная дипломатия, сопровождавшаяся обещанием некоторых территориальных уступок Караханидам, закреплением «уз дружбы» путем династических браков и вмешательством при удобном случае в междоусобные распри иликов и ханов Мавераннахра, Семиречья и Кашгара. Еще в правление султана Махмуда наметилась линия на поддержку верховных караханидских правителей в их борьбе с Али-тегином, владетелем Бухары и Самарканда. Однако это нисколько не мешало заигры-

ванию, а временами и сближению с главами обеих враждовавших сторон и с другими представителями этой тюркской династии, под эгидой которой находились земли от восточных пределов нынешнего Синьцзяна до бассейна Амударьи. Газнийские эмиры, проводившие такой внешнеполитический курс, вынуждены были наряду с этим держать наготове на своих южных и западных рубежах крупные армейские силы и военные гарнизоны, что отвлекало немалые людские ресурсы и требовало значительных продовольственных и денежных затрат [90].

Одной из наиболее экономически и стратегически важных провинций Газневидской империи был Хорасан. Как и ряд других областей, в частности Рей и Ирак, он управлялся чиновниками государственных ведомств (диванов). Однако в рассматриваемую пору особую роль играл здесь начальник гражданского и финансового управления (сахиб диван) Бу-л-Фазл Сури. Важной его функцией был сбор налогов (мал) и осуществление поборов: средства эти поступали в государственную казну (байт ал-мал). Пользуясь молчаливым согласием и фактической поддержкой Мас'уда, Сури начал жестоко обирать население Хорасана. В 1033 г. он поднес эмиру 1000 нишапурских динаров [91] и дорогое ожерелье, украшенное жемчугом. Прибыв в столицу, Газну, из Нишапура [29], Сури послал Мас'уду «подарки», состоявшие из тканей, редкостных золотых и серебряных изделий, роскошных ковров, различных яств и отборных вин, гулямов и невольниц, мускуса и камфары. Стоимость подношений была оценена в 40 тыс. дирамов (дирхемов), но это составляло лишь половину собранных им «подарков». Дело в том, что алчный сахиб диван Хорасана отдал Мас'уду только «пять дирамов [из каждых] десяти» [93].

Преподнесенные газнийскому эмиру его хорасанским сахиб дивано̀м обильные и дорогие «подарки» были выколочены у населения провинции насильственными мерами. «Надобно бы спросить у хорасанских ра'йиатов, благородных и простых,— пишет Байхаки,— сколько им доставили мученья, покуда заготавливались такие дары» [94]. Особенно пострадали от этих поборов бедняцкие семьи, которым оставалось лишь жаловаться на «свое положение господу богу» [95].

Это были не предусмотренные канонами и шариатом ежегодные налоги, а экстраординарные сборы для «поздравления» султана в связи с наступлением мусульманского поста (рамазана). Такие же поборы в масштабах всего государства, как говорилось выше, осуществлялись и по случаю нового года (новруза) и празднования дня осеннего равноденствия (михригана) [96].

Основным видом государственных податей был поземельный налог — харадж, взимавшийся обычно натурой, деньгами или в смешанной форме. В общую сумму поземельного налога входила и десятина ('ушр), которая уплачивалась частью сельского населения, главным образом крупными феодалами. Очевидно,

существовали и поборы с базарных торговцев, профессиональных купцов (базарган) и владельцев ремесленных мастерских и лавок [97].

Подлинным бичом населения Хорасана и других областей Газневидской державы была откупная система (даман). Сбор налогов с провинций и округов зачастую отдавался на откуп купцам, чиновникам и другим лицам. Откупщик (дамин) вносил налоговую сумму (мал-и даман) в государственную казну либо уплачивал ее сахиб дивану [98].

Кроме основных и чрезвычайных существовали временные, а также специальные налоги. Содержание большой армии, необходимой для завоевательных войн и обороны государства, требовало немалых средств. Поэтому нередко практиковалось взимание денежных и натуральных сборов для дальних походов. Так было, например, при подготовке к военной кампании 1033 г. в Пенджабе [99]. Отсутствие в казне достаточного количества наличных денег вело к тому, что командирам и солдатам выдавались так называемые бараты. Это были своего рода ассигновки на получение определенных сумм с конкретных лиц или из государственных податных сборов. Взимание налогов по таким документам производилось обычно с применением военной силы [100].

Газневидская империя была одной из средневековых восточных деспотий, опиравшихся на служилое бюрократическое и военное сословие, а также на значительную часть потомственной земельной аристократии и мусульманского духовенства. Теоретически власть главы державы — султана или эмира — считалась безраздельной, хотя в реальной действительности он иногда вынужден был считаться с мнением своего ближайшего окружения и влиятельных сановников.

Согласно политической сентенции, восходящей к традициям первых веков ислама и воззрениям арабов-кочевников, государственное устройство подобно шатру. Байхаки, выражая эту политическую идею, отмечает: «Султан и народ подобны шатру, воздвигнутому и держащемуся на одном столбе, а тяжи его натянуты и прикреплены к колышкам; шатер мусульманства — царство, подпора — падишах, тяжи и колышки — ра'ийаты. Ежели приглядеться, то основой является подпора, на коей держится шатер; когда она ослабеет и упадет, ни шатра не останется, ни тяжей, ни колышков» [101]. В дальнейшем, после образования более могущественного и обширного Сельджукского государства, это представление обрело уже глобальные черты. «Султан,— утверждал сельджукский везир XI в. Низам ал-Мульк,— является хозяином мира. Цари времени находятся под его рукой» [102].

Образ султана как главной опоры всей державы отражает скорее отвлеченный идеал, чем объективную реалию эпохи. Во всяком случае, султан Мас'уд больше напоминал грубого воителя, чем тонкого государственного деятеля. Разумеется, нельзя

полностью согласиться с распространенной в советской историографии характеристикой Мас'уда как бесталанной исторической личности [103]. Трудно принять и точку зрения, объясняющую этим причины неудач Газневидов в борьбе с Сельджукидами в Хорасане. Мас'уд, обладавший большой храбростью и недюжинной силой, отличался решительностью, напористостью в достижении цели. Полководческий дар проявился у него уже в юношеские годы. Однако от своего отца он отличался раздражительностью, импульсивностью, мог принять неоправданно поспешное решение. Особенную необузданность эмир проявлял в периоды длительных запоев, во время которых мог выпить много десятков литров вина [104]. Мас'уд гораздо чаще султана Махмуда попадал под влияние временщиков и фаворитов. Главной чертой его характера было самовластье, которое проявлялось «свыше всякой меры и предела» [105]. В условиях разветвленной системы тайных доносов и в сочетании с крайней подозрительностью султана эта черта нередко оказывала негативное влияние на ход событий. Тем не менее в основе упадка и поражения Газневидской державы в борьбе с Сельджукидами в Хорасане лежали более глубокие политические и социальные факторы, а не порожденные самой системой слабости Мас'уда.

Ближайшим помощником и советником эмира был везир — глава всей гражданской и военной администрации, которому подчинялись чиновники государственных учреждений (диванов). Между султаном и его «премьер-министром» заключалось соглашение, предусматривавшее своеобразное разграничение в делах государственного управления. Состояло оно из ряда пунктов, оформленных в виде задаваемого везиром вопроса и ответа на него султана, заверенного его личной подписью. «Завелся такой обычай,— пишет Байхаки,— что когда какому-нибудь знатному лицу дают должность везира, то везир пишет соглашение и испрашивает исполнения и условий своей службы. На них государь собственноручно пишет ответы, и затем под ответами ставит свою подпись и под конец клянется господом богом, да славится поминание его, что на тех условиях будут оберегать везира. Везир громко прочитывает [свою] присяжную грамоту и все условия, ставит под ними свою подпись и призывает свидетелей, что будет вершить дела согласно им. Эту присяжную грамоту клали в государственный архив (дават-хана), а соглашение брал себе везир» [106].

Подобного же рода соглашение было заключено между султаном Мас'удом и его везиром Ахмадом'Абд ас-Самадом [107], который стал премьер-министром в 1032 г. после смерти своего предшественника — Ахмада ибн Хасана [108]. Судя по тексту договора, Мас'уд предоставил своему новому везиру все дела, «кроме развлечений, увеселений, вина, игры в чауган и войны» [109]. В действительности же без согласия эмира не могло состояться решение ни одного вопроса, связанного с гражданским и военным управлением и внешней политикой государства. Сул-

тан Мас'уд, отличавшийся крутым нравом, действовал во многих случаях «самовластно, не раздумывая», что усложняло ведение государственных дел. Однако главной причиной возникавших постоянно коллизий был не столько характер султана, сколько политическая и социальная природа Газневидской державы. В ее основе лежало противоречие между идеалом сословного представительства различных кругов правящего феодального сословия и деспотической формой верховной власти. Отсюда нередко между султаном и везиром как главой гражданской и военной администрации возникали споры и даже конфликты. «Когда султан,— пишет Байхаки,— делает кого-нибудь везиром, то хотя он и любит его, но через год начинает ненавидеть по той причине, что тот становится соучастником с ним в царствовании, а царствовать сообща нельзя» [110].

Важнейшими функциями везира были общее руководство деятельностью всех государственных ведомств и контроль над поступлением налогов в казну. Центральными правительственными органами Газневидской державы были диван ар-раса'ил (государственная канцелярия), диван-и везират (диван везира), диван истифа' (финансово-счетный диван), диван-и 'арз (войсковой диван), диван-и викалат (дворцовый диван), диван барид (почтовый диван) и др. [111] Главы этих ведомств (сахибы) подчинялись везиру и действовали согласно его распоряжениям [112]. Кандидатуры на наиболее важные государственные должности, в частности начальника почты и мушрифа [113], подбирались и назначались лично султаном, но штат служителей диван барид составлялся из чиновников диван-и везират.

Между представителями служилой знати, так называемыми обладателями пера и меча (худаванд-и калам ва шамшир), шла ожесточенная борьба за влияние на султана и получение доходных должностей. Особые страсти разгорались вокруг поста 'амиля — сборщика налогов, так как эта должность сулила немалые выгоды. Сановники, например начальник почты и мушрифы, нередко вступали в тайный сговор с 'амилями и присваивали государственные средства [114].

Несмотря на разветвленную систему контроля и тайных доносов, чиновничий аппарат использовал любые возможности для обогащения. Многие вельможи и сановники за время службы успевали нажить огромное состояние. В этом отношении они были под стать своему эмиру Мас'уду, падкому на роскошь и алчному [115].

В 30-х годах XI в. в державе Газневидов шла острая внутрисословная борьба. Соперничество из-за государственных должностей и богатств разделили класс феодалов на два враждебных лагеря. Приход к власти султана Мас'уда ознаменовался расправой «новопожалованных» вельмож над сторонниками его отца Махмуда. Борьба между партиями «махмудовцев» и «мас'удовцев» шла не на жизнь, а на смерть. Прежде всего мас'удовцы разграбили имущество свергнутого с престола

султана Мухаммада, брата эмира Мас'уда. Та же участь постигла имущество главного предводителя войска — старшего хаджиба 'Али Кариба, который был схвачен и заточен в темницу. Жертвой «новопожалованных» стал и везир Абу 'Али ал-Хасан ибн Ахмад, носивший прозвище Хасанак [116]. Он был обвинен в карматской ереси, в связях с Фатимидами — врагами аббасидских «правоверных» халифов и предан мучительной казни [117]. Мас'удовцы отобрали у противника «наградные», которые роздал тем султан Мухаммад. Эти средства, 70—80 млн. дирхемов, были даны «тюркам и тазикам и войскам разных разрядов» [118]. Экспроприации, казни и аресты сторонников Махмуда и его любимого младшего сына, эмира Мухаммада, оттолкнули от нового правителя Газны значительную часть старой знати, «столпов державы» и военачальников. «Сердца сразу охладели [119],— пишет Байхаки,— и все расположение и благожелательство [к эмиру], кои наблюдались раньше, исчезли» [120].

Смена власти в державе Газневидов в 1030 г. сопровождалась не только новыми назначениями на государственные и придворные должности, но и своего рода перераспределением награбленных богатств среди правящих феодальных кругов. Имущество наиболее ярых и влиятельных сторонников усопшего тирана, в частности предводителя армии и везира, перешли в государственную казну или, вернее, в руки султана Мас'уда. В реестре подлежавших конфискации денежных и прочих средств указывалась стоимость всего их движимого и недвижимого имущества. Обращает на себя внимание, что в таких списках фигурировали и земельные владения, называемые «дийа' ва асбаб» [121]. Поскольку частная земельная собственность по мусульманскому законодательству не подлежит насильственному отчуждению, акт их фактической экспроприации был оформлен в виде «добровольной» продажи с составлением купчей [122].

Однако вопреки распространенному в нашей историографии мнению [123], эти акции никоим образом не могут свидетельствовать о целенаправленной политике султана Мас'уда на ликвидацию крупного землевладения. Такому утверждению противоречат не только приведенные выше исторические сведения, но и другие факты, говорящие о возвращении Мас'удом отобранных ранее земель их непосредственным владельцам [124].

Острая социально-политическая борьба в империи Газневидов облекалась также в форму межэтнических противоречий, региональных и религиозных конфликтов. Существовала определенная, подогревавшаяся корыстными интересами неприязнь между тазикскими («тазикийан») и тюркскими сановниками и военачальниками. Подавляющее большинство чиновников гражданского управления было из старой ираноязычной (тазикской) знати, а основная масса командного состава армии — из тюрок, преимущественно гулямского происхождения. Байхаки, хотя и крайне осторожно и глухо, рассказывает о неблагожела-

тельном и даже враждебном отношении тазикской аристократии к служилой тюркской знати. Притязания некоторых лиц тюркского происхождения на гражданские должности вызывали насмешки и встречали отпор со стороны потомственной тазикской бюрократии [125].

Главной опорой султанского трона и центральной власти была разноплеменная постоянная армия. В основном это было конное войско, но в него входили и отряды пехоты, а в экстренных случаях и ополчения из горожан и крестьян. В газневидской армии были контингенты из тюрок, систанцев, индусов, тазиков, курдов, арабов. Это объяснялось стремлением разобщить войско и держать его в строгом повиновении. «Когда все войско — одного рода,— писал Низам ал-Мульк,— возникает от этого опасность, не бывает большого старания, происходят беспорядки. Надо, чтобы войско было составлено из разных племен» [126]. «Каждый падишах, у которого войско одноплеменное,— говорится в сочинении автора XI в. Унсур ал-Ма'али Кайкавуса,— всегда в плену у войска и всегда перед ним бессилен, так как одноплеменники сильны, их нельзя использовать для наказания друг друга. Из разных племен войско из страха перед другим не может ослушаться и власть царя будет крепкой» [127]. Основываясь на такой политике, Мас'уд Газневи постоянно использовал друг против друга своих индийских и тюркских гулямов [128].

В армии Газневидов имелись и особые формирования из невольников, купленных у работорговцев, либо из военнопленных, находившихся на службе у эмира и других представителей знати. Главным образом это были гулямы, поступавшие из восточных пограничных областей — Мавераннахра, Тараза, Кашгара и Хотана [129]. Они проходили затем специальный курс обучения и военной подготовки в частных и дворцовых школах [130]. Гулямы делились на несколько категорий; среди них наиболее многочисленными были дворцовые, насчитывавшие до 4 тыс. [131] Кроме них было еще 300 гулямов — султанских телохранителей и знаменосцев с булавами в дорогих кафтанах с золотыми поясами [132].

Основная масса гулямов использовалась в качестве солдат и стражников, но часть их выполняла роль слуг, виночерпиев, постельничьих и т. д. Гулямы, в том числе султанские, получали из казны ежегодное жалованье (бистгани) и продовольственное содержание (аджри). По своему правовому статусу и имущественному состоянию они были далеко не в одинаковом положении. Некоторые из них достигали высоких постов, становились хаджибами, наместниками областей, сипахсаларами крупных провинций. Султан мог возвысить отличившегося на службе или любимого гуляма, осыпать его богатствами, подарить земельные наделы [133]. Гулямы, отправлявшиеся в дальние походы, нередко получали личную свободу. Однако даже те гулямы, что достигали высокого ранга, оставались на положении рабов, хо-

тя это был особый, привилегированный слой лично несвободных людей.

Институт гулямства базировался на использовании военной силы, чужеродной коренному населению государства. Гулямы почти не были связаны с другими социальными и этническими слоями и потому являлись удобным орудием для осуществления господства власть имущих. Отсюда ведет свое начало широко бытовавшая на средневековом Востоке поговорка: «Преданный слуга (гулям) лучше сотни детей; последние желают своему отцу смерти, а первый — долгой жизни» [134].

Вместе с тем в ходе своего дальнейшего развития институт гулямства постепенно обрел явственные черты преторианской гвардии. Военная знать гулямского происхождения активно участвовала в дворцовых интригах, заговорах и государственных переворотах. Нередко она вовлекала в них и рядовую массу воинов-невольников, тяготившихся своим положением. Дворцовые гулямы находились под тайным надзором дабира — чиновника государственной канцелярии. Малейшая провинность оборачивалась для них жестоким наказанием, причем «мятежников» обычно бросали под ноги разъяренных слонов [135]. Недовольные султанской тиранией рядовые гулямы при удобном случае могли перейти на сторону противника, что и произошло в битве с сельджуками при Данданакане в 1040 г.

Газневидское войско делилось на три крупных соединения, которые находились под началом трех полководцев (сипахсаларов) и были дислоцированы в Хиндустане, Ираке и Хорасане [136]. Верховное командование всей армией осуществлял старший хаджиб, получавший особые знаки отличия — литавру, бунчук (мунджук), большой или малый барабан [137]. Главнокомандующий носил черный кафтан с золотым поясом и двурогую шапку [138].

Старший хаджиб, сипахсалары и другие «господа меча» играли большую роль в жизни государства, особенно в периоды междуцарствия и при возведении на престол нового султана. Военная знать обладала немалыми богатствами, движимым и недвижимым имуществом, в том числе земельными владениями. Армейская верхушка, окруженная пышной свитой, гулямами, прислугой, наложницами, проводила свободное от боевых действий и смотров время на охоте, в состязаниях, пирах и забавах. Военачальники обогащались за счет трофеев, не гнушаясь при удобном случае и присвоением армейских средств. Среди военного сословия шла острая борьба за высокие посты, она сопровождалась подсиживанием, интригами, доносами [139].

В рассматриваемый период в обширной Газневидской державе нередко возникали и региональные конфликты, в основе которых лежали политические и социальные причины. Завоеванное эмиром Махмудом население Рея и Джибаля не скрывало глубокой антипатии к хорасанцам [140]. Говоря точнее, широкие слои иракцев были недовольны засильем в их крае сул-

танских чиновников и военачальников из Хорасана [141]. В то же время мы видим проявления антагонизма между населением сельских округов и крупных городов. Разорившиеся и бедные слои крестьянства нередко считали причиной своей нищеты и страданий именно города — центры военно-административной власти и государственного фиска. Поэтому в условиях обострения социально-политической борьбы толпы сельских «простых людей и черни» иногда совершали нападения на города, вооружившись дубинами и камнями [142]. Социальной базой этих противоречий, кроме отмеченной выше причины, служили более тяжелые условия крестьянского труда, интенсивность его эксплуатации, политическое и культурное превосходство города и его богатство по сравнению с деревней. Важное значение при этом имело и то обстоятельство, что в странах Востока, в отличие от Западной Европы, основная масса феодалов обитала в городах.

Социальная борьба протекала и под внешней оболочкой разбойных движений, но чаще всего — под лозунгами мусульманского сектантства. Разорившиеся и деклассированные элементы, испытывая страшную нужду [143], бежали из сел и городов в степи и горы. Здесь они собирались в бродячие ватаги, нападавшие на поселения, грабившие путников и торговые караваны [144].

Несмотря на разгул религиозной ортодоксии (схоластического калама), начавшийся уже в правление фанатичного Махмуда Газневи, значительный размах в империи получили еретические движения. В их основе лежали, как правило, идеи социальной, общинной справедливости, причем наиболее радикальные течения исходили из всеобщего имущественного равенства, а более умеренные выступали лишь за равенство перед Аллахом.

Наиболее широкое распространение в исследуемую пору в газневидских владениях получили учения батинитов и карматов [145].

Батиниты выступали за вольное, аллегорическое толкование Корана, в тексте которого они искали скрытый, внутренний смысл [146]. В Средней Азии и Иране батинитами нередко именовали и адептов секты исмаилитов различных направлений за их «скрытое» вероисповедание. Карматы были приверженцами свободы человеческой воли, они отвергали религиозный догмат о божественном предопределении (кадар). Представители этой секты, особенно их крайнее левое крыло, выступали против имущественного неравенства и социальной несправедливости. Основанный в IX в. карматами в Бахрейне халифат представлял собой земледельческо-ремесленную общину во главе с советом из шести старейшин (садат). Бахрейнские карматы, проповедовавшие идеи всеобщего равенства, тем не менее сохранили общинную, коллективную форму рабства [147].

Идеи батинитов и карматов подрывали устои феодального

строя и его идеологической опоры — мусульманской религии. Газневиды подвергали жестоким репрессиям «еретиков», позиции которых были сильны в Газне, Мавераннахре, Ираке [148]. Обвиненных в батинизме и карматстве предавали казни, специально подкупленные для этой цели «горстки бродяг» забрасывали их камнями [149]. В социальных движениях этого периода, особенно в стихийных восстаниях, активную роль нередко играли простые «пастухи и земледельцы» [150].

Хотя империя располагала еще достаточным потенциалом и мощью, к середине XI в. уже наметились определенные тенденции, свидетельствовавшие о ее постепенном ослаблении.

Усиление на вассальных окраинах центробежных движений, нескончаемые войны в Хиндустане, столкновения с караханидскими правителями Мавераннахра требовали огромных денежных средств и людских ресурсов. В этих условиях правительство эмира Мас'уда все чаще прибегало к экстраординарным мерам, фактически поощряя насильственные методы ограбления своих подданных. Обострение внутриполитического положения характеризовалось углублением разрыва между идеалом сословного представительства класса феодалов и тираническим характером правления султана. Такова была в самом общем виде историческая ситуация, которая объективно подготовила успех сельджукского движения в Хорасане в 30—40-х годах XI в.

ВОССТАНИЕ СЕЛЬДЖУКОВ В ХОРАСАНЕ
В 1031—1034 гг.

В 1030 г., в период борьбы за султанскую власть, Мас'уд Газневи, стремясь увеличить свои военные силы, «перетянул» к себе сельджуков, которые поселились в Балханских горах [151]. Байхаки именует их туркменами, а Ибн ал-Асир — гузами (огузами). Подобные расхождения, имеющиеся и в других источниках, указывают на этнически не устоявшееся общее название сельджукской конфедерации. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что ее ядро состояло из туркмен и огузов.

Ибн ал-Асир утверждает, что отряды огузов помогли Мас'уду захватить Газну. После смерти Махмуда, во время борьбы за власть между его сыновьями Мухаммадом и Мас'удом, сельджуки (вернее, часть бывших подданных Исраила) оказались на стороне Мас'уда. «Когда он (Мас'уд.— С. А.),— пишет Ибн ал-Асир,— овладел Газной, гузы ходатайствовали о тех, что остались в горах Балхана. Мас'уд позволил им возвратиться, обязав вести себя достойным образом» [152].

Абу-л-Фазл Байхаки рассказывает, что балханские туркмены откликнулись на призыв Мас'уда и отправились к нему на службу во главе с Кизылом, Букой и Кокташем [153]. Туркменские конные ополчения были посланы под началом Хумарташа в

Керман для свержения мятежного вассала Исы в Мекране. Султан намеревался посадить на место Исы его брата Абу-л-Аскара, который бежал из Балуджистана в результате династических распрей и обосновался в Нишапуре. Отряды туркмен, отправленные в Мекран, были подчинены газневидскому полководцу Йарук Тугмишу. Кизыл, Бука, Кокташ и другие предводители сельджуков вскоре прибыли сюда через Систан [154]. Туркменские отряды вместе с 2 тыс. газневидских всадников укрылись в засаде. В решающий момент боя они ударили в тыл всадникам и пехотинцам Исы. Внезапная атака принесла успех, Иса отступил, был окружен и убит [155].

В 1031 г. отряды Кизыла, Буки и Кокташа, к которым, вероятно, примкнул и Йагмур, были направлены в Нишапур. Здесь в это время правил фактический наместник Рея и Джибаля салар Ташфарраш. Ибн ал-Асир утверждает, что Мас'уд послал Ташфарраша с большой армией в Рей, чтобы отнять город у Бувейхида 'Ала ад-Даулы. «Когда он,— пишет Ибн ал-Асир,— достиг Нишапура и увидел их (огузов.— *С. А.*) плохие дела, то позвал к себе вождей и убил более 50 из них, в том числе Йагмура» [156].

Более подробные и верные сведения об этих событиях приведены в «Тарих-и Мас'уди», где отмечается, что султан опасался «мятежных помыслов» туркмен и поэтому отдал приказ истребить их предводителей. На тайном совете с участием везира, главы государственной канцелярии и начальника войскового дивана ('ариза) было решено поручить осуществление этой акции Ташфаррашу. Против нелепого замысла эмира на совете выступил лишь везир, 'Абд ас-Самад. Он доказывал, что туркмены после смерти Махмуда уже успокоились и стали верно служить державе. Однако эмир был непоколебим; он утверждал, что успех задуманной операции обеспечен, ибо некоторые туркмены сами просили устранить Кизыла, Буку, Кокташа и Йагмура [157].

Сомнительная по замыслу и чреватая негативными последствиями акция эмира, по-видимому, лишь отчасти удалась Ташфаррашу. Жертвой султанского плана стали несколько предводителей, в том числе Йагмур [158], а остальные вожди сельджуков рассеялись по областям Рея и Джибаля, а затем ушли в пределы Закавказья [159]. Однако часть туркмен осталась на службе у Газневидов и была использована ими в борьбе с Какуидом Шахранпуром, сыном Гаухараина, захватившим г. Казвин [160].

Репрессии султана Мас'уда против сельджуков явились поводом (а не главной причиной, как думает И. Кафесоглу [161]) для их восстания в Хорасане в 1031 г. Основной причиной действий туркмено-огузских племен было стремление обрести новые земли и пастбища, чего явно не хватало им в Прибалханье. Очевидно, именно на этой почве, а также из-за несправедливого сбора налогов часто совершались набеги и возникали конфликты сельджукских племен с местным населением и газневид-

скими властями, которые неоднократно жаловались на пришельцев султану[162].

В конце 1031 г. Мас'уд Газневи направил против сельджуков большой конный отряд, выступил из Герата и достиг Феравы. Абу Сад, предводительствовавший отрядом, не смог разгромить туркмен и отступил к Герату[163].

В начале 30-х годов XI в. ухудшилось внутреннее положение в империи Газневидов, что в значительной мере было связано с обострением враждебных отношений с Караханидом 'Али-Тегином и волнениями в Северной Индии[164]. Воспользовавшись этим, сельджуки развернули военные действия в Хорасане. Туркмено-огузские племена, руководимые сыном убитого Йагмура и другими предводителями, решили напасть на войско Ташфарраша, которое двигалось в спешном порядке к Рею. Газневиды приняли меры предосторожности против вторжения и захвата туркменами Южного Хорасана и Гургана. Салару газневидского войска, 'Али Дайе, было приказано экстренно выступить и укрепиться в Тусе[165], а старшему хаджибу Бильге-Тегину — отправиться из Нишапура и занять крепость Серахс[166]. Зийаридскому вассальному правителю Бакалиджару[167] было поручено расположить воинские отряды для охраны дорог в пограничном рабате Дихистан. Спешные депеши с предписанием блюсти осторожность были отправлены начальнику (шахна) карательно-охранных сил и другим властям Нисы[168] и Абиверда[169]. Столь оперативные меры свидетельствуют о реальной опасности, возникшей для газневидских властей после открытого выступления балханских туркмен и огузов. Султанский двор и армейские предводители опасались их объединения с туркмено-огузскими (иракскими) группами, действовавшими в Гургане и Дихистане[170].

В 1033 г. султан Мас'уд, стремясь укрепить свои позиции в Северо-Западном Иране и юго-восточном районе Прикаспия, сместил рейского наместника (кадхудая) Тахира. Хотя последний официально был обвинен лишь в разгульном образе жизни, главной причиной его отставки явились неспособность выколотить налоги из окрестных вассалов и бездействие в борьбе с иракскими и бакханскими туркменами и огузами. Назначенный вместо Тахира в июне 1033 г. в качестве наместника Ирака Бу Сахл Хамдави прибыл с большим войском и боевыми слонами из Нишапура в Рей. Однако и эти меры не привели к усмирению сельджуков, которые были воодушевлены слухами о действиях сородичей в Хорасане под руководством сына Йагмура. Мас'уд Газневи, понимая опасность ситуации, намеревался вступить в Герат для «уничтожения сборища туркмен» и захвата их обозов с семьями, пожитками и скотом. Султан замыслил обманным путем заманить в Рей и уничтожить иракских сельджуков, насчитывавших около 4 тыс. всадников. Одновременно с этим он распорядился «устранить в Герате несколько человек [туркмен] и угнать обозы, людей же, которые

при обозах, переселить»[171]. Хотя везир 'Абд ас-Самад и глава диван-и раса'ил Абу Наср Мишкан были против этого плана, эмир настаивал на своем решении. «Замысел устранить туркмен в Рее,— пишет Байхаки,— не удался, они возмутились. Из Рея туркмены пошли в Хорасан, и от них произошло столько зла, сколько произошло — большую часть скота в Гузганане[172] они угнали»[173].

Движение сельджукских племен в Хорасане и Гургане в 1031—1034 гг. переплелось с другими антигазневидскими выступлениями в Средней Азии, Иране, Афганистане и Северной Индии. Крупные беспорядки произошли в Хутталяне, Тохаристане и Кермане, в Пенджабе поднял мятеж хиндустанский сипахсалар Ахмад Йинал-Тегин, власть султана Мас'уда была фактически сброшена в Хорезме. Положение в Хорасане усугубилось из-за действий сахиб-дивана Сури, который «разорил всех вельмож и ра'исов и отобрал [у них] без меры добра [малха], а зло от его тиранства пало на бедняков»[174].

В середине 30-х годов создалась реальная угроза распада сколоченной огнем и мечом обширной империи Газневидов на отдельные владения. Против султана Мас'уда образовалась враждебная коалиция из вассальных правителей и караханидских властителей Мавераннахра. Харун, пришедший к власти в Хорезме после смерти Алтунташа, вступил в союз с 'Али-Тегином и сельджукскими вождями Хорасана. Газневидские осведомители и дипломаты извещали Мас'уда о том, что илик готовится к нападению на Балх и Тохаристан, а хорезмшах с подвластными туркменами намеревается выступить в поход на Мерв. Ситуация осложнялась действиями мятежного Ахмада Йинал-Тегина в Северной Индии. Нависла серьезная угроза изоляции окруженной враждебными силами Газны[175]. Однако к началу осени 1034 г. напряженная ситуация несколько ослабла после разгрома и гибели Ахмада Йинал-Тегина в Хиндустане. Укрепив и обезопасив тыл своей державы, эмир Мас'уд приступил к активным действиям в Хорасане и Гургане[176].

В ноябре 1034 г. сильный отряд туркмен, поддавшихся 'Али-Тегина, вторгся в пределы Термеза и достиг Кубадиана[177], ограбив местное население и угнав скот. Газневидский военачальник хаджиб Бектугды бросился за ними в погоню и настиг их под Шапурканом[178]. Туркмены отступили, а затем с ними был заключен мирный договор, по которому они обязались повиноваться султану[179].

В декабре 1034 г. в окрестностях Серахса произошло кровопролитное сражение между сельджуками и гвардией эмира под командованием Нуш-Тегина. Продолжавшееся с утра до поздней ночи побоище закончилось отступлением туркмен в Юго-Западные Каракумы. Мас'уд сурово расправился с захваченными в плен сельджуками, приказав растоптать их боевыми слонами. Под натиском газневидской армии сельджуки с боями отступили от Абиверда и Нисы к Фераве. Салар Пири Ахур

при содействии шахны карательных отрядов Туса и Нишапура оттеснил туркмено-огузское ополчение к Балханским горам. Движение сельджуков, развернувшееся на обширной арене от границ Тохаристана, Хутталяна и Термеза до Каспийского моря, пошло на убыль и стало постепенно затухать.

СЕЛЬДЖУКИ В ХОРАСАНЕ И ГУРГАНЕ В 1035—1040 гг.

Борьба сельджукских племен с деспотией Газневидов в конце 20-х — середине 30-х годов, протекавшая на территории нынешнего Туркменистана и сопредельных областей Средней Азии, Ирана и Афганистана, носила в целом стихийный характер. Основную массу сельджуков, которых Байхаки называет «пастухами» и «верблюдоводами», составляли простые кочевники, не имевшие общего военного и гражданского руководства. Каждая из их группировок либо носила имя родо-племенных вождей (йагмури, кизыли) незнатного происхождения, либо же называлась по месту (балханкухи) своего обитания [180]. Действия номадов, носившие разобщенный характер, выражались главным образом во внезапных нападениях, но чаще проходили в сочетании с операциями армейских отрядов Караханидов, а также Хорезмшахов и других бывших газневидских вассалов.

Заветной целью сельджукских племен было обретение пастбищ и земель для поселения, за это они были готовы нести военную службу и платить налоги [181]. Однако их отношения с султанскими властями и местным оседлым населением обрели довольно сложный и далеко не однозначный характер. Газневидские правители были не прочь использовать ополчения пришлых кочевников в своих целях, превратив их в пограничные и карательные силы. Вместе с тем эмир Мас'уд, опасаясь вольного духа степняков, старался подорвать влияние их родовых вождей и подчинить их иноплеменным и верным его трону предводителям. Желая превратить туркмено-огузские ополчения в надежное и послушное войско, султан избрал план физического истребления непокорных вождей. Осуществить свой замысел он не сумел, и эта неудача была использована в антигазневидских целях сельджукской верхушкой и в еще большей степени недовольной султанской тиранией местной знатью и некоторыми вассальными правителями.

Одной из важнейших причин, вызвавших восстание туркмено-огузских племен, была налоговая политика хорасанских чиновников. Очевидно, определенное значение имели и конфликты между пришлыми кочевниками и жителями пограничных с Каракумской пустыней оазисов из-за водных источников и пастбищных выгонов. Кочевники устраивали набеги на селения, угоняли людей и скот. В свою очередь, газневидские военные гарнизоны, пограничные отряды, силы внутренней безопасности

под водительством местных шахна совершали нападения на огузо-туркменские племена, разоряя их становища.

В середине 30-х годов XI в. наступил новый этап в истории сельджукского движения в Хорасане и Северо-Западном Гургане. Изолированные и неорганизованные действия огузо-туркменских племен обрели более широкий размах, поставив под угрозу целостность державы Газневидов. Началом этих крупных событий послужило появление весной 1035 г. в Хорасане сельджукских отрядов во главе с потомками Микаила.

После разгрома в 1025 г. группировки Исраила основная масса его бывших подданных, как отмечалось выше, была переселена султаном Махмудом в пределы Нисы и Абиверда. Однако после подавления восстания 1029 г. значительная их часть укрылась в степях Прибалханья, прочие же ушли в Рей и Джибал, а оттуда — в Азербайджан и Ирак. Другое сельджукское объединение, во главе с сыновьями Микаила, осталось в пределах Мавераннахра. В середине 30-х годов, после смерти Караханида 'Али-Тегина, эта группировка переселилась в Хорезм, который отстаивал свою независимость в борьбе с Мас'удом Газневи [182].

В 30-х годах XI в. в сельджукское объединение влились новые отряды огузов, кипчаков и других кочевников. В 1035 г. они ушли с берегов Амударьи и из степей Приаралья в пределы Хорасана [183]. Первоначально они насчитывали не более 700—900 всадников, но за Амударьей их отряды дополнялись за счет огузов и туркмен Прибалханья, а также кочевников из Мавераннахра [184].

Появлению в Хорасане сельджуков, возглавлявшихся Мухаммадом Тогрул-беком, Даудом Чагры-беком и Мусой-байгу, предшествовали важные события, которые разыгрались в Гургане и Табаристане. В начале февраля 1035 г. газневидская армия совершила поход в Гурган, находившийся в руках Бакалиджара — вассала султана Мас'уда. Фактической целью предпринятой эмиром военной кампании было ограбление подданных этой окраины и сопредельных областей на юго-восточном побережье Каспийского моря. Султанская армия, заняв и разорив Гурган, двинулась затем к Астрабаду, а оттуда — в Сари и Амоль [185]. Сражение с войском гурганцев у Натиля окончилось поражением Бакалиджара. Мас'уд Газневи потребовал уплаты огромной контрибуции с жителей Амоля и Табаристана. В течение четырех дней газневидские солдаты, гулямы и военачальники грабили Амоль; город был опустошен и предан огню [186].

Насильственные, варварские действия эмира Газны и его полководцев в Гургане и Табаристане вызвали недовольство всего населения империи, особенно Хорасана. Балханские туркмены и огузы, воспользовавшись благоприятной ситуацией, вновь появились в окрестностях Нисы, Феравы и Дихистана [187]. Положение в Хорасане еще больше ухудшилось для Газневидов после того, как сельджукская группировка, возглавляемая

сыновьями Микаила, переправилась в мае 1035 г. через Амударью и двинулась в сторону Мерва и Нисы. Разведчики доносили Мас'уду, находившемуся в это время в Гургане, что пришельцы — сельджуки и инальцы (иналийан) насчитывают 10 тыс. всадников [188]. Мигранты объединились с прибывшими туда ранее балханскими туркменами, причем среди них были также отряды хорезмийцев. Очевидно, под последними имеются в виду кечаты (куджаты), джиграки и кипчаки, обитавшие на границах и в пределах Хорезма.

Судя по всему, в Хорасане произошли определенная перегруппировка сил и пополнение сельджукского объединения. Основное его ядро составили огузские и туркменские группы, кочевавшие до перехода в мае 1035 г. через Амударью от Бухарского Нура до Андаргаза, в Хорезме. В их состав вошла затем часть сырдарьинских, мавераннахрских, хорезмских, балханских, хорасанских и гурганских кочевников-сельджуков, а также кипчакские и некоторые другие роды — выходцы из Центрального и Западного Казахстана. Во главе всего этнополитического объединения стали Муса [189], Тогрул-бек и Чагры-бек, причем Муса носил титул «байгу». Однако с течением времени на первое место выдвинулся более энергичный и дальновидный Тогрул-бек, что отражало тенденцию к постепенной замене родо-племенных органов власти новыми принципами управления [190].

Сельджукские вожди, обосновавшиеся в пределах Мерва и Нисы, обратились с посланием к хорасанскому сахиб-дивану Сури. Муса, Тогрул и Чагры просили его ходатайствовать перед султаном о принятии их на военную службу и пожаловании им Нисы и Феравы. «Нам [было] невозможно,— писали они в своем письме,— дальше оставаться в Мавераннахре и Бухаре, поскольку при жизни 'Али-Тегина [191] мы обходились хорошо друг с другом и между нами были дружба и единогласие, а сейчас, когда он умер, дело [управления] попало в руки двух его сыновей — неопытных [в государственных делах] юнцов, а Тунуш, бывший сипахсаларом [еще] у 'Али-Тегина, стал хозяином над ними, овладел царством и войсками. Между ним и нами установилась неприязнь, и больше оставаться там мы не смогли. А в Хорезме из-за убийства Харуна [192] возникло большое смятение, и поэтому нам стало невозможным пойти туда. Мы пришли под защиту владыки мира, великого султана [нашего] благодетеля... [В случае] если его величество [султан] найдет возможным принять нас [к себе] в слуги, то пусть один из нас будет служить высокому [царскому] порогу, а другие станут исполнять любую службу, какую только прикажет владыка, а мы под его великой тенью нашли бы [себе] покой. Не найдет ли [султан возможным] пожаловать нам области Нисы и Феравы, что расположены на краю пустыни, чтобы мы поместили там свое имущество и скот. И мы [тем самым] освободимся от своих забот и не дозволим ни одному злоумышленнику появиться в тех кра-

ях со стороны Балханских гор, Дихистана или из области Хорезма, либо из стран Джейхуна, а также будем прогонять хорезмских и иракских туркмен»[193].

Газневидские власти отлично понимали всю опасность появления значительной массы кочевников почти в центре крупнейшей провинции своей державы. Хотя сельджуки еще зимой 1034 г. лишились большей части семей и обозов при нападении на них огузского йабгу Шахмалика на Амударье, они располагали десятитысячным конным войском. Следует также иметь в виду, что это были не простые ополчения «пастухов» и «верблюдоводов», а хорошо организованная армия, имевшая достаточно опытных предводителей. Байхаки приводит по этому поводу весьма характерную фразу, сказанную газневидским везиром начальнику государственной канцелярии: «О ходжа, до сих пор мы имели дело с пастухами[194], поглядим [теперь], сколь возрастут неприятности, ибо нам еще предстоят испытания, теперь пришли завоеватели»[195].

Мас'уд и его ближайшее окружение были не прочь изгнать пришельцев, но сочли момент неблагоприятным, так как газневидская армия была измотана в результате похода на Гурган и Табаристан[196]. Поэтому было решено дать уклончивый, но «добрый» ответ на послание Мусы, Тогрула и Чагры, расположившихся на границе Каракумов и предгорий Копетдага. Все же, несмотря на то что пришельцы вели себя мирно и не тревожили «воровством» местное население, султанский военный совет принял в начале лета 1035 г. решение о походе на Нису. Главнокомандующим, саларом, был назначен опытный и храбрый полководец, хаджиб Бектугды. Войско состояло из 15 тыс. солдат и 2 тыс. дворцовых гулямов, которые были разделены на правый и левый фланги, большой центральный полк, сторожевой полк и авангард[197]. Разведывательный отряд, насчитывавший 500 арабских всадников, двигался впереди войска[198]. Бектугды имел много оружия, снаряжения и продовольствия, боевых, закованных в броню слонов с седлами и балдахинами. Сельджуки, по-видимому, отправили в стан Бектугды своих послов, выразивших покорность султану[199]. Однако переговоры не дали результатов, и газневидская армия устремилась на сельджукские кочевья.

В исторической литературе высказано мнение[200] о том, что сражение войска Бектугды с ополчениями Тогрула, Чагры и Мусы произошло в пустыне между Феравой и Шахристаном[201]. Данные, сообщаемые Гардизи, Байхаки, Ибн ал-Асиром и Мирхондом, позволяют уточнить, что битва произошла около Нисы. При этом в рассказе Гардизи упоминаются местности Сипандакан и Аррани[202], располагавшиеся, вероятно, где-то близ северо-западных отрогов Копетдага[203].

Битва началась с нападения авангардного полка на туркменские становища. Сельджуки быстро отступили в пески, оставив свои шатры и часть обозов с семьями. Солдаты и гулямы

передового отряда убили в сражении 700—800 человек, захватили пленных и жадно набросились на имущество и скот кочевников [204]. Однако это была ловушка, устроенная сельджукскими вождями. Ибн ал-Асир утверждает, что между султанскими воинами начались схватки за дележ трофеев [205]. Боевой порядок был нарушен, полки обоих флангов и центра смешались и начали двигаться к селению, лежавшему близ Нисы, где находился арык с питьевой водой. Основные же силы туркмен укрылись в близлежащих ущельях и пещерах Копетдага [206]. Когда истомленная зноем и жаждой газневидская рать устремилась к воде, сельджукские отряды выскочили из своего укрытия, засыпали врага тучей стрел, а затем пустили в ход клинки [207]. Ополчение кочевников «нанесло страшное поражение» газневидской армии. Сам Бектугды спасся бегством, пересев с боевого слона на быстроходного скакуна [208].

Поражение в июле 1035 г. под Нисой хорошо оснащенного султанского войска, которое по численности почти вдвое превосходило сельджукскую конницу, произвело ошеломляющее впечатление в Газне. Эмир, его окружение, чиновники и полководцы не могли толком понять, каким образом «трусливые и безоружные несчастные бродяги» сумели разгромить столь «великую рать» [209]. Причина неудачи усматривалась в многочисленности командного состава, в несогласованности его действий, в нарушении приказов сипахсалара. Однако поражение было порождено целым клубком политических и социальных противоречий, которые опутывали армию — часть слабеющего организма державы Газневидов. Разгрому войска Бектугды в значительной мере содействовала открытая вражда двух феодальных партий, соперничество между старыми махмудовскими служаками и «новопожалованными» мас'удовскими полководцами [210], их страстная жажда к наживе, которая довела до кровопролитного столкновения из-за раздела добычи. Важную роль в этом поражении сыграли также военно-стратегические просчеты, игнорирование того факта, что сражения отныне велись не с прежней неорганизованной массой «пастухов», а с «эмирами-завоевателями», применявшими неординарные, «степные» приемы ведения боя. Основные черты этой новой для полководцев Мас'уда военной тактики сельджуков более ярко проявились в ходе дальнейших сражений туркменов с газневидскими войсками в Хорасане [211].

Разгром армии Бектугды под Нисой повлек за собой активизацию завоевательных устремлений Караханидов в Хорасане. В конце 1035 г. сыновья ʻАли-Тегина выступили из Самарканда и напали на Чаганиан и Термез. Однако после размещения в Балхе сильной газневидской рати под главенством ʻАли Дайе эмир заключил с Караханидами договор о «мире и дружбе».

В следующем году произошли антигазневидские выступления в Джибале, где поднял мятеж Какуид ʻАла ад-Даула. Активное участие в этих событиях приняли туркмены, которых «он

лаской переманил из Хорасана, дав им золото». Однако в сентябре 1036 г. газневидским полководцам удалось подавить это восстание [212].

Сельджукиды и подвластные им родо-племенные вожди туркмен и огузов, несмотря на блестящую победу под Нисой, не располагали достаточными силами для закрепления своего успеха. Поэтому они решили наладить мирные отношения с Мас'удом, которому также была нужна передышка. В результате обмена посольствами был заключен договор, согласно которому сельджукам отошли области Нисы, Феравы и Дихистана. Султанской грамотой, скрепленной печатью, Дихистан был пожалован Дауду, Ниса отдана Тогрулу, а Ферава стала владением Мусы. Фактически по этому соглашению за туркменскими предводителями были закреплены уже захваченные ими земли. Однако эмир Мас'уд не думал мириться с потерей Северо-Западного Хорасана и энергично готовился к новой военной кампании. Сильные армейские части и гарнизоны были расставлены в Серахсе, Каине [213], Герате, а отряды индийских войск дислоцированы в Марварруде [214], в верховьях р. Мургаб [215].

В ноябре 1036 г. туркмены Хорасана снарядили новое посольство в Газну, ко двору эмира Мас'уда. Сельджукские вожди просили султана уступить им «городки» на краю пустыни — Мерв, Серахс и Абиверд, за что обязывались нести военную службу. Байхаки сообщает, что свою просьбу они объясняли «теснотой» пожалованных им областей, создавшейся в результате притока туркмен из Туркестана и Прибалханья [216]. Данное свидетельство подкрепляется огузскими преданиями, зафиксированными османским историком XIV в. Языджи-оглу 'Али. «Некоторые туркмены из правого и левого крыла,— пишет он,— со [своими] баранами и [другим] скотом, оставив Туркестан и Мавераннахр, с ордой и войском направились в Хорасан» [217].

Султан Мас'уд пришел в ярость от новых притязаний сельджукских вождей и объявил им войну. Однако вскоре он изменил свой замысел и двинулся в Хиндустан, где в декабре 1037 г. захватил сильную крепость Ханси. Защитники города, множество брахманов и воинов были убиты, а пленных женщин и детей превратили в рабов [218].

Воспользовавшись походом султанской армии в Северную Индию, сельджуки разграбили окрестности Талкана [219], Фарйаба [220] и Балха, напали и осадили Рей. Туркмено-огузские отряды появились и в долине Мургаба, овладев частью плодородной Мервской области.

Весной 1038 г. газневидский полководец Сюбаши начал активные военные действия против сельджуков в Хорасане. Главной опорной базой султанской армии служил Нишапурский округ, за счет которого обеспечивалось снабжение войска продовольствием и денежными средствами. Стремясь локализовать действия противника, Сюбаши регулярно совершал боевые рей-

ды, вступал с туркменами в кровопролитные стычки, но избегал генерального сражения. Сельджукские вожди быстро поняли главный изъян газневидской армии: она была громоздкой и не обладала достаточной маневренностью, ибо ее действия сковывал большой обоз с вооружением, продовольствием, фуражом, запасными лошадьми, вьючными животными. В нем, кроме того, находилось имущество, прислуга и наложницы привыкших к роскоши военачальников, а также походный скарб и жены части солдат. Армия, по существу, была привязана к обозу, который необходимо было охранять немалыми силами [221].

В отличие от газневидской рати туркмено-огузские племенные ополчения, хорошо приспособленные к условиям пустыни, действовали подвижными боевыми подразделениями в 20—30 конных «ватаг» [222]. Главной ударной силой войска сельджуков были летучие отряды всадников [223].

В апреле 1038 г. эмир Мас'уд отдал письменное распоряжение Сюбаши начать боевые операции против сельджуков. В самом конце мая старший, или главный, хаджиб двинулся с большой армией и богатым снаряжением из Нишапура в Серахс.

Рассказ о походе Сюбаши в мемуарах Байхаки выглядит довольно схематичным и отличается краткостью изложения. Известия же более поздних авторов расходятся между собой в деталях и отличаются некоторой противоречивостью [224]. Тем не менее их критическое сравнение с повествованием Байхаки дает возможность проследить в общих чертах основной ход событий.

Сопоставление исторических данных рассматриваемых источников позволяет думать, что в них отразились две фазы борьбы между Сельджукидами и армией Сюбаши. Очевидно, первый этап приходится в основном на весну 1037 г., а второй падает на конец мая — начало июня 1038 г. Такой вывод можно сделать при сравнении данных Байхаки с рассказами Ибн ал-Асира, ал-Хусайни и Мирхонда. Согласно «Тарих-и Мас'уди», в апреле 1037 г. газневидские войска, сосредоточенные в Герате и верховьях Мургаба, начали активные действия против туркмен. Сельджуки были вытеснены из областей Гузганана и Газны и стали отступать к Нисе и Фераве. Затем старший хаджиб, располагавший 10-тысячной конницей и 5-тысячным отрядом пехоты из арабов и курдов, двинулся на Мерв. Сюбаши разбил свой лагерь под городом и «повсюду разослал [карательные отряды] шахна и стал повелевать» [225]. Ибн ал-Асир и Садр ад-Дин ал-Хусайни также свидетельствуют о том, что столкновения туркмен с газневидской ратью произошли весной 1037 г.[226]. Судя по всему, этому предшествовал захват туркмено-огузскими ополчениями под водительством Тогрул-бека и Чагры-бека значительной части Мервской области. Вторжение сельджуков привело к опустошению края, затруднило движение караванов и доставку продовольствия. Скорее всего, эти акции объясняются не только стремлением сельджуков захватить добычу, но и желанием принудить к капитуляции население Мерва [227].

Ранней весной 1037 г. Сюбаши, перебазировавшийся из Нишапура в Герат, совершил внезапное нападение на сельджуков в Мургабской долине. Быстрым броском он достиг Мерва и, не дав отдохнуть солдатам, вступил в бой с их конницей. Однако неожиданная и стремительная атака не увенчалась победой [228].

Дальнейший ход событий несколько противоречиво освещен в анализируемых источниках, но нетрудно заметить, что борьба Сюбаши с ополчениями Чагры-бека и Тогрул-бека шла с переменным успехом. В конечном счете газневидская рать была вынуждена оставить Мургабскую долину и отступить в Нишапур [229].

После ухода армии Сюбаши население Мерва, страдавшее от нехватки продовольствия, вынуждено было вступить в переговоры с Тогрул-беком и Чагры-беком. «Затем факихи Мерва,— пишет ал-Хусайни,— запросили у сельджукских владык (мулюк) гарантий безопасности, и те удовлетворили просьбу законоведов, оказав им помощь, и [стали] оберегать их под крылом правосудия и справедливости» [230]. Тогрул и Чагры заключили с мервцами договор, подкрепив его клятвой о том, что «воины [сельджуков] не причинят жителям [края] никакого вреда» [231]. Депутация знати и духовенства вручила им ключи от городских ворот, и сельджуки вступили в Мерв. Затем в соборной мечети, в апреле 1037 г. [232], была прочитана торжественная хутба на имя Чагры-бека [233].

Газневиды не могли примириться с потерей Мервской области, и 30 мая 1038 г. Сюбаши, получив строгое предписание эмира, выступил из Нишапура на Серахс. Сельджукские вожди приняли меры предосторожности и отправили свои обозы с семьями, пожитками и скотом в глубь Каракумов [234]. Собрав летучие отряды конницы, они решили выступить из Мерва и дать бой у Серахского Тальхаба [235].

Решающее сражение произошло в начале июня 1038 г.[236] у ворот Серахса и завершилось «позорным», по выражению Байхаки, разгромом армии Сюбаши. Газневидская рать не выдержала боя, длившегося «от зари до предзакатной молитвы» [237]. Началось паническое бегство с поля сражения, посреди которого был воздвигнут шатер главного хаджиба. Сюбаши, раненный стрелой, с 20 уцелевшими гулямами спасся бегством в Герат [238]. Сельджуки захватили множество трофеев и преследовали врага до Туса и Герата [239].

Спустя несколько дней после разгрома армии Сюбаши передовые отряды сельджукского войска во главе с Ибрахимом ибн Йиналом появились в окрестностях Нишапура. Знать и представители высших слоев духовенства после совещания решили сдать город. Сельджукские предводители гарантировали безопасность жизни и сохранность имущества местного населения. Ибрахим ибн Йинал вступил в Нишапур, после чего в соборной мечети была прочитана хутба на имя Тогрул-бека. «В народе поднялся ужасный рев,— пишет Байхаки,— и возникла опас-

ность, что [начнутся] беспорядки, покамест [людей] не успокоили»[240].

Через три дня в Нишапур прибыл Мухаммад Тогрул-бек в сопровождении 3 тыс. всадников, большая часть которых носила кольчуги. Главный предводитель сельджуков был в шелковом кафтане, в чалме и войлочных сапогах. Почтительно встреченный нишапурской верхушкой, Тогрул-бек сел на трон султана Мас'уда, который был установлен в специальном портике в украшенном коврами саду Шадьях[241].

Крупные победы, одержанные Мухаммадом, Даудом и Мусой в 1035—1038 гг. в Хорасане, позволили им захватить значительную часть этой стратегически и экономически важной провинции Газневидской державы. Покорение древнего Мерва, Серахса и Нишапура, провозглашение хутбы на имя Чагры-бека и интронизация Тогрул-бека укрепили мощь и подняли военный престиж Сельджукидов. В определенной мере этому способствовала и внешнеполитическая обстановка в регионе, дальнейшее усиление антигазневидских настроений в Хорезме, Мавераннахре и Персидском Ираке. Караханидский принц Бури-Тегин[242], хорезмшах Исмаил Хандан и некоторые другие бывшие газневидские вассалы наладили тесные связи с сельджукскими вождями Хорасана. В свою очередь, Сельджукиды, вступившие в контакт с халифом ал-Ка'имом, стремились опереться на политическую и моральную поддержку Аббасидов[243].

ПОХОД СУЛТАНА МАС'УДА НА ХОРАСАН. БИТВА ПОД СЕРАХСОМ И ДАНДАНАКАНОМ

Вскоре после разгрома Сюбаши у ворот Серахса сельджукские ополчения, предводительствуемые Чагры-беком, вторглись в верховья р. Мургаб. Сельджуки разграбили окрестности Талкана, Фарйаба и достигли пределов нынешнего Шибиргана. Однако под напором газневидских войск их отряды были вынуждены отступить к Балху. Здесь, в Алиабадской степи, в начале апреля 1039 г. произошло сражение с армией султана Мас'уда. Битва завершилась отходом войска Чагры-бека, который ушел к Серахсу[244].

В начале мая 1039 г. огромная, хорошо снаряженная газневидская рать с боевыми слонами выступила из Балха и направилась в Серахс[245]. В это же время сюда из Нишапура прибыли отряды Тогрула, а из Мерва подошли ополчения Мусы. Сельджукские предводители, располагавшие мобильной конницей, решили дать бой у Тальхаба. Первая стычка передовых частей сельджукского и газневидского войск произошла 13 июня 1039 г. на подступах к Серахсу, около Тальхаба, куда был выдвинут головной отряд из 300 сельджукских всадников[246].

Газневидская рать во главе с самим Мас'удом двигалась в боевом порядке, имея все тот же громоздкий обоз. Впереди шел

авангард, в середине располагался «большой» полк с закованными в броню слонами, по флангам — отряды правого и левого крыла, затем следовал запасный полк, а в арьергарде были сторожевые части и обоз. Центром армии предводительствовал эмир, правым флангом командовал сипахсалар 'Али, а левым — старший хаджиб Сюбаши. Сторожевой полк, насчитывавший 5 тыс. индийских всадников, находился под началом Ар-Тегина. Кроме охраны дорог и обоза он должен был «рубить пополам» всех, кто станет отступать. Помимо того, в газневидской армии имелось множество пехотинцев, которые укрепляли на биваках военный лагерь, рыли вокруг него рвы и выполняли другие работы [247].

Сельджуки и йиналовцы располагали 20-тысячной конницей, что в два с лишним раза уступало по численности газневидскому войску. В составе туркмено-огузских сил было и около 2 тыс. перебежчиков, главным образом приверженцев казненных эмиром военачальников-махмудовцев. Большую их часть составляли дворцовые и личные султанские гулямы, ставшие затем авангардом сельджукской армии. Сельджуки, как и раньше, укрыли перед боем свои обозы с семьями, пожитками и скотом в Каракумах [248].

Ранним утром 14 июня 1039 г. армия Мас'уда под оглушительный грохот литавр выступила из своего лагеря и, пройдя несколько километров, наткнулась на стоявшее наготове войско противника. Решающее сражение произошло 27 июня в песчаной степи около селения Дих-и Базарган, недалеко от р. Теджен [249]. Тогрул, Чагры и Муса начали битву, построив свои отряды «в боевой порядок по обычаю царей» [250]. Другими словами, их диспозиция мало чем отличалась от построения газневидской армии. Однако тактика сельджуков была иной, рассчитанной на маневренность, переход от ложного отступления к быстрой атаке. Сельджукские отряды все время стремились блокировать газневидскую рать, с тем чтобы лишить ее возможности добывать фураж, продовольствие и воду [251].

Мухаммад, Дауд и Муса с отборными воинами обрушились на центр газневидской армии, а йиналовцы с прочими отрядами напали на фланги. Мас'уд бросил в контратаку 3 тыс. всадников, поддержав их двухтысячным отрядом пехотинцев, вооруженных длинными копьями и большими щитами. В наступление против главных туркмено-огузских сил перешли и дворцовые гулямы, предводительствуемые самим Мас'удом. «Мир переполнился шумом и криками,— пишет Байхаки,— поднялся стук, словно колотили тысяча тысяч молотков» [252].

Первым при натиске противника дрогнуло черное знамя Дауда, за ним стали отступать Тогрул и Муса. Султан некоторое время преследовал обратившиеся в бегство сельджукские отряды, а затем повернул назад и овладел Серахсом.

Несмотря на успех, положение войск эмира было нелегким, так как сельджуки вернулись, возобновили сражение, а приве-

денная ими толпа (хашар) отвела воду из р. Теджен. Сильная жара, нехватка продовольствия, фуража, питьевой воды ослабили боевой дух газневидской армии. Мас'уд вынужден был начать переговоры[253] с Сельджукидами, и между ними был заключен «волчий мир». Фактически это было временное перемирие на старых условиях, согласно которым три главных сельджукских предводителя сохранили за собой области Нисы, Абиверда и Феравы[254]. Вместе с тем они понесли потери, поскольку лишились Мерва, который перешел под власть начальника гарнизона, оставленного здесь Мас'удом Газневи[255]. Однако после ухода султана в Герат город подвергся нападению Чагры-бека. Осада длилась долгие семь месяцев[256]. В конце концов Мерв, не без содействия местной знати, вновь оказался в руках Сельджукидов[257]. Захват города означал нарушение «волчьего мира» и послужил, очевидно, поводом для начала боевых действий эмира против туркмено-огузских сил в Северо-Западном Хорасане.

В ноябре 1039 г. султан Мас'уд с «легчайшим» обозом, многочисленной конницей, пехотой и 50 отборными слонами двинулся на Нишапур и Тус. Газневидская армия состояла из авангарда, большого полка, войск правого и левого крыла и арьергарда. В ее составе были конные отряды индийцев, курдов, арабов, дворцовых гулямов, а также пехотинцев, посаженных на быстроногих верблюдов[258].

Мас'уд рассчитывал застать сельджуков врасплох и захватить в плен Тогрул-бека, резиденция которого находилась в Нишапуре. Однако главный сельджукский предводитель, бросив тяжелую поклажу, ушел через горный перевал к Абиверду. Здесь уже находились Дауд, отряды йиналовцев и другие туркмено-огузские ополчения. Между тем султанская армия подошла к Нисе. Сельджуки покинули Фераву и стали отступать в пустыню, направив свои обозы в Балханские горы[259].

В Хорасане создалась крайне тяжелая обстановка, всюду царил голод. Газневидская рать, уставшая после перехода через горные перевалы и страдавшая от недостатка продовольствия, стала роптать, «среди воинства поднялся крик и шум»[260]. Мас'уд вынужден был уйти обратно через Абиверд и Устуву[261]. В середине января 1040 г. он вступил в Нишапур. Навстречу ему вышла депутация, состоявшая из высшего духовенства и знати города. Султан отдал приказ разорвать на части ковры и разрубить на куски трон, на котором восседал Мухаммад Тогрул-бек.

Подобно другим провинциям Хорасана, Нишапурский округ переживал страшный упадок и разруху. Война привела к разорению сельского хозяйства и необычайному росту цен на зерно и другие продукты земледелия. «Домохозяева (кадхудайан),— пишет Байхаки,— раскалывали кровли [своих] домов, продавали их [на дрова], но умирали от голода с женами и детьми. Стоимость земельных владений (дийа') упала, а дир-

хам шел [по цене] данака»[262]. В условиях разрухи и голода многие дихканы полностью разорились. Значительная часть жителей Нишапура и его сельских волостей погибла от голода, холода и болезней. Очень бедствовали также газневидские солдаты и гулямы, у которых «не было хлеба и мяса, а у лошадей их — сена и ячменя»[263]. Страдали от нехватки продовольствия и фуража и сельджуки, но, будучи привычны к лишениям и к тяжелым условиям пустыни, они более стойко переносили все тяготы.

Ранней весной 1040 г. эмир Мас'уд выступил из Нишапура в Тус, намереваясь пойти оттуда в Серахс, Нису и Абиверд. Население сельских волостей Тусской области было разорено непосильными поборами сахиб-дивана Сури. Отсутствие продовольствия, бескормица, падеж лошадей и вьючного скота вызвали недовольство солдат, которые были на грани бунта[264].

В начале мая 1040 г. султан оставил Тус и ушел в Серахс. Газневиды застали город разрушенным, лишенным воды, жители его разбежались. Мас'уду советовали вернуться в Герат и Бадгис[265], но эмир заявил, что пойдет только в Мерв. Султан пригрозил отрубить голову всякому, кто будет противиться его воле[266].

Гизневидская рать, пробыв до 17 мая 1040 г. в Серахсе, двинулась в страшную жару на Мерв. Голод и бескормица усугублялись отсутствием воды в пересохшем русле и притоках Мургаба. Сельджуки, применяя древнюю степную тактику, засыпали песком и забросали падалью колодцы в пустыне[267]. Положение еще более ухудшилось из-за беспрерывных нападений сельджуков, шедших по пятам газневидского войска. Особенно тяжело приходилось одноконным солдатам (йаксуваран) и гулямам, не имевшим верховых и запасных лошадей[268].

Сельджукские вожди, располагавшие 16-тысячной конницей, решили дать генеральный бой армии Мас'уда. Первое столкновение с передовыми частями Газневидов произошло 22 мая в нескольких переходах от Серахса. Туркмены, йиналовцы и отряды переметнувшихся к ним султанских гулямов дрались отчаянно, но вынуждены были отступить. Тревожимое непрерывными атаками противника газневидское войско медленно с боями передвигалось к Мерву. Однако, будучи измучены жарой и лишениями, солдаты не желали сражаться, а многие гулямы «сходились с перебежчиками»[269].

На рассвете 23 мая 1040 г., сотворив предутреннюю молитву, газневидская рать выступила из своего лагеря, устроенного в двух переходах от Мерва. Эмир двигался в окружении нескольких десятков вооруженных с ног до головы гулямов, с 12 боевыми слонами. Пройдя около 3 км, султанское войско столкнулось с передовыми туркмено-огузскими отрядами; завязался жестокий бой. Мас'уд и его военачальники, отбиваясь от наседавшего врага, поздним утром добрались до стен небольшого городка Данданакан. Жители не открыли газневидскому войску

единственные ворота своей крепости, но дали воду изнуренным жаждой солдатам и гулямам. Сопровождавшие эмира вельможи и полководцы советовали ему остановиться и сделать передышку под Данданаканом. Однако султан приказал двигаться к водоему, находившемуся в 5 фарсахах от крепости. «Когда [государь],— пишет очевидец событий историк Байхаки,— оттуда тронулся, порядок расстроился: дворцовые гулямы слезли с верблюдов и начали отнимать лошадей у тазиков и у всех, кто был послабее, под тем предлогом, что мы-де хотим воевать»[270]. На самом же деле это был условный сигнал к выступлению заговорщиков, среди которых главную роль играли дворцовые гулямы-тюрки. «Сговорились, сели на коней,— пишет Байхаки,— и 370 гулямов, [имевших] значки с [изображением] льва, показали тыл и примкнули к туркменам»[271]. Боевой порядок армии был расстроен, началось паническое бегство громадной разноплеменной газневидской рати[272]. Сельджуки набросились на обозы, стали растаскивать дорогие вещи, оружие, уводить боевых и вьючных животных. Вместе с переметнувшимися к ним султанскими гулямами они произвели яростный натиск на позиции Мас'уда. Султан и небольшая часть оставшихся при нем гулямов-тазиков проявили большую стойкость, но в конце концов были вынуждены бежать. Мас'уд с остатками своей армии, отбиваясь от преследовавших его вражеских отрядов, ушел в Марварруд, а оттуда — в Газну[273].

Сокрушительное поражение султана Мас'уда под стенами Данданакана ознаменовало рождение нового государства. Прямо на месте сражения был водружен шатер, в котором установили султанский престол. «Тогрул,— свидетельствует Байхаки,— уселся на трон[274], явились все сановники и приветствовали его как эмира Хорасана»[275].

Туркмено-огузские предводители отправили весть о своей победе в Мавераннахр, сыновьям 'Али-Тегина, караханидским ханам Туркестана и халифу ал-Ка'иму. В качестве посла в Багдад был направлен с подарками и специальным письмом Абу Исхак ал-Фукка'и. Мухаммад, Дауд и Муса писали халифу, что они «искоренили» господствовавшее прежде зло и притеснения и «утвердили справедливые законы»[276].

После битвы при Данданакане сельджукские предводители двинули свои войска на захват других областей Хорасана и сопредельных регионов Ближнего и Среднего Востока. Тогрул-бек отправился в Нишапур, Муса с иналовцами пошел в Мерв, а Чагры-бек двинулся на Балх и Тохаристан[277]. Началась многолетняя эпопея сельджукских завоеваний, приведшая в середине XI в. к образованию громадной империи от Амударьи и Каспия до Тигра и Евфрата, Черного и Средиземного морей[278].

Глава II

СЕЛЬДЖУКИДСКАЯ ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

В отличие от предшествующих ей государств Саманидов и Газневидов держава Сельджукидов возникла не в результате постепенного роста мощи и расширения границ наследственного владения, а в ходе крупных миграций и завоеваний кочевых племен Средней Азии и Казахстана. Огузо-туркменские племена, составлявшие ядро сельджукского объединения, в сравнительно короткий исторический срок покорили ряд стран Ближнего и Среднего Востока. Выход сельджуков на арену всемирной истории изменил баланс и расстановку политических сил, привел к некоторым изменениям в сфере экономической жизни, отразился на социальных, культурных и этнических процессах в странах Востока.

В отечественной и зарубежной историографии по-разному оцениваются рождение и объективные последствия образования этого могущественного государства. Советские исследователи считают, что «сельджукское движение» на начальном этапе носило справедливый характер и переплеталось с освободительной борьбой оседлых народов Средней Азии, Западного Ирана и Северного Афганистана против отжившей свой век деспотии Газневидов [1]. Однако в дальнейшем, в процессе создания обширной Сельджукской империи, оно превратилось в военное нашествие, сопровождавшееся частичным разрушением производительных сил и временным упадком покоренных стран. Вместе с тем отмечается, что одним из стимуляторов этих завоеваний была нехватка пастбищ, создавшаяся в результате перемещений кочевников после возникновения в X в. государства Ляо и державы Караханидов [2].

Ряд восточных авторов полагают, что сельджукское наступление на запад было продиктовано заботой их вождей о защите ислама, единстве мусульманских стран, испытывавших военное и политическое давление христианского мира во главе с Византийской империей. Одновременно высказывается точка зрения о том, что сельджукские завоевания были вызваны нехваткой пастбищ, возделываемых земель и стремлением к господству над сопредельными регионами [3].

Иных взглядов придерживаются современные западные, в

основном французские и английские, востоковеды. Сельджукское нашествие на страны Ближнего и Среднего Востока, Закавказье они рассматривают, с одной стороны, как экспансию «варваров», а с другой — как расширение географического ареала номадизма на средневековом Востоке[4]. Вместе с тем они отмечают, что сельджукские завоевания, хотя и сопровождались разрушениями и опустошениями, в целом не вели к гибели оседлой цивилизации покоренных стран. Основная причина этого, по мнению К. Каэна, заключалась в том, что огузские и туркменские племена «уже привыкли к некоторому симбиозу с земледельцами, а их вожди даже удостоились похвалы за меры, благоприятные для (местных) крестьян»[5].

Обсуждаемая проблема, несмотря на наличие ряда исторических исследований, отличается недостаточной разработанностью и нерешенностью многих аспектов. Недоказательный, спорный характер носит, как отмечалось выше, мнение, будто огузо-туркменские племена стремились к мировому господству. В специальном монографическом исследовании нуждается вопрос об исторических последствиях сельджукского нашествия в столь громадных и разных по уровню развития и культуре регионах Азии. Сельджукские завоевания не были единовременным актом, они осуществлялись в несколько этапов, в неодинаковых конкретно-исторических условиях Центральной Азии, Среднего Востока, Закавказья и Малой Азии. Выделение этих исторических фаз, выяснение их реального содержания, вероятно, станет возможным в ходе обобщения результатов дальнейших исследований.

Тем не менее уже сейчас можно наметить ряд важных аспектов, требующих глубокой научной разработки. Необходимо прежде всего сопоставить уровни и степень развития феодальных отношений в широком историко-региональном плане. Особое внимание при этом надо уделить вопросу о характере и особенностях икта‘ в Средней Азии, Иране, аббасидском Халифате и сопредельных областях Востока в X — первой половине XI в.

Важное значение обретает и проблема феодального вассалитета, нашедшая яркое отражение в истории взаимоотношений халифа и султана, в роли которых выступали соответственно Аббасиды и Сельджукиды. Немалый интерес представляет вопрос о последствиях вторжения массы сельджукских кочевых племен в завоеванные ими страны. Вместе с тем следует выяснить роль мигрантов в той исторической «трансформации», которая происходила в XI—XII вв. Решение отмеченного круга вопросов на современном этапе наших знаний подсказывает целесообразность сочетания общего и дифференцированного подхода в межрегиональном и субрегиональном плане. Именно поэтому мы решили дать ниже краткий обзор сельджукских завоеваний в Иране, Персидском Ираке, Сирии, Закавказье и Малой Азии.

и «шаханшах» значатся на его монетах, выпущенных в 1045—1047 гг.[7].

Первый после Тогрул-бека по значимости фигурой был его брат, Абу Сулайман Дауд Чагры-бек. Еще в 1037 г. провозглашенный властителем Мерва, но принял древнеиранский титул «шаханшах». Ибн ал-Асир переводит это почетное звание на арабский язык как «малик ал-мулюк», что означает «царь царей»[8].

Очевидно, приблизительно в это же время Мухаммад Тогрул-бек назначил Даула Чагры-бека главнокомандующим сельджукским войском[9]. Имя Чагры-бека произносилось в хутбе Северного Хорасана, а «великим султаном» считался его брат Мухаммад[10]. Как говорилось выше, Тогрул-бек принял этот титул еще в 1037 г. после вступления в Нишапур. Муса, носивший высокий титул «байгу», все больше терял свое влияние. Отмеченные факты отражают перемены в сфере традиционных институтов власти, происшедшие в результате военных побед и усиления рода Сельджукидов.

Огузы подразделялись, как отмечалось ранее, на две фратрии, состоявшие из племен левого (младшего) и правого (старшего) крыла. Согласно неписаным степным законам (тёре), политическая власть принадлежала «старшим» (бузук) племенам, из которых избирались верховные ханы[11]. Однако по мере становления раннефеодальных отношений прерогатива верховной власти стала закрепляться за патронимиями из бузуков. Возникновение сельджукского государства в известной мере нарушило эту древнюю традицию, так как племя кынык, из среды которого вышли Сельджукиды, первоначально не относились к бузукам. Очевидно, лишь в дальнейшем, уже после образования могущественного государства, сельджукский уруг стал причисляться к старшим племенам[12].

Сельджукиды с позиций старинного тёре должны были выглядеть (особенно в глазах их кровных врагов — сырдарьинских йабгу) как узурпаторы. Несмотря на это, к ним примкнуло немало огузских и туркменских племен, считавшихся их «союзниками», «рабами» и «подданными»[13].

Исторические факты показывают, что у средневековых кочевников Евразии существовала так называемая удельно-лествичная система, имевшая некоторые модификации у различных племенных групп в зависимости от уровня их социально-экономического развития. В основе ее лежал взгляд на политическую власть как на общественную функцию, государство же считалось принадлежностью сначала всего рода или племени, а впоследствии — знатной патронимии или династии. В каганате древних тюрок действовал следующий принцип наследования престола: младший брат сменял старшего, а старший племянник — дядю. В ожидании своей законной очереди на занятие престола остальные кровные родичи получали наследственные уделы[14].

Следует отметить, что следы подобного рода «обычаев власти» обнаруживаются и в ранней государственной практике сельджукских племен. Древнее огузское тёре базировалось, как мы знаем, на привилегии старшего по возрасту в роду или племени [15]. Однако данное правило с течением времени стало вступать в противоречие с наследственной передачей власти от отца к сыну. В процессе формирования Сельджукского государства наметилось противоборство этих двух тенденций, завершившееся в конечном счете победой линии прямого наследования власти. Тем не менее борьба шла долго, с переменным успехом, сопровождалась восстаниями и кровавыми междоусобными столкновениями.

Сельджук ибн Тугак, основатель могущества династии, имел, как известно, трех сыновей: Исраила, Микаила и Мусу. После кончины Сельджука титул «байгу», который носили правители огузов наряду с верховным званием «йабгу», получил его старший сын Исраил. Однако в 1029 г. он был вероломно схвачен Махмудом Газневи и кончил свои дни в зиндане (тюрьме) одной из крепостей Мултана [16].

Согласно обычному праву огузов, место Исраила должен был занять Микаил, но его уже не было в живых. Поэтому титул «байгу» перешел к Мусе, который был дядей Тогрула и Чагры — сыновей Микаила.

В 1029 г. Караханид ʻАли-Тегин, стремясь поссорить Сельджукидов, предложил титул «инанч байгу» [17] Юсуфу, сыну Мусы. Юсуф не согласился на это и был убит одним из караханидских наемников — Алп Кара Барани [18]. Титул «байгу» остался за Мусой ибн Сельджуком, который сохранял его вплоть до смерти. Титулы «байгу» и «инанч байгу» носили затем его потомки: Хасан ибн Муса, Фахр ал-Мульк и его сын Кара Арслан Бури [19].

Муса играл важную роль лишь на начальном этапе «сельджукского движения» в Хорасане. Постепенно, по мере усложнения ситуации, расширения масштабов войны с Газневидами, на первый план выдвигаются сыновья Микаила. В ходе «сельджукского движения», сопровождавшегося дальнейшим социальным расслоением огузов и туркмен, родовой (лествичный) принцип старшинства все больше вытесняется обычной феодальной практикой наследственной передачи власти непосредственно от отца к сыну.

После событий лета 1040 г. верховным сельджукским правителем был признан Тогрул-бек, младший брат Чагры-бека. В то же время Муса, их дядя по отцу, сохранил высокий титул «байгу», который должен был теперь существовать параллельно с новым мусульманским титулом «султан». Создавшееся положение таило в себе потенциальную опасность возникновения на почве двоевластия разногласий и конфликтов среди членов династии и их приверженцев из родовой массы и вождей кочевых племен. Выход из опасной ситуации был найден на совете

знати, который все больше превращался в династийный орган власти. «Сельджукиды,— пишет историк Мухаммад ал-Йазди,— собрались и заключили друг с другом договор. Они постановили: необходимо, чтобы все действовали согласно [данному] слову и обычаю, на основе [правил] союза и дружбы, чтобы не было вражды и прекословия» [20]. Раванди сообщает, что в этом совете принимали участие Чагры-бек, Тогрул-бек, их дядя Муса ибн Сельджук, носивший титул «байгу», его дети и знатные родственники и воины [21]. Рассматриваемое соглашение позволило Сельджукидам координировать свои действия и выработать общую внутреннюю и внешнеполитическую линию. Они направили, как отмечалось, в Багдад специального посла, Абу-л-Исхака ал-Фукка'и, с посланием к аббасидскому халифу. В письме говорилось об их покорности ал-Ка'иму би-амриллаху (1031—1075), отказе от «притеснений» и готовности идти по пути справедливости и «дорогою [мусульманской] религии» [22].

Политика большинства сельджукских вождей в это время была направлена на укрепление их позиций путем завоевания симпатий широких масс и сближения со знатью Хорасана. Тогрул-бек после битвы при Данданакане освободил все податные слои населения от уплаты налогов сроком на один год.

В области внешней политики Сельджукиды по-прежнему ориентировались на Багдад, стремясь обрести расположение аббасидского халифа. Поскольку халиф находился в ту пору под жестким контролем иракских Буидов, Тогрул и его сподвижники рассчитывали опереться не на реальную помощь ал-Ка'има, а на его религиозный авторитет и влияние в мусульманском мире.

Заключение договора между главами сельджукидской фамилии о «союзе и дружбе» оказалось в действительности первым шагом на пути осуществления широких экспансионистских планов. Вскоре произошел «раздел государства», что в реальности означало не столько раздел уже захваченных земель, сколько определение сферы и направления дальнейших сельджукских завоеваний. «Они (Сельджукиды.— *С. А.*),— пишет 'Имад ад-Дин Исфахани,— разделили [завоеванную] страну, поделили [между собой] имущество. Султан Тогрул-бек ибн Микаил ибн Сельджук и его брат Чагры-бек Абу Сулайман [получили земли] от реки Джейхун (Амударьи.— С. А.) до Нишапура, брату [Тогрула] по матери и сыну его дяди по отцу, Ибрахиму Иналу [23] [выпали] Кухистан и Джурджан [24], а сыну его дяди Абу 'Али ал-Хасану ибн Мусе ибн Сельджуку — Герат, Бушендж, Сиджистан и область Гур» [25].

Картина этого «раздела» несколько иначе изображается в других источниках, которые, в свою очередь, расходятся между собой в ряде деталей [26]. Несмотря на это, вполне четко выявляются широкие агрессивные намерения, многие из которых в дальнейшем были полностью реализованы.

СЕЛЬДЖУКСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В 40—60-х ГОДАХ XI в.

Данданаканская битва открыла Сельджукидам дорогу в Северный Афганистан, Западный Иран и Персидский Ирак. В 1040 г. Тогрул с тысячей всадников двинулся в Нишапур, Муса-байгу и йинальцы остались в Мерве, а Чагры-бек с главными военными силами направился в Балх и Тохаристан [27]. Дауд начал вскоре осаду Балха и создал реальную угрозу самой Газне [28]. Мас'уд бежал в панике в Северную Индию, но в пути был лишен власти потерявшей к нему доверие газневидской верхушкой. На трон был возведен Мухаммад, который еще в 1030 г. был отстранен Мас'удом от власти, ослеплен и заточен в одной из крепостей в долине Инда [29]. Мас'уд засел в крепости Марикале, расположенной на пути из Газны в Лахор. Между сторонниками братьев произошло сражение. Марикале подвергся осаде, был взят штурмом, а Мас'уд — схвачен, закован в цепи и брошен в подземную тюрьму (зиндан) [30]. Началось правление Мухаммада Газневи, но оно продолжалось недолго, так как в апреле 1041 г. он был лишен султанской власти. Газневидский трон в итоге междоусобной борьбы перешел к сыну Мас'уда, султану Маудуду (1041—1049).

В 1041 г. войско Дауда после длительной осады овладело Балхом, а Муса вступил в Герат. Однако вскоре город вновь перешел в руки Газневидов [31]. Оправившись после неудач в борьбе с Сельджукидами, правители Газны решили отбросить противника от своих границ и отнять у них Хорасан. В 1043 г. армия Маудуда ибн Мас'уда вторглась в пределы владений Чагры-бека. Поход сначала не удался, но в конечном счете газневидские войска оттеснили сельджукские ополчения от Бадгиса, Буста [32] и Герата [33].

В 1049 г. Маудуд, готовившийся к походу на Хорасан, внезапно умер. Начались династические распри и заговоры, в результате чего газневидский трон был узурпирован дворцовым гулямом Тогрулом, ставшим затем вассалом Сельджукидов [34]. Однако после убийства в 1052 г. Тогрула сельджуки потеряли свое влияние в Газне и были отброшены от границ Буста [35]. Многолетняя борьба закончилась в 1060 г. заключением мирного договора между Чагры-беком и газневидским султаном Ибрахимом ибн Мас'удом (1059—1099). По условиям этого договора стороны прекращали территориальные споры, причем каждая из них довольствовалась «теми землями, которыми она обладала в это время» [36]. Граница между обоими государствами пролегла в Северном и Западном Афганистане, где Сельджукиды овладели Гератом, Балхом и Систаном. Сельджукским правителям, по словам историка Садр ад-Дина ал-Хусайни, отныне принадлежали «области Балха, Тохаристана, Термеза, Кубадийана, Вахша [37] и Валвалиджа» [38].

Ожесточенный характер носила борьба Сельжукидов с Газ-

невидами за обладание Систаном и другими областями Северо-Западного Афганистана. В 1040 г. в Систане была прочитана хутба на имя Мусы Байгу, вместе с которым действовали огузо-туркменские ополчения под предводительством Ирташа, брата Ибрахима ибн Инала. В 1042 г. армия султана Маудуда напала на Систан, но встретила отпор войск Ирташа и вассального, зависимого от Сельджукидов, местного правителя Абу-л-Фазла [39]. Спустя четыре года Ирташ и Муса Байгу совершили неудачный поход из Систана на Газну [40].

Реальная власть в Систане принадлежала Мусе Байгу, но в хутбе упоминалось имя «великого султана» Мухаммада Тогрул-бека. Тем самым подчеркивалась зависимость байгу от султана, что отражало перемены в системе верховных институтов власти у огузо-туркменских племен. Игравший некогда главную роль Муса ибн Микаил носил по-прежнему титул «байгу», но фактически оказался в положении вассального удельного правителя. Впрочем, это еще не было окончательным торжеством нового принципа власти в складывавшейся политической структуре государства Сельджукидов. Впереди была серия кровопролитных столкновений Тогрул-бека с Ибрахимом ибн Иналом и Фахр ал-Мульком, а Алп Арслана — с Кутулмышем ибн Исраилом и его дядей Кавурдом.

В 1056 г. Дауд Чагры-бек, владевший Северным Хорасаном со столицей в Мерве, переменил систанскую хутбу на свое имя. Скорее всего, это было связано с кончиной Мусы, чем не замедлил воспользоваться Дауд. Очевидно, потомки Мусы, не желая терять Систан, апеллировали к верховному сельджукскому правителю — Мухаммаду Тогрул-беку. Последний выдал сыну Мусы, Му'изз ад-Дину Фахр ал-Мульку, специальную грамоту на право управления Систаном. Фахр ал-Мулык послал своего сына Кара Арслана Бури в Систан, но Абу-л-Фазл не согласился изменить хутбу на имя Байгу [41].

В начале 40-х годов XI в. Сельджукиды стали устраивать рейды и походы в глубь территории Ирана, где правили Буиды. Западные и центральные области страны находились в руках представителей различных ветвей этого разросшегося клана. Горными районами Курдистана и Луристана и западными районами Фарса [42] владели предводители курдских племен. Курдским вождям подчинялись и Хулван, и Керманшах [43]. В Дийарбакре [44], Ахлате [45] и Манцикерте [46] правила династия Марванидов. Ирак, Ал-Джазира [47] и Северная Сирия находились под властью арабских и курдских эмиров — Мазйадидов, 'Укайлидов, Мирдасидов. В прикаспийских районах Ирана господствовали Зийариды, Какуиды и прочие ветви династии Буидов [48].

В 1042 г. султан Тогрул-бек двинулся на Гурган и Табаристан [49]. Местные правители, Зийариды, изъявили покорность Сельджукидам, включили имя Мухаммада Тогрул-бека в хутбу и обязались уплачивать дань и харадж [50]. В авангарде султан-

ской армии находились огузо-туркменские ополчения под командованием Ибрахима ибн Инала, Йакути и Кутулмыша ибн Исраила [51]. Конница Ибрахима заняла Рей, который затем стал опорным пунктом для вторжения в Персидский Ирак и Закавказье. Тогрул вступил в Рей в 1043 г. Он приказал благоустроить город и объявил его столицей Сельджукидского государства [52].

В 1045 г. Тогрул овладел Хамаданом, а в 1050 г. сельджукская армия заняла Исфахан — один из богатейших и крупнейших городов Ирана. Разрозненные силы местных феодальных династий (Буидов, Какуидов, Зийаридов) не смогли оказать сколько-нибудь серьезного отпора. Сельджукские правители, используя дипломатию и междоусобные распри местных властителей, овладели Западным, Центральным и Юго-Восточным Ираном [53].

В 1043 г. огузо-туркменские ополчения во главе с Ибрахимом ибн Иналом совершили поход в Керман. Разграбив здесь несколько деревень, они вернулись в Рей, а в 1045 г. вновь совершили поход в Керман. Являвшийся частью буидской державы Керман по условиям отмеченного выше соглашения отошел Кавурду, сыну Дауда. В 1049 г. после смерти Абу Калиджара (1041—1049), огузо-туркменские ополчения вступили в столицу края — г. Зиренд [54].

Овладев Керманом, Кавурд проводил довольно гибкую социальную политику, основанную на сближении с местной знатью. Он заботился о развитии торговли, содействовал налаживанию путей, ведущих из Хорасана в регион Персидского залива. Вместе с тем Кавурд и его окружение старались не допускать конфликтов между кочевыми сельджукскими племенами и коренным населением. Сельджукиды начали раздавать в Кермане земельные наделы (икта') огузским и туркменским предводителям, что укрепило их власть над кочевниками. Границы Керманского владения были затем расширены путем захвата ряда областей Юго-Западного Ирана и Арабского Ирака. В 1062 г. собранная Кавурдом огромная армия вторглась в Фарс и захватила Шираз, где была провозглашена хутба на имя султана Тогрул-бека [55].

В 1046 г. войска Ибрахима ибн Инала, овладев Керманшахом, двинулись на Луристан и захватили Хулван. Курдские предводители во главе с Соди ибн Абу Шауком примкнули к Ибрахиму ибн Иналу. Власть Сельджукидов окончательно признал в 1051 г. и местный правитель Мухалхил. Обосновавшись в Курдистане и Хулване, огузские и туркменские вожди стали готовиться к походу на Багдад [56].

Обстановка в Аббасидском халифате в канун сельджукского завоевания была сложной. В Мосуле, Дийарбакре и прочих областях действовали отряды «иракских туркмен» (как называют огузов и туркмен Байхаки и Ибн ал-Асир) во главе с Букой, Кокташем, Мансуром и Даной. Они бежали сюда после

вступления в Рей войск Ибрахима ибн Инала. Огузские вожди захватили и разграбили ряд крупных городов Арабского Ирака.

Иракские туркмены представляли собой немалую военную силу, с которой нельзя было не считаться. Поэтому султан Тогрул-бек, вступив в Рей и Казвин, задумал подчинить себе Буку и других огузских и туркменских вождей. Он предложил им явиться на военную службу и признать его власть. Претензии султана были основаны на том, что эти племена некогда были «подданными» и «рабами» Исраила ибн Сельджука [57].

Вожди иракских туркмен отказались прибыть к Мухаммаду Тогрул-беку в Зенджан и заявили султану: «Мы узнали твою цель — собрать нас, чтобы схватить. Страх [перед этим] удаляет нас от тебя. Теперь мы остановились здесь (в Зенджане.— *С. А.*), ежели желаешь, то мы уйдем в Хорасан или в страну румов (Византию.— *С. А.*), но никогда не будем вместе с тобой» [58]. Данный эпизод, подобно молнии, высвечивает подлинный характер отношений между рядовой массой и вождями сельджукских племен; он подтверждает старую истину, заключающуюся в том, что покорение чужих стран и этносов всегда сопровождалось угнетением собственного народа.

В 1043 г. действовавший в Ираке огузский вождь Кокташ овладел сначала Мосулом, а затем из-за восстания местного населения был вынужден бежать из города, но вскоре снова захватил Мосул [59]. Бука и Анасоглы, разбив арабские войска, захватили Дийарбакр [60]. Страшные грабежи и опустошения, произведенные в Ираке огузскими эмирами, побудили арабских и курдских вождей забыть о распрях и объединить свои военные усилия. В 1043 г. Карваш, правитель Мосула, разгромил огузское войско в битве под Фараджем. Остатки разбитых кочевников ушли из Арабского Ирака и направились к оз. Ван [61]. Силы иракских туркмен были истощены многолетними столкновениями с правителями Азербайджана, Западного Ирана и Арабского Ирака. Ибн ал-Асир сообщает, что из 30—40 тыс. огузов уцелело не более 5 тыс. Оставшаяся в Ираке часть огузов примкнула к армии Ибрахима ибн Инала [62].

Накануне взятия сельджуками Багдада там шла острая борьба между приверженцами халифа ал-Ка'има (1031—1075) и иракскими Буидами. Противоборство было облечено в форму антишиизма, возрождения суннизма, роста влияния 'аш'аритской теологической системы и традиционной ханбалитской школы [63]. Одержанные сельджуками крупные победы в Северном Хорасане и Западном Иране способствовали оживлению этой социально-политической борьбы и усилению позиций багдадского халифа. Тем не менее положение в аббасидской столице характеризовалось неустойчивостью, вмешательством профатимидских сил, мятежами дейлемитских и тюркских преторианцев и восстаниями 'аййаров [64].

В 1050 г. Мухаммад Тогрул-бек перенес столицу государст-

ва из Рея в Исфахан. Однако все помыслы «великого султана» были направлены на захват Ирака и превращение его в плацдарм для наступления на фатимидский Египет и его вассалов в Сирии и Ал-Джазире. Идеологическая подготовка к наступлению на запад началась с акта предания шиизма публичной анафеме в Хорасане. Султанский везир Мухаммад ибн Мансур Абу Наср ал-Кундури с согласия Тогрула включил в хутбу проклятие шиитам — врагам ортодоксального суннизма [65].

В 1053 г. Мухаммаду Тогрул-беку подчинился Фулад Суттун — буидский владетель Шираза, женившийся на дочери Дауда Чагры-бека. Спустя год огузо-туркменские ополчения приступили к завоеванию Хузестана [66]. Вассальную зависимость от Сельджукидов еще ранее признал марванидский правитель Дийарбакра Наср ад-Даула. Северный Ирак, испытавший недавний огузский погром, был открыт для сельджукских походов [67].

Для продвижения в глубь территории Аббасидов Мухаммад Тогрул-бек использовал лозунг освобождения правоверного халифа от еретической шиитской власти Буидов. Последние опирались в Багдаде на профатимидски настроенного начальника гарнизона, тюркского полководца Арслана Басасири. Своего рода правовой основой сельджукского похода на запад послужила и направленная к ним дипломатическая миссия ал-Ка'има и его везира Ибн Масламы с просьбой о защите от Арслана Басасири. Тем не менее верховный сельджукский вождь старался придать своему походу благочестивую форму священного паломничества (хаджжа) в Мекку и войны за чистоту ислама с «нечестивыми» правителями Египта.

Вступление огузо-туркменских сил в Багдад в декабре 1055 г. положило конец буидскому господству в Ираке. Мухаммад Тогрул-бек женился затем на дочери ал-Ка'има, который присвоил ему пышные титулы Рукн ад-Даула (Опора державы) и Малик ал-Машрик ва-л-Магриб (Царь Востока и Запада). Сельджукский правитель был облачен в семь почетных черных одеяний, опоясан двумя мечами и получил два золотых венца, символизировавших его власть над покоренными странами [68].

В начале 40-х годов XI в. Сельджукиды предприняли военный поход на Хорезм. Предлогом для войны послужило изгнание в 1041 г. предводителем сырдарьинских огузов Шахмаликом Барани Исмаила Хандана. Хорезмшах бежал к сельджукам в Хорасан, прося у них защиты и помощи [69].

Разгрому хорезмшаха предшествовали важные события, разыгравшиеся на территории нынешнего Казахстана, в Семиречье и Западной Сибири. В 30-х годах XI в. на обширном пространстве степей, раскинувшихся от Оби и Иртыша до Арала и Каспия, происходят крупные перемещения кочевников. Миграция номадов была частью начавшегося еще в X в. процесса крупных передвижений центральноазиатских степных

народов. Она была вызвана движением монгольских племен из северных и западных районов Маньчжурии в Халху — северную часть нынешней Монголии. Возникла цепь миграций, охватившая каи, кунов и другие племена Дальнего Востока и Сибири, которые начинают теснить западнотюркские народы, в том числе приаральских огузов. Очевидно, под их напором часть кимако-кипчакских и других соседних племен уходит в пределы Хорезма. Судя по данным Байхаки, то были главным образом кечаты и джигераки, поступившие затем на службу к хорезмшахам [70].

Все эти события, по-видимому, заставили часть сырдарьинских огузов передвинуться к Дженду, ставшему их политическим центром в Приаралье. Испытывая растущее давление кочевников Центрального и Западного Казахстана, вождь огузов Шахмалик Барани стремился овладеть соседним Хорезмом. Шахмалик использовал в своих интересах враждебное отношение султана Мас'уда Газневи к восставшему против него хорезмшаху. Мас'уд, стремясь нанести удар сменившему Харуна после его смерти в 1035 г. Исмаилу Хандану, стал подстрекать Шахмалика к войне с Хорезмом. В 1036 г., в разгар газневидо-сельджукской борьбы в Хорасане, он повелел написать указ о пожаловании Шахмалику области Хорезм [71].

В феврале 1041 г. между Шахмаликом и Исмаилом Ханданом произошло сражение на равнине Асиб. Ожесточенная битва, продолжавшаяся три дня, окончилась победой Шахмалика. Исмаил бежал в Хорасан, а Шахмалик в апреле 1041 г. стал правителем Хорезма [72].

В 1042 г. Дауд Чагры-бек с многочисленной конницей двинулся в поход на Хорезм и осадил Шахмалика в Кяте [73]. Однако попытка взять город приступом окончилась неудачей. Приближалась зима, и Дауд, не добившись успеха, отступил за Амударью. Ибн ал-Асир утверждает, что он был разбит Шахмаликом и бежал в Хорасан [74].

В 1043 г., с наступлением весны, сельджукское войско во главе с Тогрулом и Даудом снова вторглось в пределы Хорезма. Абу-л-Фаварис Барани, осажденный в Кяте, совершил вылазку, но попал в засаду и был наголову разбит. Хорезмская знать и измученные лишениями горожане выразили покорность Сельджукидам. Шахмалик с казной, свитой, женами и детьми бежал через Каракумы в Дихистан. Затем он двинулся в Табес и Керман, а оттуда — в Мекран. Очевидно, по пути из Дихистана в Керман он вторгся в округ Байхак и осадил Себзевар [75]. Местные жители оказали жестокое сопротивление, и отряд Шахмалика вынужден был отступить из-под стен города. Абу-л-Фаварис Барани был захвачен в Мекране в плен Ирташем, братом Ибрахима ибн Инала [76].

Разгром Шахмалика нанес сильный удар государству сырдарьинских йабгу, на которое усилилось давление соседних кипчакских племен [77]. В армянских источниках отмечается, что

в середине XI в. «рыжеволосый» (хардеш) народ нанес страшное поражение огузам и печенегам, которые ушли в пределы Византийской империи [78]. Народ хардеш идентифицируется многими исследователями с происходившим из среды кипчаков племенем сары [79].

В современной историографии утвердилось мнение о том, что передвижение кипчаков с востока на запад было результатом экспансии кунов и каи в пределы Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы. Однако картина этой цепи миграций, по-видимому, была сложнее и характеризовалась более широким диапазоном. В год завоевания сельджуками Хорезма, как сообщает Ибн ал-Асир, ислам приняли «десять тысяч шатров из тюрок-язычников, которые, бывало, совершали нападения на мусульманские страны в пределах Баласагуна [80] и Кашгара. Они [кочевали] летом в пределах Булгара [81], а зиму проводили в краях Баласагуна» [82]. Ибн ал-Асир указывает далее, что после обращения в ислам они рассеялись по соседним и другим областям. Спустя три года, в 1046 г., в Семиречье хлынуло из Тибета «бесчисленное множество тюрок», которые вступили в контакт с Арслан-ханом, правителем Баласагуна [83]. Очевидно, их миграция была связана с нашествием «с гор между Тибетом и Хотаном» в Кашгар волны кочевников (700 тыс. всадников), во главе которых стояли «семь царей». Абу-л-Фарадж, датируя это событие 1046 г., называет их главу «назарат», объясняя смысл данного термина как «божий военачальник (эмир) и правитель» [84].

Приведенные исторические сведения дают основание думать, что в X — первой половине XI в. происходили крупные перемещения кочевых племен от пределов Маньчжурии, Северной Монголии и Восточного Туркестана до Нижнего Поволжья. Среди них значительную роль играли объединения центральноазиатских племен, которые двигались через Хотан и Кашгар в Семиречье, находившееся под властью Караханидов. Племена кунов проникли, как известно, к середине XI в. далеко в глубь Восточной Европы, а в конце 60-х годов вторглись на территорию Венгрии [85].

Можно предполагать, что причиной рассматриваемых передвижений в определенной мере явилась также экспансионистская политика Тангутского государства. Данные китайских источников позволяют говорить об оккупации тангутами в 20—30-х годах XI в. провинции Кансу. Наступление тангутов могло отразиться на перемещении кочевого населения, обитавшего на западных границах Китая [86].

В бурном водовороте вызванных этими событиями миграций оказались и кипчаки, граничившие с огузами Приаралья и Северного Прикаспия. Под давлением наступавших с востока кочевников кипчаки постепенно овладели землями огузов, которые распались на несколько группировок. Основная их масса ушла в Нижнее Поволжье, южнорусские степи и на Балканы.

Другая же часть огузов двинулась в Мавераннахр и Хорасан, к родственным им сельджукским племенам.

Описываемые события не только оказали влияние на исторические судьбы приаральских огузов, но и отразились на сельджукских завоеваниях XI в., на что исследователи до сих пор не обратили должного внимания. Между тем известно, что именно к середине XI в. усиливается приток огузских племен в Северный Хорасан и Западный Иран. В 1048 г. огромная масса огузов, прибывшая из Мавераннахра в Иран и Ирак, примкнула к Ибрахиму ибн Иналу. «Моя страна,— заявил огузам Ибрахим,— не может вместить вас и удовлетворить ваши нужды. Поэтому я советую вам совершить поход на румийцев (византийцев.— С. А.), вести [против них] священную войну и захватить добычу. Я же пойду [вслед] за вами и помогу вам в этом деле» [87].

Приведенное свидетельство историка Ибн ал-Асира говорит о широте и диапазоне миграций огузских племен из Средней Азии в сопредельные области Востока в конце 40-х годов XI в. Вместе с тем оно позволяет видеть, что Сельджукиды использовали своих кочевых соплеменников в экспансионистских целях под флагом «священной войны», которая в действительности велась ради захвата и грабежа новых территорий.

В 1042 г. правители Гургана и Табаристана изъявили покорность и обязались уплачивать дань Мухаммаду Тогрул-беку [88]. Сельджукиды овладели здесь главным образом равнинными землями, прилегавшими к Каспийскому морю. Эти области отличались сырым малярийным климатом, но они служили коридором, связывавшим Среднюю Азию и Иран с Закавказьем и Малой Азией [89].

В 1042 г. Тогрул-бек послал десятитысячную конницу в Восточную Анатолию, находившуюся под властью курдской династии Марванидов. Во главе сельджукского войска стояли Бука и Анасоглы, перешедшие на службу к верховному сельджукскому правителю [90]. Очевидно, вслед за тем в Закавказье и в пределы малоазиатских владений Византии вторглись и огузы под предводительством Ибрахима ибн Инала [91]. В 1050 г. в окрестностях Вананда произошло решительное сражение с армяно-грузинским войском, которым командовал Липарит Орбелиани. Сельджукская армия одержала победу, а затем ворвалась в область Васпуракан, «подобно изголодавшимся волкам» [92].

В 1046 г. Мухаммад Тогрул-бек направил большое войско под главенством Кутулмыша для завоевания «горных областей Армении и Азербайджана» [93]. Кутулмыш осадил Гянджу, но не смог взять столицу Шаддадидов. Очевидно, затем он вместе с братом Расул-Тегином совершил рейд в пределы Византии [94].

В 1054 г. вассалами Сельджукидов стали Раввадиды, правившие в Южном Азербайджане и Арране [95]. Вахсудан ибн Мамлан, столицей которого был Тебриз, отдал своего сына в

заложники Тогрул-беку. Изъявили покорность и Шаддадиды, встретившие с почетом Кутулмыша у ворот Гянджи [96]. Султанская армия прошла через Закавказье в Анатолию, достигла Манцикерта и Арзрума [97].

В 1058 г. под натиском войск Кутулмыша пали Карс и Малатья, а в 1062 г. в Азербайджане появился с большой армией сам Мухаммад Тогрул-бек. Однако вскоре он ушел обратно, поручив ведение «священной войны» в Закавказье и Малой Азии своему племяннику Якути [98].

ПОСЛЕДСТВИЯ СЕЛЬДЖУКСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

«Сельджукское движение», переросшее затем в грабительские завоевательные походы, оказало влияние не только на политическую, но и на социально-экономическую жизнь покоренных стран. Многолетняя сельджукидо-газневидская война нанесла урон сельскому хозяйству Хорасана. Крестьяне, особенно мелкие собственники и общинники, испытавшие большие лишения, были разорены. Многие дихканы вынуждены были продавать свои земли почти за бесценок [99]. В 1040 г., в период апогея сельджукидо-газневидской борьбы, в Хорасане царили голод и разруха. «Цены,— пишет Абу-л-Фазл Байхаки,— возросли до того, что старики говорили, что за последние сто лет подобного не помнят» [100].

Тяжелое положение было также во многих завоеванных сельджуками регионах Ирана и Ирака. Огузо-туркменская знать отобрала большое количество скота у населения покоренных стран [101]. Создалась острая нехватка тягловой силы для обработки земель, что привело к росту цен на быков, ослов, верблюдов [102]. Крестьяне разбегались из сел и деревень, и сельджукские власти стали их возвращать и принуждать к обработке полей. В этой обстановке в 1056 г. разразились голод и эпидемия чумы, охватившая огромную территорию — от Ирака до Мавераннахра [103]. Рецидив голода и «черной смерти» повторился в 1075 г., обезлюдив многие города Ближнего Востока [104].

Сельджукские завоевания, приведшие к упадку земледелия, неблагоприятно отразились на положении народных масс. Пострадало и немало феодальных кланов, утративших земли и поместья. В создавшихся условиях сельджукское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки своим подданным. Мухаммад Тогрул-бек и его окружение стали искать пути к нормализации и подъему экономики государства. Такой курс был взят еще в 30-х годах, когда в Мерве были восстановлены «разрушенные [войной] хозяйства и земельные владения» [105]. Продолжением этой аграрной политики явилось освобождение на год сельского населения Хорасана от уплаты хараджа. «Он (Чагры-бек.— *С. А.*),— отмечает Садр ад-Дин ал-Хусайни,—

разделил добычу между своими войсками, даровал своей стране [освобождение] от хараджа на один год, восстановил [разрушенные селения и отпустил пленных»[106]. Мухаммад Тогрулбек после вступления в Исфахан «повелел, чтобы в течение трех лет с жителей города ничего не брали; правитель следовал этому указанию, и все переселенцы снова вернулись на родину»[107].

В мировой историографии имеются утверждения о том, что с образованием державы Сельджукидов исчезли гнет и притеснение широких масс[108]. Такой взгляд не соответствует действительности, а что касается санкционированной Тогрулом приостановки уплаты хараджа, то она носила лишь временный характер. Это была вынужденная мера, преследовавшая целью восстановление сельского хозяйства — основы производительных сил покоренных стран. В дальнейшем ситуация переменилась настолько, что поземельный налог иногда собирался уже два раза в год[109].

В ходе сельджукского движения в Хорасане и последующих захватнических войн были разрушены системы водоснабжения и некоторые ирригационные сооружения. Особенно пострадали районы, оказавшиеся театром активных военных действий[110]. В этот период многие возделываемые земли, в частности близ крупных городов, были заброшены на долгие годы. Иногда вырубались на топливо плодовые деревья, как это имело место в Байхаке[111]. Такие разрушительные действия происходили не только по вине огузо-туркменских ополчений, но и газневидской рати. Сельджукские вожди, стремясь ослабить противника, нередко отводили воду из небольших рек с помощью насильно собранных крестьянских ополчений (хашар). Применялась ими и особая «скифская» тактика, когда специальные отряды уничтожали на пути движения вражеской армии плодовые деревья, травы, сжигали жилища, загрязняли и портили воду. Делалось все это с целью лишить противника фуража, продовольствия и убежища[112].

После установления сельджукского господства трудное положение создалось в покоренных областях Средней Азии, Ирана и Северного Афганистана. Насири Хусрау (1004—1075), очевидец событий той эпохи, пишет о разорении Хорасана и простом народе, прозябающем в нищете[113]. В одной из своих касыд он гневно осуждает местную знать и духовенство, которые достигли благополучия, закрыв глаза на чинимые огузскими вождями произвол и насилия. Насири Хусрау изображает сельджукское господство как торжество «невежества», а огузов и кипчаков называет «травой бедствия, выросшей на берегах Джейхуна»[114]. Резко отрицательно поэт отзывается о правящей Сельджукидской фамилии, представители которой «из неимущих бродяг (аубаш) стали владыками (хан) и госпожами (хатун)»[115]. Продолжая тему социальной несправедливости в восточной поэзии, он обличает сельджукское господство, выступа-

ет «против их физической и нравственной тирании и ее опоры — духовенства, вельмож, судей, тюремщиков» [116]. Насири Хусрау сообщает важные сведения об огузо-туркменской аристократии, овладевшей несметными богатствами. «Сегодня тегин, илик и байгу,— пишет он,— взяли [в свои руки] все бразды правления народом» [117]. Среди высших слоев знати он упоминает также инала [118], которого народ вынужден почтительно называть «отцом». Поэт говорит о торжестве алчности и распространении несправедливости при «Тогруле-туркмене и Чагры» [119].

Насири Хусрау был враждебно настроен к сельджукским властям, на службе у которых он находился до 1045 г., когда порвал с ними и отправился в семилетнее путешествие по Закавказью, странам Ближнего и Среднего Востока. Разумеется, поэт в целях усиления эмоционального воздействия художественного слова в определенной мере сгущает краски. Однако в его произведениях отражены многие реалии, связанные с приходом к власти династии Сельджукидов. В пользу такого мнения свидетельствует рассказ Ибн ал-Асира о переписке между Тогрулом и Даудом. Вскоре после образования государства Сельджукидов, пишет историк, Чагры-бек послал брату письмо, в котором говорилось: «Дошло до меня, что ты разрушаешь страну, которую завоевал и которой стал владеть, и что жители ее выселились из нее. Не тайна, что это противоречит приказанию Аллаха по отношению к рабам его и стране его. Ты знаешь, какая от этого дурная слава и разорение подданных». В ответ на это Мухаммад Тогрул-бек написал: «О брат мой, ты завладел Хорасаном, а он был страной процветающей, и ты опустошил его. При прочности твоей власти ты обязан был восстановить [Хорасан]» [120].

Сельджукское вторжение не было однозначным для стран Ближнего и Среднего Востока. Вызванная им здесь разруха носила временный характер, но это нашествие более серьезно и негативно отразилось на Закавказье, в особенности на Грузии и Армении [121].

Образование державы Сельджуков, как мы видим, сопровождалось противоречивыми и сложными процессами. Завоевание Хорасана и сопредельных областей Среднего и Ближнего Востока нанесло некоторый урон производительным силам этих стран. Нехватка продовольствия, голод, а затем эпидемия чумы усугубили положение широких масс населения. В создавшихся условиях Сельджукиды вынуждены были вести курс на восстановление разрушенного войнами хозяйства и некоторое облегчение участи податных слоев. Однако эти мероприятия носили временный характер и не привели, вопреки мнению некоторых ученых, к искоренению сельджуками социальной несправедливости. Фактически произошла обычная замена одних угнетателей другими, но при этом расширился и изменился состав правящего класса. Феодальное сословие пополнилось представите-

лями тюркской аристократии, вступившей в союз с недовольными прежними режимами местными землевладельцами и мусульманским духовенством. Сельджукиды всячески поддерживали своих новых социальных партнеров, утвердили за перешедшими на их сторону землевладельцами их недвижимую собственность и доходы [122].

Однако исследуемый процесс не был гладким и однолинейным, так как он сопровождался возникновением оппозиции огузских и туркменских родо-племенных вождей. Курс на сближение со знатью покоренных стран, ломка старых обычаев и традиционных институтов кочевников были не по душе предводителям сельджукских племен. Большое недовольство вызывала начатая султаном Тогрул-беком (после разгрома мятежа Ибрахима ибн Инала в 1050 г.) замена огузо-туркменских боевых ополчений мамлюкскими отрядами и постоянной армией. Между постепенно отходившей от основной массы соплеменников правящей ветвью династии и вождями сельджукских племен назревал открытый конфликт. Противоборство этих двух тенденций завершилось на рубеже первой и второй половины XI в., особенно после мятежа Ибрахима ибн Инала, победой линии сыновей Микаила ибн Сельджука. Однако конфронтация, принявшая иной, подспудный характер, продолжалась еще сравнительно длительное время [123].

Хотя сельджукское господство было нелегким в Хорасане и других покоренных странах, приход к власти новой династии положил конец прежним, еще более деспотическим формам правления наподобие режима Газневидов [124]. Важное значение, особенно в глазах суннитского населения Ирана и Ирака, имело устранение сельджукскими предводителями династии Буидов, узурпировавшей прерогативы светской власти аббасидских халифов.

Сельджукские завоевания, несмотря на их кровавый и грабительский характер, объективно способствовали ликвидации феодальной раздробленности в покоренных странах Востока. Объединение громадной территории в рамках единого государства сыграло позитивную роль в ломке барьеров на пути широких исторических контактов и развития международной торговли [125]. Вызванный сельджукским нашествием экономический упадок сменился затем возрождением сельского хозяйства, городской жизни и ремесла в большинстве регионов Азии, в частности в Иране, который относительно легче, чем другие страны, пережил разруху и эпидемию 50-х годов XI в. [126] Несмотря на это, установление сельджукского господства тяжело переносилось в завоеванных странах, население которых было в основном враждебно настроено к чужеземцам и всячески стремилось к независимости. Особенно наглядно это проявилось в конце XI — начале XII в., когда наступил период междуцарствия и феодальных усобиц, приведших к раздроблению обширной империи Сельджукидов [127].

Утверждение власти Сельджукидов ознаменовалось перераспределением земельного фонда и пополнением класса феодалов за счет кочевой туркмено-огузской аристократии. Члены правящей фамилии поделили между собой завоеванные страны, причем часть областей была оставлена за превратившимися в обычных вассалов прежними династами. Сельджукиды в одних случаях получили земли на правах частных собственников (мильк-дар), а в других — в качестве держателей икта' [128].

Важным следствием сельджукского завоевания явилось постепенное исчезновение старинных дихканских родов Средней Азии, Ирана, Северного Афганистана. Составлявшие еще с сасанидской эпохи основную массу землевладельцев, дихкане нищают, разоряются и утрачивают былое значение. В источниках сообщается о таких древних кланах, переживавших глубокий упадок [129]. Однако этот процесс не был одновременным и повсеместным, а имел свои локальные и региональные черты. Судя по данным источников XI—XII вв., определенная часть дихканства сохранила свои мильки и дийа' — частные земельные владения [130]. По традиции, дихканами в некоторых регионах именовались также предводители или главы сельских округов (нахийат). Несмотря на это, термин «дихкан» все больше терял прежнее значение, он все чаще прилагался к земельным собственникам вообще, включая массу крестьян, владевших небольшими наделами [131].

Возникновение Сельджукидской империи привело также к росту удельного веса средних феодальных слоев, тесно связанных с гражданской и военной службой. Новая служилая знать по мере становления и бюрократизации государственного аппарата начинает оттеснять представителей старой родовитой аристократии. Одновременно с этим происходит наметившаяся еще в предшествующее время поляризация соперничавших между собой феодальных слоев Хорасана и Ирака [132].

Сельджукские завоевания, тяжело отразившиеся на экономическом положении широких масс, особо затронули сельское население. В результате многолетних войн, а также в процессе роста крупного феодального землевладения происходит дальнейший распад мелкой крестьянской и общинной собственности. Обнищавшие и разорившиеся крестьяне расширяют круг зависимых сельских арендаторов, пополняют низшие слои городского населения [133].

Образование державы Сельджукидов, ознаменовавшееся перераспределением завоеванных стран, не оказало решающего влияния на основные категории земель. Главными видами феодального землевладения оставались государственные (ардал-мамлака, арази-йи дивани), коронные (хасса), частновладельческие (мильк) и вакфные земли. Вместе с тем происходят кардинальные изменения, связанные с широким распространением

икта'. В исследуемый период наблюдается интенсивное развитие этого института, что повлекло за собой важные последствия в общественно-политической и социально-экономической жизни [134].

В отечественной и зарубежной историографии высказаны различные точки зрения о генезисе и развитии икта'. Современные историки рассматривают икта' как один из феодальных институтов средневекового Востока. Вместе с тем они подчеркивают большую роль, которую сыграло икта' в сельджукский период, его трансформацию из условной формы земельного держания в пожизненную, а затем и наследственную собственность [135].

Западноевропейские востоковеды, в частности К. Беккер, еще в начале XX в. высказали мнение о том, что институт икта' развился из откупной налоговой системы в Халифате. Икта' не базировался на феодальном вассалитете и лишь в конце XI в., с проникновением военного сословия в откупную систему, превращается в военный лен [136].

К. Беккер, рассматривая генезис икта', сопоставлял данный институт с византийским эмфитевзисом (наследственной формой аренды) и европейским бенефицием, но с той разницей, что икта' не был основан на вассалитете и поэтому не имел феодального характера. Э. Лэмбтон и О. Туран сделали попытку увязать происхождение икта' с общинно-родовыми отношениями у сельджукских племен. Однако оба автора не привели сколько-нибудь серьезных доводов в пользу своих концепций [137].

Проблема генезиса икта' сельджукского периода остается сейчас одним из наиболее спорных и неразработанных вопросов [138]. Между тем решение этой проблемы дало бы возможность глубже понять содержание и главные линии эволюции рассматриваемого института. Кроме того, оно позволило бы уяснить характер тех перемен в аграрном строе, в других сферах социально-экономических отношений, а также в явлениях политической жизни, которые свершились после образования державы Сельджукидов.

Исторические факты свидетельствуют о том, что практика икта' существовала уже во времена раннего Халифата. Теоретически правом отдачи земли в икта' обладал только халиф — глава всех «правоверных». Однако среди мусульманских законоведов не было единства мнений о его прерогативе наделять землями воинов, полководцев, государственных деятелей [139].

В VII—XI вв. в странах Ближнего и Среднего Востока существовало несколько видов икта'. Одной из форм был так называемый икта' ал-истиклал, обладатель которого имел только право пользоваться доходами с пожалованного надела. Другая категория, икта' ал-иджара, представляла собой аренду земли с правом сбора налогов. Владелец такого полученного в аренду земельного надела уплачивал налог в пользу государства. Следующим видом был икта' ат-тамлик, владелец которого являлся фактическим собственником земли. Первоначально же

под икта‘ ат-тамлик понималась недвижимая собственность или же обрабатываемая земля, лежащая в пустынной местности [140].

Наряду с этими категориями земель существовал еще икта‘ ал-ирфак, дававшийся в условное держание, во временную ссуду, напрокат. При этом надо иметь в виду, что в первые века ислама под икта‘ понимали не только земли в сельской местности, но и в городах (икта‘ аш-шари‘) [141].

Раздача государственных и конфискованных земель в икта‘ практиковалась и в державе Буидов. Стремясь укрепить свое положение, Буиды жаловали наделы военным чинам и гражданской служилой бюрократии. В источниках упоминается о раздаче икта‘ буидскими правителями военным предводителям и солдатам, в том числе из тюрок [142]. Икта‘ в рассматриваемое время фактически представлял собой право сбора налогов с земли взамен жалованья. Тем не менее держатели (мукта‘) таких наделов всячески стремились закрепить за собой икта‘ в качестве наследственных владений. Однако данный процесс, вероятно, не получил полного завершения при Буидах [143].

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ИКТА‘ СЕЛЬДЖУКСКОГО ПЕРИОДА

Большинство современных исследователей рассматривают икта‘ сельджукского времени как продолжение аграрного института, возникшего в недрах Омейядского халифата. Исторические факты, как мы видим, действительно говорят о существовании нескольких категорий икта‘ в Халифате и государствах иранских и иракских Буидов. В значительно меньшей степени ясен вопрос о распространении икта‘ в державе Газневидов, несмотря на категорическое мнение К. Босворта [144]. Разумеется, это не означает, что в Северном Хорасане и Средней Азии в досельджукский период не было аграрных институтов наподобие икта‘, но, судя по всему, они не играли большой роли. Исследования советских историков выявили напоминающие икта‘ раннего периода условные формы земельных владений в государстве Саманидов. В IX—X вв. такие пожалования имели члены правящих династий и крупные гражданские и военные чины. Большинство этих земельных держаний носили временный, пожизненный характер, но были и случаи фактического расширения прерогатив, что выражалось в попытке их наследственного закрепления [145].

Отмеченные факты, несомненно, должны быть учтены при рассмотрении вопроса о генезисе и путях образования икта‘ сельджукского периода. Становится очевидным, что истоки данного института необходимо искать не только на Арабском Востоке, но и в Средней Азии и Северном Хорасане. Решению этой проблемы, по нашему мнению, в определенной степени может содействовать анализ газневидо-сельджукских отношений в первой половине XI в.

Одним из главных мотивов передвижения огузских и туркменских номадов в 20—30-х годах XI в. в Прибалханье, Хорасан и Гурган была нехватка пастбищ в Мавераннахре и Хорезме. Испытывая натиск кипчаков и тюрок-караханидов, они просили султана Махмуда разрешить им переправиться через Амударью. «Мы [испытываем] тесноту в [обитаемых] местах,— писали сельджуки газневидскому султану,— а [имеющихся] пастбищ не хватает для нашего скота. Дозволь нам перейти реку [Джейхун] и поселиться между Нисой и Абивердом» [146]. Обладая большими стадами верблюдов, овец, мулов и лошадей [147], огузы и туркмены нуждались в обширных пастбищах, которые имелись в Каракумах. Природные условия этой пустыни были вполне благоприятны для разведения таких пород домашних животных.

Сельджуки, насчитывавшие 4 тыс. семей, были расселены эмиром Махмудом, как отмечалось в предыдущей главе, в окрестностях Феравы, Серахса и Абиверда [148]. Газневидский султан рассчитывал использовать их ополчения для пополнения своего войска, а также для охраны юго-западных рубежей государства. Пастбища в Северном Хорасане были предоставлены огузо-туркменским племенам за военную и пограничную службу. Однако условия этой складывавшейся практики, вероятно, не были оформлены специальным договором, что дало повод газневидским чиновникам требовать с кочевников уплаты налогов. Попытка взыскать силой подати с сельджуков привела к их восстанию в 1027 г. против султана Махмуда [149].

В 1030—1031 гг., после воцарения Мас'уда, был повторен опыт привлечения огузо-туркменских номадов на военную службу. Судя по данным Байхаки, была сделана попытка использования их в качестве войска, получающего жалованье из казны. Однако она не увенчалась успехом из-за крайней подозрительности и недальновидности султана [150].

Новый этап в газневидо-сельджукских отношениях наступил весной 1035 г., когда значительная масса кочевников пришла из Хорезма и Мавераннахра в Северный Хорасан. Переправившись через Амударью, сельджуки остановились в Каракумах близ Мерва и Нисы. Примечательно, что они обещали направить в качестве заложника одного из трех главных вождей, предлагая эмиру стать его «войском, исполняющим любую службу, которая будет повелена» [151]. Огузо-туркменские вожди просили отвести им области Нисы и Феравы, где они могли бы пасти скот и разместить обозы с семьями. Взамен они обязывались нести охрану среднеазиатских границ империи и отражать набеги кочевников Прибалханья, Дихистана, Хорезма и Мавераннахра [152]. Таким образом, здесь мы видим ту же практику наделения землей с условием нести военную и пограничную службу.

Газневидские власти согласились на предложения сельджуков лишь после разгрома Бектугды летом 1035 г. под Нисой.

Ма'уд вынужден был отдать Дихистан Чагры-беку, Нису — Тогрулу, а Фераву — Мусе [153]. На этот раз произошла передача как земель с пастбищами, так и расположенных здесь городов. Пожалование было оформлено специальными грамотами, скрепленными государственными печатями и личной султанской подписью. Сельджукские вожди получили титул «дихкан» вместе с почетными одеждами и знаками отличия. «Справили три халата, как это принято в отношении наместников областей (валитан),— пишет Байхаки,— двурогие шапки, знамена, одежды, сшитые по нашему обычаю, лошадей, седельное убранство, золотые пояса на тюркский лад, нескроенные ткани всех сортов по тридцать отрезов» [154]. Муса, Тогрул и Дауд поклялись в верности и покорности Ма'уду, причем один из них должен был стать заложником в Газне.

Нетрудно заметить, что здесь перед нами выступает институт, основанный не на предоставлении земли в частную собственность, а на пожаловании административных прерогатив, которыми пользовались наместники крупных областей (вали). Данная практика весьма близка к условной форме землевладения с правом получения определенной части ординарных налогов, взимавшихся с гражданских подданных (ра'ийат). Поэтому не случайно Ибн ал-Асир квалифицировал предоставление сельджукским вождям вместе с титулом «дихкан» названных областей как пожалование наделов, относящихся к категории икта' [155]. Сделанный вывод подтверждается дальнейшими событиями газневидо-сельджукской войны, в результате которой в 1036 г. Мусе, Тогрулу и Дауду были отданы также Мерв, Серахс и Абиверд. Сельджукские предводители в ходе переговоров недвусмысленно заявили Ма'уду, что они просят отдать им эти области с прилегающими городами, «дабы [в них] пребывали государевы сахиб-бариды, казии и сахиб-диваны, чтобы взимали налоги [мал] и отдавали нам в виде жалованья (бистгани), дабы мы были царским войском и очистили от мятежников Хорасан» [156]. Иначе говоря, речь тут идет о предоставлении за военную службу права на получение оговоренной доли налоговых сумм, взимавшихся в пользу государства. Исследуемый институт в определенном смысле можно рассматривать как прообраз так называемого военного икта' (икта' ат-и хашам, икта' ал-аскарийа), получившего в XI—XII вв. широкое распространение в государстве Сельджукидов.

Дихканы областей, или вали, каковыми стали три главных предводителя туркмен, не имели налоговых и других иммунитетных прав. Столь ограниченные прерогативы тяготили сельджукских вождей, претендовавших на самостоятельное управление пожалованными областями [157]. Стремление Тогрула, Дауда и Мусы к расширению своих иммунитетных прав хорошо видно из переговоров, ведшихся ими после битвы под Серахсом. В 1039 г., после ряда военных неудач, султан Ма'уд вынужден был заключить мир с Сельджукидами. Согласно новому дого-

вору, они получили «пустыни и края» Серахса, Абиверда, Феравы и Нисы с условием «не нападать на мусульман: хороших (знатных) и плохих (простых), не трогать имущество подданных (ра'ийат), не производить [чрезвычайных] поборов (мусадара) и сборов по соглашению (муваза'ат)» [158].

Однако сельджукские предводители заявили, что отведенные им области с пастбищами недостаточны для кормления. Тайные осведомители доносили султану, что они помышляют о независимом, полновластном распоряжении пожалованными областями. Вожди огузов и туркмен добивались более широких прерогатив, стремясь не только использовать доходы от харадж а и других узаконенных налогов, но и вводить при необходимости экстраординарные поборы [159]. Фактически их не устраивало положение дихканов, получавших жалованье за государственную службу. Стремление к превращению из условных держателей земли в независимых владельцев явилось главной причиной многолетней, упорной борьбы огузо-туркменских вождей в Северном Хорасане.

В ходе сельджукского движения, таким образом, выявляется определенная практика, связанная с пожалованием земель за гражданскую и военную службу. Функционировала уже система отдачи целых провинций с расположенными на их территории пастбищами и городами в условное держание, что оформлялось специальными государственными актами. Непосредственными ее компонентами были присяга на верность султану, круговое поручительство и совершение торжественного клятвенного обряда [160]. Определенное значение при этом имело введение системы заложников под благовидным предлогом почетной службы при дворе.

Выявляемая условная форма землевладения давала право на получение за услуги государству части натуральных и денежных налогов, взимавшихся с пожалованных областей. Главным источником такого дохода служил харадж, уплачивавшийся сельским населением. Держатели этих пожалований были заинтересованы в увеличении своей доли налогов и всячески содействовали введению новых, чрезвычайных поборов. Данная система поземельных отношений легла в основу икта', ставшего постепенно ведущим аграрным институтом государства Сельджукидов.

СЕЛЬДЖУКИДСКАЯ ИМПЕРИЯ В 60-х — НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XI в.

Основанная вождями кочевых огузо-туркменских племен обширная держава состояла первоначально из двух основных крупных владений, находившихся под сюзеренитетом братьев Мухаммада и Дауда. Хотя верховным правителем государства был Тогрул-бек, его власть распространялась лишь на страны

держивали эмиры Йагисийан и Эрдем, ориентировавшиеся на служилую аристократию во главе с честолюбивым Низам ал-Мульком. Сулайман и его приверженцы не смогли удержаться у власти. Зимой 1063 г. в Казвине верховным султаном был провозглашен Алп Арслан [165].

После воцарения Алп Арслана везир Амид ал-Мульк был арестован, а затем казнен по настоянию занявшего его пост Низам ал-Мулька. Захват власти Алп Арсланом ускорил и закрепил начатый ранее процесс слияния восточных и западных областей в единую империю. Алп Арслан был признан Багдадом и получил от халифа почетные титулы 'Адуд ад-Даула и Зийа'ад-Дин [166].

Консолидация сельджукских владений в рамках единой державы протекала в сложных условиях и сопровождалась волнениями кочевых племен. В 1064 г. против Алп Арслана восстал Кутулмыш ибн Исраил, заявивший свои претензии на верховное правление. Кутулмыш при этом апеллировал к старинной огузской традиции, согласно которой власть должна принадлежать старшему в роду или семье. «Султанат,— заявил он своему племяннику Алп Арслану,— должен по праву перейти ко мне, поскольку мой отец [Исраил] был старшим и главным предводителем [сельджукских] племен» [167]. Притязания отпрыска Исраила на сельджукидский трон были поддержаны значительной частью огузов и туркмен, которые были недовольны политикой Тогрул-бека и его преемника Алп Арслана. Замена кочевых ополчений мамлюкской гвардией и постоянной армией, которая получала жалованье и доходы с икта', были лишь одной из причин отчуждения, возникшего между подавляющим большинством кочевников и правящей династией. Значительную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что Сельджукиды не оправдали всех надежд рядовой массы своих сородичей. Дело в том, что передвижение огузо-туркменских племен из Средней Азии в Иран и сопредельные регионы Западной Азии не было простым нашествием. Сельджукская экспансия сопровождалась переселением целых родов и племен, выступавших в дальние походы с женами, детьми, стадами овец, лошадей, верблюдов [168]. В завоеваниях принимали участие кыныки, йива, дюкеры, кайи, афшары и другие огузо-туркменские племена [169]. «Уйдя из Мавераннахра,— писал один из османских историков,— туркмены под именами „данышменди", „ак-коюнлу", „сельджук" проникли [вплоть] до Анатолии» [170].

В новых местах поселения мигранты искали не только добычу, но и пастбища и земли и нередко захватывали их у местных жителей. Обычно это приводило к конфликтам с коренным оседлым и обитавшим здесь издавна кочевым населением [171]. Сельджукиды не были в состоянии обеспечить всех сородичей удобными пастбищами и землями и старались удалить своих беспокойных соплеменников подальше от тех регионов завоеванных стран, где проживало оседлое население. Немаловаж-

ную роль при этом играло и стремление правящей династии подчинить кочевников строгой дисциплине и ввести над ними постоянный военно-административный контроль. Такая политика вызывала недовольство кочевников и вела к еще большему разрыву правящей династии с основной массой сельджукских племен. Поэтому огузо-туркменские племена нередко сами бежали от Сельджукидов в пограничные области. Очевидно, все эти негативные факторы были использованы в своих целях Кутулмышем ибн Исраилом [172].

Кутулмыш после смерти Тогрула собрал огромное войско из огузов и туркмен и направился из Саве к Рею, куда двинулась из Нишапура и армия Алп Арслана. Попытка начать мирные переговоры в Дамгане [173], куда были отправлены послы Кутулмыша, не увенчалась успехом. Между тем отряды мятежных сельджукских вождей разграбили несколько селений в окрестностях Рея. Кутулмыш, боясь попасть в окружение, направился со своими ополчениями по дороге к Исфараину. Близ селения Милх началось ожесточенное сражение, в котором султанское войско одержало победу. Кутулмыш был убит, множество подвластных ему огузов и туркмен было истреблено, а их имущество и скот разграблены. В руки Алп Арслана попали родичи его соперника, в числе которых был и Сулейманшах — малолетний сын Кутулмыша. Султан отдал распоряжение уничтожить пленных, но этому воспротивился Низам ал-Мульк, который, видимо, опасался дальнейших осложнений с сельджукскими вождями. Везир предложил отправить побежденных родичей «на границу страны Ислама, чтобы они охраняли рубежи [державы] и были удалены от дел государства» [174]. Сулейманшаха вместе с зависимыми туркмено-огузскими племенами отправили в Дийарбакр и ар-Руху [175], в области на границе между Сирией и Византией [176].

Разгром мятежа Кутулмыша нанес ощутимый удар племенному сепаратизму кочевой и полукочевой сельджукской аристократии. Вместе с тем усилились позиции оседлой феодальной знати, главным образом хорасанцев, возвысившихся на службе у новой династии. Рассматриваемые события оказали воздействие на характер дальнейшего развития политического строя и формирование бюрократического аппарата под влиянием местных, в основном среднеазиатско-иранских, государственных традиций. В царствование Алп Арслана и особенно при его сыне Маликшахе происходит окончательное сложение административно-государственной системы империи Сельджукидов.

Средневековые источники характеризуют Алп Арслана как «великого завоевателя», которому подчинялось более «тысячи двухсот падишахов». Султан имел оригинальный внешний облик: «грациозный стан, длинные, но редкие усы и борода, которую во время стрельбы из лука он завязывал узлом». Алп Арслан носил высокую шапку и был метким стрелком, попадавшим в цель без промаха [177].

Десятилетнее правление султана Алп Арслана (1063—1072) знаменуется дальнейшим возрождением и развитием сельского хозяйства, ремесла и городской жизни. В значительной мере этому содействовало оживление торговли и обмена на путях, связывавших Казахстан, Среднюю Азию, Иран и Афганистан с Дальним Востоком, Индией и Малой Азией. В лежавших на этих магистралях крупных городах появляются новые колонии иноземных купцов, в частности индусов и византийцев [178].

Алп Арслан, особенно на начальном этапе своего правления, стремился вести сбалансированную фискально-налоговую политику. «Когда султан Алп Арслан,— пишет Садр Ад-Дин ал-Хусайни,— стал самостоятелен в деле правления и занял престол царства, он простер над подданными крылья справедливости и укрыл их под сенью сострадания и щедрости. Он освободил подданных (ра'ийа) от ежегодной двукратной уплаты основного налога (ал-харадж ал-асли)» [179]. Сельджукские власти проводили также благотворительные мероприятия в целях ослабления недовольства масс, особенно городских низов, пострадавших от войн, голода и разрухи. Ежегодно в рамадане — девятом месяце лунного мусульманского календаря, когда наступал религиозный пост, велась раздача милостыни и подаяний. По тысяче золотых динаров раздавали в Балхе, Мерве, Герате и Нишапуре. Происходила также раздача бесплатной пищи беднякам, для чего забивали несколько сот баранов [180]. Однако эта общественная благотворительность лишь временно приглушала социальную несправедливость.

Сельджукидская империя в правление Алп Арслана, как и его предшественника Тогрул-бека, поддерживала свою мощь опорой не только на военную силу, но и на местную феодальную знать, верных и покорных вассалов. Значительную роль при этом играла практика раздачи икта', дипломатическая стратегия, расширение династических браков, укрепление родства и союза с халифами Багдада. Первый сельджукский правитель, Тогрул-бек, взял в жены Са'иду — дочь халифа ал-Ка'има. В свою очередь, халиф женился на Арслан-хатун, дочери Дауда Чагры-бека. Узы брачного родства между Сельджукидами и Аббасидами были укреплены в правление Алп Арслана [181].

Сельджукиды всячески стремились использовать суннизм и духовный авторитет багдадских халифов для удержания в повиновении своих подданных и организации новых территориальных захватов в Закавказье и Малой Азии. Однако проведение такой политической линии сопровождалось острыми конфликтами и наталкивалось на сопротивление в завоеванных странах. Особенно сложный характер носили сельджукидо-аббасидские контакты, начало которым было положено еще в 30-х годах XI в. Отношения «великих» султанов с багдадскими халифами приобрели острый характер после захвата сельджуками Арабского Ирака.

Следует отметить, что первоначально термин «султан» применялся для обозначения теократической и политической власти аббасидских халифов. Однако при Сельджукидах он стал обозначать «светских руководителей мусульманского мира» [182]. Трансформация этого понятия объясняется переменами, связанными с фактическим лишением багдадских халифов светской власти сначала Буидами, а затем Сельджукидами. Все это послужило причиной обоснования видными мусульманскими учеными и теологами XI в., в частности ал-Маварди и ал-Газали, концепции о соотношении между халифатом и султанатом [183]. Хотя единого подхода не только в чистой теории, но и на практике не существовало, в реальной действительности термин «султан» стал обозначать верховную политическую власть Сельджукидов, распространявшуюся на подвластные им области и страны.

Мухаммад Тогрул-бек, как отмечалось выше, получил от ал-Ка'има титул «султан» и почетное звание Рукн ад-Дина (Опора религии). Исходивший от халифа титул, конечно, отражал инвеституру на светское правление, но в то же время он символизировал могущество и полновластность в отличие от вассальства, которое обычно выражалось понятием «мулюк ал-атраф» («цари окраин»). Как мы уже отмечали, первому верховному сельджукскому правителю было дано и звание «малик ла-Машрик ва-л-Магриб» («царь Востока и Запада»). Хотя здесь нашла отражение скрытая претензия аббасидского имама на главенство над родом Сельджукидов, она не имела под собой никаких оснований в сфере политической гегемонии. Несмотря на это обстоятельство, халиф ал-Ка'им, а затем его преемник ал-Муктади, не желая играть роль марионеток, стремились проводить самостоятельную политику, не согласовывая ее с Алп Арсланом и Маликшахом. В этом отношении интересен тот факт, что в официальных указах (тауки') ал-Ка'има сам халиф назван не только «эмиром правоверных мусульман» (амир ал-му'минин), но и «султаном», которому «Аллах навечно [дал] султанат». Обращает на себя внимание и то, что современник этих событий, близкий к халифскому кругу историк Ибн ал-Банна, называет Алп Арслана не султаном, а просто «маликом» [184]. Оставаясь верховным «пастырем всех мусульман», ал-Ка'им претендовал, по традиции, на роль султана, хотя уже не обладал реальной светской властью. Сельджукские правители установили жесткий контроль над халифом, назначали и смещали его везиров, могли по своему усмотрению жаловать икта' или же отбирать их у него [185].

Начиная с правления Мухаммада Тогрул-бека сельджукские предводители стремились закрепить и усилить свое военное присутствие и фактическую власть в аббасидской столице. Обычной практикой стало назначение султаном на должность шахны своего представителя, игравшего важную роль в Багдаде. Располагая реальной военной силой, шахна прежде всего

наблюдал за порядком и в случае необходимости пресекал недовольство и подавлял мятежи [186].

Значительное влияние на халифский двор оказывали сельджукские везиры, особенно Низам ал-Мульк. Алп Арслан и его окружение всячески старались нейтрализовать и расположить к себе арабских эмиров, на которых делали ставку Аббасиды [187]. Сельджукидо-аббасидские отношения, таким образом, характеризовались подспудной и открытой борьбой [188].

Начало царствования Алп Арслана ознаменовалось мятежами сельджукских вассалов в Хуттале и Саганийане. В 1067 г. Кавурт выбросил имя Алп Арслана из хутбы, что было в Герате сына Мусы Байгу, Фахр ал-Мулька [189]. Ожесточенная борьба закончилась победой сил, выступавших за создание единой могучей империи.

Алп Арслан и выдвинувшаяся на гражданской и военной службе и при дворе Сельджукидов феодальная знать все же опасались повторения событий 1064 г. Опираясь на поддержку сподвижников, султан решил закрепить трон за своими прямыми наследниками. В 1066 г., заручившись согласием багдадского халифа, Алп Арслан объявил своим преемником (вали 'ахд) младшего сына, Маликшаха [190]. Торжественная церемония интронизации, во время которой эмиры и вельможи принесли клятву верности, состоялась около Мерва. После этого акта произошло распределение областей и провинций государства между членами правящей династии. Дядя султана, Инанч-Байгу, получил в удел (икта') Мазендеран. Балх достался Сулайману ибн Дауду, Хорезм был отдан Арслану Аргуну, сыну Алп Арслана, а Мерв — другому его отпрыску, малолетнему Арсланшаху. Владетелем Тохаристана и Саганийана стал брат султана Ильяс, область Багшур [191], в верховьях Мургаба, была пожалована Мас'уду ибн Эрташу, а Исфизар [192] — Маудуду ибн Эрташу [193]. Подобная практика была в дальнейшем повторена в царствование его преемника и других султанов.

Регулярность и устойчивость этой традиции наводит на мысль о ее возможной опосредствованной связи с удельно-лествичной системой. В качестве параллели тут можно указать и на существование у многих кочевников пережиточного обычая, по которому младший сын получал долю отца, а старшие — остальную часть его наследства [194]. Однако аналогия с этими архаическими обычаями является неполной, поскольку речь идет не о разделе имущества, а о передаче власти, хотя и не старшему члену фамилии, но уже прямому наследнику верховного правителя. Тем не менее здесь явственно прослеживаются инновации, связанные с заменой родо-племенных традиций более развитыми институтами власти и феодальной системой икта'.

Объявление наследником престола Маликшаха не было случайным актом. Идея передачи власти по старшинству, питавшая сепаратизм родо-племенных сельджукских вождей, не исчезла автоматически с гибелью Кутулмыша. В этом убеждает

нас вспыхнувший в конце 60-х годов вооруженный конфликт между Алп Арсланом и его братом Кара Арсланом Кавуртом. Хотя последний сначала и признал власть Алп Арслана, не прошло и трех лет, как он поднял восстание в Кермане. В 1067 г. Кавурт выбросил имя Алп Арслана из хутбы что вызвало поход султанской армии в Фарс и Керман. Кавурт не смог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления и вынужден был подчиниться Алп Арслану [195].

В середине 60-х годов XI в. начинается волна новых завоевательных походов Сельджукидов в Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан, Переднюю и Малую Азию. Границы империи и ее вассальных владений расширились при Алп Арслане от пределов «Хотана до Дербента Хазарского и царства Абхазского» [196].

В 1064 г. султанская армия предприняла грандиозный поход из Рея через Азербайджан в Грузию, Армению и Восточную Анатолию. Достигнув крепости Нахичеван, сельджукское войско разделилось на две части, одна из которых вторглась в Грузию, а другая направилась к границам Византии [197]. Ожесточенная борьба Сельджукидов с христианскими правителями Закавказья и Малой Азии прикрывалась лозунгами распространения ислама. Захватив ряд горных крепостей, Алп Арслан заключил мирное соглашение с грузинским царем Багратом IV (1028—1072). Султанская армия вторглась затем в Джавахети и Лори, захватила Ани и Карс [198]. Завоеватели разрушали церкви, грабили и убивали местное население, часть жителей была насильно обращена в ислам [199].

Военные действия войск Алп Арслана в Закавказье и Малой Азии продолжались до конца 60-х — начала 70-х годов [200]. Кульминацией напряженной борьбы сельджукидов с Византией явилась кровопролитная битва, происшедшая в 1071 г. под крепостью Манцикерт. Сражение завершилось полным разгромом византийской армии и пленением императора Романа Диогена (1068—1071). Алп Арслан взял с императора обязательство выплатить за его освобождение выкуп в полтора миллиона динаров, вносить каждый год в казну Сельджукидов дань в 360 тыс. динаров, оказывать султану при необходимости военную помощь и отпустить всех пленных мусульман, находящихся в Византии [201].

Победа сельджуков при Манцикерте открыла племенам огузов и туркмен дорогу в глубь Малой Азии. В 70—80-х годах XI в. образовался Конийский, или Румский, султанат. Алп Арслан после битвы при Манцикерте пожаловал в наследственное владение предводителям огузов и туркмен Арзрум, Мардин, Кайсери, Мараш и другие города Малой Азии [202].

Поселившиеся в Закавказье и Анатолии вожди сельджукских племен устраивали набеги под видом «борцов за веру» — «гази» или «акынджи». Главным образом это были жившие в пограничных уджах предводители кочевых племен — беки, со-

вершавшие нападения на Грузию, Армению и Византию [203]. Одним из таких «гази» был туркменский эмир Тугтегин, который присоединился к Алп Арслану в Закавказье. Абн ал-Асир сообщает, что вместе с ним «были многие из его [туркменского] племени, привыкшие вести священную войну и потому хорошо знавшие ту страну» [204]. В процессе завоеваний огузо-туркменские племена осваивали захваченные территории и постепенно переходили к оседлости и земледелию. Войны и набеги сменялись мирными отношениями и культурно-бытовыми контактами с местным населением [205]. Характеризуя отношения жителей Икония (Коньи) [206] с пришлыми сельджукскими племенами, византийский историк Никифор Хониат замечает: «Они не только завели взаимную между собой дружбу, но и позаимствовали от них [ромеев] весьма много обычаев. А находясь в тесной связи с ними как с соседями, они не смотрели на ромеев как на врагов: так-то привычка, скрепленная временем, бывает сильнее родства по племени и вере» [207].

В 1065 г. сельджукская армия, базировавшаяся в Мерве, двинулась на северо-запад. Средневековые источники содержат отрывочные и противоречивые сведения, не дающие представления о всех мотивах и перипетиях похода. Анализируя имеющиеся в них данные, можно полагать, что основной его целью было подчинение кочевников Дешти-Кипчака. В ту пору лежавшие на границе с Хорезмом, Гурганом и Хорасаном степи и пустыни были населены главным образом кипчаками, жившими вперемешку с покоренными ими огузо-туркменскими племенами. Сибт ибн ал-Джаузи пишет, что обитавшие в северо-восточном Прикаспии туркмены «перемешались с язычниками (куффар) и начали грабить торговцев (туджар), что имело место около [Каспийского] моря и [обиталищ] кифчаков» [208]. Эти данные основаны на рассказе одного из сельджукских военачальников (хайл-баши), прибывшего к Низам ал-Мульку из Хорезма в Хорасан. Рассматриваемое свидетельство подтверждается географической картой Махмуда Кашгарского, на которой указаны «жилища гузов и кипчаков» близ восточного побережья Каспийского моря [209].

Распространение кипчакской гегемонии на степи Приаралья и Западного Казахстана, по-видимому, нарушало регулярные торговые связи Хорезма и Мавераннахра с Нижним Поволжьем и Восточной Европой. В передаваемом Сибитом ибн ал-Джаузи рассказе сельджукского хайл-баши прямо говорится об их нападениях на эти земледельческие оазисы. Грабительские набеги кочевых племен на пролегавших через п-ов Мангышлак и плато Устюрт важных международных путях негативно сказались на экономике сопредельных областей Хорезма и Мавераннахра. Очевидно, это обстоятельство также послужило причиной военной кампании, предпринятой султаном Алп Арсланом.

Форсировав в декабре 1065 г. Амударью, сельджукское

войско заняло ключевые пограничные города Хорезма. Затем отсюда был совершен поход через близлежащие полупустыни к укреплению Мангышлак, на северо-восточном побережье Каспия. Согласно географу Йакуту, это была сильная крепость, располагавшаяся «между Хорезмом, Саксином и страной русов возле моря, куда впадает Джейхун»[210]. Мирхонд и ал-Хусайни сообщают, что султанская армия направилась из Гурганджа (современного Куня-Ургенча) против Кифшата, засевшего в Мангышлаке[211]. Алп Арслан в результате осады вынудил Кифшата выразить покорность, а затем разгромил тридцатитысячное войско Джази[212].

Интересные подробности, связанные с этим походом, сообщает Сибт ибн ал-Джаузи. Согласно его рассказу, когда султанское войско приблизилось к становищам туркмен и кипчаков, они переправились на остров Хазарского (Каспийского) моря. В руки воинов Алп Арслана попало оставленное кочевниками имущество, их жены и многочисленные стада домашних животных[213].

Сравнительный анализ приведенных известий позволяет видеть, что поход 1065 г. был направлен против туркмен и кипчаков Северо-Восточного Прикаспия. Кифшата и Джази, фигурирующих в этих рассказах, следует, вероятно, рассматривать как искаженную персонификацию названий кипчаков и йазыров — одного из огузских племен XI в.[214].

В начале 1066 г. сельджукское войско, развивая успех в борьбе с приаральскими кочевниками, двинулось к низовьям Сырдарьи. Местный правитель отправил свою мать в ставку Алп Арслана для заключения мирного соглашения. В дар султану он прислал дорогие платья, породистых лошадей, шкурки булгарских бобров, татарских гулямов и другие подношения. Алп Арслан признал хана Дженда своим вассалом и оставил за ним его владение[215].

Сельджукское войско до захвата Дженда, вероятно, овладело Сабраном, после чего возвратилось в Ургенч, а затем направилось в Мерв[216]. Алп Арслан, побывав в Дженде, где находилась могила его прадеда Сельджука ибн Тугака, совершил отсюда рейд в степи нижней части бассейна Сырдарьи. Обращает на себя внимание, что проделанный его армией маршрут совпадает с направлением транзитной караванной дороги, проходившей через территорию нынешнего Южного Казахстана, Хорезма и Северного Прикаспия. Сельджукское войско проделало огромное расстояние от Устюрта до современного г. Туркестана, что свидетельствует о крупномасштабности боевых операций против обитавших здесь кочевых племен. Очевидно, военная кампания 1065—1066 гг. имела целью как подчинение степняков, населявших области, граничившие с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном, так и обеспечение безопасности торговых магистралей, ведших в Среднюю Азию и Иран из Восточной Европы и с Дальнего Востока.

Активизация военных действий Али Арслана в Средней Азии и Казахстане была обусловлена и изменением соотношения политических сил в регионе после образования империи Сельджукидов. Значительную роль при этом сыграла перемена в характере и сущности отношений сельджукских правителей с караханидскими вождями Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана.

Караханидская держава в рассматриваемый период состояла из двух крупных владений — Восточного и Западного каганата, занимавших территорию нынешних Синьцзяна, Казахстана, Киргизии и Узбекистана [217]. Обе части государства делились, в свою очередь, на ряд уделов, границы которых менялись в ходе мятежей и междоусобных войн. В Мавераннахре наиболее значительными были Самаркандское и Бухарское владения; они находились под властью Нур-Тегина и 'Ала ад-Даулы — малолетних сыновей умершего в 1034 г. 'Али-Тегина, но фактическим правителем был временщик, сипахсалар Тунуш [218]. Ферганой и некоторыми сопредельными районами владели Ибрахим Бури-Тегин и 'Айн ад-Даула, потомки Насра ибн 'Али, караханидского завоевателя Мавераннахра.

В 30—40-х годах XI в. завязалась упорная борьба сыновей 'Али-Тегина с Бури-Тегином. Последний потерпел неудачу и оказался в плену. Около 1038 г. Бури-Тегин бежал из заточения и появился в Узгенде, на юге современной Киргизии. Он продолжил борьбу с сыновьями 'Али-Тегина, а также совершил ряд походов за Амударью [219]. Бури-Тегин пытался закрепиться в Хутталяне и Вахше, а в конце 30-х годов овладел Саганийаном. В дальнейшем он одержал ряд побед над сыновьями 'Али-Тегина и стал главной фигурой в среднеазиатском Двуречье. Очевидно, в 40-х годах XI в. Бури-Тегин, получивший титул «тамгач-хан» («тафгач-хан»), был уже правителем значительной части территории Мавераннахра [220].

Главой восточной половины Караханидского государства был носивший почетные титулы «шараф ад-дин» и «арслан-хан» Абу Шуджа Сулайман (1032—1056). После смерти своего отца, Кадырхана Йусуфа, которому принадлежали Кашгар, Хотан и Баласагун, он вышел победителем в междинастической войне и стал верховным правителем Туркестана [221]. Ибн ал-Асир пишет, что в 1044 г. Абу Шуджа Сулайман распределил караханидские владения между ближайшими родичами, оставив себе Баласагун и Кашгар. Его брат Мухаммад Йига-Тегин получил в качестве удела вместе с титулом «бугра-хан» Тараз и Исфиджаб [222].

В 60-х годах XI в. началась полоса новых феодальных усобиц, оказавших серьезное влияние на политические судьбы Мавераннахра. Ибрахим Бури-Тегин Тафгач-хан, разбитый параличом в 1068 г., фактически перестал управлять Мавераннахром. Между его сыновьями разгорелась ожесточенная борьба за власть, завершившаяся победой Шамс ал-Мулька (1068—1080). Глава восточно-караханидских владений, Тогрул Кара-

хан Йусуф, воспользовавшись смутной порой, решил завладеть Ферганой, Шашем и другими областями Средней Азии. В 1070 г. он выступил в поход в союзе с Харуном Бугра-ханом и осадил Самарканд. Однако взять город ему не удалось и Тогрул вступил в мирные переговоры с Шамс ал-Мульком. В соответствии с достигнутым соглашением границей между Восточным и Западным каганатами был признан Ходженд [223].

Алп Арслан стремился поддерживать мирные отношения с правителями Мавераннахра и Туркестана. В этих целях он всячески укреплял брачные узы между Сельджукидами и Караханидами. Сибт ибн ал-Джаузи пишет, что Алп Арслан женил сына, принца Маликшаха, на дочери «царя тюрок (малик ат-тюрк), Тафгача, царевне из Мавераннахра». Дававшийся верховным караханидским правителям титул «тафгач» носили, как известно, ряд представителей этой династии. Однако здесь, скорее всего, речь идет об упомянутом западнокараханидском правителе Ибрахиме I Бури-Тегине Тафгач-хане (1038—1068).

Алп Арслан, женив сына, сам вступил в брак с дочерью Кадир-хана Йусуфа, правителя Кашгара и Хотана. Ранее она была замужем за газневидским султаном Махмудом ибн Мас'удом [224].

Брачный союз не был еще полной гарантией сельджукидо-караханидского «вечного мира». Отношения между обоими тюркскими династиями ухудшались по мере усиления феодальных усобиц в западной и восточной частях каганата.

Сельджукидское правительство, внимательно следившее за ситуацией в Мавераннахре, не могло безучастно отнестись к усилению здесь влияния караханидских вождей Семиречья и Восточного Туркестана. В результате описанных выше событий произошло изменение политической карты региона и фактическое сближение рубежей двух крупных держав Центральной и Западной Азии. Распространение политической гегемонии восточнокараханидских правителей на Фергану и присырдарьинские области Мавераннахра затронуло политические амбиции Алп Арслана.

В 1072 г. огромная сельджукская армия начала форсирование Джейхуна и приступила к захвату Мавераннахра. Переправа по наведенному через реку понтонному мосту заняла около месяца, и, вероятно, передовые отряды Алп Арслана успели за это время достичь окраин Бухарского оазиса. Однако поход был внезапно прерван смертельным ранением султана. Сведения источников об этом происшествии, в частности о личности убийцы Алп Арслана, расходятся между собой. 'Имад ад-Дин ал-Исфахани и другие средневековые историки пишут о гибели султана от рук Йусуфа Хорезми — коменданта одной из крепостей близ Амударьи. Ибн ал-Каланиси сообщает об убийстве Алп Арслана фанатиком-батинитом. Более поздние авторы утверждают, что он погиб в «вилайате Чахарджуй». Султан, по их словам, был смертельно ранен специально посланным из

Самарканда исмаилитом по имени Худамидад. Сибт ибн ал-Джаузи, приводя обе версии, сообщает интересные подробности. Он говорит, что Алп Арслан был убит в крепости Бирун, недалеко от Бухары [225]. Останки Алп Арслана были перевезены в Хорасан и захоронены рядом с могилой его отца Дауда в Мерве [226].

СЕЛЬДЖУКИДСКАЯ ИМПЕРИЯ В 70-х — НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XI в.

Время правления сменившего Алп Арслана на троне султана Маликшаха восточные авторы называют «весной сельджукидской династии» [227]. Хотя такая оценка является плодом некоторой идеализации, его двадцатилетнее царствование (1072—1092) можно считать периодом наивысшего могущества державы Сельджукидов. Главным образом это объясняется, конечно, объективными процессами дальнейшего развития общественной и культурной жизни в рамках единой обширной империи.

Султан Маликшах, по описанию мусульманских хронистов, имел «приятную внешность, полную талию, высокую шею, но был склонен к полноте; [султан] носил округлую бороду и усы, лицо его было румяного и белого цвета, но один глаз был немного испорчен» [228]. Средневековые восточные историки, подчеркивая более уравновешенный и мягкий, чем у отца, нрав Маликшаха, именуют его «самой крупной жемчужиной в ожерелье сельджукских владык» [229]. Лестные отзывы о султане дают и армянские летописцы, что объясняется его менее фанатичной религиозной политикой в христианских регионах Кавказа и Малой Азии. Матфей Эдесский отмечает, что Маликшах освободил армянское духовенство от уплаты тяжелых податей [230].

Современные исследователи весьма позитивно оценивают деятельность Маликшаха и особенно его везира Низам ал-Мулька [231]. Разумеется, для этого имеются основания, но подобные взгляды нуждаются в уточнении. Маликшах и его главная опора, Низам ал-Мульк, были порождением и типичными представителями той жестокой эпохи. В нужные моменты султан и его верный соратник не останавливались перед массовым кровопролитием и насильственным устранением соперников. Защищая интересы династии и правящей верхушки, они искореняли «еретические» движения, предавая казни их вождей. Маликшах продолжал захватнические войны, отправлял карательные экспедиции против «мятежников». Тем не менее время царствования Маликшаха и активной государственной деятельности Низам ал-Мулька занимает особое место в истории государства Сельджукидов. Несмотря на тяжелые бедствия с голодными годами, эпидемии, рост эксплуатации простого народа, кровопролитные междоусобицы, в целом оно характеризуется крупными сдвигами в различных сферах жизни, вызванными развитием феодальных отношений, взлетом могущества империи.

Свое царствование Маликшах начал ожесточенной борьбой

с восставшим против него дядей с отцовской стороны, Кара Арсланом Кавуртом. Разыгрался очередной раунд противоборства двух политических линий: родо-племенного и феодального принципов государственной организации. Кара Арслан после смерти Алп Арслана предъявил права на верховную султанскую власть и двинулся из Омана и Кермана в сторону Рея. «Я — старший брат,— заявил он Маликшаху,— а ты — младший сын. Я — главный наследник моего брата султана Алп Арслана, а не ты». В ответ на это юный султан написал Кавурту, что «брат не наследует, если есть сын» [232].

Кара Арслан рассчитывал на поддержку питавших к нему «склонность» туркмен, обитавших между Реем и Хамаданом. Однако султан принял своевременные меры, раздав туркменам 500 тыс. динаров, много одежды и оружия. Кара Арслан сумел, по-видимому, также оказать нажим на соплеменников с помощью отрядов бывших при нем вассальных арабских и курдских вождей. Соперники сошлись близ Хамадана. В трехдневном сражении керманское войско было разгромлено. Взятый в плен Кара Арслан был задушен тетивою лука. Султан приказал выколоть глаза попавшим в его руки сыновьям Кавурта [233].

Победа над грозным соперником была отмечена раздачей милостыни беднякам и дервишам, освобождением из тюрем заключенных. Маликшах потратил огромные средства для угощения крупных военачальников (эмиров и хаджибов), роздал им множество почетных халатов. Султан утвердил за членами правящей династии их уделы, многие из которых стали фактически наследственными владениями. Потомкам своего дяди Кавурта он вернул Керман и Оман, Балх и Тохаристан отдал брату Текишу. Герат, округа Гура и Гарчистана были переданы другому брату — Бури Барсу. Особо почитаемый дядя султана, 'Усман ибн Чагры-бек, был назначен правителем Валвалиджа, в Тохаристане [234].

В 70—90-х годах XI в. широкое распространение в сельджукских владениях обретает практика раздачи целых областей и провинций полководцам (сипахсаларам, эмирам) и вождям мамлюков. Подобная система военного управления применялась в Закавказье, Иране, Сирии, Ираке, Средней Азии. В числе лично преданных султану гулямских предводителей можно назвать Ак Сонкора, Бурсука, Хумар Тегина. Особым доверием пользовался испытанный полководец Сав-Тегин, который в 1075 г. получил в икта' область Дербенд [235].

Маликшах использовал также ополчения туркменских племен, направляя их главным образом на борьбу с египетскими халифами, непокорными арабскими феодалами, византийцами и крестоносцами [236]. В 1072 г. султан послал туркменские ополчения во главе с Атсызом ибн Уаком ал-Хорезми для завоевания Сирии. Атсыз вторгся в Палестину, захватил Рамлу [237], осадил Иерусалим, а в 1076 г. вступил в Дамаск. В 1078 г. на помощь туркменским отрядам Атсыза был послан с большим войском.

Тадж ал-Даула Тутуш, брат Маликшаха [238]. Активное участие в военных кампаниях в Сирии и Ираке в 80-х годах принял Артук ибн Аксук [239]. Потомки этого туркменского вождя основали позднее свои независимые от Сельджукидов владения в Мардине, Хисн Кайфе [240], Амиде, Харпуте [241]. Под эгидой предводителей огузов и туркмен возникли и другие самостоятельные княжества в Закавказье, Передней и Малой Азии. Вожди племени йива основали владения в Хое, Урмии [242], Хузестане и Иранском Курдистане [243]. В конце 70-х годов XI в. фактически обособляется от центрального сельджукского правительства Румский султанат в Малой Азии, находившийся под властью Сулаймана ибн Кутулмыша [244]. Основная масса кочевых племен в этом регионе была сосредоточена в Анатолии, куда переселилось множество огузов и туркмен из Средней Азии, Ирана и Азербайджана [245].

Политическое влияние империи к концу XI в. достигло на западе Египта, где правили Фатимиды, враждовавшие с Сельджукидами и халифами Багдада. Маликшах в этой напряженной борьбе делал ставку на арабские и курдские династии Ирака и Сирии, прежде всего на 'Укайлидов Мосула и Марванидов Дийарбакра. Однако главы местных феодальных владений нередко лавировали, не решаясь сделать выбор между противоборствующими сторонами. Сельджукидские власти в таких случаях заручались обычно поддержкой других своих вассалов и использовали военные ополчения соплеменников. В середине 80-х годов Маликшах, например, двинул против Марванидов отряды аббасидского везира Фахр ад-Даулы ибн Джахира и туркменское войско под командованием Артука [246].

Сложный характер носили также отношения сельджукских правителей с караханидскими ханами Мавераннахра. После гибели Алп Арслана хакан Шамс ал-Мульк захватил Термез и вторгся в пределы Балха. Сельджукская конница под водительством Айаза, брата Алп Арслана, сделала неудачную попытку оттеснить караханидские отряды за Амударью. В 1074 г. войско Маликшаха осадило и взяло приступом Термез. Город был разграблен, погибло много жителей, был взят в плен брат хакана Йига-Тегин. После этого военные действия были, по-видимому, прерваны, но затем султанская армия перешла Джейхун и направилась к Самарканду. Западнокараханидский правитель был вынужден изъявить покорность султану Маликшаху. Между ними был заключен мирный договор, который был скреплен женитьбой Шамс ал-Мулька на дочери Алп Арслана [247].

Спокойствие на северо-восточных рубежах империи Сельджукидов продолжалось сравнительно недолго. В 1075 г. армия Караханидов Мавераннахра снова напала на Термез. Однако посланный туда султаном знаменитый полководец Сав-Тегин обратил в бегство конницу Шамс ал-Мулька. Несмотря на это поражение, Караханиды не оставили надежды овладеть левобережьем Амударьи. «Хакан Шамс ал-Мульк,— пишет историк

ал-Хусайни,— снова выступил, разжег огонь беспокойства и открыл веки враждебности»[248]. Поэтому в 1075 г. Маликшах лично возглавил ратную кампанию против верховного хана Мавераннахра. Выступившая ему навстречу армия Шамс ал-Мулька была разбита у Нахшеба, между Бухарой и Самаркандом. Маликшах осадил затем Самарканд, вынудил хакана капитулировать и отправил его в Исфахан. Спустя некоторое время Шамс ал-Мульк был прощен и возвращен в Самарканд. Однако в 1080 г. он скончался, и в Мавераннахре начались междоусобные войны и мятежи[249].

Интересные подробности о караханидо-сельджукидских отношениях в конце 70-х — начале 80-х годов приводятся в труде Сибта ибн ал-Джаузи. Историк рассказывает, что в 473 г. х. (1080/81 г. н. э.) от колик в животе (кулундж) скончался «властитель (сахиб) Самарканда и Мавераннахра» Шамс ал-Мульк Тегин, сын Тамгач-хана. Перед смертью он поручил царство своему брату Хасану Ай-Тегину. Воспользовавшись сменой власти в Самарканде, брат султана Маликшаха, Шихаб ад-Даула Текиш, переправился через Амударью и двинулся на Бухару. Хасан, собрав 8 тыс. конных туркмен, выступил навстречу сельджукскому войску и сразился с ним в местности Джараванд, «между Бухарой и Термезом». Сельджукская рать была разбита, а Текиш бежал обратно за Амударью[250].

В самом конце 80-х годов снова обострилась обстановка в среднеазиатском Двуречье, где к власти пришел Ахмад-хан. Тираническое правление нового западнокараханидского властителя вызвало в народе недовольство. «Они (ра'ийаты.— *С. А.*),— пишет Ибн ал-Асир,— разбегались от него (Ахмад-хана.— *С. А.*) и тайно призывали султана [Маликшаха] на помощь, упрашивая его направиться к ним и овладеть их страной»[251].

Против хакана было враждебно настроено и высшее мусульманское духовенство, в частности шафиитский законовед Абу Тахир. Мавераннахрская знать направила его в Хорасан ко двору Маликшаха, поручив ему уговорить султана выступить в поход против Ахмад-хана.

Ахмад-хан был родным братом Таркан-хатун[252], жены Маликшаха, но политический расчет оказался для султана сильнее родственных чувств. В 1089 г. Маликшах выступил из стольного Исфахана в поход на Мавераннахр. Султанская армия захватила Бухару, а затем Самарканд. Ахмад-хан попал в плен, и султан отослал его в Хорасан. Маликшах, развивая наступление на караханидских вождей, двинулся в Фергану и овладел Узгендом[253]. Ибн ал-Асир утверждает, что султанскую власть признал затем и восточно-караханидский правитель, резиденция которого находилась в Кашгаре[254]. 'Имад ад-Дин Исфахани пишет, что Маликшах проник далеко в глубь страны тюрок[255] и что ему покорился владетель г. Тараза[256]. Рашид ад-Дин же уверяет, что султан после взятия Узгенда и Оша по-

шел на восток и достиг пределов Хотана, в Восточном Туркестане [257].

Ослабив военную мощь Караханидов, Маликшах возвратился в Хорасан. Однако его власть в Мавераннахре оказалась непрочной вследствие мятежа тюрок-чигилей во главе с предводителем самаркандского войска 'Айн ад-Даула. Восстание с особой силой разгорелось после бегства сельджукского ставленника Абу Тахира в Хорезм. 'Айн ад-Даула заручился поддержкой кашгарского хана Йакуб-Тегина, которому принадлежала также находившаяся в долине Нарына крепость Атбаши. Однако их союз оказался недолгим и закончился гибелью вождя чигилей из-за происков кашгарского хана. Маликшах, воспользовавшись этим, направился в Мавераннахр и снова захватил Бухару [258]. Преследуя бежавшие из Самарканда в Фергану отряды Йакуб-Тегина, султанское войско опять достигло Узгенда. Однако дальнейшее продвижение на восток таило неизвестность, и султан отказался от замысла совершить поход в Кашгар. Маликшах заключил перемирие с Йакуб-Тегином при условии, что тот будет вести борьбу с Тогрулом ибн Иналом, стремившимся захватить Кашгар [259].

В начале 70-х годов XI в. вновь обострились отношения между империей Сельджукидов и державой Газневидов. После смерти Алп Арслана султан Ибрахим сделал попытку вернуть прежние владения династии — Бадахшан и Тохаристан. Газневидская армия вторглась в 1073 г. в северо-западные владения Сельджукидов. Айяз, сын Алп Арслана, пытался остановить наступление, но вынужден был отойти к Балху. Войско султана Ибрахима напало на 'Усмана ибн Дауда и нанесло ему поражение в местности Сакалканд. В ответ на это Маликшах двинул против газневидской рати свою конницу под водительством полководца Гюмуштегина Бильге-бека. Сельджукские отряды в ходе военных действий против Ибрахима доходили до Исфизара, в Западном Афганистане. Однако газневидо-сельджукская конфронтация оказалась на этот раз непродолжительной и вскоре завершилась мирным исходом и заключением династического брачного союза.

В 1081 г. против Маликшаха поднял восстание его брат Шихаб ад-Даула Текиш, владевший Балхом и Тохаристаном. Когда султан осадил Термез, где находился Текиш со своим войском, тот прекратил сопротивление и выразил покорность Маликшаху. В 1084 г., когда султан находился в Мосуле, Текиш снова восстал против него. Ибн ал-Асир, Сибт ибн ал-Джаузи и другие средневековые историки сообщают, что он захватил Марварруд, произвел нападение на окрестности Мерва и Серахса. Затем мятежник осадил крепость Серахс, находившуюся в руках сельджукского наместника Мас'уда ибн Йахза ат-Туркмани. Однако, получив ложное письмо о прибытии султанской армии в Рей, он бежал и укрылся в горной крепости Ванджа (Ванч). Сибт ибн ал-Джаузи пишет, что спустя некоторое вре-

мя Маликшах двинулся на Текиша с большой армией под командованием Артука, Бозана, Борсука и Кумача. Когда султан прибыл в Хорасан, к нему явился посланец газневидского правителя Ибрахима. Он ходатайствовал за Текиша, прося простить его и отдать ему Герат. Маликшах в гневе приказал убить посла, но благодаря заступничеству Низам ал-Мулька тот был отпущен в Газну. Ожесточенная борьба с Маликшахом окончилась для Текиша полным крахом. В 1085 г. он был взят в плен, ослеплен и брошен в темницу в крепости Фирузкух [260].

Правление султана Маликшаха и его везира Низам ал-Мулька отмечено крупными военными кампаниями не только в Средней Азии, Афганистане, Ираке, Сирии, но и в Закавказье и Малой Азии. Маликшах лично возглавил в 1079 г. поход на Кавказ, во время которого подвластные ему туркменские отряды продвинулись до Лазики [261] и долины р. Чорох. Наиболее активные действия сельджукская армия развернула против усилившегося грузинского царя Григория II (1072—1089). Султанское войско овладело в 1080 г. Карсом и напало на принадлежавший византийцам Трапезунд [262].

В 1086 г. огромная сельджукская рать вновь появилась на Кавказе и достигла побережья Черного моря. Маликшах утвердил вассальные права ширваншаха Фериборза и взыскал с него дань, но зато Шаддадид Фадл III потерял власть в Гяндже.

Военные кампании 70—80-х годов усилили влияние кочевых сельджукских вождей в Азербайджане и Западной Анатолии. Огузо-туркменские племена, подчинявшиеся Сулайману и его сыновьям Алп Илику и Мансуру, активизировали свою деятельность в пограничных областях Византии. Междоусобные раздоры в империи при Алексее Комнине (1083—1118) позволили Сулайману выйти к побережью Мраморного моря [263] и захватить Никею [264].

Могущество сельджукской империи в 70—80-х годах XI в., как мы видим, достигло зенита, но оно поддерживалось большим напряжением сил, мобилизацией огромных людских и материальных ресурсов. Маликшаху и его везиру Низам ал-Мульку приходилось сдерживать напор соседних государств, запугивать и насильно укрощать непокорных вассалов.

Однако порядок в столь обширной державе удавалось сохранять не только с помощью мер подавления, но и путем раздачи наследственных уделов, административных прерогатив и земельных пожалований (икта'). Сельджукиды всячески использовали политику «разделяй и властвуй», средства дипломатического нажима, расширение и укрепление династических связей, идею борьбы за «чистоту» ислама и укрепление суннизма. Определенную роль вместе с тем играла более гибкая, чем прежде, социальная и религиозная политика по отношению к немусульманскому, в основном христианскому, населению покоренных стран.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Органы власти, существовавшие у огузов и туркмен до сельджукских завоеваний, оказались непригодными для осуществления прочного господства над покоренными странами. Появляется необходимость в создании более стабильного и действенного бюрократического аппарата. Складывание новой государственной системы начинается в ходе «сельджукского движения» в Хорасане и завершается в основном в правление султана Маликшаха [265].

Политическая структура империи Сельджукидов прошла в своем развитии несколько этапов. Начальный период (приблизительно с середины 30-х до начала 40-х годов XI в.) характеризуется созданием административных и финансовых органов. Формируются кадры чиновников, в числе которых имелись секретари (катибы), послы, советники, переводчики [266].

Первые органы государственного управления возникли в ходе сельджуко-газневидской войны в Хорасане. В 1037 г. Дауд Чагры-бек, после вступления в Мервскую область, назначил здесь управляющих, наместников и 'амилей — сборщиков налогов [267]. Сельджукские вожди в этот период держали при себе грамотных людей, главным образом из духовенства [268]. Они исполняли самые различные функции, но в основном были переводчиками, секретарями и послами. Главные предводители огузов и туркмен окружали себя влиятельными лицами, содержали охрану [269].

Однако до создания стабильной организации управления было весьма далеко. Приняв в 1037 г. в Нишапуре титул султана [270], Тогрул-бек сказал: «Мы люди новые и чужие, с обычаями тазиков незнакомы» [271]. В такой ситуации, естественно, возникла потребность в советниках и помощниках из местного населения. Вокруг сельджукских вождей стали группироваться в первую очередь люди, недовольные газневидскими властями, особенно притеснениями Абу-л-Фазла Сури [272]. Большим рвением отличался военачальник (салар) Абу-л-Касим Бузджани, который был некогда 'амилем Хорасана [273]. Тогрул-бек поручил ему «исполнять все дела» и назначил его управителем Нишапурской области [274]. Начался подбор кандидатуры на пост везира, но сведения источников о первом лице, занявшем эту должность, расходятся между собой. Сайф ад-Дин 'Укайли пишет, что им стал отличавшийся большой эрудицией, достоинством и богобоязненностью Мансур Заузани [275]. Другие средневековые авторы утверждают, что первым сельджукским везиром был Абу-л-Фазл Рази, служивший прежде у 'Ала ад-Даулы, какуидского правителя Исфахана [276]. Здесь находятся истоки ведущихся до сих пор исследователями споров по данному вопросу [277].

Взойдя в Нишапуре на газневидский престол, Мухаммад Тогрул-бек «стал запрещать и приказывать, давать и брать,

заключать и расторгать, утверждать и разрешать»[278]. Продолжая традиции прежних иранских владык, он начал два раза в неделю, по воскресеньям и средам, разбирать тяжбы и жалобы «согласно правилам хорасанских царей»[279].

Важную роль при сельджукских правителях наряду с везиром начали играть и доверенные лица из влиятельного мусульманского духовенства. В правление Тогрул-бека его ближайшим советником и наставником становится имам Муваффак ал-Бастами — глава шафиитов Нишапура. Однако в дальнейшем, благодаря проводившейся Низам ал-Мульком гибкой религиозной и социальной политике, сельджукские власти опирались и на руководителей ханифитского мазхаба. Привлечение лидеров этих двух популярных, но соперничавших и нередко враждовавших между собой религиозных толков на сторону сельджукских правителей способствовало укреплению идеологических и политических основ империи[280].

Следующий этап формирования сельджукского государственного аппарата, охватывающий период примерно с 40-х до середины 60-х годов, знаменуется созданием более или менее стройной системы управления. Возникают постоянные органы власти (диваны), складывается иерархия гражданских, военных, судебных и других чинов. Создаются придворные должности, постепенно внедряется царский этикет, существовавший в покоренных странах ислама[281]. Делаются первые шаги по упорядочению армии: начинается выдача «довольствия», устраиваются военные смотры[282]. Крупной акцией в этом направлении явилось создание постоянного войска, призванного заменить прежние родо-племенные ополчения[283].

Процесс формирования государственного аппарата державы Сельджукидов был относительно длительным. Органы управления, возникшие в период «сельджукского движения» в Хорасане, развивались и крепли в ходе дальнейших завоеваний. Ряд покоренных областей на первых порах был отдан в распоряжение их прежних властителей. В других странах произошла замена старой администрации и были сформированы новые органы управления[284]. Переход от режима военной оккупации к административному управлению завоеванными областями потребовал создания постоянных органов власти. В первую очередь это вызвало необходимость в учреждении финансово-налоговых ведомств. В условиях военного времени сельджукские вожди зачастую довольствовались контрибуцией или данью с завоеванных стран. Однако постепенно вводится система регулярных налоговых сборов. Наряду с этим создается государственный секретариат (везират) и другие органы управления, которые, возглавляет везир[285].

Основной должностной обязанностью везира было руководство всем государственным аппаратом. В его ведении находился верховный орган центральной власти, называвшийся диван-и а'ла. Он был разветвлен на отделы и состоял из ряда офици-

альных учреждений (диванов). Основными правительственными учреждениями были государственная канцелярия (диван-и инша' ва-л-тугра), высший финансовый орган (диван-и истифа'), контрольно-инспекционный департамент (диван-и ишраф) и армейское ведомство (диван-и 'арз ал-джайш). Везир осуществлял непосредственное руководство всеми начальниками (асхаб-и диван) этих государственных ведомств. В качестве главы центральной власти он контролировал деятельность казнохранилищ (хазаин) и других учреждений. Везир имел право назначать и отстранять служащих, устанавливать размеры довольствия (арзак) и жалованья (маваджиб) служащим различных категорий.

Должность везира — средневекового «премьер-министра» — была самой высокой в империи Сельджукидов [286]. Везир играл большую роль не только в делах внутреннего управления, но и в проведении внешней политики государства. Самым выдающимся сельджукским везиром был Абу 'Али Хасан ибн 'Али ат-Туси (1017—1092), носивший почетный титул Низам ал-Мульк («Устроитель державы»). Он был выходцем из обедневшей дихканской фамилии из селения (дих) Анку, в округе Тус [287]. Служебную карьеру Абу 'Али Хасан начал в качестве рядового чиновника (дабира) у сельджукского наместника Балха. Затем он стал катибом (секретарем), а позднее и везиром султана Алп Арслана. Эту важнейшую государственную должность в течение двадцати лет он занимал и в царствование Маликшаха.

Низам ал-Мульк многое сделал для упорядочения и стабилизации бюрократического аппарата империи. К концу его почти тридцатилетней государственной деятельности завершился в основном процесс формирования сложной и разветвленной системы управления огромной империей. Данный этап (приблизительно с середины 60-х до начала 90-х годов XI в.) характеризуется упорядочением гражданских, военных и других ведомств, усилением центральных органов власти. Значительно увеличивается постоянное войско, получающее жалованье и земельные наделы (икта')[1]. Проводятся важные реформы, закрепляющие устои имперского управления и верховной султанской власти [288].

Абу 'Али Хасан ибн 'Али ат-Туси был талантливым государственным деятелем и весьма одаренным политиком. Однако нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, считающих, что он превратил аморфную политическую организацию «дикого кочевого народа» в цивилизованную могущественную империю [289]. Разумеется, племена сельджукского объединения стояли гораздо ниже по своему общественному строю, чем покоренные ими оседлые народы. Тем не менее они не были «варварами», а имели свою политическую организацию и государственные традиции. Безусловной заслугой этого выдающегося деятеля было то, что он придал завершенную форму государственной организации первых Сельджукидов. Низам ал-

Мульк внес большой вклад в создание централизованного аппарата управления империей. В своей деятельности он наталкивался на ожесточенное противодействие носителей сепаратистских тенденций. Широкое внедрение практики раздачи икта' объективно подрывало устои государственной централизации [290].

Сельджукскую империю нельзя рассматривать как точную копию предшествовавших государств: держав Саманидов, Газневидов, Буидов. После ее образования ряд существовавших прежде учреждений и должностей был упразднен либо претерпел трансформацию. Исчезло почтово-осведомительское ведомство, пользовавшееся недоброй славой при Газневидах [291]. Сельджукиды упразднили чин сахиб хабара, который должен был постоянно доносить государю о всех происходящих событиях. Ликвидирован был и диван барид, выполнявший главным образом функцию тайного надзора [292]. Полностью утратила свое значение отвратительная должность начальника стражи и личной охраны (сахиб харас). Отменены были и некоторые придворные должности, например пост вакила, заведовавшего дворцовым хозяйством [293]. «Когда пришли сельджуки — а это жители пустынь и не ведали они установленных порядков и высокого наследия венценосцев — большая часть августейших обычаев во время их царствования пропала и многое из того, что надлежит государству, было утеряно. Одна из таких вещей — почтовое управление, а по этому можно судить и об остальном» [294]. Хотя эти слова, принадлежащие поэту и ученому XII в. Низами Арузи Самарканди, страдают некоторым предубеждением, в целом они отражают верную историческую картину. Приведенные факты говорят против сторонников безоговорочного отождествления империи Сельджукидов с политическими системами Халифата, государств Саманидов, Газневидов и Буидов.

В державе Сельджукидов, разумеется, сохранялись определенные черты, принципы организации власти и иерархия официальных должностей, существовавшие в предшествующих ей государствах мусульманского Востока. Однако в созданной в ней системе управления, как показано выше, прослеживается и механизм действия политических институтов кочевых и полукочевых огузо-туркменских племен [295]. В особенности это чувствуется в ранний период его истории, в правление Мухаммада Тогрул-бека и в первые годы царствования Алп Арслана. Несмотря на победу принципа наследования власти по прямой линии от отца к сыну, в империи Сельджукидов сохранялись и некоторые традиции степной державы сырдарьинских йабгу. В частности, это нашло отражение в существовании института атабеков, который получил широкое распространение при Сельджукидах. У тюрок средневековья атабеки играли роль наставников, советников и воспитателей малолетних принцев [296].

Первым сельджукским атабеком, считавшимся названым отцом, был Абу 'Али Хасан ибн 'Али ат-Туси. Ибн ал-Асир сооб-

щает, что, прибыв из Балха в Мерв, будущий везир оказался при дворе Дауда Чагры-бека. Последний вскоре приставил Абу 'Али Хасана к юному Алп Арслану и распорядился, чтобы тот «сделал его своим отцом и не перечил ему»[297]. Низам ал-Мульк, по рассказу Ибн ал-Асира и других авторов, стал затем атабеком Маликшаха. Вместе с почетным титулом «отец» он получил большие полномочия в управлении государством уже в начале царствования этого султана[298]. Крайне интересные сведения, отличающиеся уникальными деталями, приводит историк Гийас ад-Дин Хондамир. «Степень (мансаб) атабека,— пишет он,— была предоставлена тому господину (Абу 'Али Хасану.— *С. А.*), и последовало решение, чтобы его величали „илик" и „ата-хадже"»[299]. Хондамир утверждает, что Низам ал-Мульк был провозглашен «отцом» принца Маликшаха после разгрома сельджуками византийской армии при Манцикерте.

В приведенном сообщении Хондамира обращает на себя внимание двусоставной титул «ата-ходже», что значит «отец-господин». Термин «хадже» («ходжа»), существовавший и в газневидское время, прилагался обычно к крупным сановникам и ученым почтенного возраста. В сельджукский период данный титул, судя по всему, стал равнозначен званию «везир»[300]. Термин «илик» стоял в одном ряду с почетными титулами «байгу», «сагун», «инанч», употреблявшимися для обозначения знати огузов и туркмен в XI—XII вв.[301]

В процессе образования державы Сельджукидов, очевидно, происходило не только заимствование, но и некоторый синтез местных и привнесенных кочевниками государственных форм управления. Существовавший прежде у огузских племен институт атабеков, вероятно, стал отождествляться с функционировавшим в завоеванных странах институтом везиров. В дальнейшем, после распада единой империи, атабеками стали называть самостоятельных правителей[302].

Старые огузские традиции прослеживаются и в церемонии интронизации в ранний период истории государства Сельджукидов. Большой интерес в этом отношении представляет сцена коронации и объявления султанским наследником юного Маликшаха. Его посадили на лошадь, впереди которой шествовала знать, присутствующих одаривали халатами и расшитыми попонами[303]. Алп Арслан приказал упоминать имя принца в хутбе «всех земель, где он владычествует». Существенным моментом интронизации было то, что султан шел пешком и нес чепрак перед ехавшим верхом наследником[304]. Такой же обычай, сопровождавшийся возложением чепрака к подножию трона, отмечается и у Караханидов[305]. Среди тюркоязычных народов средневековья конь олицетворял племя или даже целое государство. Поэтому подсаживание наследника престола на лошадь символизировало его возвышение над народом и получение прерогатив верховной власти[306].

В правление Алп Арслана соблюдалась и древняя степная

традиция регулярного угощения правителем своих «эмиров и войска» [307]. Подобные коллективные трапезы, называвшиеся «шöлен», устраивались и султанами малоазиатских сельджуков. Однако уже в царствование Маликшаха этот обычай стал постепенно выходить из обихода, что нередко вызывало негативную реакцию вождей кочевых племен [308].

В ранний период сельджукской истории, как отмечалось выше, определенную роль играла трансформированная пережиточная форма народного собрания. Такие собрания, носившие обычно название «кäнкäш», созывались весьма редко, и в повседневной жизни более реальное значение имел совет знати. Однако роль кäнкäша фактически сходит на нет в ходе сельджукских завоеваний и образования империи. Постепенно элемент совещательности уступает место «старой персидской теории государства, развившейся под глубоким воздействием мусульманской этики» [309]. В ее основе лежал взгляд на султана как на божьего избранника, идеальной целью которого является справедливое правление. «Всевышний в каждую эпоху,— писал Низам ал-Мульк,— избирает одного из людей и украшает его достоинствами государя» [310]. Светская власть султана рассматривалась как не подлежащая общественному санкционированию законная верховная прерогатива [311]. Отсюда происходит сельджукская идея «султана ислама как верховного правителя всего мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой мусульман, освящающим власть султана своим религиозным авторитетом» [312].

Прерогативы султанской власти были огромны, он считался верховным распорядителем всего государственного и коронного имущества. Только султан имел право давать земельные наделы в условную или наследственную собственность. Султан был обязан контролировать деятельность государственного аппарата, разбирать жалобы на вельмож и должностных лиц. Он должен был ведать не только гражданскими, но и военными делами, назначать и смещать полководцев. Власть сельджукских правителей, основанная на идее самодержавности, теоретически считалась неограниченной, но при решении важных государственных дел султан мог устроить совещание с высшими сановниками. Подобные собрания в пору расцвета империи не были постоянными институтами власти, но затем в условиях феодальных усобиц и ослабления центральной власти узкие советы придворной знати начинают играть более заметную роль. Особое значение при этом обретает воля крупных эмиров — представителей военного сословия, которое пыталось захватить и гражданские должности [313].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СЕЛЬДЖУКИДОВ

Средневековые восточные авторы отмечают, что границы особенно расширившейся в 70—80-х годах XI в. Сельджукской

державы простирались от крайних пределов «Рума до Антиохии Сирийской, рубежей Хита [314] и Хотана, от Хазарского моря [315] до Таифа [316] и Йемена» [317]. Киракос Гандзакеци пишет, что султан Маликшах «за кратчайший срок покорил вселенную не столько войной и насилием, сколько любовью и миром» [318]. Поддержание необходимого порядка в столь обширной державе действительно было возможно лишь при условии, что к средствам военного подавления добавятся определенные социальные и экономические мероприятия. 'Имад ад-Дин Исфахани пишет, что при султане Маликшахе тратились большие средства на рытье оросительных каналов, постройку мостов, строительные работы, возведение стен вокруг касаб — центров городской жизни, сооружение в степях и пустынях рибатов — пограничных укреплений для газиев и мест стоянки торговых караванов [319]. Большое внимание уделялось благоустройству и охране магистральных путей, в частности дорогам, по которым двигались мусульманские паломники из Ирака в Хиджаз [320]. Ряд караван-сараев был выстроен на трассе, ведшей из Хорасана через Фарс и Керман в порт Сираф в Персидском заливе [321]. Развитию торговли способствовало упразднение султаном Маликшахом пошлины «макса», представлявшей собой «неканонизированные сборы» [322]. Определенную роль в этом направлении сыграла и попытка унификации основной меры длины — фарсаха и реформа календаря в масштабах империи [323].

Значительные строительные работы велись в крупных и экономически важных городских центрах державы Сельджукидов. Ибн Фундук рассказывает о возведении по приказу Низам ал-Мулька оборонительных валов (баре) в некоторых округах в Иране. В 1072 г. по указанию везира была реконструирована и наращена до высоты в два человеческих роста стена вокруг Байхака [324]. Строительные работы велись и в долине Мургаба, где укрепленной стеной длиной в 12 300 шагов был обведен Мерв. Низам ал-Мульк распорядился построить новые ворота в столице Аббасидов, а также в Исфахане и других городах империи [325]. В 1074 г. из казны была отпущена тысяча золотых динаров на восстановление рухнувших при наводнении укреплений Багдада [326]. Необходимо отметить, что там еще в 1057 г. первым сельджукидским «великим» султаном были обнесены стеной два больших городских квартала с рынком. Впоследствии эта левобережная часть халифской столицы получила название Город Тогрула. Маликшах затем построил в Багдаде дворец, рынок, торговые заведения, заложил фундамент так называемой соборной мечети султана (Джами' ас-султан). Однако после его смерти, в смутный период междуцарствия конца XI — начала XII в., сельджукские сооружения были разрушены Аббасидами [327].

Сельджукское правительство уделяло пристальное внимание строительству в крупных городах не только мечетей, но и медресе, что имело большое идеологическое значение. Открытие

таких конфессиональных заведений было необходимо для укрепления могущества империи и власти правящей династии. Низам ал-Мульк был основателем Низамийа — медресе нового типа, где преподавание велось по особой программе. Такие высшие мусульманские учебные заведения открылись в Багдаде, Мосуле, Басре, Дамаске, Нишапуре, Амуле, Балхе, Мерве, Герате [328].

Сельджукские власти начиная с правления Тогрул-бека поддерживали в исламе суннизм ханафитского толка. Однако позднее, благодаря во многом Низам ал-Мульку, они опирались и на адептов шафиитского мазхаба. Приверженцем этого же толка был и другой влиятельный сановник империи, Тадж ал-Мульк, который в противовес знаменитому везиру, своему сопернику, построил в Багдаде медресе Таджийа. Между сторонниками Низам ал-Мулька и Тадж ал-Мулька шла борьба за обладание властью, государственными должностями и влияние на султанский двор. Однако это зачастую не мешало их общей борьбе с оппозицией иракских и других феодалов. Преподавание в медресе типа Низамийа и Таджийа мусульманской теологии и права (фикха) велось по шафиитскому мазхабу и учению аша'ритов. Лекции в основанном в 1067 г. в Багдаде медресе Низамийа читал Абу Хамид ал-Газали и другие видные теологи и философы Хорасана и Ирана.

В 70—90-х годах велись работы по восстановлению и строительству ирригационных сооружений в различных областях империи Сельджукидов. Весьма любопытен почерпнутый из более раннего источника рассказ Мухаммада Казима о возведении плотины на Мургабе. Согласно его данным, с давних времен эта река щедро поила всю Мервскую округу. На протяжении 12 фарсахов река перегораживалась несколькими хворостяными запрудами, от которых по большим и малым арыкам вода подавалась на поля. Однако в результате сильного наводнения пришедшие в ветхость ирригационные сооружения были разрушены, посевы и сады погибли, и вплоть до прихода сельджуков, насчитывавших 500 тыс. семейств, никому не удавалось обуздать стекавшие на запад по естественному руслу воды Мургаба. Лишь при султане Маликшахе, причем за каких-нибудь шесть месяцев, было собрано крестьянское трудовое ополчение со всего Ирана и Хорасана — более 100 тыс. работников (амале). Возле Мешхеда была организована заготовка гашеной извести, которую затем перевозили на верблюдах к месту работ. Началось строительство головной плотины. Несколько тысяч человек рыли магистральные каналы (новгане), заготовляли хворост и древесный материал, жженый кирпич и особую смесь извести и коровьего молока для укрепления берегов и ложа оросительных сооружений. Перевозка молока осуществлялась силами кочевых сельджукских племен, участвовавших в сооружении плотины. Доставка грузов производилась также с помощью мобилизованного путем разверстки рабочего скота

(80 тыс. голов, в том числе 6 тыс. мулов). В результате упорного труда была возведена плотина из кирпичей, хворостяных фашин (новале) и вбитых в дно реки бревен. Русло Мургаба было перекрыто, и его воды снова стали орошать поля Мервской округи [329].

Искусственное орошение было невозможно без регулярных очистительных работ, краткосрочного или длительного ремонта ирригационных систем. Требовалось осуществление надзора за уровнем речных вод, особенно весной, а также за состоянием плотин, вододелителей и каналов. Именно поэтому, по данным некоторых источников, около 10 тыс. человек было «занято делом» на Мургабе в пределах Мервского оазиса [330].

Центральные сельджукские власти, будучи заинтересованы в возрождении и подъеме сельского хозяйства, стремились упорядочить распределение воды по ирригационным системам. В связи с этим заслуживает внимания копия письма Низам ал-Мулька его сыну Фахр ал-Мульку. «Необходимо следить,— писал везир,— чтобы в деле [распределения] воды из рек, кяризов и источников [соблюдалась] полная справедливость и каждый поровну брал свою долю (хакк) по древнему обычаю (адат-и кадим). А при увеличении или уменьшении [доли] воды следует проявлять осторожность [по отношению] к компаньонам (ширкат). Ежели в деле [распределения] воды обнаружится притеснение, то необходимо устранить это вероломство и повысить [тем самым] изобилие в мире. Земледелие (дихканат), хлебопашество (харс) и [возделывание] посевов имеют большую пользу наряду [с другими] праведными и благочестивыми делами» [331]. Разумеется, ошибочно думать, что такие предписания неукоснительно претворялись в жизнь, но все же они играли в определенной мере благотворную роль в столь важной в условиях искусственного орошения практике распределения воды.

Сельджукские власти предпринимали определенные меры и для упорядочения фискально-податной системы империи. Благосостояние и прочность государства во многом зависели от налоговых поступлений и расходных статей бюджета. В правление Маликшаха годовой доход империи составлял, по некоторым данным, около 215 млн. динаров [332]. Значительная часть бюджетных средств тратилась на содержание чиновничьего аппарата и войска, получавшего жалованье из казны. Маликшах в начале своего царствования прибавил 700 тыс. динаров для вознаграждения армии, что укрепило его положение на троне [333]. На содержание султанского двора ежегодно отпускалось «20 тысяч мискалей золота» [334]. Общий же доход с коронных земель правящей династии (амлак-и хасс) составлял 21 тыс. динаров. Щедрое вознаграждение получали факихи, суфии, чтецы Корана, содержание которых обходилось государству в 300 тыс. динаров [335].

В Сельджукидской державе, особенно в ранний период, ос-

новная часть налогов, вероятно, собиралась с помощью 'амидов — государственных чиновников, стоявших во главе провинциальных управлений [336]. Одним из таких сановников был 'амид Хорасана и Хорезма Мухаммад ибн Мансур ан-Насави. Низам ал-Мульк, став везиром, хотел поставить его под контроль верховного дивана. Однако его попытка получить с ан-Насави определенную сумму по диванским ордерам (вусулат диваниййа) не имела успеха [337].

Повторившиеся несколько раз в 70—80-е годы засухи и недороды стимулировали внедрение в налоговую практику системы безналичных расчетов. Очевидно, вследствие накопления сельских недоимок армейским и гражданским чинам вместо звонкой монеты стали все чаще выдавать своеобразные векселя (бараты). Подобные ассигновки свободно обменивались и продавались на рынках специальными агентами или маклерами (тахвилдар). Основной их функцией были прием оцененных товаров и перевод денег, подлежащих оплате по баратам [338]. Ассигновки составлялись, как правило, в диване везира (диван-и везарат) и скреплялись государственной печатью (тауки'). Тексты баратов писались чиновниками (катибами), а печать ставилась визиром. Ордера, составленные не по форме, считались недействительными и переписывались заново [339].

Мусульманская юриспруденция признавала законность практики хавала — передачи долга от одного лица другому. Хавала представлял собой письменное соглашение, имевшее силу официального документа. Передававшаяся по такому документу задолженность подлежала оплате по условиям заключенного соглашения [340].

Сбор налогов, производившийся в натуральной, денежной и смешанной форме, нередко сопровождался притеснениями и вымогательствами чиновников. 'Амили зачастую требовали выплаты податей звонкой монетой по курсу червонного золота (динар-и сорх). Между тем обычной ходовой монетой были низкопробные рукнийские, или так называемые электровые, динары из смеси золота и серебра. Свое название они получили при султане Тогрул-беке, носившем титул Рукн ад-Дин [341].

Становление фискальной практики в сельджукской империи сопровождалось ростом недовольства податных масс. Злоупотребления 'амилей при взимании налогов привели к волнениям в Мерве и Балхе [342]. Все это поставило сельджукские власти перед необходимостью введения более строгого контроля над фискально-податной системой. Поэтому в царствование Маликшаха было дано распоряжение «отменить [вновь] введенные налоги (русум-и мухадас) и неподобающие [податные] каноны» [343].

В истории сельджукского государства исследуемого периода большое значение имела реформа, инициатором которой был Низам ал-Мульк. Благодаря его усилиям были проведены важные мероприятия, направленные на совершенствование полити-

ческого и общественного устройства. 'Имад ад-Дин Исфахани сообщает, что Низам аль-Мульк начал массовую раздачу воинам земельных наделов в качестве икта'. Сущность реформы заключалась в том, что если прежде государство выплачивало воинам из казны жалованье, то теперь взамен его им стали давать земли. «Он (Низам ал-Мульк.— *С. А.*),— пишет 'Имад ад-Дин,— распределил земли между воинами, отдав их [им] в икта' и сделал [эти земли] источником [их] доходов» [344].

Широкому внедрению института икта' способствовали общая разруха и эпидемии, в результате которых казна оскудела [345]. В 1076 г. наступил сильный голод, вызванный засухой и недородом во многих провинциях империи Сельджукидов. Голод сопровождался большой смертностью от эпидемии чумы, вероятно, начавшейся в селениях и городах Сирии [346]. Страшная пандемия с новой силой вспыхнула в 1085 г., охватив Сирию, Иран и другие страны Ближнего и Среднего Востока. В этих условиях сельджукское правительство вынуждено было прибегнуть к массовой раздаче земель взамен жалованья.

Низам ал-Мульк, по утверждению Садр ад-Дина ал-Хусайни, был «первым, кто стал наделять [владениями] икта' тюрок» [347]. Однако это заявление требует существенного уточнения, поскольку другие средневековые авторы говорят о давней практике раздач икта' воинам тюркского происхождения. В середине IX в. в резиденции омейядских халифов, Самарре, такие наделы (ката' и) наряду с хорасанцами и магрибинцами получали и тюркские солдаты. Пожалование земель профессиональным воинам в Халифате дало толчок развитию этой системы в других странах Ближнего и Среднего Востока. Икта', дававшиеся тюркским наемникам и рабам-гвардейцам, постепенно распространились по всему Ираку и Западному Ирану. Дальнейшее внедрение этой практики со временем привело к зарождению института «покровительства» типа западноевропейской коммендации (илджа', химайа). Икта'дары, или мукта', стали прибирать к рукам земли крестьян, мелких и слабых феодалов путем оказания им «защиты» [348]. В свете этих фактов становится очевидным, что Низам ал-Мульк ввел существовавшую в более раннее время практику раздачи земельных наделов (икта') тюркам-преторианцам, которые входили в состав сельджукской профессиональной армии. Свидетельство названного выше историка можно объяснить и тем обстоятельством, что институт икта' получил относительно широкое распространение среди огузских и туркменских вождей, главным образом членов правящей династии.

Следует подчеркнуть, что массовая раздача икта' военным чинам и вассальным правителям не была нововведением знаменитого сельджукского везира. Начало такой практике было положено при Тогрул-беке после разгрома в 1050 г. восстания Ибрахима ибн Инала. Стремясь подавить и искоренить сепаратизм вождей огузских и туркменских племен, он стал жаловать

земли за военную службу. Раздача земель в качестве икта‘ положила начало созданию постоянной армии нового, феодального типа, которая была призвана заменить родо-племенные ополчения кочевников. Икта’дары ставились теперь в непосредственную зависимость от «великого» султана — верховного владельца и распределителя всего земельного фонда [349].

Фрагментарность данных средневековых источников, к сожалению, не позволяет осветить в должной мере типологию икта‘, особенно в раннесельджукский период. Судя по некоторым историческим фактам, появление икта‘ было результатом дальнейшего развития практики земельных пожалований, зародившейся в ходе сельджукского движения в Хорасане. Образование громадной империи, сопровождавшееся активизацией социально-экономических контактов в завоеванных странах, также оказало влияние на процесс возникновения этого феодального института.

Наиболее широкое распространение в Сельджукидской державе XI в. получила форма земельного пожалования за военную службу, хотя икта‘ предоставлялись и членам правящей династии, и вассальным правителям. Сущность реформы Низам ал-Мулька заключалась в том, что она не просто закрепила, но и значительно расширила практику раздачи икта‘ профессиональным военным. Передача земли взамен жалованья избавляла государство от необходимости тратить средства казны, фураж и продовольствие, уменьшало расходы по сбору налогов. Икта’дарам было дано право на взимание налогов с пожалованных им земель [350], и это сокращало затраты на содержание фискального аппарата. Следует также учесть, что в рассматриваемое время продолжался начавшийся ранее так называемый серебряный кризис, серьезно влиявший на состояние денежного обращения [351]. Нехватка серебра для эмиссии монет приводила к чеканке низкопробных динаров из сплава золота и серебра. Выпуск таких монет, получивших название «динар-и рукни» (см. выше), начался в правление Тогрул-бека и продолжался при Алп Арслане и Маликшахе. В условиях затяжного кризиса раздача земельных пожалований вместо денежного содержания была выгодна государству.

Внедрение системы икта‘ в определенной мере ограничило произвол командиров и солдат, которые нередко попросту грабили мирных жителей. Грабежи были частым явлением и в первые годы правления Маликшаха, когда войско «простерло руки к деньгам и пожиткам населения» [352]. Все это вынудило юного султана дать чрезвычайные полномочия своему везиру. Низам ал-Мульк прибегнул в борьбе с произволом военных к крайним мерам, но они оказались недостаточно эффективны. Только после описанной выше реформы положение в стране начало изменяться к лучшему [353].

Сельджукское воинство в рассматриваемый период делилось на «ляшкяр-и иджара хор» и «джарида-йи икта’ат». Первое из

этих названий означает «войско, получающее жалованье», а второе — «отряды, числящиеся в иктовых реестрах». Сама армия состояла из различных подразделений: султанской гвардии (хасс), дворцовой охраны (му'фридан), войска принцев и других членов династии, а также отрядов вассалов [354]. Командиры и солдаты, получавшие жалованье из казны, были зарегистрированы в списках диван-и джайш. В их число входили как наемники и вассалы, так и гулямские отряды. Личная гвардия Алп Арслана состояла из 15 тыс. мамлюков-кавалеристов. Султанская рать была отлично экипирована, каждый всадник имел запасную лошадь [355]. Существовали также особые подразделения дворцовых гулямов, насчитывавшие 2 тыс. человек [356]. Профессиональная армия формировалась из тюрок, иранцев, арабов, курдов, армян и представителей других народов. Любопытно, что многие воины, в частности армянские наемники, носили «тюркскую форму» [357].

Получившие икта' армейские чины также были внесены в реестры войскового управления. В правление Маликшаха насчитывалось от 40 тыс. до 47 тыс. всадников, имевших земельные наделы с правом взимания в свою пользу определенной доли налогов. Однако в местах временной дислокации в мирное время султанская рать получала фураж (улуфе) и денежное вознаграждение (нафак) за счет чрезвычайных поборов [358].

Существовали и так называемые административные икта', которыми владели султанские наместники и правители провинций, обладавшие как военной, так и гражданской властью. Они получали определенную долю земельных налогов за свои услуги династии и государству [359].

Маликшах широко раздавал икта' близким родичам, вассалам и крупным военачальникам, а также «личным рабам» — заслуженным и преданным султану военным предводителям из гулямов и вольноотпущенников. «Султан приказал обследовать [положение дел] в большинстве провинций своего государства (мамалик), назначил в каждом месте наместника (вали) и мукта'» [360]. Маликшах отдал Халеб (Алеппо) своему бывшему мамлюку Ак-Сонкуру, владетелем Ар-Рухи назначил Бозана, наместником Мосула стал Чакырмыш, а Йемен перешел в руки Юрункуша. Султан пожаловал затем Сирию, отнятую у Атсыза ибн Уака, своему брату Тадж ал-Дауле Тутушу [361].

Икта' раннесельджукского периода, очевидно, представляло собой преимущественно условное держание земли с правом взимания оговоренной доли налога. Судя по данным источников, такое пожалование не было наследственным и могло быть изъято султаном. В частности, известно, что Тогрул-бек в результате возникшего конфликта приказал отнять икта' у самого багдадского халифа, оставив тому лишь часть принадлежавших ему исстари наделов [362]. Вместе с тем имеется сообщение о том, что султан потребовал у ал-Ка'има выделить икта' для своих воинов в Ираке. «Поскольку нам,— заявил Тогрул-бек,—

временами будет необходимо прибывать сюда (в Ирак.— *С. А.*), халиф должен назначить икта‘ для нашего войска»[363]. Сохранилось также сообщение об изъятии надела (икта‘) у сына после смерти его отца по приказу везира Кундури[364]. Все это дает основание полагать, что в раннесельджукский период господствующей формой было условное земельное пожалование, довольно близкое к икта‘ ал-истиклал[365]. Однако с течением времени икта‘ стал претерпевать трансформацию и превращаться из временного в пожизненное, а затем и в наследственное владение. Исследователи нередко усматривают истоки отмеченного процесса в социально-экономической истории стран Ближнего и Среднего Востока[366]. Тем самым вольно или невольно допускается игнорирование реального факта существования подобной тенденции и в Средней Азии. Между тем хорошо известно, что Мухаммад ал-Хорезми еще в X в. говорил о землях «ту‘ма» и «ката’и», имевшихся в государстве Саманидов. Первая из этих категорий представляла собой землю, отдававшуюся для пожизненного кормления, а вторая — землю, передававшуюся по наследству[367]. Икта‘ подобного типа имел, в частности, саманидский военачальник Абу-л-Хасан Симджури, владевший Кухистаном, Бадгисом и Кенджрустаком[368].

Разумеется, нельзя игнорировать определенную преемственность между рассматриваемым институтом и формами икта‘ эпохи Омейядов, Аббасидов и Буидов. В этой связи можно, в частности, отметить, что «ката’и» и «ту‘ма» существовали не только в Средней Азии, но и в центральных областях Халифата[369]. Сказанное относится в равной мере и к сельджукскому «военному икта‘» (икта’ат-и хашам), которое перекликается с буидским «икта‘ ал-аскарийа». При этом, обращает на себя внимание, что в IX—X вв., при Аббасидах и Буидах, тоже была распространена отдача икта‘ воинам из тюркских преторианцев. Следует добавить, что в труде ал-Маварди указывается на незаконность передачи икта‘ от отца к сыну. Отсюда становится ясным существование такой практики наследования в середине XI в. в Аббасидском халифате[370]. В свете приведенных фактов можно думать, что, зародившись в Средней Азии и Северном Хорасане, сельджукская форма икта‘ испытала затем воздействие аналогичных институтов Ближнего Востока.

Реформа Низам ал-Мулька сыграла благотворную роль в возрождении и подъеме экономики державы Сельджукидов[371]. Предоставление наделов в качестве икта‘ военным, а также гражданским чинам способствовало увеличению доходов с земледелия и ремесла. Икта’дар был заинтересован в росте объема продукции в отданных ему или значившихся за ним владениях. Между тем прежняя «концентрация провинции под управлением государственного дивана порождала равнодушие и, следовательно, разорение страны»[372].

Исследуемый феодальный институт вместе с тем таил в себе потенциальную опасность для центральной власти. По мере

роста экономической и политической мощи икта'даров, особенно крупных, в государстве усиливались центробежные тенденции. Очевидно, именно поэтому Низам ал-Мульк нередко предоставлял воинам икта', или, вернее, ренту с пожалованного надела, в разных уголках обширной империи. Везир обычно назначал для них икта' с доходом в тысячу динаров, причем одна половина этой суммы поступала из самаркандских, а другая — из румских (малоазиатских) доходов [373]. «Низам ал-Мульк,— пишет 'Имад ад-Дин,— иногда делал так: кому-либо из солдат назначал ежегодное жалованье в тысячу динаров и половину этих [денег] выписывал [ему] для выдачи из [сумм] налогов одной из областей Рума, а другую половину — из [доходов] области, находящейся в конце Хорасана» [374]. Захир ад-Дин Нишапури и другие средневековые авторы сообщают, что воины Маликшаха, служившие постоянно «при его стремени», имели икта', разбросанные в противоположных областях империи [375].

Развитие феодальных институтов объективно подтачивало устои империи и способствовало постепенному ее распаду на отдельные самостоятельные владения. Раздача целых областей и провинций в качестве милька и икта' привела к тому, что единая держава со временем разделилась на ряд владений и государств под номинальным сюзеренитетом «великого султана». Начало данного процесса, сопровождавшегося феодальными мятежами, острой внутрисословной борьбой и социальными движениями под «еретическими» лозунгами, восходит уже к правлению Маликшаха. Фактическим суверенитетом в 70—80-х годах пользовался Румский султанат, в полузависимом состоянии находились Керман и Фарс, где правили Кавурдиты.

Мощный импульс рассматриваемый процесс обрел после смерти в 1092 г. Низам ал-Мулька и Маликшаха, в царствование юного, страдавшего тяжелым недугом султана Беркйарука (1092—1105). В конце XI — начале XII в. сельджукская империя была охвачена феодальной анархией, называемой в источниках «'ахд ал-фитрат» («смутная эпоха») [376]. В этот период некогда могущественная империя распадается на ряд самостоятельных государств. Происходит обособление западносельджукских владений в Закавказье, Иране, Ираке, Сирии, Малой Азии. Земли обширной державы окончательно раздробляются на независимые султанаты: Хорасанский, Иракский и Румский. Северный Хорасан и юго-западные области Средней Азии выделяются в самостоятельный Восточно-Сельджукский султанат, перешедший в начале XII в. под власть Санджара ибн Маликшаха (1118—1157).

Глава III

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКИЙ СУЛТАНАТ В XI—XII вв.

В конце XI в. Сельджукидская держава вступила в полосу регионально-политического обособления и развала на отдельные самостоятельные государства. Данный процесс был подготовлен всем ходом предшествовавшего экономического и социального развития империи. Сельджукидская держава стала испытывать серьезные затруднения из-за ограниченного притока военной добычи и контрибуций вследствие ослабления завоевательного напора на Среднем Востоке, в Передней и Малой Азии. Раздел единого государства на составные части стимулировался также различиями природно-географических условий, этнической структуры, неодинаковостью общественного и культурного уровня провинций и областей. Известную роль в этом процессе сыграли отчуждение правящей династии от основной массы кочевых сородичей и племенной сепаратизм туркменских и огузских вождей [1].

Казавшиеся незыблемыми устои громадной империи особенно сильно подрывались негативными тенденциями, связанными с дальнейшим развитием феодальных институтов. Значительную роль при этом играла практика отдачи и закрепления за разветвившимся кланом правящей династии крупных областей и провинций в качестве мильков. Правители таких феодальных владений, передававшие свою власть по наследству, постепенно становились полузависимыми от центральной власти [2].

Серьезное значение для исторических судеб державы Сельджукидов имело широкое распространение икта‘ и его постепенная эволюция в XI—XII вв. Типология икта‘ рассматриваемого периода, как отмечалось выше, пока еще остается темой грядущих исследований. Однако совершенно очевидно, что на всей территории огромной державы не было единообразной аграрной системы. Преобладающим видом икта‘ в Северной Сирии и Ал-Джазире, по-видимому, был так называемый икта‘ ал-истиклал. Сравнительно бóльшим разнообразием отличались входившие некогда в состав Буидского государства Западный Иран и Арабский Ирак. В Кермане и Фарсе широкое развитие при

Сельджукидах, вероятно, получила наследственная форма икта' [3].

Несмотря на определенные различия, в Сельджукидской державе происходил хотя и асинхронный, неравномерный, но во многом сходный по конечному итогу процесс развития феодальных институтов. Главным направлением была при этом постепенная эволюция пожизненных условных пожалований в наследственную земельную собственность. Развитие крупного милькового землевладения и трансформация икта' подтачивали единство империи и подготавливали ее распад на отдельные политические образования.

ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ РАСПАДА ЕДИНОЙ ИМПЕРИИ

В исторической литературе, особенно в востоковедении на рубеже прошлого и нынешнего столетий, видимой причиной раздробления огромного Сельджукидского государства обычно выставлялись последовавшая в 1092 г. гибель Низам ал-Мулька и почти одновременная кончина Маликшаха [4]. Однако такой подход не объясняет многих реалий, и прежде всего тот факт, что симптомы распада проявились уже при жизни обоих названных исторических деятелей. Это нашло наглядное отражение в центробежных движениях, феодальных мятежах последнего десятилетия царствования Маликшаха. В 1081—1085 гг. султану пришлось большими силами подавлять восстания своего брата Текиша, пытавшегося овладеть Хорасаном. Многочисленная армия Маликшаха совершила походы на Бардсир — столицу выказавшего неповиновение Кавурдида Рукн ад-Дина Султаншаха (1074—1085). Тревожное положение создалось во второй половине 80-х — начале 90-х годов XI в. на окраинах Сельджукидской державы, особенно в Сирии и Ал-Джазире [5].

Признаки начинавшегося развала единого государства проявились и в усилении освободительного движения среди покоренных народов, в обострении внутрисословной борьбы, поляризовавшей силы правящей феодальной верхушки. Основная линия конфронтации проходила в сфере решающего влияния на двор, обладания привилегиями и ключевыми государственными должностями. Главными противоборствующими группами были партии везира Низам ал-Мулька и его заклятого врага Тадж ал-Мулька Абу-л-Ганаима. Тадж ал-Мульк, происходивший из древнего служилого иранского клана, сделал карьеру на посту государственного казначея, а потом везира царских отпрысков (маликов). Постепенно он стал верной опорой султанши Таркан-хатун и получил важный чин шефа государственной канцелярии (диван-и инша' ва-л-тугра) [6].

Борьба принимала ожесточенный характер, сопровождалась злостной клеветой, зверскими расправами, тайными убийствами. В 1082 г. противники Низам ал-Мулька сделали попытку

отравить везира, но потерпели неудачу. Особый накал противоборству сторон придавал вопрос о законном наследнике престола. Таркан-хатун и ее сподвижники добивались объявления преемником Маликшаха ее малолетнего сына Махмуда [7]. Низам-ал-Мульк настаивал на провозглашении наследником трона Беркйарука, рожденного второй султанской женой, Зубайдой-хатун [8].

Низам ал-Мульк опирался преимущественно на сановную знать и чиновников-нуворишей, тесно связанных с центральным государственным аппаратом. Среди его наиболее активных приверженцев были глава верховного дивана финансового счета и контроля Абу Са'д Мухаммад и шеф государственного секретариата Камал ад-Даула Абу Рида Фазлаллах [9]. Военной опорой везира служили его личные гвардейские отряды из мамлюков, насчитывавшие до 20 тыс. гулямов [10].

В 1092 г. достигшее апогея противоборство враждующих партий закончилось разрывом отношений между султаном и его престарелым везиром. Низам ал-Мульк, обвиненный своими противниками в узурпации верховных прерогатив власти и в фактическом соправительстве, оказался в опале [11]. Затем везир запросил разрешение султана на паломничество к святыням ислама, но в пути был убит одним из ассасинских (исмаилитских) фидаинов [12]. Спустя немногим более месяца скончался внезапно и султан Маликшах [13], прибывший для встречи с халифом в Багдад [14].

Исмаилиты, убившие Низам ал-Мулька, были одной из шиитских сект, исповедовавшей мессианское учение о пришествии имама и наступлении царства справедливости [15]. Общинные уравнительные идеи ранних шиитов привлекали симпатии широких масс, страдавших от социального гнета. Приверженцы этой тайной секты поддерживали утвердившуюся в X в. в Египте династию Фатимидов. Однако в конце XI в. среди исмаилитов произошел раскол на два главных течения: низаритов и мусталитов. Низаритские общины получили распространение в Сирии, Ливане, Ираке и Иране. Сельджукские власти начали суровые гонения на исмаилитов, видя в них угрозу своему могуществу. Особую политическую и социальную остроту этой борьбе придало создание исмаилитами в конце XI в. независимого государства с центром в Рудбаре, в горах Альбурза. Главной их твердыней в регионе стала крепость Аламут [16], лежавшая к востоку от Казвина. Аламут был захвачен в 1090 г. исмаилитским проповедником и главарем секты Хасаном ас-Саббахом. Сельджукские власти объявили предводителя исмаилитов опасным еретиком, основавшим «новую религию и общину» [17]. Хасан ас-Саббах обвинялся в отступничестве от правоверного ислама, подстрекательстве к бунту «неотесанных» горцев, в приверженности фатимидским халифам Египта [18].

В начале 90-х годов XI в. движение исмаилитов активизируется; они распространяют свою пропаганду на Хорасан, Керман,

Фарс, Кумис, области, лежащие на восточном побережье Каспийского моря [19]. Шиитские функционеры (да'и) 'Абд ал-Малик ибн 'Атташ и его сын Ахмад энергично действовали в Рее и даже в столице империи — Исфахане. Соблюдая строгую конспирацию, главари секты широко применяли методы террора, что создавало обстановку подозрительности и всеобщего страха. Скорее всего, именно этим можно объяснить приговор высшего духовенства (улама) Кермана, обвинившего в 1093 г. в ереси местного сельджукского правителя Ираншаха [20].

После захвата Аламута Хасан ас-Саббах разослал повсюду своих миссионеров; начался период «нового призыва», который всколыхнул почти весь Иран и Южный Хорасан. В 1092 г. крупное восстание исмаилитов вспыхнуло в Кухистане; они овладели крепостью недалеко от Каина. Затем им удалось захватить Хур, Заузан [21], Каин, Тун и другие города Ирана. Действия исмаилитов побудили султана Маликшаха предпринять карательный поход, на чем особенно настаивал везир Низам ал-Мульк. В 1092 г. сельджукская армия под главенством Кизыл Сарыга и одного из эмиров Систана начала осаду захваченных «еретиками» городов и укреплений в Кухистане. Однако эта военная кампания была прервана внезапной кончиной султана Маликшаха [22].

В конце XI— начале XII в. продолжается распад Сельджукидской империи на ряд владений и государств в Средней Азии, на Среднем Востоке, в Малой Азии. Окончательно выделяется и обособляется Конийский, или Румский, султанат (1077—1307), укрепляют свою власть сирийская ветвь Сельджукидов (1078—1117) и кавурдидские правители Кермана (1041—1187), в Хорезме набирает мощь вассальная династия Ануштегинидов (1097—1221). Значительно ослабевает влияние Сельджукидов на аббасидских халифов и в Арабском Ираке. В 1095 г. халиф ал-Муктади отдает приказ о разрушении в Багдаде построек так называемого Города Тогрула [23].

Антисельджукские настроения охватывают и Мавераннахр, где в 1095 г. в результате заговора военного сословия и высшего мусульманского духовенства был свергнут караханидский правитель Ахмад-хан, креатура султана Маликшаха [24]. Верховный созеренитет над этим регионом был восстановлен Сельжукидами лишь спустя два года — после воцарения султана Беркйарука.

ПРАВЛЕНИЕ СУЛТАНА БЕРКЙАРУКА (1094—1105)

После смерти Маликшаха Таркан-хатун (Хатун Джалалийа) фактически захватила всю полноту власти. Щедрой раздачей подарков и больших денежных сумм из казны она обеспечила поддержку со стороны эмиров своему четырехлетнему отпрыску

Махмуду. Багдадский халиф был вынужден согласиться на утверждение Махмуда верховным сельджукским правителем. Хатун Джалалийа и ее везир Тадж ал-Мульк двинулись затем на Исфахан, где находился другой сын покойного султана — двенадцатилетний Беркйарук. Таркан-хатун вступила в столицу империи, а Беркйарук в сопровождении оставшихся ему верными эмиров и гулямов бежал в Рей. Вокруг него в основном сгруппировались не имевшие знатного происхождения, но отличавшиеся честолюбием и стремлением к власти и богатству нувориши, а также сторонники покойного Низам ал-Мулька во главе с Эр-Гушем. Беркйарук при активном участии ра'иса — главы рейской знати был провозглашен верховным султаном [25].

В истории Сельджукидской империи впервые появились два верховных правителя: Махмуд — в Исфахане и Беркйарук — в Рее. Имена братьев-соправителей упоминались на равных в пятничной хутбе, и каждый из них чеканил свою монету [26]. В этом акте, возможно, нашел преломление старый, но трансформированный институт соправительства, который некогда существовал у огузских племен. Как бы то ни было, подобный дуализм политической власти, отражавший равновесие противоборствующих сил, был удобным выходом из создавшейся обстановки.

Двоевластие в Сельджукидской империи продолжалось относительно недолго. В 1094 г. произошла решающая битва между армией Беркйарука и войсками Хатун Джалалийа [27]. Беркйарук одержал блестящую победу и начал осаду Исфахана, где укрылись его противники. Однако вскоре умерла Таркан-хатун, а затем скончался от оспы ее малолетний сын Махмуд. В феврале 1904 г. Беркйарук получил инвеституру на верховную султанскую власть от багдадского халифа ал-Мустазхира (1094—1118). Финальный акт борьбы за сельджукский трон не обошелся без участия туркменских племен во главе с Исма'илом ибн Йакути — правителем Азербайджана и Аррана. Исма'ил выступил на стороне Махмуда, но был разбит и погиб от рук Гюмюш-тегина, атабека султана Беркйарука.

Двенадцатилетнее правление Беркйарука было заполнено междоусобицами, политическими интригами, ожесточенной борьбой феодальных группировок за привилегии и власть. Юному султану приходилось отбиваться от посягательств на свой трон со стороны влиятельных старших представителей сельджукидской династии. Наиболее сильным и опасным противником Беркйарука был его дядя по отцовской линии, правитель Сирии и части Палестины Тадж ад-Даула Тутуш. В 1093—1094 гг. он захватил почти всю западную часть империи и пытался овладеть Ираном и Хорасаном. Тутуш объявил себя верховным султаном, получил от ал-Мустазхира инвеституру на власть и почетный титул Рукн ад-Дин. Поддержка новым халифом претендента на имперский трон объяснялась стремлением 'Аббасидов освободиться от зависимости и ослабить Сельджукидов.

Тутуш, намеревавшийся овладеть престолом, двинулся на столицу империи — Исфахан. Однако в феврале 1095 г. он был наголову разбит в упорном сражении недалеко от Рей. Битва завершилась гибелью Тутуша и бегством остатков его пятнадцатитысячного войска в Сирию и Палестину [28].

Обострение политической ситуации в империи Сельджукидов было в определенной мере связано и с началом крестовых походов на Восток. В 1097 г. франкская рыцарская армия и византийские отряды отобрали у сельджуков Никею и часть Конийского султаната. Крестоносцы, пройдя Малую Азию, взяли Эдессу и Антиохию, основав здесь свои первые владения на Ближнем Востоке. В 1099 г. они захватили Иерусалим и утвердились на всем восточном побережье Средиземного моря. В Палестине и южной части Сирии крестоносцы создали Иерусалимское королевство, в номинальной зависимости от которого оказались Эдесское и Триполитанское графства и Антиохийское княжество.

Кровопролитные завоевания франков вызвали большую тревогу и озабоченность в центре империи Сельджукидов. Беркйарук и его окружение стали готовиться к походу на Сирию и Палестину. Султан обратился ко всем мусульманским эмирам, призывая их к решительным действиям против крестоносцев. Однако в условиях глубоких внутренних раздоров и ослабления верховной султанской власти предпринятые ими усилия не дали сколько-нибудь ощутимых результатов [29].

В правление султана Беркйарука усилился процесс фактического распада державы Сельджукидов. Начинается обособление восточных, центральных и западных провинций империи в два самостоятельных больших государства — Хорасанский и Иракский султанаты. Беркйарук еще в период борьбы с Махмудом отдал в икта‘ своему сводному брату Абу Шудже Мухаммаду Тапару область Гянджу. Мухаммад Тапар постепенно укрепил свою власть в Азербайджане, а затем овладел и Арраном. Осенью 1099 г., подстрекаемый беглым султанским везиром Му’аййид ал-Мульком, он двинулся против Беркйарука. Большинство султанских военачальников переметнулись на сторону нового претендента на сельджукский престол. Вскоре ему удалось захватить Рей. Абу Шуджа воссел на трон, а аббасидский халиф не замедлил огласить хутбу с его именем в Багдаде. Вместе с инвеституpой на верховное правление Мухаммад Тапар получил и титул Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин [30].

В 1101 г. вблизи Хамадана, на берегу р. Сефидруд, произошло сражение между отрядами Беркйарука и Мухаммада Тапара. Беркйарук был наголову разбит и едва спасся бегством с поля битвы. Весной следующего года соперники вновь сошлись в упорном бою, но на этот раз удача отвернулась от Абу Шуджи. Беркйарук вернул себе престол, но борьба между сводными братьями не прекратилась [31].

В 1104 г. оба претендента на верховную султанскую власть

заключили мирное соглашение, определившее политический статус и границы их владений. Мухаммад Тапар помимо Азербайджана и Аррана получил северо-западные провинции Ирана, области по Евфрату, Мосул и Сирию. Беркйарук сохранил большую часть Западного и Центрального Ирана, Хузестан, Дийарбакр, Ал-Джазиру, Мекку и Медину. Сельджукское влияние в Багдаде оставалось неустойчивым, как и их сюзеренитет над всем Арабским Ираком.

Согласно договору 1104 г., оба сводных брата именовались султанами, но верховным правителем объявлялся Беркйарук. Однако после его смерти титул великого султана должен был перейти к Абу Шудже Мухаммаду Тапару.

В 1105 г. Беркйарук умер, а его малолетний сын Маликшах, утвержденный халифом в качестве наследника, был лишен престола. Сельджукским верховным султаном был провозглашен Мухаммад Тапар (1105—1118), присоединивший к своим владениям весь Иран, Хузестан, Арабский Ирак [32].

ОБРАЗОВАНИЕ ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКОГО СУЛТАНАТА

Процесс распада империи, протекавший в конце XI — начале XII в., затронул не только западные, но и восточные области державы Сельджукидов. В условиях наступившей феодальной раздробленности образуются два новых государства — Хорасанский и Иракский султанаты. Начало истории Иракского султаната восходит к царствованию сына и преемника Мухаммада Тапара — султана Махмуда (1118—1131). В 1118 г., после смерти отца, он стал правителем Ирана, Ирака, Азербайджана, Сирии, Дийарбакра [33]. Приблизительно в это же время окончательно складывается и Восточно-Сельджукский султанат. Центром нового государства становится Хорасан. В конце XI в. ситуация в данном регионе характеризовалась противоборством сельджукских феодалов, выступлениями мятежных вассалов и крупных военачальников. Один из «великих эмиров», скорее всего Арслан Аргун, пытался в 1095 г. захватить Нишапур [34].

В рассматриваемый период обострились социальные противоречия, облачавшиеся в форму религиозного противоборства. Бурные события разыгрались в это смутное время в ряде крупных городов Северного Хорасана. В 1092 г., после кончины Маликшаха, в Себзеваре около полугода длились волнения 'аийаров и «злоумышленников». Местная знать, собрав отряды солдат и гулямов, совершала регулярные ночные обходы города. Аристократы боялись разграбления имущества и покушения на честь своих жен. В 1096 г. разгорелась кровавая распря между каррамитами и объединенными силами приверженцев шафиитского и ханафитского мазхабов в Нишапуре. Результатом этой «великой смуты» явился разгром каррамитов и разрушение принадлежавших им мечетей [35].

Специальный анализ описываемых событий показал, что в 1096 г. в Нишапуре произошло восстание городских низов. Каррамитские предводители, вероятно, решили использовать «бунт» для укрепления своего пошатнувшегося в сельджукское время общественного положения. Восстание испугало глав ханафитов и шафиитов, которые подавили его объединенными силами. Расправа с повстанцами была жестокой, а каррамиты навсегда утратили свои позиции в Нишапуре [36].

Противоборство мусульманских теолого-правовых школ в освещаемый период отражало сложный клубок противоречий в сфере далеко не адекватных интересов различных общественных слоев. В нем преломлялись социальный антагонизм, политические и другие устремления правящей династии, служилых и прочих слоев аристократии и массы простого народа. Отличия в толковании исламских доктрин и основанных на них морально-этических и юридических норм использовались в области внутренней политики и даже межгосударственных отношений. Сельджукиды, будучи приверженцами ханафитского мазхаба, поддерживали и влиятельных шафиитских лидеров, когда того требовала конкретная обстановка. В частности, в Арабском Ираке они стремились привлечь их на свою сторону и столкнуть с аббасидскими халифами, которые также принадлежали к мазхабу шафиитов. Багдадские имамы, в свою очередь, были не прочь опереться на ханафитскую оппозицию в борьбе с сельджукскими властями Иракского султаната [37].

В конце XI — начале XII в. шафиитский и ханафитский толки имели довольно широкое распространение в Хорасане и Средней Азии. Наибольшей популярностью пользовался ханафитский мазхаб, который издавна отличался сравнительной терпимостью, стремлением к приспособлению и адаптации древних региональных традиций. Применительно к местным условиям представители этой школы разработали и свои юридические системы, основанные на положениях официального ислама. В них отразились представления ханафитов о верховных прерогативах власти, способах взимания и размерах налогов, правилах водопользования и других правовых нормах. Соответствующие юридические положения имелись и в учении шафиитов, которые также пользовались влиянием в Иране и Средней Азии. Именно эти жизненно важные обстоятельства и играли главную роль в привлечении симпатий тех или иных сословий и широких масс народа.

Социальная база суннитских толков, пользовавшихся при Сельджукидах большой популярностью, почти совсем не освещена в современной историографии. Имеющиеся в средневековых источниках некоторые сведения позволяют думать, что ханафиты и шафииты представляли в основном интересы крупной знати [38]. Главы этих мазхабов, особенно ханафитов, были тесно связаны с правящей династией и высшим государственным аппаратом. Они постоянно соперничали между собой за влияние

на султанский двор и правительство, за обладание высокими религиозными и гражданскими должностями. Борьба в основном шла за посты ра'исов, главных судей, настоятелей (имамов) мечетей и крупных медресе [39]. Сельджукские власти с помощью ханафитских, а также шафиитских лидеров стремились контролировать различные группы феодального сословия и народные массы и активно влиять на них. Низам ал-Мульк опирался то на один, то на другой из этих толков «в той степени, в какой это отвечало его политическим интересам» [40].

Главы суннитских мазхабов, защищавшие господствующий строй, забывали в нужные моменты о своих распрях и солидаризировались в борьбе против «смутьянов». Вместе с тем сама логика этого противоборства вызывала необходимость вовлечения в нее широких слоев горожан, а также населения окрестных деревень. В этом отношении весьма интересны события, разыгравшиеся в конце XI в. в Себзеваре, когда были использованы отряды крестьян из волостей Байхака [41].

Распад единой Сельджукидской империи сопровождался, таким образом, социальными эксцессами и обострением внутриполитической обстановки. Сепаратистски настроенные члены правящей династии и крупные военачальники стремились использовать ситуацию в своих интересах. В 1092 г. в Северном Хорасане начал активно действовать сын Алп Арслана, малик 'Изз ад-Дунйа ва-д-Дин Арслан Аргун [42]. При жизни отца он был назначен эмиром Хорезма, а в правление Маликшаха получил наделы (икта') в Хамадане и Саве. Его ежегодные доходы составляли 7 тыс. динаров, но это не могло удовлетворить молодого честолюбивого царевича. Арслан Аргун воспользовался междоусобной борьбой своих племянников и других родичей и приступил к захвату Хорасана. В качестве предлога он выдвинул наследственное право на эту провинцию, которая некогда принадлежала его деду Чагры-беку. Арслан Аргун сравнительно легко овладел к 1095 г. Мервом, Серахсом, Балхом, Термезом. Он стал добиваться у султана Беркйарука своего утверждения в качестве властителя Хорасана [43]. В ходе оставшихся незаконченными переговоров он обещал признать верховный сюзеренитет Беркйарука. Однако втайне, по-видимому, он мечтал сам занять сельджукский трон по праву старшинства [44].

В 1095 г. султан Беркйарук направил против Арслана Аргуна своего дядю Бёри Барса, назначив его правителем Хорасана. Султанская армия в первом же бою разгромила войско Арслана Аргуна. Бёри Барс, овладев Мервом, захватил почти весь Хорасан. Арслан Аргун отступил в Балх, но вскоре с помощью туркменских ополчений вернул себе Мерв. Город был взят штурмом, его стены разрушены, а большая часть населения перебита. Бёри Барс, обосновавшийся в Герате, двинулся на своего противника, но был разбит и взят в плен. Поражению султанской армии содействовала вражда между ее военачальниками — Мас'удом ибн Таджиром и Алтынташем [45].

Одержав победу, Арслан Аргун вопреки, казалось бы, логике приказал разрушить все крупные фортификационные сооружения в Хорасане. Помимо стен Мерва были снесены укрепления Серахса, Шахрастана, цитадель Нишапура, оборонительный вал (баре) вокруг Байхака, который был построен при Низам ал-Мульке [46]. Такая политика была вызвана, очевидно, страхом перед участившимися восстаниями горожан в условиях смутного времени. (В связи с этим достойно упоминания ожесточенное сопротивление, оказанное Арслан Аргуну жителями Мерва.) Кроме того, ближайшее окружение Арслан Аргуна было недовольно этим придирчивым и жестоким человеком. Опасаясь заговора, Арслан Аргун приказал «истребить предводителей войска Хорасана» [47]. Все это ослабило социальную базу претендента и привело в конечном счете к его гибели. В феврале 1097 г. Арслан Аргун был убит собственным гулямом в цитадели Мерва [48].

БОРЬБА ЗА ХОРАСАН И ПРИХОД К ВЛАСТИ САНДЖАРА

В 1096 г. султан Беркйарук снарядил своего сводного брата, малика Санджара, в поход на Хорасан, против Арслана Аргуна. Матерью Санджара была наложница-рабыня Маликшаха. В одном из произведений поэта XII в. Му'иззи она именуется Тадж ад-Дин Хатун. Беркйарук назначил Санджара, которому было тогда 11 лет, правителем (вали) Хорасана. В качестве его везира был утвержден Абу-л-Фатх ат-Туграи, а атабеком стал эмир Кумач [49].

Султанская армия, предводительствуемая Санджаром, направилась в Дамган, где к ней присоединился и сам Беркйарук. После гибели Арслана Аргуна Беркйарук и Санджар весной 1097 г. почти без боя овладели всем Хорасаном. Султанская власть распространилась от Нишапура до Термеза и Балха, которым управлял Мухаммад ибн Сулайман, сын дяди Маликшаха. Мухаммад ибн Сулайман был разбит внезапным ударом, захвачен в плен и ослеплен по приказу Санджара [50].

После захвата Балха и Термеза Беркйарук добился, вероятно путем дипломатического нажима, восстановления сюзеренитета над Мавераннахром [51]. Говоря точнее, вассальную зависимость от Сельджукидов, очевидно, снова признали караханидские правители Самарканда. Ибн ал-Асир свидетельствует, что здесь, как и «в других местах», была прочитана хутба с именем Беркйарука [52].

Назначение малика Санджара правителем Хорасана, провозглашение в крае хутбы и других атрибутов верховной власти султана Беркйарука не означало еще введения полного сельджукского контроля над Северо-Восточным Ираном и Средней Азией. Ситуация была здесь нестабильной и характеризовалась

в целом усилением феодально-сепаратистских тенденций. Сложная обстановка создалась в этот период в Хорезме — богатом древнем оазисе в низовьях Амударьи. Султан Беркйарук, очевидно находясь уже в Хорасане, назначил наместником Хорезма одного из своих мамлюкских военачальников, Акинджи ибн Кочкара — выходца из тюркского племени кун. В 1097 г. по султанскому приказу он выступил с десятитысячной армией для участия в походе на Ирак. Акинджи достиг Мерва, сделал здесь привал, но был убит сговорившимися между собой эмирами Куданом и Йарыкташем. Заговорщики направились в Хорезм и обманным путем сумели захватить власть над провинцией.

Против мятежников был вскоре направлен с большим войском Дадбек Хабаши — сын упомянутого выше Алтынташа. Он сначала укрепился в Герате, а затем ушел на левый берег Амударьи, где произошло сражение с передовыми отрядами Йарыкташа; мятежный эмир был разбит и взят в плен. Поражение союзника ухудшило положение двигавшегося к нему на помощь эмира Кудана. «Войско его (Кудана),— пишет Ибн ал-Асир,— подняло бунт, ограбило казну и все [остальное] имущество, которое было у него»[53]. Так закончилась авантюра двух тюркских военачальников, пытавшихся захватить Хорезм[54].

После подавления мятежа Кудана и Йарыкташа, Беркйарук назначил в Хорезм нового правителя. В качестве наместника с титулом хорезмшах был утвержден Кутб ад-Дин Мухаммад, сын прежнего сельджукского вассала — Ануштегина. Кутб ад-Дин был, очевидно, затем заново утвержден ставшим в 1118 г. верховным сельджукским правителем — султаном Санджаром[55].

Подавление сепаратистского движения в Хорезме укрепило позиции Дадбека Хабаши, в руках которого оказался почти весь Хорасан. Отпрыск Алтынташа принял в 1100 г. участие в борьбе за власть между султаном Беркйаруком и его братом Мухаммадом. Беркйарук, разгромленный своим противником, отправил письма Дадбеку, прося о помощи. Такой поворот событий был на руку узурпатору власти в Хорасане, против которого выступил находившийся в Балхе малик Санджар. Дадбек Хабаши был прежде наместником Табаристана, владел находившейся здесь горной твердыней Гирд Кух, а также провинцией Гурган. В 1100 г. он двинулся на соединение с Беркйаруком, имея армию в 15 тыс. конных и 5 тыс. пеших воинов из исмаилитов (ал-батиниййа). Судя по всему, Дадбек решил воспользоваться активизацией деятельности этой «еретической» секты, влияние которой было довольно сильным в Табаристане, Гургане, Табесе. Сам факт участия батинитов в междоусобных войнах отражал, по-видимому, своеобразное возрождение традиции, которая была связана с ролью дейлемитских отрядов в армии Буидов.

Следует в этой связи отметить, что наступившая в конце

XI в. феодальная анархия, особенно в период борьбы за власть между Беркйаруком и его братом Мухаммадом, способствовала активизации деятельности секты исмаилитов. В 1101 г. Ахмад ибн 'Абд ал-Малик ибн 'Атташ, один из батинитских проповедников (да'и) захватил крепость Шахдиз (Дезкух) близ Исфахана. Крепость стала одним из центров и опорных пунктов исмаилитов. В 1107 г. она была взята отрядами Мухаммада Тапара. Ахмад 'Атташ был казнен, а его голова была отправлена к халифу в Багдад. Однако это лишь на время затормозило движение батинитов, которое вскоре снова охватило Западный Иран и Северный Хорасан [56].

В 1100 г. султан Беркйарук, объединившись с Дадбеком Хабаши, двинулся против Санджара.

Решающее сражение между противниками произошло у селения Нушджан. Правым крылом войска Санджара командовал Боз Куш, левым — Кунд Огуз, а центром — эмир Рустам. Беркйарук атаковал первым, напав на центр противника, но Рустам отошел назад. Тактика ложного отступления привела к тому, что султанская армия попала в засаду и была разгромлена ударами с флангов. Дадбек Хабаши оказался в плену, Беркйарук же бежал в Гурган, а оттуда в Дамган [57].

Победа в сражении под Нушджаном означала переход всего Хорасана под власть малика Санджара. Несмотря на сопротивление местных и соседних правителей, ему удалось закрепить свою власть над обширной территорией Северного Ирана и западными областями Средней Азии.

В 1102 г. против Санджара выступил Кадыр-хан Джабраил — караханидский властитель Мавераннахра. Воспользовавшись отъездом Санджара в Багдад, он вторгся затем с огромной армией в Хорасан. Санджар, вернувшись из Ирака, обрушился на Кадыр-хана, после чего тот отступил к Балху. Специальный отряд, посланный Санджаром, выследил и пленил самаркандского хана во время охоты. Кадыр-хан был предан казни, а его войско рассеялось и ушло за Амударью, в Мавераннахр. Санджар вызвал находившегося в Мерве своего племянника, Караханида Мухаммада Арслан-хана ибн Сулаймана, и назначил его правителем Самарканда [58].

В 1103 г. Санджару вновь пришлось вмешиваться в дела Мавераннахра. Против его ставленника Мухаммада Арслан-хана восстал Караханид Сагыр-бек. Тогда хорасанская армия снова вступила в среднеазиатское Двуречье, что привело к стабилизации положения в крае. Благодаря посредничеству Санджара между враждующими сторонами был заключен мир. В 1109 г. Сагыр-бек вновь поднял мятеж, но был разбит Арслан-ханом с помощью своего сюзерена — малика Санджара [59].

Согласно условиям договора, заключенного в 1104 г. между Беркйаруком и Мухаммадом при содействии халифа ал-Мустазхира (1094—1118), хутба на имя Санджара должна была читаться в Хорасане, Гургане и Мавераннахре [60]. Хорезм в то вре-

мя также считался территорией, зависимой от формировавшегося Восточно-Сельджукского султаната. В дальнейшем границы владений Санджара расширились за счет захваченных им областей Средней Азии, Афганистана и Ирана. В 1117 г. ему удалось подчинить своему влиянию правителей Газны и наложить на них вассальную дань. Санджар воспользовался междоусобной борьбой газневидского султана Арслан-шаха с его братом, маликом Бахрам-шахом. Последний бежал в Хорасан и при поддержке войск Санджара вторгся в область нынешнего Кабула. В феврале 1117 г. Арслан-шах был разгромлен армией Санджара в пустыне Шахабар. Союзники вступили в Газну, где была захвачена огромная добыча: парчовые ткани, золото, драгоценности, благовония, слоны, лошади, верблюды, мулы [61]. В Багдаде была провозглашена хутба с именами султана Мухаммада Тапара, Санджара и Бахрам-шаха. Сельджукидам впервые в истории удалось распространить свой сюзеренитет на державу Газневидов [62].

В 1118 г. умер сельджукский «великий султан» Гийас ад-Дин Мухаммад Тапар, наследником которого был его сын Мугис ад-Дин Махмуд. Новый правитель Иракского султаната потребовал от Санджара уплаты ежегодных податей и освобождения захваченного им Мазендерана. В ответ на требование племянника Санджар двинул хорасанские войска на Рей. Первое сражение между ратью Санджара и войском Махмуда произошло в августе 1118 г. близ Саве. Хорасанская армия, оснащенная боевыми слонами, разгромила превосходившее ее по численности иракское войско. После сражения начались переговоры, завершившиеся мирным соглашением. Махмуд оказал Санджару как «старшему в роде» почет: было соблюдено «правило спешивания», выполнен обряд «целования земли» и другие атрибуты вассальной церемонии. Дядя, в свою очередь, одарил племянника богатой почетной одеждой и санкционировал его власть над Иракским государством. Согласно договору, Санджар получил Мазендеран, Табаристан, Кумис, Дамган, Рей и Демавенд, которые были присоединены к Хорасанскому султанату. Махмуд, оставшийся властителем Иракского государства, признал в 1119 г. верховную власть Санджара. Новый багдадский халиф ал-Мустаршид (1118—1135) в 1120 г. утвердил это соглашение, закрепив тем самым фактически существовавшее разделение на Иракский и Хорасанский султанаты [63].

Средневековые восточные историки утверждают, что хутба с именем Му'изз ад-Дина Абу-л-Хариса Санджара читалась от Кашгара и Мавераннахра до Йемена, Анатолии, Кавказа, Мекки, Омана и Мекрана [64]. Однако фактически это означало лишь широкое признание номинального верховного сюзеренитета давно распавшейся, но сохранявшей видимость единства Сельджукидский империи. «Возникла поговорка,— отмечает арабский историк Ибн Тиктака,— когда кто-либо пользуется обладанием предмета только по внешности, а не по самой сущности: он до-

вольствуется взамен такого-то предмета только правом на чекан монеты и на заздравную молитву (хутбу), т. е. довольствуется обладанием лишь по имени, а не по сущности»[65]. Реальная власть Санджара простиралась на Северный Хорасан, Гурган, Мазендеран, Табаристан и область Рея, руины которого находятся недалеко от Тегерана. В пользу такого вывода говорят копии султанских указов, приведенные в сборнике официальных документов государственной канцелярии Санджара[66]. В состав основанного им Восточно-Сельджукского государства входили Балхская провинция — район нынешнего Мазари-Шарифа в Северном Афганистане, северо-западные районы Ирана, провинции, располагавшиеся на юго-восточном побережье Каспийского моря и оазисы современного Южного и Западного Туркменистана. Столицей султаната стал г. Мерв, руины которого под названием Султан-Кала лежат недалеко от станции Байрам-Али. В вассальной зависимости от Восточно-Сельджукского султаната оказались Хорезм, Систан, Газна и Мавераннахр.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И СЕВЕРНЫЙ ХОРАСАН В СОСТАВЕ ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Восточно-Сельджукский султанат не был гомогенным образованием с едиными экономикой и культурой. Население султаната было этническим неоднородным и состояло в основном из ираноязычных и тюркоязычных компонентов. Подавляющее большинство жителей сел и городов Хорасана были ираноязычными, обычно они именовались «тазиками» («тазикиан»)[67]. Однако это был не только этнический, но отчасти и социальный термин[68], который употреблялся наряду с ареальными и местными названиями[69]. В соответствии с исторически сложившимся делением на крупные области и провинции местное население именовалось хорасанцами, гурганцами, хорезмийцами и т. д. Они различались диалектами, некоторыми особенностями хозяйства, быта и культуры. В отдельных селениях Мавераннахра еще в X в. говорили на согдийском, сохранился также старый хорезмийский язык. «Согдийцы,— писал ал-Макдиси,— имеют свой язык, с ним схожи языки жителей сельских волостей Бухары»[70].

Между диалектами оседлого населения Хорасана, Мавераннахра и Хорезма имелись определенные расхождения. Наиболее сильно отличался от других восточноиранских языков хорезмийский язык. Диалект жителей Нишапура розпился с говорами населения Мургабской долины. Много общих черт имели языки Туса, Нисы, Серахса, Абиверда и Мерва. Обитатели провинции Гурган говорили на диалекте, занимавшем промежуточное положение между языками Мерва и Балха. Однако наряду с региональными и субрегиональными говорами и диалектами употреблялся получивший широкое распространение

литературный язык дари (фарси). Аналогичная лингвистическая картина, очевидно, сохранялась и в Восточно-Сельджукском государстве. Вместе с тем в результате этнических контактов восточноиранские языки оказывали влияние на тюркские. В свою очередь, происходила инфильтрация тюркской лексики в таджикский и персидский языки [71].

Подавляющую массу населения Восточно-Сельджукского государства составляли мусульмане, принадлежавшие к суннитскому и отчасти шиитскому направлению. Значительная часть шиитов, главным образом приверженцев зейдитской секты, жила в Дейлеме и сопредельных областях Южного Прикаспия.

В источниках XI—XII вв. население восточных областей государства Сельджукидов определяется как «тазики и тюрки». Основной контингент военного сословия при этом составляли тюрки, а гражданской бюрократии — тазики [72]. Тазиками называли не только оседлых жителей Средней Азии, но и сопредельных областей Северного Афганистана и Западного Ирана [73]. В городах этого региона сохранялись также колонии людей различного происхождения, имевших свои культурно-бытовые и конфессиональные особенности. Здесь жило незначительное количество сирийцев-христиан, имелись зороастрийские и еврейские общины [74]. В Хорасане и Мавераннахре кроме муговогнепоклонников и иудеев имелись несториане [75], которые были известны также под именем ашурийцев [76].

В литературе, науке, придворной жизни, в государственных учреждениях Сельджукидской империи широкое распространение имел язык фарси (дари). Однако среди членов правящей династии и военного сословия был в ходу и тюркский язык (лугат-и тюрки). В частности, на нем иногда говорили во дворце Санджара в Мерве, причем этот язык, вероятно, являлся общелитературным, так как был понятен тюркской знати и Хорасана, и Мавераннахра. В ходу было и «тюркское письмо» (ат-туркийа), которым пользовались сельджукские правители [77].

Тюркоязычное население, состоявшее главным образом из кочевников огузо-туркменского и кипчакского происхождения, занимало каменистые полупустыни Мангышлака и Устюрта, восточное и южное побережье Каспийского моря, междуречье Атрека и Горгана. Огузы, туркмены и кипчаки Приаралья и Северного Прикаспия жили чересполосно, и между ними происходило этническое смешение и языковая ассимиляция [78]. Происходила также частичная медленная ассимиляция сельджукских племен с древним ираноязычным населением земледельческих оазисов Хорасана, Гургана, Ирана. Данный процесс сопровождался распространением шиизма у некоторых групп тюркских кочевников, особенно среди их знати [79].

Американский ориенталист Р. Н. Фрай и турецкий историк А. Сайили высказали мнение о том, что тюркоязычное население задолго до сельджукского завоевания обитало компактной массой в земледельческих оазисах Средней Азии, Ирана и Се-

верного Афганистана [80]. Сомнительность столь раннего стационарного заселения центральноазиатскими кочевниками оседлой зоны этого региона справедливо отмечена английским востоковедом К. Э. Босвортом [81]. Миграция и расселение здесь тюркоязычных племен, разумеется, происходили уже с эпохи Древнетюркского каганата, но эти процессы на самом деле обрели широкий размах лишь в результате образования государств Караханидов и Сельджукидов.

В X — первой половине XI в. основная часть тюркоязычных племен обитала в Приаралье, Северном и Восточном Прикаспии — на границах Северного Хорасана, Гургана и Хорезма [82]. Среди них преобладали огузы и кипчаки, но имелись и компактные группы, именовавшиеся «джиграками» и «кеджатами». В исторической литературе высказаны различные точки зрения о происхождении этих тюркоязычных племен. Х. Г. Раверти полагал, что джиграки (играки) были «частью большого племени халаджей» [83]. З. В. Тоган без особых доказательств относил их к потомкам усуней, обитавших в древности в Казахстане и Средней Азии [84]. К. Босворт же считает джиграков частью канглы и кипчаков [85]. Однако в источниках XI в. джиграки и кеджаты упоминаются отдельно от кипчаков, обитавших на границах и в пределах самого Хорезма [86].

Точная этническая атрибуция рассматриваемых племен является нелегкой задачей. Скорее всего, они составляли часть огузской конфедерации Приаралья. Во всяком случае, джиграки находят параллель в чагра-огузах, упоминаемых в труде ал-Идриси. Очевидно, они представляли собой потомков чагра, или шагра,— одного из инкорпорированных в огузской среде тюркских племен — выходцев из Семиречья [87]. В период монгольского нашествия значительная масса джиграков ушла из степей Западного Казахстана и Средней Азии в Северную Индию [88].

Образование громадной Сельджукидской империи сопровождалось, как говорилось выше, массовым переселением огузов и туркмен в глубь Средней Азии, Среднего Востока, Передней и Малой Азии. В ходе завоеваний происходит этническая дифференциация, причем уже в первой половине XI в. складываются несколько территориальных группировок. Абу-л-Фазл Байхаки отчетливо различает хорезмских, прикаспийских, хорасанских и иракских туркмен [89]. Кроме них отмечаются также огузы, которые еще до сельджукского движения переселились в Северный и Центральный Афганистан. В начале XI в. они обитали в Балхе, Тохаристане, Бадахшане, между Гуром и Заминдавером [90]. Другая группа огузов, вероятно откочевавшая с берегов Сырдарьи, поселилась в Хорасане, в окрестностях Серахса [91]. В некоторых случаях огузы упоминаются вместе с халаджами, потомки которых и поныне живут в Афганистане [92]. В ходе сельджукских завоеваний огузы расселяются компактными массами в различных областях Ирана. В частности, туркмены

и халаджи, поселившиеся по соседству с курдами, гилами и шулами, кочевали в XII в. в окрестностях Хамадана [93].

Другая часть огузов и туркмен оказалась в пределах Хорезма, с которым они издавна поддерживали тесные экономические, торговые и культурные связи. Между ними и другим расселившимся здесь тюркоязычным, в основном кипчакским, населением происходило этнокультурное сближение. В то же время в Хорезме, особенно по мере оседания степных племен и родов, происходило их слияние с древним ираноязычным субстратом низовьев Амударьи, что сопровождалось ростом удельного веса тюркского (огузо-кипчакского) языка, который постепенно вытеснял местный хорезмийский язык [94].

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СЕВЕРНОГО ХОРАСАНА

Феодальные междоусобицы конца XI— начала XII в. затронули и сферу экономической жизни восточных областей, входивших в состав империи Сельджукидов. Однако их негативное влияние не было абсолютным, и положение изменялось по мере укрепления центральной власти в Хорасанском султанате. Несмотря на отрицательные последствия «смутного времени», в целом происходил дальнейший рост производительных сил и основных отраслей хозяйства. Однако при общем приблизительно равном уровне хозяйственного развития прослеживаются и некоторые региональные и субрегиональные отличия. Главным образом они были связаны с особенностями местных природных условий, исторически сложившимися традициями, этнокультурными и другими контактами.

Хорасанский поэт и философ XI в. Насири Хусрау писал, что в своей трудовой деятельности люди используют энергию четырех элементов, составляющих основу всего мироздания. Силой ветра приводятся в движение машины, вода служит для транспортировки грузов по рекам и морям, земля применяется как строительный материал, а огонь — для приготовления еды и плавки металлов. В реальной действительности сфера осознанного и направленного действия этих естественных сил природы была, разумеется, гораздо шире и разнообразнее. Энергия воды, например, использовалась также для переработки зерна на водяных мельницах, хотя имелись и ветряные мельницы, которые были особенно распространены в Систане [95]. В рассматриваемую пору на Ближнем и Среднем Востоке происходит развитие многих отраслей науки и техники. Появляются и новые механические приспособления для обработки сельскохозяйственной продукции, в частности машина для выжимания растительного масла [96].

В XI—XII вв. ведущую роль в экономической жизни Хорасана, Гургана, Хорезма, Мавераннахра играло земледелие, ба-

зировавшееся на сложнейшей ирригационной системе. Развитие этой хозяйственной отрасли хотя и шло по восходящей линии, не было синхронным и однозначным. Сельское хозяйство чутко реагировало на феодальные междоусобицы и войны, которые нередко вели к расстройству и упадку земледелия [97]. В условиях искусственного орошения даже одна крупная война могла опустошить страну и отбросить ее развитие далеко назад. Значительный урон земледелию наносили болезни злаковых и других сельскохозяйственных культур, налеты саранчи, нашествия грызунов, пустынные горячие суховеи. Посевы и особенно сады часто страдали летом от недостатка воды, а в морозные зимы — от обилия снега [98]. Такие стихийные бедствия оборачивались драматическими последствиями не только для сельского, но и для городского населения. В 1138 г. в результате недорода и повышения цен на зерно и другие продукты начался страшный голод, вынудивший хорасанцев есть кошек и собак. Ужасный голод повторился в 1149 г., причем он охватил не только большинство областей Северного Хорасана, но и Ал-Джибал, Исфахан, Фарс, Ал-Джазиру и Сирию [99].

Негативное влияние на развитие земледелия, как и всей экономики, оказывало непомерное увеличение налоговых ставок. Определенную роль в этом играли и рост феодального землевладения, разорение и обеднение крестьян и ремесленников, отток сельского населения в города. Зачастую увеличение нормы водозабора крупными земельными собственниками в верховьях рек и каналов приводило к интенсификации сельскохозяйственной деятельности в одном районе и затуханию ее в другом [100].

Отмеченные дестабилизирующие моменты не могли, однако, остановить процесс развития сельского хозяйства. В XI—XII вв. наблюдается усовершенствование земледельческой техники, способов мелиорации, орошения, агрономических приемов. Достаточно сказать, что применявшийся тогда деревянный плуг с железным лемехом не претерпел сколько-нибудь заметных изменений в последующее время [101].

В XI—XII вв. одной из богатых земледельческих областей Хорасана был древний Балхский оазис. Здесь по Гиндукушу проходила граница сельджукских и газневидских владений. Балхская провинция и административно зависевшие от нее сельские волости орошались водами Балхаба и Хульма. В долине Балхаба располагался ряд водяных мельниц, и поэтому сама река называлась Дехас [102]. Ирригационная сеть оазиса достигала на северо-востоке деревни Сийахгирд. В северо-западном направлении воды Балхаба доходили до селения Дастгирд, в нескольких фарсахах от г. Балха [103].

В предмонгольское время Балх являлся главной житницей всего Хорасана. Он снабжал хлебом даже Хорезм. Балхский оазис и соседняя Гератская область изобиловали зерновыми и техническими культурами, там выращивалось и множество

фруктов. Одного только винограда здесь насчитывалось около 120 сортов. Наилучшими среди них считались «парнийан» и «каланджари», имевшие мелкие косточки и крупные ягоды [104].

Развитой земледельческой провинцией Северного Хорасана был также Мервский оазис в долине Мургаба. Культурная полоса оазиса простиралась от нынешнего Талхатан-Баба до селения Хурмузфарра, называвшегося также Сафари или Мусфари [105]. Селения долины Мургаба, удаленные от Мерва на три—шесть фарсахов, лежали уже на краю сыпучих барханов. Население Мервской области вело непрестанную борьбу с наступавшими на оазис песками Каракумов. В верховьях Мургаба густонаселенной сельской областью был Пенджхир — современный Пендинский оазис, входивший в административный округ Марварруд [106].

Почвы Мервской области были песчаными и солоноватыми, но это не мешало выращиванию хороших урожаев. В долине Мургаба на орошаемых землях прекрасно росли ячмень, пшеница, виноград, дыни, различные фрукты, в том числе груши. Большим спросом пользовались местный хлопок, а также дыни, семена которых вывозились в сопредельные области. Наилучшим сортом мервских дынь был палак — один из сортотипов — предшественников современной туркменской дыни «вахарман». Мервская пшеница пользовалась большой популярностью, хлеб из нее был очень приятен на вкус [107].

Мервский оазис имел развитую ирригационную сеть, питавшуюся водой из р. Мургаб. Оттуда были выведены четыре больших канала: Разик, Харакан, Кавал и Асади. Кроме них были и небольшие каналы, вдоль которых располагались многочисленные селения. Важную роль в орошении Мервского оазиса играла плотина, ставшая позднее известной под названием Султанбент [108].

Большим плодородием отличались земли по берегам рек Атрек и Горган, на равнине Мешхеди Мисриана, по течению Сумбара и Чендыра. Провинция Гурган с ее широкой субтропической зоной отличалась большим многообразием сельскохозяйственных культур. Обилие влаги и теплый климат позволяли выращивать здесь хурму, грецкий орех, гранаты, сахарный тростник, маслины, финики, лимоны. Хорошо росли на местных почвах зерновые, виноград, тутовые деревья, хлопчатник, широкое распространение получило шелководство [109].

В Гургане уже в глубокой древности имелась развитая оросительная сеть. Около середины I тысячелетия до н. э. она пришла в упадок. Однако в эпоху средневековья здесь, вероятно, функционировала система искусственных каналов. Ирригация большей части сельских волостей провинции базировалась на горных ручьях и водах рек Атрек и Горган [110]. Гораздо сложнее обстоит дело с решением вопроса о главных источниках орошения равнины Мешхеди Мисриана. Историко-археологическое изучение Дихистана выявило наличие здесь разнообразных

оросительных сооружений [111]. Местное земледельческое хозяйство, по-видимому, базировалось в основном на водах дельтовых протоков Атрека [112].

Древней земледельческой областью в низовьях Амударьи был Хорезм. В XI—XII вв. здесь выращивались пшеница, рис, виноград, тутовые деревья, но особенно славился Хорезм дынями. Разведение дынь производилось обычным и особым способом, когда их семена прививались к корням верблюжьей колючки. Хорезмийцы собирали большие урожаи дынь, которые вывозились в соседние и дальние страны Востока. Среди местных сортов выделялись сухани — летняя дыня, вкусная и сладкая замша и округлая дыня кашта [113].

Ирригационная сеть Хорезма базировалась на рациональном использовании вод Амударьи. Большие магистральные каналы, выведенные из Джейхуна, позволяли орошать обширные земельные массивы [114]. Крупная плотина из дерева и глины преграждала воды реки около современного Куня-Ургенча. В районе нынешнего Газавата протекал канал Мадра. Главной ирригационной артерией Хорезма был Гавхоре, орошавший Каваткалинский оазис. В домонгольское время по его берегам располагалось более 100 имений, усадеб и замков. Сельское население Хорезма осваивало и земли соседних областей Южного Приаралья. Поселившиеся на Жанадарье (старом русле Амударьи) хорезмийцы вели земледельческое хозяйство, сочетая его с полукочевым скотоводством [115].

В Мавераннахре богатыми земледельческими областями были Самарканд и Бухара, находившиеся под властью Караханидов — неспокойных вассалов Санджара. Местные жители занимались полеводством, огородничеством, садоводством, выращивали различные сорта дынь, арбузов, яблок, абрикосов, персиков. Широкой известностью пользовались местные сорта винограда, черешни, груш, айвы и особенно бухарской сливы. В Мавераннахре выращивали также столовую зелень, овощи, в том числе огурцы (болангу), красный стручковый перец (каланфур-и сорх), укроп (шибат), анис (зира), базилик (райхон), румский и другие виды тмина (бадийан). Разводили декоративные цветы — розы, тюльпаны, фиалки, ирисы, астры, а также различные лекарственные травы. Значительное место в сельскохозяйственной продукции занимали пшеница, ячмень, джугара, просо, рис, горох, фасоль. Выращивались технические культуры: лен, кунжут, конопля и в незначительном количестве хлопчатник в Самаркандской области [116].

Самаркандский и Бухарский оазисы орошались водами Зеравшана, который был известен под названием Кухак. В среднем и нижнем течении Зеравшана от реки расходился целый веер оросительных сооружений. В предгорной полосе преобладали богарные земли. Наиболее густо оазис был заселен в зоне искусственной ирригации, где располагалось множество селений. Основную роль в орошении Самаркандской области игра-

ла гидротехническая система Даргома. Головная часть плотины располагалась в местности Варагсар, к юго-востоку от Самарканда. Отсюда воды Зеравшана поступали в каналы Чакардиз, Маздахим, Искандаргом, Сангин и Сангресан. Каждый из них разветвлялся, в свою очередь, на рукава и протоки, орошавшие весь Самаркандский оазис [117].

В нижнем течении воды Зеравшана достигали Бухары, из речных наносов там образовалась большая аллювиальная равнина. В юго-западной части, в районе Пайкенда, Бухарский оазис испытывал нехватку воды для полива. Поэтому караханидский правитель Арслан-хан (1102—1130) сделал попытку провести туда воду из Зеравшана. Наиболее полноводными в то время были каналы Шапуркан, Султанабад и Зандана в северной и северо-западной части Бухарской области. Зато совершенно иная картина наблюдалась в XII в. в пришедшем в упадок Варахшском районе [118].

Искусственное орошение играло огромную роль в хозяйственной деятельности населения Средней Азии и Ирана. Земля без полива фактически не имела никакой ценности, и поэтому сложилась особая форма собственности на воду. В X в. в Мервском оазисе функционировал специальный диван «кастафзуд», ведавший учетом улиц, которые пользовались водой для орошения. В него входило еще одно ведомство — диван воды, где хранились документы на право владения водой для полива. Существование подобного дивана отмечено и в Иране, в г. Куме, где практиковалось даже определение стоимости той или иной доли воды [119].

Исследователи обычно акцентируют внимание на формах восточного землевладения, но упускают из виду право собственности на воду. Кроме того, следует учесть, что за воду для орошения и за ее источники шла постоянная борьба крупных землевладельцев с крестьянами.

В исторической литературе высказано мнение о том, что диван воды был ликвидирован после образования государства Сельджукидов. Действительно, пока не обнаружено сведений о наличии такого ведомства в Хорасане в XI—XII в. Однако это не означает еще, что собственность на воду бесследно исчезла либо была законодательно отменена. Наличие права на воду отмечено в широко известном руководстве среднеазиатского правоведа XII в. Бурхан ад-Дин Маргинани. «Право на воду,— пишет он,— не может быть ни продано, ни подарено, ни отказано для продажи, ни предоставлено в виде милостыни. Все эти сделки незаконны» [120]. Юридически считалось, что право на воду не может быть передано и при заключении брака или при разводе. Также не допускалась продажа воды и земли для выплаты долгов умершего владельца. Несмотря на это, в реальной действительности право собственности на соответствующую долю воды для полива при определенных условиях существовало независимо от права на землю; оно

могло быть передано по наследству, отчуждено либо приобретено в результате торговой сделки. В повседневной жизни допускалась продажа земли отдельно от водного пая, остававшегося за его прежним владельцем. Однако в этом случае считалось неправомочным изменение условий пользования или же прекращение доступа воды на проданную землю. Право на воду могло быть также приобретено при сооружении подземного канала (кяриза) либо колодца в незанятом месте. Отсюда юридически возникало и право собственности на земельные участки, непосредственно прилегающие к этим водным источникам [121].

В XI—XII вв. в Северном Хорасане и Средней Азии существовали государственная, наследственная, пожизненная и условная формы землевладения. Верховным собственником всего земельного фонда официально считался султан, распоряжавшийся также коронными землями. В сельджукских грамотах XII в. такие доме́нные владения называются «амлак-и хасс», «асбаб-и хасс», «амлак-и халисат-и дивани» [122]. Особое ведомство (диван-и хасс) управляло коронными землями.

Коронные мильки, находившиеся в различных областях империи, приносили большие доходы. Ежегодная рента с личных земельных владений Маликшаха, по словам историка Гаффари, исчислялась в «21 тыс. туманов червонного рукнийского золота». При этом расходы на содержание обслуживавших эти имения чиновников (серкар) равнялись «стоимости 25 тыс. мискалей золота». Конечно, трудно определить точные размеры султанских доходов и расходов, поскольку эти сведения взяты из источников послемонгольского времени. Однако даже если приводимые цифры уменьшить в два-три раза, то и в этом случае получится сумма в несколько сот тысяч динаров [123].

Султанские земли были разбросаны в самых различных областях, в частности они находились в Табаристане, Демавенде, Кумисе, Мервской и Рейской провинциях. Санджар при установлении границ между Хорасаном и Иракским султанатом отдал большинство этих земель своим военачальникам в качестве икта' [124].

Домены сельджукских правителей относились к категории мильковых земель, составлявших наследственную безусловную собственность. Сам же термин «мильк» в освещаемую эпоху обозначал как земельную собственность, так и всякое общественное или личное имущество [125].

В исторической литературе высказывались различные точки зрения на генезис, сущность и исторический путь развития милька. Большинство советских востоковедов считают, что это была основная форма государственной и частной собственности на землю [126].

Существовало несколько видов мильковых земель, отличавшихся размерами, правовым статусом и формой налогообло-

жения. Крупными мильками владели султаны, члены правящей династии, богатые сельские и городские слои феодального сословия. Обладателями сравнительно небольших мильков были в основном крестьяне, уплачивавшие налоги. В сельджукских документах XII в. среди милькдаров (арбаб-и амляк) наряду с зажиточными (тавангар) упоминаются и бедные (дарвиш). Кроме того, в этих документах говорится о землях категории асбаб-и хурр, т. е. о частных земельных владениях, освобожденных от налогов [127].

В соответствии с фискальным статусом различались мильки, с которых уплачивался харадж (мильк-и хараджи) и обеленные (мильк-и халис, мильк-и хурр). Существовал также мильк-и 'ушри, владелец которого вносил в казну одну десятую часть дохода.

Мильки свободно переходили по наследству, были объектом купли-продажи и дарения. В этом отношении весьма интересен датированный 1078 г. брачный контракт, в соответствии с которым муж передал своей жене земельный участок в качестве свадебного дара (кабин). Согласно этому документу, некая Шахрапаз, дочь Сулука Абу Насра, получила 3 тыс. дирхемов и четыре надела (пара) земли в окрестностях Бамийана. Земли были куплены и переданы ей будущим супругом на правах милька — личной собственности [128].

В конце XI — первой половины XII в. шел процесс сложения нового слоя землевладельцев, но главными собственниками мильков были потомки старинных аристократических кланов. Более 40 таких знатных родов, ведших свое происхождение от иранцев и арабов, имелось в одной только области Байхак. Почти все эти семьи владели мильковыми землями, которые переходили по наследству [129]. Крупным земельным собственником был везир Низам ал-Мульк, владевший многочисленными имениями [130]. Подобного рода мильковые наделы были разбросаны по всему Хорасану и в различных областях Фарса. Богатые милькдары были в Казвине, где большинство земель в городе и прилегающей округе (навахи) принадлежало одной семье. Она владела не только пашнями и садами, но и различными приносившими доходы заведениями (мустагалл). «Ежегодный урожай (хасл) их мильков составлял от 600 до 6 тыс. золотых динаров; каждый день для кухни [расходовалось] 3 тыс. манов хлеба и 100 тыс. манов мяса, (измеряемых) казвинской мерой веса» [131].

Мильки делились на наследственные (мильк-и моурус) и приобретенные в результате дарения и купли-продажи [132]. Купленная земля не подлежала возврату и отчуждению, а сам акт продажи совершался в присутствии заверявших его своими подписями свидетелей [133].

В конце XI— первой половине XII в. наблюдается рост феодального частного землевладения за счет фонда государственных и коронных мильков. Целые области и провинции раз-

даются в личную безусловную земельную собственность. Специальным указом султана, удостоверенным печатью (тауки'), они передаются влиятельным сановникам и отличившимся военачальникам. Новые владельцы получают доходы с мильковых земель, принадлежащих древним фамилиям (асхаб-и буютат-и гадим), средним и мелким собственникам (арбаб) и крестьянам (ра'ийат). Значительную часть таких милькдаров составляли царевичи (малики), видные чиновники, представители тюркской военной знати наподобие эмира Кумача [134]. Пожалованные султаном в личную собственность (халиса) земли могли быть завещаны, проданы, обменены, подарены и отданы в залог. Однако право на владение такими землями (тасарруфат-и маликана) юридически могло быть и неполным [135].

Наряду с мильком существовал и вакф — особый вид феодального землевладения, широко распространенный на всем мусульманском Востоке. В вакф можно было обратить любое имущество или вещь, предназначенные на благотворительные и религиозные цели [136]. Обычно это были мельницы, дома, мосты и караван-сараи, мечети и учебные заведения, построенные на средства частных лиц. В вакф завещались также земли, доходы с которых должны были распределяться в соответствии с предписанием учредителя (вакифа). Текущими и прочими делами, связанными с управлением и содержанием вакфов, занимался мутаваллий, который назначался завещателем либо верховным судьей (кази ал-кузат). Доходы от вакфов распределялись в соответствии с завещанием учредителя и фиксировались в соответствующем документе (вакф-наме).

Среди мусульманских фундаменталистов ханафитской, шафиитской и других правовых школ не было единого мнения о сущности вакфа. Ряд законоведов считали, что вакф представляет собой условную форму владений, поскольку остается собственностью завещателя и после своего учреждения. Другие же рассматривали вакф как абсолютную и полную собственность, которая не может быть возвращена, продана, заложена или перезаложена. Бурхан ад-Дин Маргинани выступал против законности практики и самой идеи о прекращении права собственности на вакф после смерти дарителя [137]. Все это говорит о невозможности однозначной детерминации вакфа, который нередко безоговорочно относится к условному виду феодального землевладения [138].

В странах ислама начиная с эпохи раннего Халифата постепенно сложились различные модификации вакфного землевладения. Наряду с так называемыми официальными (расмийа) возникли и частные, или личные, вакфы (хасса). Скорее всего, последнюю категорию составляли вакфы, которые находились в ведении потомков завещателя. Перевод земли в разряд частного вакфа был выгодной операцией, так как в этом случае снижались государственные налоги, а иногда и отменялась их

уплата [139]. Одновременно происходила фактическая передача по наследству обязанностей мутаваллиев. Дальнейшее развитие эта практика получила в конце XI — первой половине XII в. в Восточно-Сельджукском султанате. В официальных документах XII в. прямо говорится о переходе вакфов под управление потомков завещателя. Судя по всему, подобные акты подтверждались каждый раз заново особыми султанскими грамотами [140]. Аналогичные случаи отмечены и позднее, в частности в правление хорезмшаха Атсыза [141]. В царствование Маликшаха в Сельджукском государстве была сделана попытка упорядочить систему управления вакфами и контроля над ними. Низам ал-Мульк снял целый ряд старых и утвердил новых мутаваллиев, пересмотрел заново пенсии «господ достоинства и науки», живших на доходы от вакфов [142]. Множество вакфов, по данным средневековых источников, было основано и самим везиром [143]. Одна из принадлежавших ему в Мервской области деревень была завещена в пользу бедного слепца и получила название Дих-и Набина (Селение слепца) [144].

В XI—XII вв. в Северном Хорасане и Средней Азии в вакф завещались мильковые земли, торгово-ремесленные предместья (рабаты), здания мечетей, книги и другое имущество [145]. Известны также случаи передачи в вакф искусственных водоемов и караван-сараев, доходы от них поступали в пользу газиев, ведших «священную войну» на границах мусульманских владений [146]. В 1066 г. Ибрахим ибн Наср, караханидский правитель Мавераннахра, издал указ об основании госпиталя, на содержание которого обратил в вакф караван-сарай, различные постройки, две лавки и баню. Сохранилась также его грамота о завещании в качестве вакфа земельных участков в окрестностях Самарканда. В этих документах указаны размеры вакфных доходов, предназначенных на нужды госпиталя и медресе, условиях сдачи в аренду вакфного имущества [147]. В XII в. крупными вакфами, в число которых входили обширные земли, владели садры — наследственные правители Бухары [148].

В правление Санджара в Восточно-Сельджукском государстве функционировало особое государственное учреждение, называвшееся «диван-и аукаф-и мамалик». Диван ведал делами вакфов, но не мог вмешиваться в управление наследственными вакфами [149]. Глава этого учреждения, назначавшийся специальным указом, имел своих помощников (наибов). Отделения данного ведомства размещались в соответствующих провинциях и областях. В их обязанности входил контроль над соблюдением условий вакф-наме. Наибы осуществляли надзор за доходами, недоимками, «упорядочением» и «оживлением» вакфного имущества. В диване и его отделениях хранились списки вакфов, представителей различных исламских толков Хорасана, Гургана, Мазендерана. Чиновникам этих ведомств предписывалась тщательная проверка дел мутасаррифов, от-

вечавших за доходы и расходы вакфов. Судя по документам XII в., вакфное имущество часто использовалось и распределялось не по назначению завещателей. Имели место случаи злоупотреблений, присвоения доходов и захвата вакфных земель [150].

В конце XI — первой половине XII в. в Средней Азии и Иране продолжается диалектически противоречивый и сложный процесс развития и эволюции икта'. Сохраняется линия на предоставление служилому гражданскому и военному сословию земельных наделов или права на определенную долю налоговой ренты. Широкий размах получает раздача икта' принцам крови, членам правящей династии, вассальным правителям, туркменской и мамлюкской верхушке [151]. Подобный курс вел к уменьшению фонда государственных и коронных земель и оскудению ресурсов казны. В этих условиях правительство все чаще прибегало к чрезвычайным поборам, конфискациям и «разжиганию огня [возмущению] бедных» [152].

Санджар и его администрация предпринимали немалые усилия для сохранения контроля над икта' дарами и владельцами крупных мильков. В официальных документах XII в. говорится о недопустимости захвата и присвоения земель со стороны мукта'. Султанские грамоты предписывают исключать из списков тех икта'даров, которые «отклонились» от старых «правил» [153]. Однако сами эти факты говорят о реальности подобных акций и экономическом усилении мукта'. В указе отмечается, что санкции необходимо применять к тем, кто без разрешения султана расширил свои владения. Правителю области вменяется в обязанность конфисковать такие излишки у икта'даров [154]. Кроме того, имеются намеки на превышение со стороны мукта' своих полномочий при сборе налогов и введении новых податей [155].

В пользу такого вывода свидетельствует следующий характерный эпизод. Один из сельджукских полководцев (амир аль-умара), 'Ала ад-Дин Кумач [156], еще при Маликшахе получил в икта' ряд городов и вилайатов в Западном Иране. Султан пожаловал ему г. Абхар [157], земли в Зенджане [158], Рудбаре [159], Казвине, Тариме [160] и Аламуте. Доходы с них предназначались для содержания войска Кумача, состоявшего из гулямов. 'Ала ад-Дин осуществлял управление этими икта' с помощью наиба [161], который был назначен везиром Низам ал-Мульком. Однако затем они фактически перешли к вольноотпущеннику из гулямов, одному из его сипахдаров (военачальников), Зийа' ад-Дину Джаухару. «Многие икта' [Кумача],— отмечает Сайф ад-Дин 'Укайли,— [Джаухар] захватил без разрешения и грамоты с печатью (тауки') султана [Санджара] и на этом основании превратил [их] в свою собственность (хасс)» [162]. Поступок «великого сипахдара» встретил отпор со стороны «наиба и кадхуды» Сига ад-Дина Абу Джа'фара. «В распоряжении моего господина (Кумача),— жаловался он везиру Насир ад-

Дину,— находится две тысячи гулямов. Каждый день [на их содержание] необходимы средства (воджухат). Если возникнет конфликт из-за его икта', то тебе будет позор от [султана], который положил перед тобой золотую чернильницу [163]. Высокий пост славы и верности [твоей службы] не будет сочетаться и соответствовать [делу] обороны государства, пользе державы падишаха [Санджара] и не [заслужит] его снисходительности» [164]. В ответ на эти слова Насир ад-Дин Махмуд ибн ал-Музаффар заявил: «Не было распоряжения из моего везирата, и не была приложена моя печать». Тяжба из-за наделов Кумача, захваченных Джаухаром, вскоре стала известна Санджару. Султан издал специальный фирман о расследовании этого дела при своем личном участии. Зийа' ад-Дин испугался, прибег к заступничеству великого хаджиба (полководца) 'Али Четри, который умилостивил Санджара. Джаухар преподнес султану многочисленные подарки, деньги, 40 верблюжьих палашкинов (кеджаве) вместе «со служанками (кенизек) и луноликими певицами». Насир ад-Дин и его сын, оклеветанные Зийа' ад-Дином, были схвачены, закованы в цепи и кончили свои дни в зиндане [165].

Приведенный факт позволяет думать, что в правление Санджара происходила дальнейшая трансформация икта' из условного держания в полную земельную собственность. Значительную роль в этом сыграло усиление военного сословия, в особенности тюркской мамлюкской верхушки. Своеволие мукта' сильно возросло после разгрома Санджара в 1141 г. карахитаями в битве у Самарканда [166].

В рассматриваемую пору наблюдаются дальнейшие изменения и в самой процедуре отдачи земель в икта'. Нарушается исключительное право султана на дарение наделов, и эту функцию выполняют нередко везиры. Все чаще происходит самовольное присвоение земель без государственного указа и санкции дивана [167]. Очевидно, нововведением было и то, что в отдельных провинциях губернаторы из числа мукта' иногда регулировали и определяли размеры отдаваемых в качестве икта' наделов [168].

В конце XI — первой половине XII в. в Восточно-Сельджукском государстве наблюдается тенденция к преобладанию военной формы икта'. Основную массу владельцев икта' ал-аскари (икта' ат-и хашам) составляли, по-видимому, армейские чины среднего и низшего звена. Имена, звания, размеры причитающихся им доходов значились в специальных реестрах (дафтар-и рузнамадж, джарида-йи икта'ат). Мукта' получали наделы не только из государственного, но и из домéнного земельного фонда. Очевидно, в некоторых случаях в их руки передавались и вакфные земли так называемой официальной (расмийа) категории [169].

Перечни лиц, находившихся на военной службе, значились в диван-и хасс либо в диван-и 'арз. Чиновники фискальных

ведомств (мустауфи) по этим спискам производили ежегодные ревизии, выверяли правильность сметы (хасаб) и расхода налогов. Икта‘ периодически утверждались (согласно диванским реестрам) на «старых условиях», в них заносились также изменения, связанные с выделением новых и дополнительных наделов [170].

Размеры доходов мукта‘ определялись скрепленными печатью (тауки‘) султанскими грамотами, в которых содержались «описи (машрух) икта’» Икта’дары получали доходы в основном с государственных (дивани) и коронных (хассе) земель. В документах XII в. отмечается, что мукта‘ должны пользоваться установленной долей налогов (амвал), сборов (русум), диванских податей (хукук-и дивани) [171]. Однако в действительности они нередко допускали произвол и насилие при взимании налогов, требовали их уплаты в повышенных (зава’ид) ставках [172].

Инновацией сельджукского периода явилось пополнение сословия мукта‘ за счет предводителей кочевых племен. Обычно им давались обширные выгоны и земли в пограничных зонах (сугур, ‘авасим, удж). В рассматриваемое время появляются также крупные икта’дары из числа атабеков, захвативших в свои руки целые регионы. В категорию мукта‘ входили и некоторые вассальные правители, имевшие зависимый или полусамостоятельный статус. Система икта‘ первоначально казалась удобной формой установления непосредственной зависимости мукта‘ от центральной власти. Однако рост феодального сепаратизма подрывал авторитарную основу султанской власти и содействовал превращению вассалов в наследственных собственников [173].

В конце XI — первой половине XII в. происходит дальнейший процесс трансформации икта‘ в Средней Азии и Иране. Исследователи уделили немалое внимание этому феодальному институту, но пока слабо изучен механизм его эволюции в наследственную собственность. Данные средневековых источников позволяют выявить определенную тенденцию к росту административного и иммунитетного права икта’даров. Мукта‘ в лице губернаторов областей (вали) получили большие права, распоряжались целым штатом чиновников. Они имели заместителей (наибов), их власть распространялась на сборщиков налогов (‘амилей), блюстителей порядка (шахна) и на прочих должностных лиц провинций. Султанские указы передали под их контроль местных икта’даров, дихкан, владельцев мильковых земель. Губернатор должен был вникать во все дела мукта‘, теоретически имел право отбирать незаконно приобретенные ими наделы. В то же время ему представлялся налоговый иммунитет в пределах собственного икта‘. В грамотах о назначении правителей в Гургане и Мазендеране прямо указывается, что государственные чиновники не имеют права вмешиваться в дела отданных им в качестве икта‘ владений [174].

Фискальный и административный иммунитет, дававшийся крупным и знатным мукта', был важной ступенью на пути трансформации икта' из условного держания в пожизненное владение. Закрепленная временем такая практика вела к появлению наследственного права на землю. В пользу этого говорит тот факт, что семейство Кумачей в трех поколениях имело собственные икта' в Балхской области. Санджар в указе на имя внука 'Имад ад-Дина Кумача (основателя этого феодального клана) отмечал: «В нашем государстве существуют давние и [хорошо] известные традиции — соблюдать права предков в отношении преемников, передавать места и должности отцов сыновьям, лелеять их в лоне искреннего внимания и всеобъемлющей милости» [175]. Все это привело к тому, что в XII в. в Иракском и Хорасанском султанатах отобрать икта' у их владельцев было фактически невозможно [176].

Наряду с икта' военному и гражданскому сословию предоставлялось довольствие под названием «кусок хлеба» (нан пара). Г. Хорст полагает, что здесь имеется в виду натуральное содержание, предназначенное исключительно для армейских чинов. Другим видом икта' он считает маваджиб — денежное жалованье, которое давалось военной знати (хашам), сановникам (хадам), принцам крови, государственным служащим [177]. Однако на самом деле икта' отличалось от нан пара, причем «кусок хлеба» имели не только армейские, но и гражданские чины [178]. Разумеется, значительная часть мукта' получала доходы от земельной ренты, но, кроме того, им выдавалось и довольствие. В таких случаях обычно предоставлялись средства на обмундирование (джамеги) или просто для кормления (ма'аиш). Само же понятие «икта'» практически связывалось с пользованием доходами с земли или владением определенным наделом [179].

Система икта', существовавшая в Восточно-Сельджукском государстве, оказала влияние на его распространение в областях к востоку от Хорасана. В XII в. происходит инфильтрация этого института в Центральный Афганистан и Северную Индию. Икта' широко внедряется во владениях Газневидов, Гуридов и в Делийском султанате [180].

СИСТЕМА НАЛОГОВ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

В Восточно-Сельджукском государстве функционировал довольно развитый фискально-налоговый аппарат. Наиболее распространенными налогами были харадж и 'ушр — десятина, которая обычно вносилась с богарных участков и земель, орошавшихся с помощью водоподъемных колес.

Государственными доходами и расходами, всеми кадастровыми сборами ведал специальный диван-и истифа' [181]. Чиновники этого учреждения, глава которого назывался мустауфи,

вели учет налоговых и других сборов [182]. В диван-и истифа' хранились налоговые перечни, счета коронного (султанского) дивана. Мустауфи в случае обнаружения задолжностей и недоимок мог приказать реквизировать имущество или урожай землевладельца. Непосредственным сбором налогов и податей занимались 'амили, которые назначались во всех городах, областях и провинциях [183].

Основные виды поземельного налога — харадж и 'ушр — взимались с феодалов и крестьян. В XI—XII вв. существовала традиция, которая исходила из того, что уплата подданными (ра'ийат) налогов и податей вытекает из охранной роли государства. Поэтому одной из важных функций правителя считалась защита гражданского населения от врагов, разбойников, насилия и притеснения властей. Однако в действительности все это оказывалось далеко от идеала, хотя сельджукские указы изобилуют такими дидактическими наказами и предупреждениями [184]. В ряде источников содержатся прямые указания на попрание законных прав ра'ийата и тиранический образ правления Сельджукидов [185]. Плательщиками 'ушра обычно являлись крупные землевладельцы, которым нередко принадлежали и обеленные мильки (мильк-и хурр, мильк-и хасс). В последнем случае они не вносили никаких податей и налогов с принадлежавшей им земельной собственности. Привилегией освобождения от налогов пользовалось и мусульманское духовенство в лице са'идов, имамов, шейхов [186].

В зависимости от формы обложения различались три главных вида хараджа: с площади обмеренной земли (мисаха), по количеству урожая (мукасама) и в постоянно установленном размере (муката'а) [187]. В Мавераннахре практиковалось взимание хараджа с каждого участка, который мог быть обработан упряжкой из пары быков (джуфт-и гав). Единицей исчисления поземельного налога в Хорасане и Гургане был джуфт-вар — земельная площадь, которая могла быть вспахана двумя волами в течение дня [188]. Различались официальные, узаконенные шариатом подати (русум) и чрезвычайные, сверхнормативные поборы ('авариз). Такие сборы превращались с течением времени в партикулярный налог, взимавшийся с податных слоев населения. Судя по документам XII в., 'авариз уплачивался не только зажиточными (тавангар), но и небогатыми (дарвиш) землевладельцами (арбаб). Практиковался и другой вид экстраординарных сборов — зава'ид, но его функциональное отличие от 'авариза остается неясным. Существовала также надбавка [189] к основному налогу, известная под названием «тауфир» [190].

Взимание налогов производилось натурой (махсулат), в ее стоимостном выражении и в наличной денежной форме (нагд). Налоги и подати собирались не только в «чистом», но и в «смешанном» виде. Преимущественно денежным, притом весьма распространенным, налогом был мал, который служил так-

же синонимом хараджа. В этом качестве подчас выступал и баж (или бадж), что зафиксировано в ряде средневековых источников [191].

В конце XI — первой половине XII в. в Восточно-Сельджукском государстве существовала также особая категория налога под названием «му'амала». Исследователями высказаны различные мнения о сущности и значении данного термина. Большинство востоковедов считают, что под му'амала подразумевается «аренда и заключение договора». Автор настоящей работы придерживался аналогичной точки зрения, но она, по-видимому, нуждается в некотором уточнении [192].

Му'амала неоднократно упоминается в грамотах Санджара о назначении высших должностных лиц в Хорасане, Гургане, Мазендеране [193]. Подобно другим статьям дохода, она поступала непосредственно в ведомство по сбору налогов (диван-и 'амал). Верховный контроль и инспекция над му'амала осуществлялись со стороны диван-и истифа' в лице мустауфи. Судя по документам XII в., сборы му'амала состояли из поступлений с государственных и коронных земель. В одной из грамот Санджара различается му'амала официальное (расми) и религиозное, шариатское. Очевидно, здесь имеются в виду налоги, взимавшиеся как с государственных, так и с вакфных земель. Характерно, что в другой грамоте прямо указывается на отношение диван-и аукаф к сбору му'амала. Кроме того, говорится о «диван-и му'амала ва кисмат», который ведал доходами, поступавшими по «общественным контрактам» [194]. Однако совершенно непонятно, почему наряду со сборами от аренды этот диван заведовал и чрезвычайным налогом (кисмат).

Сельджукские указы XII в. проливают некоторый свет на характер и сущность му'амала, но не дают возможности сделать окончательный вывод. Решению данного вопроса в определенной степени помогает компаративный материал, относящийся к предшествующему времени. В источниках газневидского периода му'амала в известных случаях выступает в значении «откуп на сбор налогов» [195].

Му'амала, судя по некоторым данным, уплачивалась как в натуральной, так и в денежной форме. Очевидно, именно первый вид этого налога выступал в документальных материалах под именем «мал-и му'амала» [196]. В отдельных сельджукских грамотах отмечается тяжесть му'амала для сельских жителей. Это наводит на мысль об откупной системе, которая была разорительной для крестьян и других подданных. Откупщик (дамин) обладал большими правами, мог реквизировать все имущество взамен неуплаченных податей [197].

В ряде источников XI—XII вв. му'амала выступает в значении любого договора, включая торговые сделки. Данный термин употребляется и в более узком смысле для обозначения контракта о возделывании пашни и сада. В копии одного из писем конца XI в. упоминается о «диванском му'амалате» и

заведовавших им чиновниках, называвшихся «арбаб-и му'амалат» [198].

Приведенные исторические свидетельства позволяют видеть, что в освещаемый период термин «му'амала» имел широкое и более узкое значения. В первом случае так именовался всякий контракт, официальная или деловая сделка. Применительно же к фискальной системе под му'амала подразумевались налоги, уплачивавшиеся по договорным арендным соглашениям. Однако к этой же категории могли относиться и подати, взимавшиеся откупщиками с сельского и городского населения.

Основной массой налогоплательщиков были крестьяне, разделявшиеся на несколько групп по имущественному и социальному положению. Сравнительно зажиточный слой крестьян состоял из мелких землевладельцев, имевших собственные мильки. Очевидно, их (так же как и крупных землевладельцев) называли дихканами [199]. Значительный процент крестьян составляли арендаторы, не имевшие своих пахотных и садовых участков. Сохранялось и общинное пользование землей и водой, которые делились между крестьянскими хозяйствами [200]. Подлинным бичом для простых селян была мизерная доля орошаемой земли [201].

Солидную прослойку сельского населения составляли малоземельные крестьяне, трудившиеся на государственных, коронных, частновладельческих и вакфных землях. В сельджукских грамотах XII в. упоминаются крестьяне (барзигары) мильковых земель (асбаб-и хасс). Барзигары работали также на полях султанского домена в Мерве. Крестьяне, жившие в окрестностях Серахса, находились в зависимости от «покойной хатун», вероятно, матери Санджара. Среди них выделяются богатые (агнийа), которые причиняли «обиды слабым и немощным (за'иф)». В документе отмечается, что сельские жители Сарахса испытывали притеснения от султанских войск, свиты и владельцев хавала — специальных ордеров, предъявлявшихся для получения долга [202].

Крестьяне выплачивали различные виды налогов в пользу казны, чиновников, феодалов, духовенства. Помимо хараджа, диванских налогов (хукук-и дивани) они вносили и другие натуральные и денежные подати. Государство взимало с сельских жителей налоги на содержание двора, гражданской и военной бюрократии. Барзигары наряду с прочими налогами уплачивали назр в виде даров или особых подношений, Взыскивался с крестьян и 'алаф — определенные суммы, предназначенные для жалованья чиновникам. Практиковался и сбор (хиссас-и дивани) для содержания губернаторов, принцев крови и других знатных лиц. Кроме того, взыскивались налоги в пользу вали, наибов, шахна, ра'исов, 'амилей и т. д. Одной из довольно обременительных для крестьян податей был нал-баха, представлявший собой фактически откупную сумму с целью избежать постоя (нузул). Сельское население кроме поставок

фуража (улуфе) выплачивало и нафак — экстраординарные сборы на кормление воинов, свиты, чиновников, посланников [203].

Существовал также ряд специальных налогов и податей, взимавшихся с крестьян в пользу икта'даров. В сельджукских грамотах упоминается манал — чрезвычайный сбор, получаемый мукта' с сельских жителей. Экстраординарным налогом, взимавшимся в их пользу, был и 'авариз, который вносился крестьянами в чрезвычайных случаях. Кроме того, мукта' получали долю (кисмат) созревшего урожая [204]. Имелась и особая подать под названием хукук-и мукта'ана, которая предназначалась специально для выплаты икта'дарам [205].

Сравнительно многочисленный слой крестьянства составляли издольщики, работавшие на государственных и мильковых землях. В аренду помимо диванских и частновладельческих отдавались также коронные и вакфные земли [206].

Начиная с эпохи Халифата существовало несколько категорий арендаторов, основная масса которых либо не имела земли, либо была малоземельной. Одной из распространенных форм являлась издольщина (музара'а) на условиях выплаты от $^1/_7$ до трети урожая. Существовала также испольщина (мунасифат), когда арендатор отдавал хозяину земли половину урожая. Кроме того, практиковалась аренда крестьянами земли за определенную плату (иджара). Обычно с государственных и домепных земель, передаваемых в аренду, уплачивался харадж в форме мукасама. Издольщиками нередко становились крестьяне, отдававшиеся под покровительство (илджа') крупных феодалов. В своем большинстве это были крестьяне—общинники и мелкие собственники (милькдары). Размеры издольной платы зависели от условий договора, заключавшегося между землевладельцем и арендатором. Зачастую издольщики-музари'и получали лишь земельные участки, которые они засевали принадлежавшими им семенами и вспахивали собственными упряжками быков. Практиковался также вид аренды, когда все средства производства использовались договаривающимися сторонами на половинных началах. Арендаторам, не имевшим сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, выплачивали от $^1/_6$ до $^1/_7$ урожая [207].

В источниках сельджукского периода упоминаются две основные категории издольщиков: музари'ан и маваджиран. Они занимались обработкой государственных, султанских, частновладельческих (мильковых) и вакфных земель. Издольщики зачастую арендовали земли дивана и короны, с которых взимался харадж. Музари'и, трудившиеся на вакфных землях, получали определенную плату (мал-и иджарат). Размер этой арендной платы зависел от условий контракта или условий завещателя вакфа. Маваджиры получали долю урожая (кисм) с мильковых и других арендованных земель [208].

Юридически издольщики были свободными людьми, но фактически они не могли уйти с арендованного клочка земли.

Нелегкими были и сами арендные отношения. Тем не менее в условиях малоземелья и разорения крестьянских хозяйств число издольщиков росло. Очевидно, к началу XIII в. издольщина стала господствующей формой землепользования в Средней Азии и Иране [209]. В документах хорезмшахского периода отмечается, что дихканы и музари'и являются «причиной процветания земли и получения родом человеческим основных видов пропитания» [210].

Между сельским трудовым населением и чиновниками фиска зачастую возникали споры и тяжбы из-за размера хараджа и других налогов. Большой ущерб крестьянам наносили подвижные сроки взноса хараджа, что было связано с разницей между лунным и солнечным календарями. Земледельцы страдали от уплаты податей в сезоны, приходившиеся на время, когда хлеба еще не успели созреть [211].

'Амили обычно требовали с ра'ийатов уплаты налогов в повышенных размерах. Крестьяне в таких случаях обращались в диван везира и в султанский дворец. Однако расследование их жалоб правительственными уполномоченными, как правило, не давало ожидаемого результата [212]. «Если крестьян притесняют,— пишет неизвестный автор истории Систана,— и облагают чрезмерными податями, они держат совет у Старого минарета, там собираются и идут в мазалим [213]. Ежели справедливости не находят, то в этом случае приходят туда же и принимают меры для побега» [214].

Санджар, особенно в начальный период своего правления, делал некоторые попытки обуздать 'амилей и упорядочить сбор налогов. После возвращения из иракского похода он назначил своим везиром Му'ин ад-Дина Абу Насра Ахмада ал-Кашани. «Везир,— пишет о нем Сайф ад-Дин 'Укайли,— оставил большую память в установлении одобряемых налоговых правил [канун] и в устранении порицаемых налогов (русум-и замиме)» [215]. Однако эти мероприятия имели временный характер и не могли в корне изменить создавшееся положение.

Основная масса податного населения была недовольна уплатой многочисленных налогов и податей. Положение крестьян особенно ухудшалось в результате неурожаев, возникавших из-за морозов, засухи, выпадения града. В годы стихийных бедствий (белахайи асмани ва земини) чиновники (мунши) требовали у ра'ийата уплаты «задатка хараджа» (тагадиме-йи харадж). Диванские «уполномоченные по зерну» (мувакилан-и галла) предъявляли иск арендаторам на возврат долга (карз). Селяне апеллировали к центральным властям, прося уменьшить наполовину размер хараджа и не требовать долг «в виде зерна, которое было посеяно, но не дало всходов» [216]. Крестьяне часто жаловались на несправедливое распределение воды, разрушение кяризов. В ответ на их прошения правительственные инстанции посылали инспекторов, но те решали споры не всегда в пользу крестьян [217].

Помимо уплаты налогов и податей сельское население выполняло и различные трудовые повинности. Крестьян сгоняли на очистку и ремонт оросительных каналов, строительные и прочие работы. Трудовая повинность (бигар, сухра, шахкар) выполнялась крестьянами не только в деревне, но иногда и в городе. Обычно государство перекладывало на сельских жителей как выполнение общественных работ, так и оплату связанных с ними издержек. Ремонт ирригационной системы в долине Мургаба, например, производился за счет местного населения. Существовала также повинность (иджбар) в пользу чиновников, выполнявшаяся наемными работниками. Тяжелой обязанностью для крестьян был нузул — постой военных, государственных служащих и других официальных лиц [218].

В XI—XII вв. происходит дальнейшее развитие феодальной собственности в Средней Азии, Западном Иране и Северном Афганистане. Данный процесс сопровождался ростом крупного землевладения за счет государственной земли и крестьянских наделов. В таких случаях нередко использовался институт коммендации и патроната (илджа', химайа) [219]. Сущность его заключалась в передаче земли под «защиту» сильных и влиятельных собственников. В роли искателей «покровительства» обычно выступали бедные слои крестьянства. Юридически они не теряли права собственности в результате передачи земли под «защиту» феодала. Однако фактически такие крестьяне утрачивали свою земельную собственность и превращались в зависимых людей. Часть их становилась газиями, волонтерами, «добровольцами» либо просто «бродягами» ('аийарун). Многие же крестьяне, передававшие свою землю под «покровительство», превращались в издольщиков (музари'ун). Несмотря на это, институт химайа (илджа') не привел к крепостному праву, установившемуся лишь после монгольского завоевания Средней Азии и Ирана [220].

ГОРОД, ТОРГОВЛЯ, РЕМЕСЛО

В исследуемый период наблюдаются сложные урбанистические процессы в Средней Азии, Западном Иране и Северном Афганистане. Происходит дальнейшее развитие городской жизни в большинстве исторических провинций региона, совершенствуются архитектура, фортификационное дело, строительная техника. Города Средней Азии и сопредельных областей представляли собой часть огромного культурного мира, раскинувшегося от Анатолии до Инда, от Центральной Азии до Юго-Восточной Европы [221].

Ряд современных исследователей видят различие между западной и восточной урбанистической структурой в отсутствии городского самоуправления в странах Азии. В источниках рассматриваемого периода нет достаточно четких сведений о

функционировании подобной системы в Хорасане, Гургане, Хорезме, Мавераннахре. Наличие органов городского самоуправления отмечается в более позднее время, в частности в XVIII в., в Ташкенте и Туркестане. Поэтому некоторые востоковеды полагают, что истоки такой автономии восходят к более ранней поре истории азиатского феодального общества. В городах Ближнего Востока, несмотря на централизаторскую политику Фатимидов и Сельджукидов, существовало движение за городское самоуправление [222].

Разумеется, скудость и фрагментарность исторических сведений не позволяют пока решить освещаемую проблему. Более определенно можно сказать о том, что в IX—XII вв. существовала утопическая теория об идеальном восточном городе-государстве. Начиная с ал-Фараби и Ибн Сины он изображался как средоточие духовной и материальной культуры, образец прогресса. В произведениях поэта раннесельджукского периода Фахр ад-Дина Гургани город фигурирует как центр разума, науки, искусства, ремесла. В нем как бы преломляются мечты о внесословной деятельности, отрицается законность раз навсегда данной власти. Однако нормальное развитие города ставится в зависимость от разумного правителя, способного обеспечить порядок и общественную справедливость [223].

В Средней Азии город служил не только центром ремесленного производства и экономического обмена, но и связующим звеном между двумя отраслями хозяйства — земледелием и скотоводством. Образование государств Караханидов и Сельджукидов привело к оседанию части кочевников и появлению новых этнических групп тюркского происхождения в городах Мавераннахра, Хорасана, Гургана, Хорезма. В северо-восточных областях Средней Азии и в Семиречье возникает ряд поселений с тюркоязычным населением [224].

В XI—XII вв. в городах Средней Азии и Казахстана, расположенных на границе с оазисами и в зоне степей, наблюдается синтез оседлой и скотоводческой цивилизации. Заметные следы такого культурно-бытового переплетения обнаруживаются, например, в Шаше, Илаке, Дихистане и некоторых других регионах Средней Азии и Южного Казахстана [225].

Оседлые поселения, лежавшие на стыке с кочевой степью, состояли обычно из укрепленных рабатов и городов. В таких субрегионах располагались также деревни, обнесенные высокими крепкими стенами. Селения подобного типа имелись, в частности, в Мерве, Нисе, Дихистане.

Некоторые рабаты и крепости Северного Хорасана, лежавшие на краю Каракумов, превращаются в города. В районе от Абиверда до Каспия городами становятся пограничные укрепления: Куфен, Фарава, Шахристан, Дихистан. Однако в большинстве земледельческих оазисов сохраняются и развиваются старые городские центры, хотя их рост сочетается с упадком отдельных поселений [226].

Городам Хорасана и Западного Ирана значительный урон нанесли феодальные междоусобицы конца XI — начала XII в. Многие из них серьезно пострадали в результате восстания Арслана Аргуна. В середине XII в. большой удар по местным городам нанесла огузская «смута», приведшая к падению Восточно-Сельджукского государства.

В рассматриваемый период одним из крупнейших городов Хорасана был стольный Мерв. Сельджукский поэт XII в. Му'иззи образно пишет о «подобных большим ободам» стенах города, стоявших на высоком, как гора, «тяжелом, крепком фундаменте» [227]. Он имеет в виду Мерв, который возродился после феодальной смуты и при Санджаре стал политическим и культурным центром Восточно-Сельджукского государства [228]. В его правление город, располагавшийся на месте Султан-Калы, переживал относительный подъем. Мерв разрастался, и отдельные его кварталы выносились за черту города. Султан-Кала занимала общую площадь более чем в 400 га, а численность его населения достигала 150 тыс. человек. Мерв имел 4 ворот, он был разделен двумя главными перекрещивающимися магистралями на 4 части. В направлении с севера на юг через город протекал канал Маджан. Султан-Кала была густо застроена, на ее территории наряду с обычными домами строятся двухэтажные кешки (дворцы). Жилища богатой знати достигают крупных размеров, строятся дворцы из жженого кирпича. Стены зданий отделываются цветной штукатуркой, резьбой по ганчу, полихромными глазурованными плитками [229]. В городе было множество частных и общественных сооружений: мечетей, минаретов, медресе и т. д. Здесь располагались астрономическая обсерватория и 10 крупных библиотек.

Городские поселения и крепости имелись и в провинции Гурган, крупным округом (нахийа) которого был Дихистан. Положение данной области на границе с воинственными степняками — приаральскими огузами и кипчаками — наложило на нее свой отпечаток. «В этом вилайате,— отмечается в грамоте Санджара,— имеются крепости (кал'а) и укрепления (хусун): равнинные, горные, пустынные, морские. В этих крепостях имеются [свои] кутвалы — комендаты» [230]. Дислоцированные здесь сельджукские войска, состоявшие из туркменских ополчений, несли охрану рубежей Гургана и Хорасана со стороны Мангышлака [231].

В XI—XII вв. происходит интенсивное строительство укрепленных линий на границах Хорезма. Археологические раскопки свидетельствуют также о возникновении новых городов в оазисах низовьев Амударьи, но они отличались сравнительно небольшими размерами. Очевидно, урбанистические процессы шли здесь в основном за счет роста старых городов [232].

Развитие городов продолжалось и в верхнем и среднем течении Амударьи. В XI—XII вв. Термез, Хульбук и некоторые другие поселения субрегиона переживали определенный эконо-

мический подъем. Рост городских поселений отмечается археологами и в долине Сурхандарьи [233].

Довольно сложные урбанистические процессы протекали в бассейне Зеравшана — в оазисах Бухары и Самарканда. Нехватка воды для полива привела к XII в. к запустению Пайкенда и гибели Варахши. Однако на смену угасавшим старым поселениям приходят новые города — Гиждуван и Вабкент. Наиболее крупными городскими центрами в долине Зеравшана оставались Бухара и Самарканд. В XI в. при Караханидах здесь наблюдалось известное оживление городской жизни. В Бухаре, в царствование Ахмад-хана, был построен дворец, но город сильно пострадал от междоусобной войны, особенно во время похода в Мавераннахр в 1089 г. султана Маликшаха. Новый период монументального строительства в Бухаре отмечается в первой четверти XII в. В правление Караханида Арслан-хана (1102—1130) были отремонтированы стены рабада, построены соборная мечеть, дворец, бани [234].

В исследуемое время в Средней Азии наиболее урбанизированными субрегионами были Шаш и Илак. В бассейне Чирчика и Ангрена на сравнительно небольшом пространстве было сосредоточено несколько десятков городов. В регионе современной Ташкентской области наблюдался в XI—XII вв. подъем городской жизни. Важную роль в этом процессе сыграла добыча и переработка минералов и цветных металлов. Наличие в Шаше, Илаке и окрестных горах свинцовых, железных, серебряных, золотых рудников способствовало развитию городского ремесла и торговли. Этому же в определенной степени содействовала интенсификация экономического обмена с кочевниками, входившими в состав государства Караханидов [235].

Основным занятием населения городов Средней Азии, Западного Ирана и Северного Афганистана в XI—XII вв. были ремесло и торговля. «Хорасан,— отмечается в анонимном источнике домонгольской поры,— превосходный, великий край в [этом] мире. В нем много городов с многочисленным населением и большими жизненными припасами» [236].

Крупными торгово-ремесленными центрами этого региона были Мерв, Нишапур и Исфахан. В Мерве были развиты многие отрасли ремесла, но особой славой пользовались шелковые одежды из ткани мульхам. Отличные холсты тонкой выделки ткали в Нисе, а в Серахсе изготовлялась парча [237]. В Нишапуре и Исфахане выделывались шелковые и бумажные ткани, холсты (карбас), изготовлялась хорошая одежда. Ремесленная продукция хорасанских городов вывозилась в сопредельные и другие страны Востока [238].

В Мавераннахре крупными центрами текстильного производства, в основном по выделке хлопчатобумажных тканей, были Бухара и Самарканд. В XI—XII вв. широким спросом пользовались ткани занданачи, выделывавшиеся в селе Зандана, в четырех фарсахах от Бухары. Бумажные материи это-

го же сорта, ценившиеся наравне с парчой, изготовлялись во многих селениях оазиса. Ткани занданачи пользовались большим спросом и вывозились в Ирак, Фарс, Керман, Индию [239].

Другим центром текстильного производства был Самарканд, где выделывались парча, льняные, шелковые и другие ткани. Здесь изготовлялась также знаменитая бумага, которая экспортировалась во многие страны Востока [240]. Хлопчатобумажные и шерстяные ткани изготовлялись и в Кяте, но по текстильному производству Хорезм, видимо, уступал Мавераннахру. Гораздо большей известностью пользовались хорезмские луки, которые славились наряду с луками Шаша [241].

В XI—XII вв. в ремесле Средней Азии сохраняются традиции оседлого ираноязычного населения, а также кочевых и полукочевых тюркоязычных племен. Наряду с текстильным производством существенное развитие получили ковроткачество, гончарное, кузнечное, оружейное, ювелирное ремесло [242] и другие отрасли. Значительно возрос технический и эстетический уровень производства, в частности металлических и керамических изделий. Гончары выделывали различные виды столовой и хозяйственной посуды, обычную и художественную поливную керамику. Мастера-гончары Нишапура, Мерва, Бухары, Самарканда выпускали продукцию, рассчитанную на любой вкус. В городах Мавераннахра, в основном в Самарканде, изготовлялась высококачественная люстровидная керамика. Инновацией рассматриваемого периода была росписная посуда из силикатной пасты (кашина). В XII в. началось массовое производство гончарных водопроводных и канализационных труб. Хорезмские мастера выпускали в большом количестве дигири — сосуды из обожженной глины для водоподъемных колес [243].

Гончарные изделия (обычно столовая посуда) украшались арабскими надписями благожелательного, афористического и религиозного содержания. В конце XI—XII вв. в Средней Азии в росписях поливной керамики выявляется полихромный «ковровый» орнамент. Исследователи связывают этот художественный стиль с процессом тюркизации Мавераннахра. В караханидское и сельджукское время в Средней Азии широкое распространение в прикладном искусстве получают зооморфные сюжеты. Довольно часто на посуде и других предметах быта изображаются хищные птицы, в том числе двуглавые орлы. Сохранившаяся до наших дней шелковая «сельджукская» ткань украшена круглыми розетками с фазанами на стилизованных деревьях. В XI—XII вв. в Средней Азии и Иране большую популярность обрел мотив звериного гона на тканях, керамике, металле (бегущие львы, козлы, лани, хищные птицы). Наряду с охотничьими сценами определенное распространение получают и антропоморфные сюжеты. Изображения людей, иногда с ярко выраженным тюркским (монголоидным) типом лица, имеются на различных предметах, изготовленных масте-

рами Хорезма, Мавераннахра, Хорасана. В Мавераннахре и Фергане обнаружена серия грубых лепных сосудов с украшениями в виде треугольников и растительных завитков. Данный тип росписной керамики связывается с влиянием материальной культуры тюрок-караханидов. Однако в прикладном искусстве, как и в самой ремесленной технике, в целом продолжаются и развиваются традиции старого оседлого и кочевого населения Средней Азии [244].

Значительное развитие получил и стеклодувный промысел. Производилось около 40 видов продукции: столовая и химическая посуда, парфюмерные и аптекарские сосуды. Стекло использовалось также для изготовления дешевых украшений, светильников, весовых гирь. Инновацией рассматриваемого времени было производство небольших по размеру оконных стекол дисковидной формы. В XII в. в Передней Азии выделывалось и цветное стекло различной окраски, а стекловидная масса использовалась для эмалей. Стеклоделие в период сельджукского господства достигло относительно высокого уровня развития [245].

Одной из важных отраслей ремесленного производства была обработка металлов, изготовление орудий труда, предметов быта, боевого оружия, украшений. В Средней Азии основными источниками добычи железа, меди и других полезных ископаемых служили горные области Ферганы и Уструшаны. Горнорудные копи имелись и на южных отрогах Чаткала, и на Кураминском хребте, где добывались свинец, железо, золото, серебро [246].

Кузнецы, медники, ювелиры Хорасана, Мавераннахра, Хорезма создали немало образцов высокохудожественных изделий. Около половины бронзовых вещей XI — начала XIII в., имеющихся в знаменитой коллекции Кэра, происходят из Средней Азии и Ирана. Среди этих изделий — сосуды, маленькие чаши, бутыли, лампы с зооморфными орнаментами. В XII в. в соборной мечети Нишапура висела огромная бронзовая люстра, имевшая около 400 тыс. стеклянных трубок (лула) наподобие лампадных стекол. Люстра наполнялась специально применявшимся для светильников растительным маслом [247].

В повседневном обиходе была и столовая посуда из бронзы, сосуды из меди, причем использовался особый сплав — «черная» бронза (сафидруй). Мастера-оружейники выковывали легкие боевые топоры (тарбазин), секиры в виде полумесяца (наджах), фигурные булавы (горз, дурбаш). Они изготовляли также металлические щиты (сепар), наконечники для копий (найза), в том числе в форме двузубца (дошахе). Большим спросом пользовались боевые панцири и кольчуги из небольших пластин (джоушан, зерех). Особая индийская сталь (пулад-и хинди) применялась для ковки мечей, палашей, кинжалов. В XI—XII вв. на Ближнем и Среднем Востоке широкую

известность получает карачур — вид сабли, использовавшейся тюрками-караханидами [248]. Металлические сосуды и другие изделия украшались различными орнаментами, а также стихами знаменитых поэтов. Среди таких эпиграфических надписей встречаются имена владельцев персидско-таджикского и тюркского происхождения [249].

Наличие в Средней Азии и Иране золотых и серебряных руд и копей драгоценных камней способствовало развитию ювелирного искусства. В украшениях из благородных металлов использовались самоцветы, бирюза, изумруд, сердолик, горный хрусталь, лазурит, гранат. Высокого мастерства достигли художественное литье, штамповка, филигрань, чеканка, гравировка, различные инкрустации. В Хорасане и Мавераннахре выделывались металлические подвески, амулеты, бляшки, медальоны, булавки для женских головных уборов. Ювелирная продукция украшалась изображениями птиц, антропоморфных существ, божеств плодородия, сакральных персонажей домусульманского пантеона [250].

В источниках XII в. ремесленники наряду с крестьянами относятся к «простому люду» тогдашнего общества. Однако признается вместе с тем, что они играют основную роль в обеспечении народа жизненно необходимыми благами. Рашид ад-Дин Ватват называет ремесленников «господами мастерства» и причисляет их к третьему, последнему сословию [251]. В приводимой им копии одной из хорезмшахских грамот отмечается: «Третье сословие (табака) составляют те, которых называют простым народом страны (‘аммат ал-билад), радостью населения и потомства. Это сословие господ мастерства (арбаб-и сана‘ат) и приверженцев земледелия (асхаб-и зира‘ат). Они не знают ни верности державе, ни обиды [на нее], не признают ни указания на путь к согласию, ни к разногласию. Конечной целью их труда является добывание средств к жизни и прокормление [своих] жен и детей [но] они, вне всякого сомнения, всегда [были] свободны от упрека [в дурных делах] и связаны с постоянным спокойствием... Благополучие дел этого сословия зависит от пота их чела и труда их рук» [252].

Малочисленность и отрывочность исторических сведений не позволяет в достаточной степени осветить положение ремесленников. Однако совершенно очевидно, что они были неоднородны по своему имущественному и общественному статусу. Первую ступень занимали среди них владельцы средств производства — хозяева мастерских (кархане) и лавок (дукан). В источниках XI—XII вв. встречаются упоминания о подобных заведениях, в частности о портняжных мастерских [253]. Следующую категорию составляли ремесленники, трудившиеся на богатых феодалов и других собственников. В таком положении находились мастера, работавшие на бухарских правителей (садров) в Мавераннахре. Наряду с этим, вероятно, имелись и группы ремесленников, которые использовались на работах в

дворцовых мастерских [254]. Однако масса ремесленников всячески избегала «службы царям», поскольку она была трудна и опасна [255].

Основной контингент ремесленников составляли мастера, довольствовавшиеся сравнительно небольшой прибылью. Среди них господствовало убеждение: «Чем получить за один раз десять на сто, лучше получить два раза по пять на сто, не отпугнув покупателя ценой» [256]. Ремесленное производство было рентабельным и способным прокормить семью лишь в том случае, когда продукцию удавалось быстро реализовать. Поскольку мастера обычно являлись и продавцами собственных изделий, они заботились о стабильной клиентуре. Ремесленникам вменялась в обязанность обходительность и честность по отношению к заказчикам, хотя среди них было немало обманывавших покупателей, особенно женщин и детей [257].

Мастера, имевшие свое «дело», нередко пользовались кредитом, хотя это и не одобрялось с религиозной точки зрения. Значительная их часть вела скромную жизнь, довольствуясь заработком, которого едва хватало на «ячменный хлеб, рыбу, зелень и лук» [258].

Ремесленники уплачивали в государственную казну подати и несли различные повинности. Однако в источниках XI—XII вв. нет почти никаких подробностей о взимавшихся с них налогах. Известны лишь некоторые косвенные факты о сборах с торгово-ремесленного люда. В частности, говорится о рыночных податях, что относится также к ремесленникам, торговавшим на базарах своей продукцией [259]. В источниках рассматриваемой поры упоминается и о ряде трудовых повинностей ремесленников. Говорится о «неоплачиваемой работе» (сухра) плотников, отработке «обязательства» (иджбар) наемного работника, «принудительном деле» (фил) строителя. Городские ремесленники использовались также на хашаре — различных общественных работах [260].

В советской исторической литературе преобладает мнение, согласно которому в этот период восточные мастера-ремесленники объединялись в корпорации типа западноевропейских цехов. Однако данный вопрос остается скорее предметом догадок по аналогии, чем неоспоримых доказательств [261].

Безусловно, в обозреваемое время существовали некоторые формы ремесленной кооперации, но вряд ли их можно полностью отождествлять с цеховыми организациями Запада. Известно, что внутри ремесленного производства имелась определенная специализация; в частности, она отмечается в керамической отрасли [262]. Очевидно, это была одна из предпосылок для возникновения ремесленных корпораций, но по чисто профессиональному, а не по территориальному признаку. Существование подобных «товариществ», называвшихся «ширкат ас-сана'ат», отмечается в юридических сочинениях XII в. Обычно это были объединения, состоявшие из двух или не-

сколько большего числа мастеров одного ремесленного профиля. Компаньоны заключали договор, который определял условия производства и долю прибыли каждого мастера. Вступавшие в ширкат ас-сана'ат продолжали работать в собственных дуканах, которые могли находиться в разных частях города. Общий доход распределялся в соответствии с количеством затраченного труда и израсходованных материалов. Мастера, объединявшиеся в подобные товарищества, могли использовать труд наемных работников. Хозяин, принимавший такого ремесленника, платил ему треть или половину своего дохода [263]. Рассматриваемые объединения можно, вероятно, считать лишь определенной ступенью на пути развития цеховых организаций [264].

В XI—XII вв. в Средней Азии и Иране значительная часть ремесленников состояла из владельцев небольших дуканов. Обычно в них работал сам мастер, устад, и один либо несколько учеников — шагирдов [265]. В исторической литературе отмечается также наличие подмастерьев, но, скорее всего, речь должна идти не о «классическом» типе подмастерья, а о наемном работнике, получавшем определенную плату (музд). Наем такого «подмастерья» в условиях восточного феодального общества (в отличие от западноевропейского) был временным, а не постоянным явлением в ремесленном производстве. Наряду с обычными лавками ремесленников имелись и более крупные мастерские — кархана [266]. В XII в. такая кархана, занимавшаяся переработкой горной руды, имелась в Ферганской долине [267].

Корпоративные начала в ремесле, по-видимому, не обрели еще в XI—XII вв. широкого размаха в Средней Азии и Иране. Рыхлость и слабость таких организаций была одной из причин засилья феодалов в городах Востока [268]. Поэтому ремесленники вместе с другими слоями общества участвовали в социальной борьбе в рамках конфессиональных движений. Мастеровой люд был тесно связан с религиозными мусульманскими течениями, особенно с суфизмом [269]. В числе суфийских пиров и шейхов Хорасана и Мавераннахра были ткачи, мясники, кузнецы, оружейники, шорники. Большинство их мюридов, послушников, упоминаемых в источниках, также происходили из ремесленных кругов [270]. Очевидно, ремесленники входили и в тайные общества 'аййаров, объединявших представителей различных социальных групп, в основном людей из низших сословий [271].

В экономической и культурной жизни Восточно-Сельджукского государства большую роль играла внутренняя и международная торговля; она выполняла посредническую функцию обмена между ремеслом и сельским хозяйством, оседлым и кочевым населением.

Хорасан и Мавераннахр вели обширную торговлю с Дальним Востоком, Индией, Восточной Европой и Западной Азией.

Хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани и прочие местные изделия находили широкий спрос во многих странах. Среднеазиатские и иранские товары попадали морскими и сухопутными путями и на рынки Западной Европы. В результате крестовых походов уже с конца XI в. торговые маршруты, связывавшие Запад с Востоком, пролегали через портовые города Сирии, Палестины, Египта. Посредническую роль играли здесь итальянские коммерсанты, особенно генуэзские и венецианские купцы. Однако во второй половине XIII в., после утраты крестоносцами своих позиций в Восточном Средиземноморье, эти магистрали частично переместились к Азовскому и Черному морям [272].

Хорасан и Иран поддерживали оживленные торговые связи с морскими портами Египта. Купцы из Юго-Западного Ирана, в частности из Ахваза и Тустара [273], доставляли в Александрию высококачественный текстиль. В XII в., между 1100 и 1130 г., десять манов иранского шелка стоили здесь 20 динаров. Хорасанские и иранские купцы, в свою очередь, вывозили из Египта главным образом льняные и другие ткани [274].

Важное значение имели торговые пути, шедшие через Фарс и Керман к Персидскому заливу и Индийскому океану. Багдадские купцы возили по этой трассе китайский шелк, индийские специи, парфюмерные изделия, ароматические вещества. Торговля с Поволжьем осуществлялась по Каспийскому морю, а с Византией — через крупные города Закавказья [275].

В экономической жизни Средней Азии и Ирана значительную роль играла не только международная, но и внутренняя торговля. Мерв и другие города Северного Хорасана были связаны караванными маршрутами с Гурганом, Хорезмом, Мавераннахром. Здесь же начинался главный тракт, ведший через Серахс к Нишапуру и другим городам Западного Ирана. Пролегавшие по оазисам и пустыням торговые дороги были оборудованы водохранилищами (сардоба), колодцами, сигнальными башнями. Здесь располагались также почтовые станции, караван-сараи, укрепленные рабаты и заставы (марсад). В правление Санджара были отремонтированы и благоустроены основные дороги, сооружены новые торговые станции. Роскошный караван-сарай был построен в Дая-Хатыне на месте старого рабата Тахирия, поблизости от современного Кабаклы. Торговые пути в Восточно-Сельджукском султанате были гораздо благоустроеннее, чем даже в государстве Саманидов [276].

Караваны, двигавшиеся из Хорасана в Мавераннахр и Хорезм, переправлялись через Амударью у Амоля, Фараба и Даргана. Отсюда они шли по левому берегу реки в Приаралье и Восточную Европу. В северо-восточном направлении караваны несколькими путями следовали в Шаш, Илак, Бухару, Самарканд, Фергану. Ташкентский оазис издавна был связан торговым маршрутом через перевал Карабура с долиной Та-

ласа. Важную роль играли и города, расположенные в среднем течении Сырдарьи, откуда купцы направлялись в Семиречье и Восточный Туркестан [277].

В Шаш, Илак, Сауран и другие города Южного Казахстана из Семиречья пригонялось множество лошадей, овец, крупного рогатого скота для обмена на местную сельскохозяйственную и ремесленную продукцию. Сюда поступал и китайский шелк, в частности особый его сорт под названием «таргу» [278]. В Мавераннахр и Хорасан привозилось немало беличьих и горностаевых шкурок из страны кипчаков [279]. Пушнина доставлялась мусульманскими купцами в XII в. и из Таласа, Хотана, Яркенда. Оттуда же вывозились рабы, драгоценные камни, золото, войлок, овцы, охотничьи соколы. В Мавераннахр поступали и оружие, узорчатые ткани и прочие товары из Баласагуна и Тараза [280]. Бухара помимо тканей экспортировала овечью шерсть, паласы, конские седла и другие изделия [281]. Хорезм поставлял соленую рыбу, соболиные шкурки, подбитые ватой одежды (таг), молитвенные коврики, подушки [282]. Фрукты (виноград различных сортов, превосходные гранаты), плащи из мягкой шерсти, фазаны, шелк-сырец вывозились из Гургана [283].

Торговля находилась преимущественно в руках профессиональных купцов, разделявшихся на несколько категорий. Абул-Фадл Джа'фар ибн 'Али ад-Димашки — автор трактата о правилах и видах торговли — делит купцов на путешествующих, оптовиков и экспортеров. Торговля, связанная с транзитом, была выгодна, но сопряжена с немалыми трудностями. Наиболее прибыльной считалась морская торговля, но она была связана с большим риском; по этому поводу ходила поговорка: «В морском деле путешественнику барыш по щиколотку, а убыток — по горло» [284].

Наряду с крупными и средними купцами (базарган, туджар) имелись и мелкие торговцы (базари, ахл ал-базар). В последнюю категорию входило в основном ремесленно-торговое городское население, занимавшееся продажей собственной продукции на местных рынках. Среди «людей базара» было и немало розничных торговцев: зеленщиков (баккал), продавцов сахара, пряностей ('аттар), харисы — особого блюда из мяса и риса. Главным образом это были небогатые люди, которые едва могли прокормить семью [285].

В крупном торговом обороте была широко распространена практика договорных сделок (му'амала). Туджары или базарганы заключали сделки не только за наличный расчет, но и в кредит. Обычно покупался неходовой товар в надежде на повышение цен, хотя это и не одобрялось с религиозно-моральной точки зрения. Покупкой товаров, в особенности зерна, со спекулятивной целью занимались наиболее ловкие и алчные купцы. В народе их насмешливо-презрительно называли «хаджже», что означало «ученый» или «сановник» [286]. Перекупщики

обычно имели свои лавки и держали подручных, которые получали шагирдана — плату за свой труд [287].

В торговле допускался кредит в форме денежной ссуды под проценты (сарф), хотя такая практика противоречила коранические заветам и шариатским нормам. В рассматриваемый период существовала даже особая этическая теория идеальной торговли, которая испытала на себе воздействие ислама. Мусульманские теологи и правоведы разделяли товары на разрешенные (ал-халял), запрещенные (ал-харам, ал-махзур) и неодобряемые (ал-макрух). В частности, запрещенными считались изображавшие животных детские игрушки, которыми торговали в праздники (ид). Продавались также деревянные щиты и мечи по случаю нового года (новруз) и рожки из обожженной глины для церемоний в дни праздника «сада». Однако эти игрушечные и бутафорские вещи было невозможно запретить, поскольку они глубоко укоренились в народе [288].

Несмотря на осуждение и неодобрение, практика сарфа была обычной в торговле и обмене на всем мусульманском Востоке. Широко была распространена так называемая суфтаджа — отдача товара в кредит, но с условием его транспортировки за свой счет для продажи в другом месте [289]. В обиходе были и расчеты не наличными деньгами, а векселями, а также операции в виде перевода задолженности (хавалат) по соглашению кредитора с должником. Сделки оформлялись документально, но купцы избегали давать расписки, чтобы в случае необходимости отказаться от подписи [290].

В торговле часто применялся обмен валюты, чем занимались специальные менялы (саррафы). Около 200 менял в середине XI в. имелось только на одном из рынков Исфахана. В числе крупных саррафов было немало евреев, общины которых существовали в некоторых городах Средней Азии и Ирана. Исфаханские евреи вели международную торговлю и были тесно связаны с банковскими домами в Багдаде. В XII в. значительную роль в торговле между Ираном и Египтом играл обосновавшийся в Александрии еврейский коммерсант Исаак Нисабури. Известностью пользовались и еврейские купцы Гура — области между Гератом и Кабулом [291].

Купцы, особенно ведшие торговлю с другими странами, объединялись в компании. В источниках XI—XII вв. упоминается о существовании особых товариществ по купле-продаже товаров (ширкат-и инан). Отношения между их участниками обычно регулировались договорами, в которых указывались доля вносимого капитала и соответственно — размер прибыли. Пайщиками таких компаний были состоятельные чиновники, зажиточные аристократы, но главную роль играли купцы, отправлявшие своих агентов или сами ездившие с караванами в различные страны. Наряду с крупными дельцами среди них было немало торговцев среднего достатка, занимавшихся перепродажей импортных товаров. Богатые и влиятельные това-

рищества, возглавлявшиеся «предводителями» (малик ат-туджар), держали в своих руках всю торговлю в ряде стран Востока. Одна из таких компаний практически контролировала все коммерческие операции в Иране, Газне, Ираке и Хорезме [292].

В городах Хорасана, Гургана, Хорезма, Мавераннахра имелись многочисленные рынки, являвшиеся центрами международной и внутренней торговли. Базары и сезонные ярмарки играли роль посредников в экономическом обмене и влияли на общественную и культурную жизнь. Они служили не только средством удовлетворения покупательского спроса, но и местом производства части ремесленной продукции. Базары были местом обмена новостями, здесь объявлялись государственные указы, заключались различные сделки [293].

Наряду с обычными базарами существовали и особые, специализированные,— по продаже отдельных видов товаров, домашнего скота, невольников. Так, в столице Восточно-Сельджукского государства, Мерве, имелись рынки по продаже хлеба и семян, зелени и фруктов. Около соборной мечети, недалеко от городских ворот, был расположен старый базар, где торговали пшеницей. В Нишапуре функционировал рынок седельных мастеров, в Герате — парфюмеров, а в Балхе имелись рабад, где продавались веревки и нитки, и улица работорговцев.

Надзор за базарной торговлей осуществляли специальные чиновники, называвшиеся «зу'ама-йи асвак» («главы рынков»). В их обязанность входил контроль над точностью монетной пробы, мер веса и сыпучих тел. Главы базаров должны были следить и за денежным курсом, чтобы не допустить спекуляции валютой [294].

Купцы, как и городские ремесленники, уплачивали пошлины, а также налоги. Однако точные размеры и принципы их взимания остаются неясными. Известно лишь, что газневидская администрация взыскивала с торговцев налоги пропорционально их доходам, но прибыль купцов бралась на учет, если она достигала 16 тыс. динаров в год. Сохранились также некоторые отрывочные сведения о торговых пошлинах и налогах в сельджукский период. В частности, имеется упоминание о взыскании с караванов при въезде в город пошлины, именовавшейся «таййарат» [295]. В XII в. в Персидском Ираке каждый, кто торговал мясом, уплачивал в год по 50, а тканями (сукнами) — по 500 динаров [296].

ПОЛОЖЕНИЕ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН

В конце XI — середине XII в. в Средней Азии и Казахстане наряду с городским и сельским населением обитало немало кочевников и полукочевников. Основную их массу составляли

тюркоязычные племена — огузы, туркмены, карлуки, халаджи, кипчаки. Огузы и кипчаки наиболее компактно населяли полупустыни Устюрта, Мангышлака и степи Приаралья, а туркмены — часть восточного побережья Каспийского моря, долины Атрека и Горгана.

В Мавераннахре, находившемся под властью Караханидов, обитало немало тюркоязычных кочевников и полукочевников. Наиболее крупными племенами были карлуки, ягма и чигили [297], составлявшие военную опору ханов Баласагуна, Узгенда, Бухары, Самарканда. Основным их занятием было скотоводство, причем главную роль в хозяйстве играло коневодство. Помимо обычных степных пород они выращивали скаковых и вьючных лошадей. Номады поставляли для караханидского войска отборных жеребцов, гужевых коней, различную продукцию животноводства. Юсуф Хасс Хаджиб отмечает, что кочевники поставляют кумыс, молоко, шерсть, мясо, сушеный творог (йогурт), кошмы [298].

Караханидские тюрки занимались отчасти и земледелием, но сеяли, по-видимому, в основном просо, которое издавна культивировалось в степях Центральной и Средней Азии [299]. В «Кудатку билик» наряду с кочевниками (иктишчилар) упоминаются и пахари (тарыкчилар), которые характеризуются как весьма «полезные люди» [300]. Очевидно, земледелие практиковалось в период сезонных перекочевок и стоянок на пастбищах. Тюрки-караханиды, подобно другим кочевым и полукочевым народам, занимались и различными видами ремесла. Большим спросом пользовались изготовлявшиеся ими кошмы и паласы, которыми украшались жилища [301].

Женщины и девушки чигилей, кипчаков и других племен искусно пряли на веретене шерстяные и хлопчатобумажные нити. Пользуясь примитивным деревянным станком, они выделывали домотканую бязь, пестрые ткани, шерстяные непромокаемые плащи (кемак). В караханидское время изготовлялись богатые шелковые платья (агы тон) и простая одежда из хлопка [302]. В отличие от земледельческого населения оазисов кочевники, очевидно, не испытали второго крупного общественного разделения труда. Ремесло номадов не прошло стадию полного отделения от скотоводческого хозяйства и носило в целом домашний натуральный характер.

В XI—XII вв. в Мавераннахре кроме собственно племен караханидского объединения жили и значительные группы огузов; вместе с карлуками они служили в войске самаркандского правителя Мухаммада Арслан-хана (1101—1132). По-видимому, сюда они переселились под натиском канглы и кипчаков из бассейна Сырдарьи. В середине XII в. в Мавераннахре отмечаются и туркмены, которые жили в окрестностях Бухары и кочевали по степям, простиравшимся от озера Каракуль до Дженда. Туркменское население помимо самого Дженда обитало в Йангикенте, Борчалыгкенте, в низовьях Сырдарьи [303].

Кочевые племена огузов и туркмен населяли не только зону пустынь и степей, но и проникли в глубь оседлых земледельческих оазисов Хорезма, Гургана, Хорасана, Ирана. В XII в. туркмены, ведшие полукочевой образ жизни, обитали между Реем и Хамаданом. Другая их часть кочевала по горным пастбищам, долинам и предгорьям Кухистана. Немало огузов и туркмен оказалось в Кермане, Фарсе, Хузестане и других областях Ирана. В Фарсе поселилось значительное число салыров, в Хузестане было много афшаров, а в Шахризуре кочевала часть племени йива [304].

В государствах Сельджукидов и Караханидов отношение к номадам было двояким и в известном смысле противоречивым. Кочевники даже с точки зрения их правящей верхушки, адаптировавшейся в городской среде, считались «простаками», «невеждами», «глупцами» [305]. Низами Арузи Самарканди отчетливее других отразил эту тенденцию [306], назвав обитателей пустынь и гор «близкими к миру животных» [307]. Вместе с тем в рассматриваемое время признавалась особая польза номадов, поставлявших жизненно важную продукцию животноводства. «Самыми заслуживающими сострадания, внимания и заботы среди [всех] подданных,— отмечается в грамоте Санджара,— являются люди пустынь и обитатели степей [ахл-и бар ва мукиман-и сахра]; они живут вдали от населенных мест, и вести об их благополучии или несчастье не скоро достигают [нашего] двора. Торговля производимыми ими товарами и изделиями способствует росту благосостояния, доходов, богатств и процветания людей, а благородные и простолюдины имеют свою долю в тех благах и достатках» [308].

Степное население Средней Азии и Казахстана по роду своей деятельности разделялось на две основные группы. Первая была представлена ярко выраженными кочевниками, совершавшими дальние переходы, а вторая — полуоседлым населением, которое сочетало скотоводство с земледелием. Номады, разводившие лошадей и особенно верблюдов, совершали почти беспрерывные перекочевки по степям и пустыням в поисках воды и корма для скота. Выпасавшие овец, коз, быков и коров использовали близлежащие пастбища и отчасти перешли к отгонному животноводству [309].

В восточных, западноевропейских и византийских источниках имеются любопытные сведения о хозяйстве и быте тюркских племен XI—XII вв. Ал-Марвази пишет, что часть огузов живет в городах (ал-мудун), а другая — в степях и пустынях. Кочевые огузы, имеющие шатры [ал-хиййам] и юрты [ал-харкахат], граничат с Мавераннахром и Хорезмом. Фахр ад-Дин Мубаракшах Марварруди, рассказывая о жителях Центральной и Средней Азии, пишет: «Обитатели Туркестана живут в городах, лесах, степях (сахра). Те, кто [населяет] города, сеют и обрабатывают земли, имеют виноградники и сады, а те, кто обитает в степях, имеют лошадей, верблюдов, быков, овец;

их пропитание составляют молоко, пахтанье (дуг), кислое молоко и мясо. Зимой их местожительство там, где выпадает мало снега, а летом — там, где жарко». В другом месте своего труда он сообщает, что полукочевники «зимой пребывают в городах (шахрха), а летом уходят в степи; у них много посевов, [и хотя] они занимаются земледелием, [у них] много крупного рогатого скота». Наряду с этим Фахр ад-Дин Мубаракшах отмечает преобладание среди тюркских племен типичных номадов. «Они [кочуют],— пишет он,— не останавливаясь на одном месте из-за скота, кроме зимы, когда степи покрываются снегом»[310].

В других источниках сообщается о разведении огузами и туркменами больших стад верблюдов, лошадей, мулов, овец, коз, быков. Грузинские хроники XI—XII вв. сообщают любопытные сведения о туркменах Закавказья, имевших большие стада лошадей, верблюдов, мулов, овец. Весной они поднимались в Сомхетские и Араратские горы, где проводили все лето, а зимовали на изобиловавших водой равнинах от Тифлиса до Барды. Михаил Сириец пишет о туркменах, уходивших зимой на юг, а весной поднимавшихся в северные горные районы Сирии. Во время их перекочевок все дороги были забиты стадами овец, лошадей, быков, верблюдов.

Фульхерий Шартрский, рассказывая о сельджукских племенах, добавляет, что в основной массе это были воины, хорошо владевшие лучным боем. Внезапно нападая на врага с боевым кличем, напоминавшим волчий вой, они обычно ложно отступали, засыпая противника тучей стрел. Ополчения кочевников совершали частые грабительские нападения на соседей, захватывая пленных, лошадей, мулов. Никита Хониат утверждает, что после боя кочевники снимали скальпы с убитых врагов[311].

Будучи воинами, кочевники проявляли большую заботу о верховых лошадях, быстроногих, как ветер, и подобных «взволновавшемуся морю»[312]. В XI—XII вв. наряду с туркменскими породами коней славились уйгурские скакуны[313]. Лошади, особенно кони сельджукских вождей, украшались сверкающими сбруями, их гривы были искусно заплетены и увешаны звенящими колокольчиками[314].

Кочевое и полукочевое население имело свои летние (йайлак) и зимние (кишлак) пастбища и стоянки. После образования Караханидского и Сельджукидского государств произошло перераспределение пастбищ, обозначились рубежи пастбищных выгонов номадов Средней Азии и Ирана. Передвижение массы кочевников в глубь оазисов, межплеменные конфликты и столкновения с жителями городов и селений привели к установлению новых племенных границ. В значительной мере этому содействовало развитие административно-политической системы и образование уджей, которые постепенно становились уделами кочевых вождей. Формирование территори-

ально-племенных рубежей происходило в условиях военных захватов и миграций номадов в земледельческие оазисы.

В сельджукских владениях, как и позднее в державе Чингизидов, пределы летовок и зимовок устанавливались верховными правителями. Обычно такие племенные территории (юрт-гах) отдавались под контроль особых чиновников, регулировавших споры, конфликты из-за пастбищ и водных источников. Границы юртов, вероятно, различались по природным признакам, но существовали также зарубки и отметки в виде родо-племенных тамг. Очевидно, при распределении йайлаков и кишлаков в определенной мере соблюдался принцип «старшинства», или, вернее, знатности, племен, разделявшихся на правое и левое крыло [315].

Караханидское и сельджукское движение сильно повлияло на исторические судьбы и образ жизни многих кочевых народов Средней Азии и Ирана. В новой природной среде, в условиях развития тесных контактов с местным земледельческим населением происходили изменения в хозяйстве и культуре мигрантов. Этнические группы тюрок оседали в городах по Сырдарье, Арыси, в оазисах Мавераннахра. Археологические находки на ряде городищ Ташкентского оазиса поражают разнообразием предметов домашнего обихода. В материальной культуре тюрок прослеживается причудливая смесь земледельческого и скотоводческого образа жизни [316].

В конце XI — первой половине XII в. относительно компактная масса кочевников жила в Гургане и Дихистане. Здесь обитали многочисленные роды и племена туркмен во главе со своими предводителями. Туркмены частично населяли также районы Мерва, Хаверана, Шахристана, Рея, Нишапура и другие области Хорасана и Ирана. Находясь в подчинении у сельджукских властей, они несли военную и пограничную службу и уплачивали налоги за пастбища (хукук-и мара'и). В правлении Санджара над ними были назначены специальные чиновники (шахна), наблюдавшие за общественным порядком [317].

Кочевое население обитало и в других областях и провинциях Восточно-Сельджукского государства. Значительная масса номадов имелась в Восточном Узбекистане, Южном Таджикистане и Северном Афганистане (Балхском вилайате). Они кочевали по Сурхандарье, в низовьях Вахша, Пянджа, в долине Гильменда и в верховьях Мургаба. Среди обитавших здесь тюркоязычных племен главную роль играли халаджи, огузы и карлуки. В правление Санджара огузы имели свои пастбища и становища (макам) в Саганиане, Тохаристане, Хутталане.

В рассматриваемый период в Восточно-Сельджукском султанате наряду с кочевым имелось и оседлое тюркоязычное население. Большой интерес в этом отношении представляет грамота Санджара о назначении эмира Тадж ад-Дина управителем (ра'исом) Мазендерана. «Классы подданных,— говорится в

указе,— из [жителей] пустынь, горожан, оседлых и кочевников [пусть] уплачивают своевременно налоги в диван [наместника]: харадж, 'ушр, хукук-и мара'и и другие подати»[318]. Судя по дальнейшему тексту грамоты, речь здесь идет о земледельцах и полукочевниках, так как упоминается о наличии у них крупного рогатого скота (маваши). В другом официальном документе XII в. говорится о «ра'ийате города Гургана и его окрестностей из тюрок и тазиков — оседлых и жителей пустынь»[319]. Ибн Фундук рассказывает, что в XII в. потомки тюрок жили в городах и селениях Хорасана. Многие из них поселились в районах Нишапура и Байхака, причем они были даже за'имами — старостами деревень[320]. Вполне очевидно, что под названием «тюрки» прежде всего имеются в виду перешедшие к оседлой жизни туркмены и огузы.

Вильгельм Трирский свидетельствует о том, что «народ тюрков, или туркоманов,— у них одно происхождение — вышел первоначально из северных стран, был вполне варварским и не имел постоянных жилищ... они не имели ни городов, ни селений, ни другой какой оседлости»[321]. Столь категоричный вывод этого летописца крестовых походов XII в. объясняется тем, что в сельджукском движении на запад принимали участие лишь кочевые туркмены, составлявшие подавляющее большинство этого народа. Племена огузов и туркмен, оказавшиеся в ходе завоеваний в странах Ближнего и Среднего Востока, сравнительно долго не переходили к оседлой жизни[322]. Значительную роль в этом играли неспокойная военная обстановка, недостаток свободных пахотных земель, трудности хозяйственной адаптации в новых для них природных условиях[323].

Туркмено-огузские племена, как отмечалось выше, совершали частые набеги на соседей, но военные действия сменялись мирными торговыми и дипломатическими контактами. Кочевое хозяйство не могло обойтись без обмена продукции скотоводства на зерно, ремесленные и другие изделия. Постепенно мигранты стали ассимилироваться в местной этнической среде и переходить к оседлости и земледелию. Никифор Врие нний пишет, что сельджуки «начали получать оседлость, строить города и заниматься земледелием, но склонность к набегам и грабежам у них оставалась еще надолго»[324].

Земледельческое хозяйство переходивших к оседлости кочевых и полукочевых степняков базировалось на первых порах в основном на посевах проса (тарык, дары) и ячменя (арпа). Однако постепенно под влиянием старого земледельческого, главным образом ираноязычного, населения они вводят в оборот новые сельскохозяйственные культуры. Огузы, туркмены, кипчаки и другие тюркоязычные группы начинают выращивать и пшеницу. Данный процесс сопровождается их этнической ассимиляцией с таджиками, персами, курдами, арабами и другими народами. Махмуд Кашгарский пишет о смешении огузов с ираноязычными жителями оазисов и проникновении в

их язык персидских слов. В арабо-тюркских глоссариях XI—XII вв. приводится целый ряд огузских, туркменских, кипчакских сельскохозяйственных терминов, совпадающих с таджико-персидской земледельческой лексикой. Вместе с тем в их языках и диалектах сохранялись и древнетюркские названия злаков, фруктов, овощей. Анализ этих разрозненных, но весьма ценных материалов позволяет заключить, что оседлая часть огузов, туркмен, кипчаков занималась полеводством, огородничеством и садоводством. В средневековых глоссариях упоминается пшеница, которую туркмены именовали «бугдай», кипчаки — «бодай», а огузы — «ашлык». Интересно отметить, что для обозначения абрикоса туркмены наряду с персидским словом «зердалу» употребляли и его тюркский эквивалент — «сары эрик». Бывшие кочевники, судя по данным этих словарей, выращивали и различные овощи и фрукты: дыни (кавун), персики (шефтали), сливы (алу, кукан), гранаты (анар), виноград (узюм), яблоки (алма), груши (армуд). Кроме того, они сеяли горох (нохут), бобы и фасоль (бакла), перец (бурч), баклажаны (бадынджан) и т. д. Оседание на землю сопровождалось появлением стационарных поселений, называвшихся «кан», «кенд», «агыл» («аул») и «кишлак». Одновременно накапливался агротехнический опыт, начинало применяться искусственное орошение. Однако в целом земледельческое хозяйство недавних кочевников и полукочевников было недостаточно развитым и едва обеспечивало их собственные нужды [325].

Тюркоязычные племена Мавераннахра, Хорасана, Хорезма, Гургана занимались также ремеслом и торговлей. Кочевое население Средней Азии и Казахстана издавна славилось искусством изготовления войлока, шерстяной одежды, луков и стрел с костяными и металлическими наконечниками. Женщины и девушки валяли простые и узорчатые кошмы, ткали безворсовые паласы и ковры. В источниках XI—XII вв. приводятся названия многих предметов домашнего обихода, ремесленных инструментов, говорится о производстве различных видов обуви, посуды, одежды, украшений. Номады изготовляли войлочные и кожаные сапоги, шерстяные и льняные ткани, меховую одежду, головные уборы. Большой популярностью среди них пользовались украшения из серебра и золота, инкрустированные поделочными и драгоценными камнями. В процессе развития скотоводства, земледелия, торговли складывалась прослойка мастеров-профессионалов, в частности ткачей, кибиточников, ювелиров. Некоторые виды кустарных изделий, в первую очередь ковры, стали объектом рыночного товарного оборота. Однако в целом ремесленное производство кочевников не выходило за рамки домашнего натурального производства, направленного на удовлетворение собственных нужд.

Кочевники одновременно были и великими купцами, участвовавшими в международной транзитной торговле. Отряды тюрок часто служили охраной для отправлявшихся в дальний

путь караванов. Фарх ад-Дин Мубаракшах пишет, что тюрки вывозили в соседние области серебро, золото, железо [326] и ртуть, добывавшиеся в горах к югу от Самарканда [327]. Мухаммад ал-Идриси сообщает о том, что огузы выменивали своих верблюдов на товары, привозившиеся купцами из Шаша [328]. Кочевники из отдаленных районов Средней Азии и Казахстана, в частности кипчаки, обменивали пушнину на ремесленные изделия соседних земледельческих народов [329]. Меновую торговлю вели и кимаки, выменивавшие на привозную соль лисьи и собольи меха [330]. Вильгельм Трирский отмечает, что туркмены «меною приобретают все необходимое на жизнь» [331].

Оживленную меновую торговлю лошадьми и овцами тюрки-кочевники вели с Семиречьем и Восточным Туркестаном. Торговля осуществлялась по караванным путям, которые пролегали по берегу Иссык-Куля, долинам Или, Таласа, Чу. Скот доставлялся большими партиями в города и пограничные зоны, где открывались крупные ярмарки. Производился натуральный обмен коней и овец на шелковые ткани и другие ремесленные изделия [332].

Несмотря на широкое распространение натурального обмена, среди кочевников развивались и денежные отношения. Основной продукцией, вывозившейся ими для продажи, был скот, который нередко выполнял функции валютного эквивалента. В торговой практике кочевников и полукочевников использовались также монеты, чеканенные в Хорезме, Мавераннахре, Хорасане, Иране, Афганистане. Начиная с давних времен среди них имели хождение и денежные знаки, называвшиеся «йармак» и «акча». В обращении была и другая валюта, в частности агры и пул. В XII—XIII вв. в туркменском языке под «агры» понимались дирхемы, но у других тюркских народов так именовали всякую чеканную монету. Акчой назывались серебряные деньги, пул был мелкой разменной, а йармак — «обрезанной» монетой [333].

В торговой практике тюрок-кочевников широкое хождение имели также слитки серебра [334]. Такие слитки были известны в Хорасане под названием «китайское серебро» (нугра-и тафгачи). В языках средневековых тюрок и монголов они обозначались терминами «сом», «йастук», «сатыр» [335]. Подобные слитки под названием «сом кюмуш» и «ари кюмуш» имелись в XII в. у огузов Балха и Хутталя [336].

В рассматриваемое время города и селения Мавераннахра, Хорасана и Ирана вели оживленную торговлю с чигилями, карлуками, огузами, кипчаками и другими степными племенами. Ибн ал-Асир рассказывает о прибытии в 1162 г. в Нишапур большой группы туркмен из Фарса. Они пригнали сюда множество скота (агнам) для продажи на рынках [337]. В одном документе XII в. из Каирской генизы рассказывается о торговых сделках, в которых участвовали огузы на Ближнем Восто-

ке. Значительную роль номады играли в работорговле, продавая пленных, захваченных в набегах и войнах. Кочевые вожди получали большую выгоду и за счет доходов от выкупа пленных [338].

Кочевое и полукочевое население Мавераннахра, Хорезма, Гургана, Хорасана, возможно, отличалось друг от друга по уровню общественного строя. Однако фрагментарность исторических сведений не позволяет сделать по этому поводу определенные выводы. Скорее всего, несмотря на отдельные черты различия, они переживали в целом один и тот же этап раннефеодального строя. В результате караханидского и сельджукского движений произошла дальнейшая имущественная и социальная дифференциация кочевников. Важную роль в этом процессе сыграло оседание их на землю и постепенное втягивание в систему более развитых феодальных отношений земледельческих оазисов Средней Азии и Ирана.

Марио Гриньячи полагает, что генезис феодализма у тюрок-караханидов и сельджуков был связан с подчинением одних племен другими. Почти беспрерывные войны в степи способствовали установлению вассальной зависимости побежденных от вождей кочевых триумфаторов [339]. Разумеется, у тюркских народов средневековья имелись отдельные роды и племена, находившиеся в полурабском состоянии. Однако вряд ли эта форма зависимости была универсальной и послужила единственным источником феодального господства и подчинения. Главную роль в данном процессе сыграли более глубокие социально-экономические факторы.

Становление раннефеодальных отношений у кочевников сопровождалось развитием более устойчивых форм зависимости. Завоевание караханидскими вождями Семиречья и Мавераннахра, а сельджукскими предводителями — Хорасана и Ирана способствовало обогащению и усилению власти их родо-племенной знати. В связи с этим большой интерес представляют слова караханидского поэта XII в. Адиба Ахмада Йукнаки: «Проявляя благосклонность к богатым (маллыг эр), народ (будун) превращает свободных [людей] в их рабов (кул). Завидя бедного человека (малсыз эр), закрывают глаза и отворачиваются от него» [340]. Данный пассаж, хотя и облачен в художественную форму, отражает реалии своей эпохи. Весьма примечательно, что он во многом совпадает с материалами, содержащимися в «Диван лугат ат-тюрк». Махмуд Кашгарский, приводя образец народного огузского фольклора, пишет: «Бекство (беклиг) подобает тому, кто стал обладателем богатств (тавар). Оставшийся без богатств бек испытывает нужду в эрах» [341].

Именно опираясь на свою экономическую мощь, кочевая аристократия подчиняла простой люд и властвовала над ним. Источником зависимости нередко становилась и все более развивавшаяся кредитная и долговая практика. Господство знати

над рядовыми общинниками происходило и за счет коммендации — перехода под «защиту» сильных и влиятельных людей. В периоды весенних и осенних перегонов скота номады объединялись нередко под властью сильных родо-племенных вождей. Постепенно они попадали в зависимость от этой верхушки, которая относилась к ним как к своим слугам и рабам. В пользу такого мнения говорят приводившиеся выше факты из истории «сельджукского движения» [342].

Исторические сведения, содержащиеся в источниках XI—XII вв., позволяют говорить об усилении власти и росте могущества тюркской аристократии. Высшую ступень в Караханидском государстве занимали каганы, илики (илик-ханы) [343], беки, противостоявшие основной массе простого народа (будун, кара 'амм). Ханы и илики относились к категории «чистых» («белая кость») и считались божественным олицетворением неба и солнца. Они имели большие шелковые и атласные шатры, дворцы (карши), ставки (орду), замки и крепости (тура). Каждый день сюзерен восседал на серебряном троне, держа в правой руке нож, а в левой — чашу с опьяняющим напитком [344].

Главой караханидского государства был каган, но его власть фактически была ограничена удельными правителями (иликами). В свою очередь, илики в своих владениях были верховными сюзеренами, имевшими собственных подчиненных. Ханы и илики были окружены чиновниками и слугами (тапукчи), имели дворцовую стражу (капуг), казначеев (агначи), кравчих (идишчи) и т. д. Одним из самых приближенных к хану людей был везир, который сравнивается с конюхом, а народ — с конем, стоящим наготове у дворцовых ворот [345].

В державе Караханидов и Сельджукидов не было единой системы управления оседлым и кочевым населением. Административная власть над степными племенами в отличие от земледельческих оазисов осуществлялась через родо-племенную верхушку. В государстве Караханидов это были ильчи-баши, в роли которых обычно выступали знатные и влиятельные беки. В Восточно-Сельджукском султанате над племенными вождями назначались, в свою очередь, особые чиновники провинциального или центрального аппарата (вали, наибы, шахна). В державе Караханидов такой промежуточной инстанции не было, что свидетельствует об отличиях в управлении кочевниками в Мавераннахре и Хорасане. Однако в караханидской и огузо-туркменской среде беки были очень влиятельной, могучей силой. Бекство являлось наследственным, и у всякого, носившего этот знатный титул, «предки должны [были] быть [тоже] беками, его сын должен родиться беком, подобно [его] предкам» [346]. Власть беков над простым народом была освящена тёре — неписаными степными правилами и нормами поведения [347]. «Когда они (беки.— *С. А.*),— говорит Юсуф Баласагунский,— нападают, то отрывают головы, высасывают кровь; когда они глядят, то устрашают своим взглядом, а если не

испугаешься, то покорят силой»[348]. Караханидские беки поддерживали общественный порядок, следили за выполнением судебных приговоров, норм обычного права, вели оборону государственных рубежей. Высокое положение среди кочевников занимали беклер беки — «предводители беков» и улуг беки — «великие беки». Они участвовали в ханских советах и нередко командовали большим войском[349].

Беки, как и другие подданные, должны были целовать землю перед каганом и иликом, что символизировало их вассальную зависимость от сюзерена. Однако это нисколько не мешало феодалам, особенно знатным ханам и бекам, оказывать неповиновение верховным правителям[350].

В XI—XII вв. среди кочевников и полукочевников Средней Азии, Западного Ирана, Северного Афганистана происходило дальнейшее развитие своеобразного типа раннефеодальных отношений с сильными пережитками родо-племенного строя. Конечно, приходится сожалеть о том, что мы не имеем достаточных материалов для компаративного исследования этого процесса в Восточно-Сельджукском султанате и Караханидском государстве. Однако не подлежит сомнению, что основная масса как сельджукских, так и караханидских племен находилась в зависимости от собственных вождей, государственного аппарата и непосредственно от самих глав правящих династий. Юсуф Баласагунский отмечает, что рядовые соплеменники — араты служили «крыльями и перьями беков, без них [они], как птица, не могут летать»[351]. Араты не были одинаковы по своему имущественному и социальному положению. Среди них были люди зажиточные (бай), среднего достатка (урта) и бедняки (чигай, йоксул).

Степень зависимости рядовых номадов от кочевой знати была неодинаковой и колебалась в диапазоне от обычного подчинения с уплатой дани до полурабского состояния[352]. В источниках XI—XIII вв. упоминается о находившихся в услужении у ханов и беков клиентах (угуш), дружинниках (йигит), личных подданных (хасс эр). Махмуд Кашгарский и Юсуф Хасс Хаджиб сообщают также о категории «рабоподобных мужей», называвшихся «кулсык эр» и «кулсык киши»[353]. Судя по тексту «Кудатку билик», они отличались по своему положению от других категорий «бекских людей». Очевидно, это были попавшие в кабалу общинники.

В развитии феодальных отношений у кочевников важную роль сыграла и постепенная узурпация степной аристократией права распределения пастбищ и земель. Имеются сведения о том, что сельджукские правители закрепляли территории зимовок и летовок за вождями кайи и других племен[354]. В пользу данного положения говорят и официальные грамоты XII в., согласно которым в распределении пастбищ и водных источников принимали участие предводители туркмен Гургана и Дихистана. Кочевые племена этого субрегиона, в том числе «бед-

ные и слабые» (фукара ва зуафа), уплачивали государству особый налог (мара'и) за пользование земельными угодьями для выпаса скота[355]. Они вносили подати (так называемый закат), осуществляли натуральные поставки (главным образом доставляли скот) для нужд дворца верховного правителя.

Приведенные выше исторические данные свидетельствуют о дальнейшем развитии феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Ирана. Этот процесс был неразрывно связан с изживанием пережитков родо-племенного строя и постепенным закабалением свободных общинников.

Глава IV

ПАДЕНИЕ ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКОГО ГОСУДАРСТВА

После разгрома Махмуда ибн Мухаммада в 1119 г. Санджар установил свой протекторат над Иракским султанатом. Его имя стало упоминаться наряду с именем Махмуда на монетах, чеканившихся в Западно-Сельджукском государстве. Санджар на датированных 511—512 гг. х. (1118—1119 гг.) золотых динарах титулуется как «великий султан, прославляющий мир и религию» (ас-Султан ал-му'аззам Му'изз ад-дунйа ва-д дин). Данный титул, как уже говорилось, был принят им после смерти Гийас ад-Дина Мухаммада Тапара. В правление этого «великого султана» Санджар именовался «Малик алмашрик» («Царь Востока»). Этот титул выбит, например, на динаре, выпущенном в Мерве в 499 г. х. (1105/6 г.); на оборотной стороне монеты значится имя Мухаммада Тапара с титулом «ас-Султан ал-му'аззам» [1].

В 1120 г. по повелению халифа ал-Мустаршида (1118—1135) на имя Санджара была прочитана хутба в Багдаде. Он был титулован «величайшим султаном, султаном над султанами, величайшим шаханшахом». В собственных указах Санджар именовал себя «повелителем мира», «величайшим султаном», «великим шаханшахом», «государем арабов и неарабов», «падишахом адамовых сынов» [2].

В условиях единой Сельджукской империи не было необходимости в детерминации верховной султанской власти. Однако в конце XI — начале XII в. в ходе ее распада появляется новый титул: «величайший султан» (ас-Султан ал-а'зам). После воцарения Санджара этот высокий титул переходит к нему как верховному султану, главе династии Сельджукидов [3].

Правитель Восточно-Сельджукского государства кроме официальных титулов носил почетные лакабы (прозвища), в том числе такие, как «Искандар ас-сани», т. е. «Второй Александр Македонский» [4]. Санджар именовался также «падишахом Востока и Запада», власть которого распространялась «от пределов Туркестана и рубежей Индии (Хинд) до границ Малой Азии (Рум) и стран Запада (Магриб)» [5]. В одном из стихотворений сельджукского «царя поэтов» XII в., Му'иззи Нишапури, говорится: «Начиная от Аллеппо и [кончая] Кашгаром — все это [пространство] арена султана Санджара: Хинд,

Туркестан, Хорезм, Ирак, Рум, Шам (Сирия),— всякий, кто [ими] владеет, является рабом указов Санджара. От берегов Западного моря до берегов Китайского моря никто не отважится поднять мятеж против султана Санджара» [6].

Другие средневековые авторы утверждают, что рубежи владений Санджара тянулись от Китая (Хитай) и Восточного Туркестана (Кашгар, Хотан) до Рума, Шама, Мисра (Египта) и от Хазарского (Каспийского) моря до Йемена [7].

Источники освещаемого периода (не считая произведений художественной литературы) были единодушны в определении почти глобального масштаба власти султана Санджара в Центральной и Западной Азии. Однако в эпистолярных памятниках той эпохи все же делается различие между сферой реального и номинального господства повелителя Восточно-Сельджукского государства. В письме Санджара на имя «кайсара» — императора Византии — отмечается, что сыновьями (вассалами) султана являются правители Йасриба, Хиджаза, Арабского Ирака, некоторых областей «Шама, Мисра и вилайатов Запада». Вместе с тем султан невольно оговаривается, что его сила и мощь, которые «внушают ужас и вызывают уважение [неотвратимостью] кары», лишь «в малой [степени] достигают этих иклимов (областей)». В послании указывается также, что он, Му'изз ад-Дунйа ва-д-Дин Санджар ибн Маликшах, восседает «на троне падишахства Хорасана, являющегося центром (дар ал-мульк) его владений» [8]. Следует отметить, что Хорасан называется политическим ядром Восточно-Сельджукского государства и в других официальных документах XII в. В них Санджар подчеркивает, что г. Мерв является «стольным градом, [основным] домом государства и центром знамен правителей — наших предков, царей и султанов вселенной» [9].

Сопоставляя данные средневековых источников, нетрудно заметить явное преувеличение в определении реальных границ владений султана Санджара. Однако при этом необходимо учесть, что такой гиперболизм все же имеет некоторые, правда формальные, основания. Как отмечалось выше, халиф провозгласил Санджара главой правящей династии и сюзереном всех сельджукских владений [10]. Однако, поскольку единая империя представляла уже собой простую фикцию, его политическая власть носила более ограниченный характер. В Сирии, Арабском Ираке, Закавказье и Малой Азии лишь номинально (и то далеко не повсеместно) признавалось верховенство Хорасанского государства. Главным образом это выражалось в упоминании имени «величайшего султана» Санджара на монетах и в пятничной молитве. Реальное же господство Санджар осуществлял над Хорасаном, в вассальной зависимости от которого находились Хорезм, Мавераннахр, Гур, Систан и Газна [11]. Оказавшись под сюзеренитетом Восточно-Сельджукского государства, правители этих стран уплачивали ежегодную дань и участвовали в военных походах Санджара [12].

Поражение армии Мугис ад-Дина Махмуда (1118—1131) в битве при Саве в августе 1119 г. привело к установлению политической зависимости Иракского султаната от Хорасанского государства [13]. Санджар продолжал традиционный курс по отношению к вассальным правителям, а также к багдадским халифам. Главной политической линией в его взаимоотношениях с иракскими султанами и аббасидскими халифами была нейтрализация и пресечение их сепаратистских намерений. В этих целях Санджар добивался назначения своих приверженцев и ставленников на должности их атабеков, везиров и на другие государственные посты. Сохранилась копия его грамоты (мисал) о назначении 'Имад ад-Дина Абу-л-Бараката везиром султана Мас'уда ибн Мухаммада (1134—1152). В соответствии с указом «величайшего султана» Абу-л-Баракат отправился из Хорасана в Ирак и занял эту высокую должность в Западно-Сельджукском государстве [14].

Подобно своим предшественникам, Санджар был заинтересован в том, чтобы иметь преданных и верных людей на политически важном посту шахны Багдада. Желая ослабить противников и обрести союзников, он нередко прибегал к обещаниям «добавить» или предоставить новые икта' местным феодалам, огузским и туркменским предводителям. Санджар воспользовался удобным случаем для передачи в собственность личного дивана (диван-и хасс) земельных владений в некоторых областях Иракского султаната. Хорасанский властитель всячески поддерживал противников иракских правителей, не упускал случая для вмешательства в междоусобную борьбу в Западно-Сельджукском государстве [15]. Такую же политическую линию Санджар проводил и в отношении Аббасидов. Однако наряду с этим он всячески стремился укрепить династические узы с султанами Ирака и багдадскими халифами [16].

Санджар пристально следил за политической ситуацией в Западно-Сельджукском султанате, переживавшем тяжелую пору своей истории. Ал-Бундари отмечает, что в правление Мугис ад-Дина Махмуда начался распад Западно-Сельджукского государства. В стране царила экономическая разруха, происходили кровавые усобицы и раздоры [17].

В 1125 г. поднял восстание арабский эмир Дубайс ибн Садака из династии Мазйадидов, который объединился с сельджукским принцем Тогрулом ибн Мухаммадом, владевшим в качестве икта' Саве, Аве и Зенджаном. Мугис ад-Дин Махмуд выступил против мятежников; потерпев поражение, они бежали в пределы Хорасана. В 1128 г. Санджар, подстрекаемый инсургентами, направился к Рею, использовав в качестве предлога непокорность Ширгира — бывшего атабека Тогрула ибн Мухаммада. Однако сражения между хорасанской и иракской

ратями не произошло, дело уладилось мирным путем, и «величайший султан» возвратился обратно [18].

В 1131 г. умер султан Мугис ад-Дин Махмуд — правитель Западно-Сельджукского государства. Санджар направился в Рей, где начались переговоры о кандидатуре на трон Иракского султаната. Претендентов на власть было несколько, но главными из них были сын покойного султана Дауд и его дядя Мас'уд ибн Сельджук-шах. Санджар вынес решение о возведении на трон Ирака царевича (малика) Тогрула ибн Мухаммада, который был объявлен также наследником «величайшего султана». Однако этот вердикт не удовлетворил соперничавших из-за престола сельджукских принцев, опиравшихся на различные группы местных феодалов. Намереваясь подавить их мятеж, Санджар направился с огромным войском в Хамадан — столицу Западно-Сельджукского государства. Отсюда он двинулся против собравших значительные военные силы Мас'уда и его брата Султаншаха. Решительное сражение произошло в мае 1132 г. близ Динавара и закончилось победой хорасанской рати. В этом бою правым флангом армии Санджара командовал выходец из мамлюков, военачальник Кумач, а левым — хорезмшах Атсыз [19].

После сражения при Динаваре Санджар сразу же оставил пределы Ирака и ушел в Хорасан. Очевидно, поспешность султана была вызвана угрозой караханидского вторжения из Мавераннахра. Положение нового правителя Ирака после ухода хорасанской армии стало весьма шатким. Тогрул вскоре потерпел сокрушительное поражение от Мас'уда, бежал в Рей, а оттуда — в Табаристан. Испытав затем превратности судьбы, он одолел соперников и вернул себе трон, но на очень короткое время. В 1134 г. Тогрул умер, и на престол Иракского государства взошел Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин Ма'суд [20].

Правление султана Мас'уда (1134—1152) ознаменовалось новой полосой феодальных раздоров и ожесточенной борьбой с аббасидским халифом ал-Мустаршидом, который, как и его предшественники, хотел сбросить сельджукское ярмо. Халиф использовал династические распри Сельджукидов, надеясь стравить правителей Восточного и Западного султаната. Санджар и Мас'уд не оставались в долгу и, в свою очередь, интриговали против ал-Мустаршида.

В 1132 г., в период ожесточенной междоусобицы в Персидском Ираке, халиф выступил из Багдада с большой армией и двинулся к Хулванскому проходу. Он дал указание прекратить упоминание в хутбе имени «величайшего султана» Санджара. Очевидно, в это же время [21] им была прочитана знаменитая антисельджукская проповедь в Керманшахе. Низами Арузи Самарканди утверждает, что халиф в своей хутбе «вознес хулу на род Сельджуков», обвинив их в распутстве, нарушении законов и норм ислама [22]. Однако стремление ал-Мустаршида к независимости и восстановлению светской власти Аббасидов

окончилось неудачей. В 1135 г. он был разгромлен султаном Мас'удом и захвачен в плен. Находясь в Мараге, халиф был убит исмаилитскими фанатиками, но виновником его гибели антисельджукски настроенные круги объявили султана Санджара [23].

Политическая зависимость Иракского султаната от Восточно-Сельджукского государства носила в целом неустойчивый характер. Несмотря на жесткий политический курс, Санджар постепенно утрачивал свой авторитет на западе, хотя и вмешивался в дела Персидского Ирака. В конце 30-х годов XII в. наметилось ослабление влияния хорасанского властителя, но на рубеже 40—50-х годов Восточно-Сельджукское государство снова попыталось установить строгий контроль над Иракским султанатом.

В правление султана Мас'уда усиливается произвол военного сословия в Западно-Сельджукском государстве. Пользуясь ослаблением центральной власти, крупные военачальники, по словам Ибн ал-Асира, «раздавали друг другу земли [в качестве] икта'». Мас'уд фактически ничего не имел, кроме громкого титула «великого султана». Санджар пытался через свою креатуру управлять Иракским султанатом, но встречал сопротивление местных феодальных кругов и халифов Багдада [24].

В середине 30-х годов обостряется политическая обстановка в Афганистане и в Северной Индии, входивших в состав державы последних Газневидов. В рассматриваемый период власть этой династии простиралась от Газны и Кабула до Мекрана и Лахора. Газневиды в царствование султана Ибрахима (1059—1099) поддерживали мирные отношения с Алп Арсланом и Маликшахом. Оказавшись в зависимости от империи, Газневиды стали заключать династические брачные союзы с Сельджукидами. Так, султан Масуд III (1099—1115) был женат на Махд ал-Ирак, дочери Алп Арслана и сестре Санджара. Подобно другим вассальным правителям, Газневиды чеканили монету (сикка) и провозглашали хутбу с именами сельджукских властителей. Газна платила им ежегодную дань в 250 тыс. динаров [25].

В правление султана Бахрамшаха (1118—1152) происходит ослабление державы Газневидов, вызванное феодальными смутами и восстаниями покоренного индусского населения. Наряду с этим проявляется тенденция к освобождению от власти Восточно-Сельджукского султаната. Вследствие этого ухудшаются отношения между Бахрамшахом и Санджаром. Газневидский султан хотел освободиться от тяжелой дани, уплачивавшейся Хорасанскому государству. В 1135 г. Санджар выступил в поход на Газну, а Бахрамшах ушел в Северную Индию. Сельджукское войско осадило и взяло приступом столицу Газневидов, а затем разграбило и опустошило ее. В руки хорасанских эмиров и солдат попала огромная добыча и множество пленных, была захвачена казна, где были драгоценно-

сти, в том числе дорогие рубиновые ожерелья. Санджар, по некоторым данным, наладил затем переписку с Бахрамшахом. Газневидский султан согласился вернуться и снова занять газнийский престол. В июле 1136 г. Санджар ушел в Балх, а оттуда — в Северный Хорасан [26].

Санджару пришлось силой оружия усмирять и другие окраинные владения Хорасанского султаната. В 1129 г. он двинулся на Самарканд, где правил отец его жены Теркан-хатун, Караханид Мухаммад Арслан-хан ибн Сулайман ибн Дауд [27].

Этим событиям предшествовало завоевание Мавераннахра в 1102 г. Кадыр-ханом Джабра'илом ибн 'Умаром — караханидским правителем Таласа и Баласагуна. Самаркандский илек-хан Мухаммад ибн Дауд бежал в Мерв под покровительство Санджара. Кадыр-хан двинулся затем на Хорасан, но был разбит в сражении у Термеза. В 1103 и 1109 гг. Санджар оказал помощь илек-ханам Мавераннахра в борьбе с восточнокараханидским правителем Кёк Сагун-беком. Очевидно, эти события нашли отражение в стихах поэта Му'иззи Нишапури, который сообщил о победе сельджукского войска над чигилями. В них говорилось также о подчинении Санджаром всего Туркестана [28].

В конце 20-х годов в Мавераннахре сложилась непростая ситуация, характеризовавшаяся противоборством местной знати и духовенства с ханской властью. Большое недовольство вызывала у населения Самарканда грабительская политика сельджукских военачальников в Мавераннахре.

Мухаммад Арслан-хан, отличавшийся крайней болезненностью, правил в Самарканде вместе с сыном Насром. Противниками ханской власти была враждебно настроенная религиозная партия во главе с алидским факихом и ра'исом города. Наср ибн Мухаммад подвергся нападению и был убит, после чего Арслан-хан обратился за помощью к Санджару. Однако он быстро раскаялся в своем поступке и стал уговаривать султана не вступать в пределы Мавераннахра. Несмотря на это, сельджукская армия перешла Амударью, а затем осадила Самарканд. Весной 1130 г. город был взят штурмом и частично разграблен. Мухаммад Арслан-хан, разбитый параличом, попал в руки своего тестя Санджара. Арслан-хан был отправлен в Балх, где и умер в 1130 или 1131 г. Спустя некоторое время султан возвел на самаркандский трон Караханида Хасана ибн 'Али. После его смерти в 1132 г. правителем был объявлен Ибрахим ибн Сулайман, брат Мухаммада Арслан-хана, а затем Махмуд ибн Мухаммад — третий сын Арслан-хана, племянник Санджара [29].

Санджар проводил в Мавераннахре в сущности ту же политическую линию, что и в Иракском султанате. Главной его целью было удержание в повиновении своих ненадежных вассалов и обеспечение безопасности восточных границ Хорасанского государства. Он подавлял сепаратистские выступления

тюркских преторианцев, местной знати и духовенства против его ставленников, казнил и переселял мятежные элементы из Мавераннахра в Хорасан. В то же время Санджар укреплял династические узы с самаркандскими илеками и бухарскими садрами из рода Бурханидов. Хотя караханидские ханы рассматривали садров как своих подданных, на деле они признавали власть Санджара. Бурханиды, получившие должность ра'иса с титулом «садр-и джахан», являлись наследственными правителями Бухары. Фактическим основателем этой феодальной династии был назначенный в 1102 г. в качестве садра 'Абд ал-'Азиз ибн 'Умар. Санджар выдал за него свою сестру, что укрепило политические связи Бухары с Восточно-Сельджукским султанатом [30].

В конце 30-х годов XII в. в Казахстан и Среднюю Азию хлынула волна карахитаев — выходцев из Центральной Азии. Карахитаи были ветвью киданей, создавших в X в. в Южной Монголии и Северной Маньчжурии кочевое государство Ляо. В 1125 г. империя киданей пала под ударами чжурчженьской державы Цзинь [31].

Происхождение киданей и их языка составляет предмет оживленных споров в современной науке. Некоторые исследователи склоняются к мысли о том, что основная масса киданей была этнически близка к современным монголам. Другие считают, что они были родственны чжурчженям либо имели смешанное тунгусо-маньчжурское происхождение [32].

Столь же дискуссионной является проблема этнической атрибуции карахитаев, исторически связанных с киданями. Однако не подлежит сомнению, что основную роль в создании этой конфедерации сыграли кидани, в состав которых влились компактные группы западно-тюркских племен. Передвижение киданий с востока на запад было одним из звеньев в цепи миграций кочевников Центральной Азии в X—XII вв. Данный процесс сопровождался вытеснением ряда тюркоязычных и других народов с территории нынешней Монголии.

В своей основной массе кидани были скотоводами и охотниками, но среди них имелись также оседлые и городские жители. Киданям не было чуждо занятие земледелием, огородничеством, ремеслом и торговлей. Центрами их оседлости были города, руины которых сохранились в Южной Монголии. В них раскопаны остатки крупных дворцов, конфуцианских храмов, буддийских монастырей [33].

В 1125 г., после чжурчженьского разгрома, часть киданей двинулась на запад под руководством представителя императорской фамилии — Елюя Даши. Он собрал большое войско из киданей, уйгуров, киреитов, меркитов и других племен, находившихся в вассальной зависимости от государства Ляо. Елюй Даши прошел со своей ордой через земли хырхызов Енисея на Южный Алтай. Отсюда карахитаи продвинулись до пределов Восточного Туркестана и Семиречья. Попытка части киданей.

захватить в 1125 г. западные области нынешнего Синьцзяна была решительно пресечена Ахмадом Арслан-ханом, караханидским правителем Кашгара. Более удачным оказалось продвижение орды под водительством Елюя Даши в долину Чу и Таласа. Политическим центром этого региона являлся Баласагун, где находилась резиденция Караханида Арслан-хана, враждовавшего с местными кочевыми племенами канглы и кипчаками [34]. Елюй Даши воспользовался тем, что хан обратился к нему за помощью, и овладел значительной частью Семиречья. Прежде всего им был захвачен Баласагун (в 1125 или 1130 г.). Очевидно, после этого Елюй Даши был провозглашен верховным правителем (гур-ханом). В состав киданьской орды влились новые группы номадов, которые находились на службе у Караханидов Туркестана. В дальнейшем эта орда известна по мусульманским источникам под названием карахитаев или просто хитаев [35].

В 1137 г. Елюй Даши, захватив Кашгар и Хотан, выступил в поход на Мавераннахр. Недалеко от Ходженда (недавнего Ленинабада) произошло решающее столкновение с войсками Махмуда ибн Мухаммада Арслан-хана. Караханидская армия потерпела сокрушительное поражение, а ее остатки бежали в Самарканд [36].

Победе карахитаев в сражении при Ходженде предшествовали важные события, развернувшиеся в Мавераннахре. Ситуация характеризовалась напряженностью отношений между Караханидами и карлукскими вождями, находившимися в подчинении правителей Самарканда. Карлуки, пришедшие некогда с другими караханидскими племенами в Мавераннахр, были военной опорой илек-ханов. В рассматриваемое время их ополчения служили в войске Караханида Мухаммада ибн Сулаймана. Однако в конце 20-х годов XII в. предводители карлуков оказались втянутыми в борьбу аристократической оппозиции против ханской власти в Самарканде. Ибн ал-Асир сообщает, что между Арслан-ханом Мухаммадом и карлукским войском произошел разрыв, побудивший кочевников «к неповиновению и захвату его царства» [37]. Восстание карлуков явилось основанием для выступления Санджара в поход на Мавераннахр. Султан при этом использовал просьбу Караханидов оказать помощь в борьбе с нашествием карахитаев. В 1130 г. сельджукское войско перешло Амударью, что послужило сигналом для бегства карлуков из пределов Самарканда [38].

Средневековые мусульманские источники содержат весьма фрагментарные и противоречивые сведения о ходе дальнейших событий в Мавераннахре. Однако их сопоставление с известиями китайских летописей позволяет в определенной мере воссоздать картину событий. Судя по мусульманским источникам XII—XIII вв., пастбища значительной части карлукских племен [39] располагались в нынешней Самаркандской области, в долине Заравшана [40]. Именно отсюда они ушли затем к ка-

рахитайскому гур-хану [41], обосновавшемуся в междуречье Чу и Таласа. В то же время, по-видимому, имели место и другие миграционные процессы, вызванные карахитайским нашествием на Казахстан и Среднюю Азию. «Конница карлуков,— пишет историк Садр ад-Дин ал-Хусайни,— достигла пределов Самарканда, их число и количество их скота увеличилось, и стали опасаться их зла и мятежей» [42]. Очевидно, здесь имеются в виду реальные события, связанные с передвижениями кочевников из-за нехватки пастбищ. Имеются также сведения о том, что на сторону «хитайского языческого ильхана» перешло 34 тыс. карлукских всадников [43]. Однако вопрос о точной дате этих событий остается для нас неясным. Сравнивая описание Ибн ал-Асира с рассказами других историков, можно предположить, что карлуки дважды бежали из пределов Самарканда. В первый раз это произошло в 1130 г., во время похода Санджара на Мавераннахр, а во второй — в 1141 г., когда султан выступил против Елюя Даши [44].

Махмуд-хан, после разгрома при Ходженде в 1137 г., обратился за помощью к султану Санджару. В июле 1141 г. хорасанская армия переправилась через Амударью и двинулась к Самарканду. Санджар выступил в поход с огромным войском, в составе которого были отряды вассальных правителей Систана, Газны, Мазендерана. Левым крылом сельджукской рати командовал воинственный систанский эмир Тадж ад-Дин Абу-л-Фазл, а правым — 'Имад ад-Дин Кумач, наместник Балха [45].

В средневековых источниках приводятся противоречивые и подчас недостоверные сведения о численности сельджукских и карахитайских войск. Санджар, по одним данным, имел 100-тысячную, а по другим — 70-тысячную рать. Гур-хан же, согласно мусульманским и китайским источникам, собрал 100 тыс. (по некоторым сведениям, даже 700 тыс.) всадников из киданей, тюрок и ханьцев [46].

Карахитайское нашествие, сопровождавшееся захватом обширных пастбищных земель, создало хозяйственные проблемы для степных племен Казахстана и Средней Азии. В сложном положении оказались номады Зеравшанской долины, куда устремилась часть кочевников из междуречья Чу и Таласа. Карлуки, обитавшие в Самаркандской области, испытывали острую нужду в пастбищах из-за увеличившегося поголовья их скота. Кроме того, выросла численность самих карлуков, что вызвало беспокойство караханидских властей. Санджар подверг карлуков притеснениям, вынуждая их покинуть Мавераннахр. Карлуки предложили султану служить в его войске и обязались вносить ежегодную подать. Они согласились отдавать Санджару и его наместникам (наввабам) ежегодно по 5 тыс. голов лошадей, верблюдов и 70 тыс. овец. Султан под давлением близкого окружения категорически отверг предложения карлуков. Начавшиеся между тем притеснения мирных

кочевников — ограбление становищ, увод в плен жен и детей — переполнили чашу их терпения. Карлуки бежали к киданьскому гур-хану, резиденцией которого служил Гуз Орду, в долине р. Чу[47].

Елюй Даши не мог упустить столь удачный повод для вмешательства в дела Мавераннахра. Гур-хан написал письмо Санджару, ходатайствовал за карлуков, «требовал простить» их за неповиновение, оказанное Махмуд-хану. Однако султан отклонил его предложения в оскорбительной форме, что явилось формальным поводом для вторжения карахитаев в Мавераннахр[48].

Генеральное сражение между армиями Санджара и Елюя Даши произошло в Катаванской степи, к северо-востоку от Самарканда. Очевидно, главные боевые действия развернулись близ селения Даргом, в районе бывшего Каменного моста и Янги-Кургана. Ход битвы недостаточно четко освещен в источниках и отличается некоторой противоречивостью. Однако не вызывает сомнения, что гур-хан применил в сражении излюбленный киданями обходной маневр и тактику внезапного нападения.

Киданьские воины (как и их боевые кони) были облачены в железные и кожаные доспехи. Они были вооружены луками, мечами, топорами, секирами, длинными и короткими копьями. Помимо конницы у них были отряды пехотинцев, фуражиров и другие рода войск. Каждый всадник имел при себе чепрак, узду, шило, огниво, нож, запас сухой пищи, войлочный зонт, корыто и веревки для лошадей[49].

Ядро армии Елюя Даши составляли «тюркские, синские, хитайские и другие войска»[50]. В нее входили также перешедшие к гур-хану отряды карлуков, насчитывавшие около 50 тыс. человек. Карлуки отличались большой храбростью и меткостью стрельбы из лука. Сельджукская рать состояла из хорасанских, систанских, мазендеранских солдат и караханидских воинских контингентов. Возможно, к ней примкнули и отряды бухарских садров, поскольку в ставке Санджара находился их глава Хусам ад-Дин ʻУмар[51].

Катаванская битва произошла 9 сентября 1141 г. и завершилась страшным разгромом огромной рати Восточно-Сельджукского султаната. Гур-хан разделил свое войско на три корпуса, имевших главной задачей окружение вражеской армии. Санджар выстроил свою рать в боевом порядке, выставив два фланга и центр, которым командовал сам. Предводителем правого крыла был назначен эмир Кумач, а левого — Тадж ад-Дин Абу-л-Фазл Наср, правитель Систана[52]. Судя по всему, фланговые корпуса карахитайской армии прорвались в тыл противника и начали его окружение. Войско сельджуков было смято и обращено в бегство. Отступившая в беспорядке рать Санджара оказалась прижатой к ущелью где-то в районе Даргома. Сотни султанских солдат утонули в водах реки или

большого канала. В сражении с карахитаями боевую стойкость проявило только левое крыло. Санджар, имевший при себе 300 всадников и личную охрану, фактически был окружен. Боясь попасть в руки карахитаев, он бежал с поля боя. Ему удалось с небольшим отрядом прорваться сквозь ряды неприятеля и уйти в Термез. Военачальники и солдаты Елюя Даши захватили огромные трофеи и множество пленных. В бою пали видные полководцы армии Санджара — эмиры Курайш ибн Занги, 'Умар ибн Онар, Юурункуш, Махмуд ал-Кашани. Горечь неволи познали исфахсалары Кумач и Тадж ад-Дин Абу-л-Фазл Систани, жена султана Таркан-хатун [53]. Санджару в дальнейшем удалось выкупить супругу за 500 тыс. динаров, а 'Имад ад-Дина Кумача — за 100 тыс. динаров. Тадж ад-Дин Абу-л-Фазл Систани был отпущен гур-ханом за проявленную храбрость.

Число убитых в Катаванской степи мусульманских воинов в источниках определяется в 30 тыс. и даже в 70 тыс. и 100 тыс. Хотя это явное преувеличение, потери были огромные. Согласно китайским источникам, тела убитых лежали на пространстве в 10 ли (около 4 миль). Погибшие были объявлены мучениками за веру (шахид) и похоронены в степи к востоку от Самарканда, у источника Машхад [54].

Гур-хан оставался на месте битвы около трех месяцев, а затем войско карахитаев направилось в город Кермине, расположенный между Бухарой и Самаркандом. Здесь он провозгласил создание нового государства — Си Ляо (Западное Ляо) [55].

Ряд средневековых авторов трактовали поражение сельджукской армии от «неверных» карахитаев как проявление гнева Аллаха. Ибн ал-Асир и Джувайни усматривали в этом божью кару за казнь Санджаром в 1137 г. Атлыка, сына хорезмшаха Атсыза. Они утверждали также, что гур-хан пошел в Мавераннахр по зову Атсыза. Сибт ибн ал-Джаузи считал поражение в битве при Катаване наказанием за гибель плененного сельджуками халифа ал-Мустаршида. Вместе с тем он изображал поражение Санджара как следствие военного союза «хакана языческих тюрок» с правителем Хорезма и огузами, которые обитали между Самаркандом и р. Джейхун. Историк соединяет здесь совершенно разные, хронологически отдаленные друг от друга события. Поэтому его интерпретация, как показал М. А. Кёймен, не соответствует исторической истине. Сибт ибн ал-Джаузи перепутал, видимо, огузов с карлуками, которые действительно вступили в союз с Елюем Даши и отчаянно сражались против Санджара под Самаркандом. Весьма сомнительно и утверждение о сговоре Атсыза с гур-ханом, поскольку сам Хорезм, как заметил В. В. Бартольд, пострадал от нашествия карахитаев [56].

Катаванская битва получила неоднозначную оценку и в современной историографии. Некоторые исследователи склонны рассматривать события 1141 г. как проявление конфессиональ-

ного противоборства. В частности, Р. Груссэ отмечает, что образование империи Си Ляо было ответной реакцией на насильственное распространение ислама Караханидским государством в Центральной Азии [57]. Однако такое объяснение спорно, поскольку не учитывает реальные социально-экономические факторы. Қарахитайско-сельджукские, а также сельджуко-караханидские отношения рассматриваемого периода подтверждают справедливость положения о войне как продолжении внутренней политики насильственным путем. Жажда обогащения, стремление захватить и эксплуатировать население соседних стран были главными причинами военного столкновения Восточно-Сельджукского султаната с карахитаями.

Разгром «султана вселенной» под Самаркандом получил широкий резонанс в христианском мире. Слухи о поражении Санджара дошли до крестоносцев, а затем проникли в Европу через католического епископа Оттона Фрейзингенского. Епископ сообщил, что в Восточной Азии «братья Самиарды» понесли жестокое поражение от несторианского пресвитера Иоанна. Подложное обращение от имени этого пресвитера в 1165 г. дошло до римского папы, а в 1177 г. тот отправил лейб-медика Филиппа с письмом к «царю трех Индий» [58].

После сражения при Қатаване гур-хан захватил Бухару, убив садра Хусам ад-Дина ʻУмара. Затем он послал полководца Эрбуза для завоевания Хорезма. Атсыз выразил покорность, обязавшись уплачивать ежегодную дань в 300 тыс. динаров [59].

Поражение сельджукской армии под Самаркандом имело важные последствия для исторических судеб обширного региона Востока. Қатаванская битва освободила путь для передвижения массы номадов из Центральной Азии в Қазахстан и Среднюю Азию. Нашествие сопровождалось отчасти распространением манихейства и буддизма. Ибн ал-Асир утверждает, что первый гур-хан карахитаев придерживался манихейской веры. Некоторые исследователи связывают с этим распространение на Западе легенды о святом пресвитере Иоанне. Принятие манихейства при этом рассматривается как следствие уйгурского влияния на карахитайскую знать. Однако кидани в своей основной массе были шаманистами, исповедовавшими культ предков, священного неба и земли. Среди правящей аристократии государства Ляо имелось и немало приверженцев буддизма [60].

Включение в состав Западного Ляо земель от Енисея и Тянь-Шаня до Приаралья сопровождалось процессами этнической ассимиляции, интеграции и консолидации. Однако, несмотря на свою оригинальную культуру, завоеватели в конечном счете оказались растворены среди местного населения. В китайских источниках первой четверти XIII в. отмечается, что из киданей осталось «мало народа и они переняли обычаи и одежду мусульман [хойхе]» [61].

Карахитаи не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории Джетысу, Хорезма, Мавераннахра, Хорасана и Ирана.

Зато определенное влияние Си Ляо оказало на традиции монголов, которые заимствовали у киданей некоторые формы государственного и административного управления [62].

ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКИЙ СУЛТАНАТ И ХОРЕЗМ

После утверждения власти Санджара над Хорасаном управление Хорезмом, как отмечалось выше, было поручено Мухаммаду Кутб ад-Дину (1097—1128). В течение всего своего правления, вплоть до смерти, Мухаммад — сын основателя хорезмшахской династии Ануштегина — был преданным вассалом Восточно-Сельджукского султаната. Каждый год он отправлялся сам либо посылал сына Атсыза для службы при дворе Санджара [63]. Фактически это была система заложничества, которая использовалась «величайшим султаном» для удержания в повиновении Ануштегинидов. Хорезм, находясь по соседству с воинственными кочевниками Дешти-Кипчака, играл важную роль в обороне западных рубежей Восточно-Сельджукского государства. Спокойствие и безопасность степных границ давали возможность Санджару вести энергичную внешнюю политику в Западной Азии.

Покорение степного тюркоязычного населения Приаралья и бассейна нижней Сырдарьи имело важное значение в истории Хорезма. Вожди кипчако-огузских племен начинают играть все большую роль в политической жизни страны. Наряду с этим происходит смешение тюркоязычных номадов и ираноязычных жителей оазисов нижней Амударьи. В Хорезме постепенно возрастает удельный вес кипчако-огузской группы тюркского языка [64].

В 1128 г., после кончины Кутб ад-Дина Мухаммада, в качестве хорезмшаха был назначен его сын Абу-л-Музаффар Атсыз (1128—1156). Новый правитель Хорезма принял активное участие в военных кампаниях Санджара в Мавераннахре и Ираке. В 1135 г. он оказал немалые услуги своему сюзерену во время его похода на Газну, против мятежного Бахрамшаха. Атсыз отличался решительным, волевым характером и был искусным дипломатом. В его правление Хорезм возвысился и в середине XII в. обрел фактически независимость от Сельджукидов [65].

В конце 30-х годов XII в. Атсыз начинает борьбу за полную независимость Хорезма. Некоторые исследователи увязывали такой политический курс на самостоятельность с бурным ростом экономики и развитием торговли [66]. Хотя географическое положение Хорезма, находившегося на важной международной трассе, которая соединяла Европу с Азией, оказывало влияние на хозяйственную жизнь страны, значение этого фактора нельзя абсолютизировать. Следует учитывать также трудности, связанные с функционированием этой торговой артерии, пролегавшей через степи беспокойных кочевых племен. Ануштегиниды прилагали немалые усилия, чтобы обеспечить условия для ре-

гулярного движения караванов по столь важной магистрали. Хорезмшахам приходилось, и нередко, сдерживать натиск кочевников, теснимых с востока степными племенами Центральной Азии и Сибири после распада империи Ляо.

В правление Кутб ад-Дина Мухаммада, как сообщает Джузджани, происходит массовое передвижение кипчаков к Дженду из Сахари — пустынь и степей Туркестана [67]. Ануштегиниды в этих условиях предпринимают ряд военных походов на номадов Приаралья и бассейна Сырдарьи. Кутб ад-Дин, как можно заключить из данных Ибн ал-Асира, направил сына Атсыза с большим войском против степняков, обитавших на границе Хорезма. Дальнейшая борьба с кочевыми соседями происходит уже в правление самого Абу-л-Музаффара Атсыза. Новому хорезмшаху удалось захватить Дженд в низовьях Сырдарьи, а также крепость Мангышлак на северном побережье Каспийского моря. В 1132 или в 1133 г. он совершил рейд в глубь Туркестана и нанес поражение одному из влиятельных правителей (маликов), стоявших во главе языческих степняков — «кафиров» [68].

Рост военной мощи Ануштегинидов, очевидно, встревожил правителя Восточно-Сельджукского государства. В 1138 г. Санджар выступил в поход на Хорезм, использовав в качестве предлога истребление Атсызом мусульманских борцов за веру (мурабитин) в Дженде и Мангышлаке. Хорезмшах был разбит в битве при Хазараспе и бежал в Гурган. В сражении погибло несколько тысяч воинов хорезмшаха, в составе которых были отряды тюрок-язычников. Султан приказал убить попавшего в его руки Атлыка, сына Атсыза. Затем он отправил в Дженд в качестве наместника Наср ад-Дина Маликшаха, а правителем Хорезма назначил своего племянника Гийас ад-Дина Сулаймана. Однако после ухода сельджукской армии в Хорасан население подняло восстание и призвало в страну Атсыза [69].

В 1141 г. Атсыз стал искать примирения с Восточно-Сельджукским государством и присягнул на верность Санджару. Хорезмшах обещал беспрекословно подчиняться «властителю мира» (худаванд-и'алам), выступать против его недругов и подстрекателей к мятежу. Атсыз клялся в верности Кораном, а в случае нарушения присяги обязывался развестись с женами, раздать бедным все свое имущество, поститься в течение 10 лет и совершить хаджж в Мекку. Однако после Катаванского сражения и бегства султана в Термез хорезмшах нарушил обещание, перешел Амударью, овладел Серахсом и разграбил Мерв. Простонародье города (ал-'амма) при участии видных представителей исламского духовенства подняло восстание против хорезмийцев. Они убили часть солдат и командиров Атсыза, остальные бежали из Мерва. Атсыз приказал своим воинам атаковать повстанцев и снова овладеть сельджукской столицей. Хорезмийская армия ворвалась в город, учинила резню и грабеж. Вскоре после этого Атсыз ушел из Мерва.

В 1143 г. Санджар, восстановив свою власть в Мерве, вторгся в пределы Хорезма и блокировал его столицу — Гургандж. Осада вынудила Атсыза пойти на мирные переговоры с Санджаром. Хорезмшах подчинился султану и вернул ему сокровища казны, захваченные в Мерве [70].

В 1147 г. состоялся третий поход сельджукской армии на Хорезм. После двухмесячной осады был взят Хазарасп. Захвату крепости предшествовала казнь султанского посланника, поэта Адиба Сабира, который известил мервский двор о готовящемся покушении на Санджара. Атсыз послал двух исмаилитов убить Санджара, но этот замысел был раскрыт благодаря Сабиру. Хорезмшах в гневе приказал связать руки Сабиру и бросить его в воды Амударьи [71].

Военная кампания 1147 г. закончилась поражением Атсыза, изъявившего снова покорность сельджукскому султану. Санджар после взятия Хазараспа двинулся к Гургандж у. Атсыз не смог оказать сопротивления, начал просить о пощаде и заключении мира. Он снова изъявил покорность, но не стал, как положено вассалу, целовать землю перед султаном. Санджар, хотя и был разгневан поведением Атсыза, простил его и возвратился в Мерв [72].

Атсыз не желал примириться с зависимым положением и фактически вел себя как суверенный правитель. Самостоятельную линию он начал проводить, как мы видели, раньше, но более решительные действия стал предпринимать после битвы при Катаване. Хорезмшах провозгласил себя «победоносным государем», независимым от Восточно-Сельджукского государства. В пользу этого говорит золотой динар, чеканенный Атсызом в 1143 г. (536 г. х.) в Хорезме. Вместо его сюзерена Санджара на монете значится имя иракского Сельджукида Мас'уда ибн Махмуда (1134—1152). В этом отношении весьма примечателен и выпущенный Атсызом в 1147 г. (541 г. х.) золотой динар с упоминанием имени халифа ал-Муктафи (1136—1160) [73].

Во второй половине 40-х — начале 50-х годов XII в., после карахитайского нашествия, в Средней Азии и Казахстане создалась сложная обстановка. Атсыз вынужден был косвенно признать зависимость от гур-хана и выплачивать ежегодную дань в 30 тыс. динаров. Отношения между Хорезмом и Восточно-Сельджукским султаном в тот период заметно улучшились и обрели более стабильный характер. Однако это было скорее молчаливым признанием наступившего равновесия сил, чем следствием их мирной внешней политики [74].

ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СЕРЕДИНЕ И НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

Разгром карахитаями сельджукского войска в 1141 г. нельзя рассматривать как случайное происшествие. Поражение было, несомненно, подготовлено целым комплексом социальных и по-

литических факторов. В первую очередь оно объясняется резким ослаблением султанской власти, которая была ограничена военным сословием, прежде всего гулямской верхушкой. Мамлюкские полководцы и командиры сельджукской армии к тому же соперничали между собой за высокие посты, чины и звания. Происходила ожесточенная борьба между старым и молодым поколениями гулямских предводителей, стремившихся занять высокие должности в армии. Немаловажную роль при этом играло их стремление обрести новые, приносящие бо́льшие доходы земельные владения и наделы (икта'). Большинство высокопоставленных эмиров испытывали чувство зависти и ненависти главнокомандующего — сипахсалара Му'аййида ибн Юрункуша — фаворита престарелого Санджара [75].

Засилье военных в Хорасанском султанате приобрело особый размах после сражения при Катаване. «Они (военные),— пишет Садр ад-Дин ал-Хусайни,— стали проявлять алчность и враждовать друг с другом. Все они начали требовать у султана места, [занятого] другим, для себя и завидовали друг другу» [76].

Высшие армейские чины, представители военной свиты (хашам) вышли из подчинения и «обрели силу власти над [самим] султаном (Санджаром.— *С. А.*) и посягали на его достояние» [77]. Иными словами, эмиры стали расхищать коронное имущество, присваивать земли султана, которыми ведал диван-и хасс. Они разделились на несколько обуреваемых жадностью, враждовавших между собой и рвавшихся к власти военных клик. «Замысел каждой из этих групп,— отмечает ал-Бундари,— противостоял [мнению] другой [группы]» [78].

В оппозиции к Санджару и его любимчику Му'аййиду ибн Юрункушу находились влиятельные эмиры во главе с 'Имад ад-Дином Кумачом, правителем Балха, и 'Али Четри — наместником Герата. Кроме них на военной и политической арене появились командиры более низкого ранга, среди которых выделялись Сонкур ал-'Азизи и Кизыл (Кизылча). Значительную роль играли также Курайш ибн Занги, 'Умар 'Аджами (Асами), исфахсалар Иргаш и другие военные предводители. Однако самым авторитетным из них был Кумач, который был назначен атабеком Санджара в самом начале его карьеры в Хорасане. Кумач был затем удостоен званий «эмир над эмирами войска» (лӓшкӓр) и «великий предводитель армии» (сипахдар-и бузург) [79].

Войско Санджара было громоздким, многочисленным, причем одних только гулямов насчитывалось в нем более 10 тыс. Гулямы, или мамлюки, были выходцами главным образом из тюркоязычных племен — карлуков, огузов, кипчаков, йагма, чигилей и др. В «Кабус-наме» указывается, что огузские и кипчакские гулямы, отличавшиеся своеволием, пользовались недоброй славой. Зато самыми покорными и исполнительными рабами считались карлукские, тубатские и хотанские мамлюки. Гулямы, происходившие из чигилей, отличались «вялостью» и

«ленью» в выполнении приказов своих господ. Самыми выносливыми и нетребовательными были мамлюки — выходцы из татар и йагма. В отличие от наемных воинов-дейлемцев, приверженцев шиизма, тюркские гулямы пользовались репутацией людей «чистой», суннитской веры [80].

Основной контингент сельджукских мамлюков находился на положении бесправных, но привилегированных рабов. В противоположность им верхушка гулямов, состоявшая из вольноотпущенников, фактически была частью правящего феодального сословия. Предводители мамлюков и другие военачальники, особенно приближенные к султанскому трону и дворцу, обладали большой властью. Разбогатев за счет грабежей, присвоения частного и государственного имущества, они перестали считаться с центральной властью. «Эмиры султана (Санджара.— С. А.) и сановники державы (аркан-и даулат),— отмечает Мирхонд,— из-за приумножения своих богатств [непомерно] возвысились, зазнались и стали действовать по своему произволу» [81]. Хорасанские военачальники в этом отношении почти ничем не отличались от армейских предводителей Иракского султаната при Тогруле II (1132—1134). Иракские гулямы, имевшие свои наделы (икта'), занимались и мародерством, и ограблением мирного населения страны. Некоторые крупные мамлюкские полководцы стали даже чеканить в Ираке собственную монету и провозглашать хутбу на свое имя в пятничной молитве. Гулямы подделывали официальные документы на владение землей, вносили в них собственные имена, вымышленные титулы, ложные родословные. Такие записи делались ими в текстах похищенных в медресе и других местах вакф-наме и реестровых книгах (дафтар) [82].

В правление султана Санджара начали возрождаться огузские военные традиции. Йазыджи-оглу Али свидетельствует, что при нем соблюдались правила «огузского тёре», согласно которым правое крыло армии традиционно возглавляли беклербеки племен кайи и баят, а левое — баюндур и баджанак. В XII в. огузское войско делилось, как отмечали Ибн ал-Асир и Хафиз-и Абру, на две большие группы — учуков, возглавлявшихся Наср ад-Дином Абу Шуджа Тути-беком, и бузуков, предводителем которых был Коркут ибн 'Абд ал-Хамид. Первая из них входила в число «старших», а вторая — «младших» племен, которые соответственно относились к правому и левому флангам их войска (хашам). Кроме двух крыльев в огузском войске имелся центр (манглай), а также арьергардные и сторожевые отряды (караул), авангард и дозорные подразделения (йасак) [83].

Сельджукская армия помимо мамлюкских контингентов, ополчений кочевников включала в себя наемные и вассальные отряды. Каждое подразделение имело свое особое вооружение, форму обмундирования, воинские штандарты и знамена. Огузо-туркменская рать применяла свои боевые кличи (уран) и пароли, состоящие из названий диких животных и птиц [84].

В XI—XII вв. в Хорасанском султанате, как и в большинстве других регионов Ближнего и Среднего Востока, вооружение стало более тяжелым. Возросла роль меча, появились двуручные мечи для разрубания кольчуг и панцирей. Основным видом оружия тяжеловооруженных всадников становится копье с длинным, до 6—8 м, древком. Легкая кавалерия имела пики и использовала в сражении дротики. Пехота, набиравшаяся в основном из крестьян, была вооружена рогатинами (шах), вилами и трезубцами (сешахе). Кочевые ополчения имели сабли, ножи, щиты, кистени, чеканы, легкие боевые топоры с сужающимися лезвиями. Они применяли также веревки и специальные арканы, которые использовались и при штурме городов. Большое распространение получили доспехи — кольчуга (зерех) из крупных металлических колец на подкладке, боевые панцири — чешуйчатые и пластинчатые, на кожаной основе (джоушан, тануре) [85].

Годы правления султана Санджара, в особенности два последних десятилетия, ознаменовались усилением роли тюркской знати и в делах гражданского управления. Крупные военачальники из туркмен, огузов, кипчаков стали занимать не только армейские, но и чисто административные, бюрократические должности. В частности, правителем такой крупной области, как Гурган, был Инанч Бильге Сува-бек, носивший титул «Му'аййид ад-даула ва-д-дин» («Пособник державы и религии»). Должность вали этой провинции до него занимал выходец из придворных тюрок-мамлюков Мухаммад Йол Аба, а затем его сын Хасан. Правителем имевшей, по-видимому, особый статус Рейской области был назначен Инанч Кутлуг Бильге, который являлся одновременно главой диван-и 'арз. Балхским вилайатом управлял, как отмечалось выше, эмир Кумач. В 1153 г., после гибели эмира, эта должность перешла к его сыну, а затем — к внуку, который унаследовал, вероятно, и титул своего деда — 'Имад ад-Дин (Опора религии) [86].

В правление Санджара произошел случай, когда на пост премьер-министра, кажется, впервые в истории государства Сельджукидов был назначен представитель тюркоязычной знати. Речь идет о Низам ад-Дине Тагар-беке Мухаммаде Сулаймане (1122—1124), который был выходцем из караханидских тюрок Кашгара. Будучи довольно богатым человеком, он занялся сначала торговлей, а затем стал везиром при дворе «ханов Туркестана». Низам ад-Дин ал-Кашгари спустя некоторое время совершил паломничество к мусульманским святыням в Аравии. После возвращения из хаджжа он не вернулся на родину, а остался в Хорасане. В 1122 г. благодаря посредничеству эмира Кумача он купил за 100 тыс. динаров высокую должность везира султана Санджара. Однако новый везир был враждебно встречен служилой хорасанской бюрократией. Тагар-бек подвергся нападкам и осмеянию из-за незнания арабского языка, что считалось большим невежеством. В результа-

те какой-то интриги он был вскоре смещен со своего поста, закован в цепи и брошен в темницу. Однако султан переменил затем гнев на милость, освободил его из зиндана и отправил в Туркестан, который в то время перешел под власть Сельджукидов. Сайф ад-Дин 'Укайли пишет, что Тагар-бек стал там снова везиром. Хондамир же утверждает, что ему был поручен «сбор налогов (амвал) с некоторых городов (билад) Туркестана, которые вновь перешли в сферу [подчинения] дивана султана [Санджара]» [87].

Восточно-Сельджукское государство имело ярко выраженный военный характер, и его существование во многом зависело от поступления больших денежных и материальных средств. Каждая военная кампания требовала громадных расходов, погашавшихся за счет ординарных и чрезвычайных налогов, а также дани с вассальных окраин. Только один поход на Мавераннахр в 1141 г. обошелся Санджару в 3 млн. динаров. Правда, войны приносили и выгоды в виде добычи, пленных, дани и контрибуции. После сражения при Катаване почти совсем иссякли военные доходы, значительная часть которых шла на одаривание и содержание армии. Все это вызвало недовольство войска, и прежде всего полководцев и командиров Санджара [88].

В середине XII в. Восточно-Сельджукская держава переживала кризисную фазу в условиях феодальных мятежей и развития освободительных движений в вассальных областях и странах. Санджар потерял власть над Мавераннахром, фактическую самостоятельность получили Рей, Систан, Табаристан. Против «величайшего султана» выступил халиф ал-Муктафи (1136—1160), который взял курс на ликвидацию остатков былой зависимости Аббасидов от светской власти Сельджукидов [89].

В конце 40-х — начале 50-х годов происходит некоторое возрождение политического и военного могущества Хорасанского государства. Важную роль в этом сыграли походы Санджара в Ирак, Герат и Газну. Переживавший упадок Иракский султанат не мог противостоять Восточно-Сельджукскому государству. Санджар поэтому старался, как и прежде, вмешиваться в дела Западно-Сельджукского государства, добиваясь назначения своего человека на пост везира. Особую заботу он проявлял о Рейской области, которой управлял в качестве вали бывший мамлюк 'Аббас. В 1150 г., собрав большую рать, Санджар пошел в Рей, чтобы отстранить временщика Хасс-бека, который узурпировал власть в Западно-Сельджукском государстве. Правитель Ирака Гийас ад-Дин Мас'уд (1134—1152) был вызван в ставку «величайшего султана». Оба султана договорились соблюдать статус-кво в отношениях между Хорасанским и Иракским государствами [90].

Важное значение для роста престижа Восточно-Сельджукского султаната имели успехи Санджара в борьбе с Гуридами. В конце 40-х — начале 50-х годов усиливается военная мощь правителей Гура из династии Шансабидов. После сражения

при Катаване гуридский султан Кутб ад-Дин Мухаммад овладел Гератом. Затем он направился к Балху, где нанес поражение располагавшимся в той области сельджукским военным силам. М. А. Кёймен полагает, что Гуриды разбили в бою войско 'Имад ад-Дина Кумача, правителя Балха, поэтому в борьбу с Кутб ад-Дином приготовился вступить султан Санджар. Оправившись от катастрофы при Самарканде, он начал переговоры о совместном выступлении против Гуридов с отпущенным гур-ханом на волю Тадж ад-Дином Насром [91]. Скудность исторических данных не дает, к сожалению, возможности судить о дальнейшем ходе событий в Балхе и Герате.

В 1149 г. власть в Гуре унаследовал Сайф ад-Дин Сури, продолживший начатое ранее противоборство с Газневидами. Он отправился в поход на Бахрамшаха, после чего тот бежал в Северную Индию. Гуриды захватили Газну, но ненадолго удержали ее в своих руках. Бахрамшах отвоевал вскоре свои владения у Сайф ад-Дина Сури. В марте 1149 г. он двинулся из Лахора с индийскими войсками и прибыл в область Кабул. Сури, в армии которого имелись отряды конных огузов, выступил навстречу Бахрамшаху. Между ними произошло несколько сражений, завершившихся разгромом Гуридов и казнью Сайф ад-Дина. Бахрамшах вошел в Газну и восстановил чтение хутбы на имя Санджара, отмененное при Гуридах.

После гибели Сайф ад-Дина очередным шансабидским правителем Гура стал 'Ала ад-Дин Хусайн (1149—1169). В сравнительно короткий срок он расширил границы своих владений в Центральном Афганистане, столицей которых был Фирузкух, в верховьях Герируда. В 1149 г. 'Ала ад-Дин, собрав большую рать, направился на завоевание газневидских земель. Первый бой с войском Бахрамшаха произошел в Заминдавере. Бахрамшах отступил, но в результате повторного сражения ушел в Газну. Третья баталия, у ворот газневидской столицы, также завершилась поражением Бахрамшаха. Спасаясь от преследования, он бежал в Северную Индию, где и умер в 1152 г. Его сын Хусравшах пытался отвоевать Газну, но был вынужден удалиться в Лахор. Хусравшах, подобно своему отцу, до конца дней оставался правителем Пенджаба [92].

Овладев Газной, 'Ала ад-Дин Хусайн разрушил ее, разграбил и предал огню. После этого страшного погрома он получил заслуженное прозвище «Сжигатель мира» («Джахансуз»).

Захватив Газну, 'Ала ад-Дин провозгласил себя султаном и отменил уплату дани Восточно-Сельджукскому государству. Еще до этого события 'Ала ад-Дина поддержал перешедший на его сторону сельджукский наместник Герата 'Али Четри. Санджар начал подготовку к подавлению смуты бывших вассалов и объявил поход на Герат и Газну.

В 1152 г. армия Санджара разгромила войско 'Ала ад-Дина Хусайна в сражении близ Герата [93]. Исход битвы во многом решил переход части огузов и халаджей, находившихся в составе

гуридской рати, на сторону врага. ‘Ала ад-Дин и его союзник ‘Али Четри очутились в плену, были доставлены в лагерь Санджара. Султан простил ‘Ала ад-Дина Хусайна и отпустил его с почестями в Фирузкух. Иная участь постигла ‘Али Четри, который был разрублен на куски [94].

Победы, одержанные Санджаром над Ануштегинидами, Шансабидами, наместником Герата, подняли авторитет Хорасанского султаната. Однако успех оказался эфемерным и не привел к дальнейшему упрочению положения Восточно-Сельджукского государства. Раздираемая глубокими внутренними противоречиями держава Санджара доживала последний год своей истории.

В освещаемый период в Хорасанском государстве имели место острые социальные коллизии, протекавшие на общем фоне освободительных движений в зависимых окраинах. Главным образом это проявилось в борьбе между различными толками ислама, в выступлениях исмаилитов и других «еретических» сект. Наблюдались вспышки ожесточенного противоборства между суннитами и шиитами, сопровождавшиеся актами грубого насилия. В 1117 г. отряд вооруженных суннитов напал на Тус и осквернил могилу шиитского имама ‘Али ибн Ризы. Местный правитель, стремясь оградить гробницу от повторных нападений, приказал соорудить вокруг нее высокую стену [95].

Санджар пытался вести нейтральную, сбалансированную политику в отношении сторонников «правоверных» мазхабов, в особенности ханафитов и шафиитов, которые также враждовали в Иране и Северном Хорасане. Однако этот курс не привел к успеху, что подорвало идеологическую опору султанской власти [96].

В XI—XII вв. в Средней Азии и Иране имелись тайные, хорошо законспирированные религиозные общины. Среди них следует отметить секту мубаййидитов, или сапидджамеган, т. е. «белоодежных»,— сторонников учения Муканны. Такие религиозные общины существовали, в частности, в Мавераннахре, но они «скрывали [свою веру], придерживаясь внешне ислама» [97]. В Средней Азии и Иране имелись также экзотерические секты маздакитов и хуррамитов (хуррамдинитов), унаследовавших идеи Маздака и Бабека [98].

Учения этих «еретических» сект различались между собой, но в их основе лежали утопические доктрины о социальном равенстве и справедливости [99]. Шиитский теолог конца IX — начала X в. ан-Наубахти отмечает, что мубаййидиты и хуррамдиниты исповедовали мессианство, обожествляя своих имамов. «Они,— пишет он,— верили в призраки, переселение душ, но отрицали воскрешение и возвращение мертвых, Страшный суд» [100].

Хуррамиты, по словам мусульманских историков религии, разделялись на ряд подсект, среди которых были маздакиты и батиниты. В учении хуррамитов верования ранних маздакитов соединились с идеями крайних шиитов (гулат), к которым от-

носилась и секта мубаййидитов [101]. «Ересь крайних шиитов,— утверждает аш-Шахрастани,— заключена в четырех [догматах]: антропоморфизм, изменение божественного мнения, возвращение [имамов] и переселение душ» [102].

В исследуемый период наибольшей известностью пользовались хуррамиты Исфахана, маздакиты Рея, Хорасана, Гургана, мубаййидиты Мавераннахра, в особенности Самарканда, Шаша и Илака. Согласно данным аш-Шахрастани, в XII в. маздакитами именовали в Ираке батинитов (исмаилитов), но в Хорасане они назывались мулхидами [103]. Маздикиты были предшественниками батинитов — адептов крайнего направления в исмаилизме. Приверженцы этой религиозной экзотерической общины проповедовали необходимость самоотречения и аскетического образа жизни. Они стремились также к достижению благочестия через искупление грехов и спасение от человеческих пороков. Среди адептов таких сект имелось немало сторонников решительных действий, применения насильственных методов и открытых восстаний [104].

В конце XI в. в Мерве начал активную пропагандистскую деятельность некий Махмуд ал-Алави ал-Илаки, распространявший учение Муканны и Бабека. Ал-Марвази и Мухаммад 'Ауфи утверждают, что он пытался обратить горожан в веру «белоодежных» и хуррамитов. В 1080 г., когда в Мерве находился султан Маликшах, дерзкий «еретик» ал-Илаки был схвачен и побит камнями, в результате чего он скончался в ужасных мучениях. Первыми бросили в него камни местный судья (кади) Абу Мухаммад и имам Абдаллах ас-Саффар [105].

Санджар, как и его предшественники, всячески стремился искоренить «еретиков», в особенности исмаилитов — наиболее опасных врагов Сельджукидов. В 1118 г. он осадил крепости батинитов в горах Кухистана. Хасан ас-Саббах пытался заключить мир с султаном, но получил решительный отказ. В 1124 г. глава исмаилитов скончался, и их новым предводителем стал Кийа Бузург Амид [106].

В 1120 г. Санджар снова организовал поход на батинитов, владевших неприступной крепостью Аламут. Однако эта военная кампания не принесла заметного успеха хорасанским и иракским Сельджукидам. Движение исмаилитов, несмотря на жестокие карательные меры, принимало все больший размах. Исмаилиты сделали боевую вылазку, захватили в Кухистане г. Туршиз и ряд сопредельных местностей в Хорасане. В 1126 г. везир Абу Наср Ахмад направил сразу два отряда против батинитов [107]. Один из них двинулся на Туршиз, а другой напал на селение Тарз в округе Байхак. Исмаилиты понесли тяжелые потери, многие из них были истреблены и взяты в плен. Батиниты не остались в долгу и убили в 1127 г. везира султана Санджара [108].

Сельджукидские власти Хорасана, а также Ирака, несмотря на большие усилия, не смогли нанести сокрушительный удар и

ликвидировать государство исмаилитов, образовавшееся после 1090 г. в Дейлеме, Рудбаре и Кухистане. Сельджукиды заключили мирный договор с исмаилитами, по которому последние не могли строить новых крепостей, покупать оружие, призывать людей переходить в свою веру [109]. Однако после разгрома и пленения огузами Санджара исмаилиты снова перешли к активным действиям. В 1154—1156 гг. батиниты Кухистана вторгались в пограничные районы Хорасана. Они разграбили Табес, учинив кровавую резню над сельджукскими властями (а'ийан ад-даулат). В 1158 г. исмаилиты напали на кочевья и становища туркмен Кухистана, разграбили их имущество и скот, взяли множество пленных [110].

Роковое значение для судеб Восточно-Сельджукского государства имела неудачная военно-административная политика Санджара по отношению к кочевникам Мавераннахра и Хорасана. Поддержание тесных контактов с номадами было жизненно важно для султаната, но оно было сопряжено с решением весьма неординарных проблем. В системе отношений с кочевниками большую позитивную роль играли хозяйственные связи. Степные племена, как отмечалось выше, вели оживленную торговлю с населением земледельческих оазисов, где периодически устраивались специальные базары, наподобие ярмарок [111]. Продажа продукции скотоводства, земледелия и ремесла, а также натуральный обмен составляли экономическую основу отношений между кочевым и оседлым населением.

В системе отношений сельджукских властей с номадами важным фактором являлась необходимость обеспечения внешней безопасности и обороны степных рубежей Восточно-Сельджукского государства. Немалую роль при этом играло пополнение иррегулярных ополчений, использовавшихся в военных походах и для пограничной службы. Кочевники и полукочевники защищали рубежи Хорасана, главным образом северные и западные, от степных языческих племен Средней Азии и Казахстана. Забота об охране границ с Дашти-Кипчаком ложилась на хорезмшахов и сельджукских вали Гургана и Табаристана. Ануштегиниды должны были обеспечивать безопасность не только Хорезма, но и северо-западных областей Хорасана от набегов и вторжений номадов из степей Западного Казахстана и бассейна Сырдарьи. В этом регионе была создана цепь рибатов — пограничных сооружений с военно-административным центром в Дженде [112]. Хорезмшахи использовали для пограничной службы отряды мутатавви'а, или так называемых добровольцев, газиев, а также принявших ислам кипчаков, йемеков, кангглы и других тюркских племен. Сельджукские пограничные войска, состоявшие из туркменских ополчений, были предназначены для сдерживания степных языческих племен со стороны Мангышлака и Южного Приаралья [113].

В основе правовых отношений между сельджукскими правителями и находившимися в их подчинении степными племенами

лежала государственная собственность на землю, предоставлявшуюся номадам за военную службу. Кочевые племена уплачивали налоги за использование пастбищ и водных источников. Такое положение возникло в результате эволюции и развития системы управления степными племенами в империи Сельджукидов в XI—XII вв. Несшие сначала лишь военную повинность, кочевники стали в дальнейшем приравниваться к обычным подданным (ра'ийат). Отсюда возникло право государства и верховного султана на обложение номадов регулярными налогами за пользование пастбищами и водными источниками.

Туркменские племена Хорасанского султаната, как отмечалось ранее, в своей основной массе обитали в Юго-Восточном Прикаспии, на берегах Атрека и Горгана. Они уплачивали государству налоги с определенного количества юрт или кибиток. Каждое из них имело обозначенную племенными знаками территорию (юрт-гах) и пастбища, которые распределялись их вождями между более мелкими родовыми подразделениями на основе старинных обычаев и традиций [114].

Туркмены Гургана уплачивали особую подать под названием «хукук-и мара'и» («налог за пастбища») [115]. В условиях господства скотоводческой формы хозяйства этот налог взимался со стад, что дало повод для его отождествления с закатом, который уплачивался с поголовья верблюдов, лошадей, баранов, коз [116]. В послемонгольскую эпоху «мара'и» стал синонимом налога «купчур», который взимался государством с оседлого и кочевого населения [117]. «Что касается [подати] со скота,— писал Насир ад-Дин Туси,— то ее в давние времена [с кочевников] не взимали, но впоследствии с каждой [головы] скота, если от него [получен] приплод и [если животное] выпасалось на пастбище, уплачивалась [подать]: с каждых 100 голов — одна [голова] скота, но бывало и меньше, [взыскивались также] деньги (зар), и [все] это называлось мара'и. Впоследствии [стали] взимать с [каждых] 50 голов одну [голову], но в каждой местности взимали [этот налог] по-разному. И все это было собственностью государя (мал-и падишахи)» [118].

Кочевое и полукочевое население занималось не только скотоводством, но отчасти и земледелием [119]. Однако вряд ли оно уплачивало за это дополнительный налог в пользу государства.

Анализируемые исторические данные позволяют видеть механизм, экономическую и правовую основу отношений кочевников с государственно-административным и фискальным аппаратом Восточно-Сельджукского султаната. Очевидно, схожая или аналогичная система отношений между номадами и караханидскими властями, находившимися в вассальной зависимости от Санджара, функционировала и в Мавераннахре. Рассматриваемая практика опиралась на собственность государства на землю, за что кочевники должны были уплачивать налог (мара'и). Свободолюбивые номады — потомки и наследники победителей и основателей громадной империи, таким образом, были при-

равнены к массе некогда покоренного ими населения Северного Хорасана и Ирана. Разумеется, все это не могло пройти бесследно и вызывало в туркмено-огузской среде негативную реакцию и глубокое недовольство [120].

ВОССТАНИЕ ОГУЗОВ В БАЛХЕ В 1153 г.

Смертельный удар Восточно-Сельджукскому государству, раздиравшемуся глубокими противоречиями, нанесло восстание огузских племен Сагапиана, Тохаристана и Хутталя, входивших в Балхскую провинцию. В исторической литературе распространено мнение о том, что огузы проникли в этот регион около середины XII в. [121]. Однако такой взгляд не совсем верен, так как огузы издавна кочевали на территории современного Афганистана. В конце VII — начале XIII в. часть их обитала вместе с отдельными группами карлуков и халаджей в долине Аргандаба и по р. Гильменд [122]. Огузы, жившие вперемешку с халаджами, упоминаются в X—XI вв. в числе подвластных Газневидам номадов Северного Афганистана. Халаджи и туркмены [123] выплачивали подати со скота, причем нередко оказывали сопротивление незаконным притязаниям сборщиков налогов [124].

В XII в. в состав огузов и родственных им халаджей Балха, Тохаристана, Буста, Гузганана влились новые большие группы кочевников. Основная масса пришлых номадов состояла из огузов, бежавших сюда из пределов Мавераннахра. В результате притока потесненной карахитаями волны кочевников и сокращения пастбищных земель огузы покинули долину Зеравшана и оказались в Балхском вилайате. Продолжатель исторического труда Наршахи отмечает, что огузы в 1444 г. захватили и разрушили цитадель Бухары. Обращает на себя внимание, что это событие произошло вслед за Катаванским сражением и вступлением карахитаев в Самарканд и Бухару [125]. В создавшихся условиях огузы не могли оставаться в Мавераннахре и откочевали в восточные районы нынешнего Узбекистана, на территорию Южного Таджикистана и Северного Афганистана.

Весной 1153 г. огузские племена Балха подняли восстание против сельджукских властей. Средневековые авторы обычно изображают его как проявление божьего гнева «за земные грехи мусульман» [126]. Историки этого времени называют повстанцев «смутьянами», «мятежниками», «грабителями», осмелившимися поднять руку на законную султанскую власть. Аналогичного взгляда придерживаются и ряд исследователей, следующих за средневековой восточной историографией. Некоторые историки при этом рассматривают восстание огузов как результат их вражды и ссоры с Кумачом — наместником Балхской провинции. Однако такой подход не учитывает всех объективных факторов, приведших к их восстанию против властей Восточно-Сельджукского государства [127].

Рассматривая сообщения первоисточников о балхских огузах, нетрудно заметить (при всех имеющихся в них несовпадениях) одну главную общую деталь. 'Имад ад-дин Исфахани — самый ранний по времени автор — пишет, что балхские огузы «находились под управлением эмира Кумача и уплачивали ему харадж». Несколькими строками ниже он же сообщает, что огузские эмиры Коркуд и Тути-бек «служили в столице (Мерве.— *С. А.*) и являлись [на службу] к султану Санджару» [128]. Отсюда логически следует, что возглавлявшие огузов Балха эмиры Коркуд и Тути-бек служили при дворе Санджара и вместе с тем находились «под управлением» эмира Кумача. Подобного рода противоречие, как увидим ниже, объясняется сложностью обстановки, в которой оказались вожди огузов, вынужденные переходить от одного феодала к другому.

'Имад ад-Дин, повествуя о предыстории восстания огузов, отмечает, что они были личными подданными (ра'ийат ал-хасс) Санджара [129]. Следует подчеркнуть, что термин «ра'ийат» при Сельджукидах имел более широкое значение, чем впоследствии в империи Чингизидов. В XI—XII вв. в это понятие входило не только оседлое, но и кочевое население [130].

Обращает на себя внимание, что огузы считались личными подданными (ар-ра'ийат ал-хасс, ра'ийат-и хасс-и султани), управление которыми должно было осуществляться султанским диваном (диван-и хасс) [131]. В пользу мнения о том, что огузы Балха были «султанскими ра'ийатами», говорят свидетельства Ибн ал-Асира, Садр ад-Дина ал-Хусайни, Хамдуллаха Казвини и других средневековых историков. Садр ад-Дин ал-Хусайни рассказывает, что огузы, пленившие в 1153 г. Санджара, воздавали ему царские почести, целовали перед ним землю, говоря: «Мы — твои подданные (ра'ийат)» [132]. Раванди также повествует, что, когда эмир Кумач прислал к огузам своего заместителя [наввааб], они не подчинились ему, сказав: «Мы — личные подданные [ра'ийат-и хасс] султана [Санджара] и не подчинимся власти никого другого» [133].

Средневековые мусульманские историки приводят также дополнительные интересные детали о положении балхских огузов в канун их восстания против Санджара. Ибн ал-Асир, Мирхонд, Салыр-Баба сообщают о том, что эмир Кумач добился у султана назначения его на пост шахны над огузами Балхского вилайата. Однако кочевники отказались повиноваться 'Имад ад-Дину, мотивируя это тем, что они являются «личными подданными» Санджара [134]. Согласно данным этих и других авторов, огузы несли военную службу в сельджукском войске и платили натуральную подать в государственный диван [135]. В этой связи характерна одна деталь в рассказе историка Йазди о предыстории огузской «смуты» [136]. Повествуя о дани (вазифа), которую огузы платили Санджару, он сообщает, что сбор ее был поручен султанскому хансалару (стольнику) из государственного дивана (диван-и а'ла) [137]. Это сообщение наводит на мысль о

том, что подати с огузов предназначались для коронного ведомства (диван-и хасс), входившего в систему «диван-и а'ла» — высшего государственно-административного ведомства Хорасанского султаната [138].

В свете рассматриваемых исторических данных становится ясным, почему огузы называли себя «личными подданными» Санджара. Будучи крупным собственником, он имел свои земельные владения, крепости, замки, селения с крестьянами [139]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что огузы Саганиана, Тохаристана и Хутталя фактически принадлежали королевскому домену, неся в его пользу воинскую повинность и уплачивали подать в 24 тыс. баранов в год.

Огузы, считавшиеся «ра'ийат-и хасс» Санджара, были затем, как мы в дальнейшем увидим, переданы в распоряжение шахны — эмира Кумача, владевшего в качестве икта' Балхской провинцией [140]. Это сыграло решающую роль в их восстании против верховного правителя Восточно-Сельджукского государства. Однако прежде чем говорить об этом, следует уточнить время и обстоятельства, при которых балхские огузы стали «личными подданными» Санджара.

В «Та'рих ал-камил» приведены две расходящиеся в деталях версии, но при сопоставлении с другими источниками они дают общую картину предыстории огузской смуты. Ибн ал-Асир говорит вначале, что в результате карахитайского нашествия произошли крупные перемещения кочевых племен в Средней Азии. Одержав победу в 1141 г. над Санджаром, карахитаи овладели большей частью Мавераннахра. Победители вытеснили обитавших здесь еще «со времен [халифа] ал-Махди» [141] огузов, которые вынуждены были перебраться на левую (хорасанскую) сторону Амударьи. Ибн ал-Асир и Мухаммад ибн Наджиб Бакран рассказывают, что после этого происшествия огузы поселились в Балхе, в округе Хутталь [142]. Переселение сюда значительной массы огузских племен произошло в атмосфере больших внешнеполитических осложнений, создавшихся в этой пограничной окраине Хорасана. В рассматриваемое время Балхская провинция оказалась в орбите усилившихся после Катаванской битвы захватнических интересов Гуридов [143].

Появление в этих условиях в Балхе большой массы воинственных огузских племен (хайл) было неприязненно встречено местным правителем. Кумач встревожился, увидав в незваных пришельцах серьезную опасность для своей власти. Возникшая между огузами и Кумачом неприязнь вскоре переросла в открытое столкновение, так как самовластный «вали» категорически потребовал, чтобы огузы очистили пастбища Балха, которым он управлял по праву мукта' [144].

Вопрос о пастбищах имел важное значение в отношениях огузов с эмиром 'Имад ад-Дином Кумачом. Ибн ал-Асир пишет, что тот сначала не хотел предоставлять огузам земли для поселения в Балхе. Однако, получив от них какой-то «подарок»,

Кумач оставил их в покое. Затем он снова потребовал от них удалиться из своих владений. Между огузами, к которым примкнули другие тюркские племена, и балхским икта'даром на этой почве возник серьезный конфликт [145]. Этим не замедлил воспользоваться ярый противник Кумача, тохаристанский эмир Занги ибн Халифа аш-Шайбани. Согласно одной из версий, приводимой в «Та'рих ал-камил», Занги призвал к себе огузов и поселил в своем владении. «В связи с этим,— пишет Ибн ал-Асир,— Занги обрел силу, двинулся вместе с ними к Балху для битвы с Кумачом. Последний начал посылать к ним (огузам.— *С. А.*) письма, склонил их на свою сторону, и [поэтому] они оставили Занги без помощи в сражении» [146]. Вследствие измены огузских вождей правитель Тохаристана был разгромлен и взят в плен; затем он был предан мучительной смерти.

Одержав победу над соперником, Кумач отвел наделы (икта') своим новым союзникам и «допустил их на пастбища (Балхской) области» [147]. Тем самым он хотел превратить кочевые ополчения огузов в свою военную опору. Однако этот жест примирения не привел к установлению прочных отношений со всей массой огузов. Кумач стал, вероятно, обирать и притеснять этих пришлых номадов. Кроме того, участие огузов в беспрерывных войнах, которые вел их сюзерен с эмирами Тохаристана, султанами и маликами Гура и Бамиана, было для них нелегкой повинностью. Все это создавало недовольство рядовой массы огузов-скотоводов, которые в одном из очередных столкновений войск балхского мукта' с армией Шансабидов изменили Кумачу и перешли на сторону его противника — 'Ала ад-Дина Гури [148]. Однако этот акт не облегчил положение огузских племен, ибо они очутились между беспрестанно враждовавшими государствами и мелкими феодалами Ирана, Афганистана и Средней Азии. Оказавшись как бы между молотом и наковальней, они вынуждены были лавировать между ними. Кочевники-пришельцы примыкали то к правителю Тохаристана, то к наместнику Балха, то к властителям Гура, а когда в эту борьбу вступил Санджар, то они перешли на его сторону. К сожалению, в источниках, повествующих об этих происшествиях, не содержатся даты каждого из них в отдельности. Однако некоторые косвенные факты дают основание предполагать, что рассматриваемые события произошли около 1148 или 1149 г. (543 г. х.), когда огузы Балхской провинции были во враждебных отношениях с эмиром Кумачом. В этом отношении интересно письмо Санджара к правителю Систана малику Тадж ад-Дину Абу-л-Фазлу. В нем говорится о желательности их встречи в Герате для совещания «о делах краев и местностей, удаленных и близких, в особенности вилаета Балх, который в продолжение длительного времени лишен нашего победоносного взора и где племя гузов перешло [всякий] предел в захвате и опустошении области; с этим делом мы поступим так, как посоветует [Тадж ад-Дин]» [149].

В 1152 г. Санджар, как говорилось выше, предпринял поход на Балх, где незадолго до этого ʻАла ад-Дин Хусайн одержал победу над эмиром Кумачом. Перед сражением огузы изменили балхскому мукта‘ и перешли на сторону правителя Гура. В том же году близ Герата [150] между войсками ʻАла ад-Дина и Санджара произошла битва, в которой гуридское войско было разбито, а сам ʻАла ад-Дин оказался в плену. Минхадж ад-Дин Джузджани сообщает, что во время этой битвы шеститысячный отряд огузских, халаджских и других тюркских племен [151], стоявший на правом фланге войска ʻАла ад-Дина, перешел на сторону Санджара и «изъявил готовность служить» [152].

В исследуемом аспекте интересны также данные, имеющиеся в сельджукских документах XII в. В них содержится указание на то, что в сражении между Санджаром и правителем Гура огузы напали на гурийцев. Причем здесь же отмечается, что в тот момент, когда войско Шансабидов было разбито и обратилось в бегство, «более 30 тыс. гурийцев и гузов погибло в битве и во время бегства, когда гузы и гурийцы истребляли друг друга» [153]. Однако при этом ничего не говорится о халаджах и тюрках, а сообщается лишь об огузах, которые, судя по всему, в самый разгар битвы переметнулись на сторону Санджара. Можно думать, что основная масса кочевников, перешедших к Сельджукидам, состояла из огузов, но среди них были и другие «тюркские племена», в частности халаджи [154]. Однако количество переметнувшихся к Санджару огузов, халаджей и «тюрок», указываемое Джузджани, было на самом деле, видимо, гораздо больше. Историк Мирхонд, повествуя об огузах Балха и Хутталя, плативших дань Санджару, указывает, что их было 40 тыс. домов, или семейств [155]. Впрочем, переход на военную службу к султану такой значительной массы кочевников мог произойти не сразу, а по мере упрочения его власти в Балхе. Санджар после Катаванского поражения, как отмечалось выше, сумел подавить мятежи и укрепить положение Хорасанского султаната. Очевидно, именно в этот период и произошел массовый переход к султану на военную службу огузов, халаджей и некоторых других племен.

Интересные подробности о них содержатся в стихах поэтов — современников султана Санджара. Хорасанский поэт Хаким Кушкеки Ка’ани с горечью писал о разгромленной огузами сельджукской рати:

О храбрые тюрки, умеющие владеть мечом,
По сравнению с (победившими вас) каи, татарами и кушанами [156],
Вы воспитывались в достатке в Хорасане
Под сенью [Сельджукидского] государства.
Правитель семи климатов [мира] возвел вас в [сан] эмиров.
В детстве и будучи уже взрослыми, услышав имя гузов,
Вы боялись их, как див боится железа.
Судьба покарала вас, неблагодарных по отношению к Санджару.
Вы теперь беспомощны и лишены смелости,
Вы, неблагодарные погонщики ослов (хар-бандеган),

Разве можно так быстро и легко упустить из рук
свое имущество (зад-у буду), свои мильки и икта' [157].

В составе огузов, которые после событий 1153 г. оказались в пределах Афганистана, по данным Х. Г. Раверти, имелось также племя сонкуран (очевидно, это форма мн. ч. от тюркского «сонкур, сункар, шункар» — названия породы сокола или ястреба). Приведенные факты говорят о сложном этническом составе кочевников Тохаристана, Хутталя и Сагапиана, подчинившихся Восточно-Сельджукскому государству. Основную их массу составляли огузы, но наряду с ними имелись значительные группы халаджей и других тюркоязычных племен.

Таким образом, в 1152 г. довольно большая группировка кочевников оказалась под властью «величайшего султана». Вся эта разноплеменная масса под общим именем огузов стала «личными подданными» Санджара. Огузы, подчинившиеся султану, должны были нести военную повинность и считались его «собственным» войском [158]. Наряду с этим они обязаны были поставлять 24 тыс. баранов в год для султанской кухни [159]. Они должны были нести военную службу и вносить подать (вазифа) [160] за пользование землями и пастбищами, которые были предоставлены им в Хуттале и Сагапиане [161].

В «Муджмал ат-таварих», где содержится один из ранних рассказов о «гузской смуте», подчеркивается, что восстанию огузов предшествовало убийство ими шахны султана Санджара [162]. Данное свидетельство заслуживает внимания, так как оно совпадает с известиями других средневековых авторов. Равенди, повествуя о тех же событиях, пишет, что Санджар назначил над балхскими огузами в качестве шахны правителя Балха — эмира Кумача [163]. Назначение Кумача на этот пост, по словам Мирхонда, было оформлено султанским указом. Это вполне правдоподобно, так как до нас дошла грамота Санджара «О назначении шахны над туркменами Гургана и его местностей» [164].

Термин «шахна», как установлено востоковедами, существовал еще в досельджукское время. Должность шахны, в частности, имелась в державе Газневидов. Абу-л-Фазл Байхаки рассказывает о назначении Мас'удом Газневи некоего Хасана Сулаймана в качестве шахны города Рея. При этом Байхаки говорит, что шахна получил в дар от султана золотой пояс [165]. Шахны имели в своем распоряжении военные отряды и следили за тем, чтобы «не было беспорядков» [166]. Ибн Фундук указывает, что шахны газневидского времени разбирали тяжбы и налагали штрафы на провинившихся [167].

В исторической литературе высказаны различные суждения о должности шахны и его функциях [168]. Одной из главных причин существующих разногласий является то, что рассматриваемый термин не был однозначным. В XI—XII вв. шахны назначались в местах проживания как оседлого, так и скотоводческого населения. Прерогативы шахны при этом были различны. Общими для всех лиц, занимавших эту должность, по нашему

мнению, были охранные и карательные функции, связанные с поддержанием общественного порядка. В провинциях и городах шахны могли, вероятно, быть своего рода военными губернаторами и комендантами, хотя для этих должностей традиционно существовала своя номенклатура (вали, хаким, наиб, кутвал). В скотоводческих зонах шахны имели несколько иной статус и вытекающие из него права и обязанности. В грамоте Санджара о назначении шахны над туркменами Гургана и его округи указывается, что он должен осуществлять над ними «начальствование и управление» (тимардашт).

Шахна имел свой диван и штат чиновников (навваб), которые помогали ему и взимали подати в его пользу (хукук ва русум-и шахнаги). Султанский фирман [169] рекомендует подручным (наввабам) шахны придерживаться старых правил обложения налогом и не вводить новых поборов. Шахна должен был заботиться о том, чтобы туркмены своевременно вносили хукук-и мара'и. Фирман дает ему право следить за справедливым распределением пастбищ и водопоев туркменскими вождями. В нем отмечается, что вожди их племен и военные предводители (эмиры, салары, мукаддамы) непосредственно управляли подвластными «кибитками (хане) и людьми, числящимися за ними». Шахна был обязан присматривать за тем, чтобы вожди «не занимались наведением страха [друг на друга] и насильственно не отбирали» закрепленные за ними пастбища и водные источники. Туркменские предводители должны были по всем своим делам направлять прошения и обращаться в канцелярию (диван) шахны. «Пусть они (туркмены.— *С. А.*),— говорится в фирмане,— уплачивают помощникам [шахны] налоги за пастбища (хукук-и мара'и) в том размере, который утвержден, и при всех обстоятельствах придерживаются пути подданства и выказывают покорность» [170].

Значительный интерес представляет и указ Санджара о назначении эмира Джамал ад-Дина на пост шахны туркмен Хорасана и Гургана. Весьма любопытно, что он был утвержден в должности шахны Дихистана и одновременно в качестве мукта', владевшего икта' в Гургане. Джамал ад-Дину поручалось управление этой провинцией, а также «устройство войска (хашам) туркмен» Шахристана, Дихистана и Мангышлака. Подвластные шахне кочевые племена должны были «обращаться к нему за советами, не действовать без его согласия, подчиняться его наввабам и слушаться их слов» [171].

Приведенные документальные сведения позволяют понять сущность института шахны, выяснить положение туркмен и других кочевых племен Восточно-Сельджукского государства. Сельджукиды, как мы видим, передавали управление номадами в руки шахны, который должен был следить за порядком. Туркмены вносили в пользу шахны особые сборы, уплачивали государству хукук-и мара'и и несли пограничную службу.

Шахны, назначавшиеся для управления кочевыми племена-

ми, обладали большими полномочиями. В сущности, они были функционально близки к мукта', обладавшим административно-налоговыми прерогативами. Поэтому далеко не случайно, что в «Сийасат-наме» икта'дары ставятся в один ряд с шахной. «Мукта' над ним (простым народом.— *С. А.*),— пишет Низам ал-Мульк,— как и правители вроде шахна, они с народом, как государь с другими» [172].

В свете приведенных фактов становится ясным, почему балхские огузы так бурно реагировали на назначение над ними в качестве шахны 'Имад ад-Дина Кумача [173]. Огузы, будучи «личными подданными» Санджара, не признали шахну, поскольку это означало их передачу под власть икта'дара Балха. Переход из категории «ра'ийат-и хасс» в зависимое положение от эмира Кумача мог сказаться и на размере взыскивавшегося с них налога. Как уже отмечалось, огузы поставляли ежегодно для султанской кухни 24 тыс. баранов, взимавшихся с 40 тыс. юрт. Сбором налога заведовал стольник (хансалар) при дворе султана Санджара [174]. Произвол сборщиков (мухассил) при взыскании налога привел к убийству одного из них. 'Имад ад-Дин Кумач воспользовался этим случаем и добился у Санджара своего назначения на должность шахны, обязавшись уплачивать каждый год по 30 тыс. овец [175].

Балхский мукта' намеревался увеличить размер налога с оказавшихся под его властью огузов. Ал-Бундари отмечает, что они «находились под управлением эмира Кумача и уплачивали положенный с них харадж» [176]. Согласно версии Ибн ал-Асира, огузы вносили не харадж, а закат — налог со скота. Однако Минхадж ад-Дин Джузджани тоже пишет, что огузы ежегодно уплачивали харадж. Это позволяет думать, что Кумач пытался ввести какой-то дополнительный вид побора с огузов Балха. Однако вольнолюбивые номады не согласились с требованием султанского шахны, что было расценено как открытый мятеж. В дальнейшем, в сущности, повторилась происшедшая в X в. история с огузами и халаджами при газневидском военачальнике Алп Тегине. Желая получить с кочевников ежегодную подать, он направил в становища огузов и халаджей отряд из 200 гулямов. «Когда они,— пишет Низам ал-Мульк,— пришли туда, халаджи и туркмены не отдали налога целиком. Гулямы разгневались, схватились за оружие, хотели вступить в бой, чтобы получить налоги силою» [177].

Отказ огузов платить налоги и подчиниться власти шахны вызвал у 'Имад ад-Дина Кумача такую же бурную реакцию, как и у Алп Тегина. Вожди номадов пытались договориться с балхским икта'даром, для чего направили к нему «праведных людей». Ал-Бундари говорит, что огузские парламентеры пошли на всяческие уступки, но требования Кумача были непомерны. Новоиспеченный шахна не согласился ни на что, «кроме истребления и схватки с ними (огузами.— *С. А.*), их удаления и искоренения» [178].

Переговоры огузов с эмиром Кумачом не дали никаких результатов, и вскоре между ними произошла кровопролитная стычка. В источниках, повествующих об этом событии, имеются несоответствия и противоречия. Одни историки говорят об убийстве Кумача и его сына 'Ала ад-Дина, а другие сообщают лишь о гибели 'Ала ад-Дина [179]. Наиболее правдоподобным является рассказ ал-Бундари, который утверждает, что огузы дважды сразились с Кумачом. В первом бою, закончившемся поражением балхского губернатора, погиб его сын. После этого Кумач собрал новые силы и напал на становище огузов, но был снова разбит и бежал в Мерв. 'Имад ад-Дин Кумач долго убеждал Санджара выступить в поход на мятежных кочевников и добился наконец своей цели [180].

ПОХОД САНДЖАРА НА ОГУЗОВ БАЛХА

Ранней весной 1153 г. огромная сельджукская армия выступила против огузов Балха. Мухаммад Раванди утверждает, что это событие произошло в конце 548 г. х. (1153 г.). На самом же деле, как видно из хроники Ибн ал-Асира, поход начался в мухарраме 548 г. х., т. е. в марте—апреле 1153 г. [181]. Санджар внял доводам 'Имад ад-Дина Кумача, испугавшего султана опасностью «мятежа» необузданных кочевников. «Царство пришло в расстройство,— говорил он Санджару,— и нити развязались. Если ты не обратишь внимания на них (гузов.— *С. А.*), то они [сами] заставят тебя, если ты не будешь стрелять в них и преследовать их, то они [сами] будут обстреливать и преследовать тебя» [182].

Ал-Бундари сообщает, что вскоре Санджар с бесчисленным войском двинулся на огузов. Кочевники стали «задабривать» султана. Они обещали уплатить 50 тыс. верблюдов и лошадей, 200 тыс. рукнийских динаров, 200 тыс. баранов, выдать убийцу сына Кумача и платить ежегодно дань и харадж. Однако Санджар отверг все их предложения, и тогда огузы приготовились к битве. Они разгромили войско султана, а его самого взяли в плен [183].

Следует отметить, что в карательной экспедиции против огузов был заинтересован не только Кумач, но и другие эмиры Восточно-Сельджукского султаната. Прежде всего, они хотели поживиться за счет грабежа. Раванди пишет, что эмиры заявили Санджару: «Таким деяниям потакать нельзя. Если их (огузов.— *С. А.*) не поставить на место, то наглость [их] преумножится. Государю вселенной следует тряхнуть стременем, поскольку то, что произошло, не следует считать пустячным делом» [184].

Санджар, вняв советам придворной знати, двинулся с огромной армией на мятежников. Огузы испугались и направили к султану своих представителей. Послы заявили, что их племя всегда было «покорно государю и не нарушало его приказов»,

но, когда Кумач напал на огузов, они вынуждены были, защищая своих жен и детей, вступить с ним в бой. «Мы,— сказали огузские парламентеры,— выплатим 100 тыс. динаров и дадим тысячу тюркских гулямов, чтобы государь простил наше прегрешение» [185].

Санджар готов был согласиться на эти предложения, но эмиры принудили его напасть на становища огузов. Тогда огузы «вывели вперед своих жен и малых детей и приблизились со слезами, прося о помиловании». Они предлагали султану взять с каждого шатра по 7 манов серебра [186]. Санджару стало жаль огузов, пишет Раванди, и он готов был простить их, но эмиры Му'аййид Бузург, Юрункуш и 'Умар 'Аджами [187] схватили повод султанского коня и не дали повернуть назад», сказав, что «возвращаться нет никакой выгоды» [188]. Поскольку огузы, потеряв надежду на спасение, бились не на жизнь, а на смерть, а подавляющее большинство воинов Санджара, питая неприязнь к эмиру Му'айиду, сражались с неохотой, султанское войско быстро обратилось в бегство. Огузы бросились в погоню, окружили Санджара, «почтительно взяли его и привели в столицу Мерв» [189].

Садр ад-Дин ал-Хусайни сообщает, что перед началом битвы у балхских огузов не было реальной силы противостоять хотя бы одному из султанских отрядов. Однако в завязавшейся битве военачальники Санджара действовали недружно и не поддержали авангард, которым командовал эмир Му'аййид ибн Юрункуш [190]. В результате этого отряд Му'аййида был разбит и отброшен, а его предводитель пал на поле брани.

Санджар, видя готовность своих воинов к капитуляции и переходу на сторону врагов, бежал к Балху, а оттуда в Мерв. Спустя некоторое время он набрал новую армию и выступил из Мерва против огузов, но был разбит и взят в плен [191].

Средневековые источники расходятся, как мы видим, в своих показаниях о ходе битвы огузов с Санджаром и о деталях пленения султана. В свое время на эти противоречия обратил внимание В. В. Бартольд. Основываясь главным образом на второй версии Ибн ал-Асира, он указал, что Санджар был пленен под Мервом [192].

В отличие от В. В. Бартольда турецкий историк М. А. Кёймен полагает, что Санджар попал в руки огузов не под Мервом, а под Балхом [193]. Однако в письме Атсыза к Тути-беку прямо говорится, что султан был пленен огузами под Мервом [194]. Поэтому мнение В. В. Бартольда представляется нам правильным.

В известиях о битве Санджара с огузами имеется одна интересная деталь, на которой следует остановиться. Ал-Бундари сообщает, что, когда султан отклонил мирные предложения огузов, те нашли прибежище в местности, куда можно было проникнуть лишь через узкую долину, позволяющую «проход [сразу] не более 100 конников» [195]. Далее текст 'Имад ад-Дина ал-Исфахани в передаче ал-Бундари не совсем понятен. С. Л. Во-

линым это место переводится так: «Они (огузы) приготовили ямы (алтукан) по способу [при сражениях] туркмен и раскрыли Кораны, прося пощады у людей веры» [196]. В данном случае непонятный термин «алтукан» переводится как «ямы» [197].

Следует отметить, что Т. Хаутсма, издатель сокращенного ал-Бундари арабского текста сочинения ал-Исфахани, видел в загадочном термине «алтукан» тюркское слово «туг» («бунчук», «знамя»). Однако понять его значение можно только при тщательном сопоставлении всех имеющихся фактов. Между тем в средневековых источниках содержатся интересные сведения, позволяющие найти ключ к правильному объяснению.

В анонимном «Муджмал ат-таварих» отмечается, что огузы при нападении войска Санджара укрылись и засели в «кане». Иранский ученый Мухаммад Казвини — издатель этого источника — считает, что речь в данном случае идет о «крепости» или «окопе» [198]. На самом же деле здесь подразумевается селение, или, вернее, кочевое становище. Махмуд Кашгарский указывает, что слово «кан» в тюркских языках XI в. было стяженной формой персидского термина «кенд». В его глоссарии отмечается, что у большинства тюркских племен так назывался округ, а у огузов — селение [199].

В свете приведенных данных проясняется, что огузы, спасаясь от войск Санджара, укрылись в «кане» — кочевом ауле. Судя по всему, это было временное поселение или стоянка, внутри которой в определенном порядке были расположены юрты. Ал-Бундари сообщает, что в момент битвы огузы сделали наподобие стен ограду из кибиток (харкават) [200]. Данное свидетельство перекликается с рассказом Мирхонда, который упоминает о домах огузов, на которые напали султанские войска [201]. К. А. Иностранцев видел здесь вариант таборной обороны, «древний обычай степной войны» [202]. Такой способ защиты применялся тюркоязычными кочевниками Центральной и Средней Азии, Восточной Европы и Малой Азии.

Описание таборной обороны подробно дано в труде византийской писательницы XI в. Анны Комниной. Говоря о военном искусстве тюрок, в том числе узов (огузов), она сообщает, что они всегда держали в сражении боевой резерв. Он размещался позади первой линии их войска, которая состояла из построенных клиньями отрядов. Между ними ставились телеги, где находились семьи номадов и их скарб. В случае неожиданного нападения кочевники устраивали из повозок подвижные укрепления. Покрыв телеги бычьими шкурами, они помещали туда своих жен и детей и отбивали атаки неприятеля. Когда же враг долго осаждал их лагерь, они несколько видоизменяли способ защиты. Повозки раздвигались, и из-за них вылетали отряды, которые внезапно набрасывались на противника, а затем снова укрывались за телегами. Кочевые тюрки иногда рыли также окопы, засев в которых отбивались от неприятеля [203].

Важное значение для воссоздания картины битвы огузов с

войсками Санджара имеют сведения, приводимые историком Сибтом ибн ал-Джаузи. В его труде содержатся оригинальные данные об их сражении с сельджукской ратью в узкой горной долине. Огузы, по его словам, укрепились в местности, окруженной горами, куда можно было проникнуть по единственной тропе. Номады установили там свои юрты (харкават), а возле них поместили стада животных и домашний скарб. Между юртами, поставленными в ряд, оставили свободное пространство наподобие двери, через которое можно было производить контратаки. Сельджукские всадники, войдя в тесный проход [204], стали обстреливать становище огузов. Однако их стрелы попадали в юрты, домашний скарб, лошадей и верблюдов, зато огузские стрелы беспощадно поражали врагов. Санджар с охранявшим его отрядом и свитой находился у горла прохода, ожидая исхода сражения. Огузы, нанеся страшный урон сельджукской коннице, перешли в решительное наступление. Множество всадников Санджара, начавших отходить, погибло в теснине [205]. Другая часть солдат и командиров (по словам историка Хасана Йазди) утонула при бегстве в водах протекавшей, видимо, поблизости реки [206].

Рассказ Сибта ибн ал-Джаузи проясняет известия других средневековых авторов о подробностях битвы огузов с сельджукской армией. Приводимые им уникальные сведения подкрепляют мнение о том, что огузы приняли бой в укрепленном кочевом становище, или так называемом кане. Сопоставление имеющихся сведений позволяет думать, что загадочный термин «алтукан» имеет тюркское происхождение. Скорее всего, он состоит из числительного «алты, алту» («шесть») и существительного «кан» («становище, селение кочевников»). В таком случае «Алтукан» (если только это слово не искажено ал-Бундари) означает «Шесть становищ». Очевидно, так именовалась местность, либо это было названием какого-то их подразделения.

Таким образом, огузы применили несколько измененный способ «таборной» обороны, защищаясь от нападения армии Санджара. Сражение произошло в узкой горной долине, где-то поблизости от реки. Однако в рассматриваемых источниках не указывается точное место этой битвы, имевшей роковое значение для судеб Восточно-Сельджукского государства. Известно лишь, что Санджар направился из Мерва против огузов, поднявших восстание в Балхе. Раванди при этом пишет о семи реках, через которые переправилось войско «султана мира» во время похода [207].

Следует отметить, что сведения о битве Санджара с огузами имеются не только в мусульманских, но и в других источниках. Большой интерес в этом отношении имеют записки еврейского путешественника Вениамина Тудельского. Хотя его известия были введены в оборот западноевропейской историографии еще в 30-х годах прошлого столетия [208], они не стали предметом должного внимания исследователей.

Путевые записки Вениамина Тудельского, совершившего в XII в. путешествие по Ирану, Афганистану и Средней Азии, содержат важные сведения о походе «царя персов» на мятежных «бен гузов из племени кафир ат-турк». Путешественник неспроста называет огузов «кафирами», поскольку среди них после обращения в ислам сохранились многие языческие верования и обряды [209].

Вениамин Тудельский рассказывает, что царь Персии, под которым подразумевается Санджар, отправившись в поход, долго шел в поисках огузов со своей огромной армией. Скорее всего, это было вызвано тем, что огузы непрерывно отступали, избегая решительного столкновения с войском султана. Подобная тактика, как мы видели, была присуща туркмено-огузским племенам.

Находясь в пути, как пишет Вениамин Тудельский, рать «персидского царя» израсходовала почти все припасы и сбилась с дороги. «Они съели,— говорит он,— все, что у них было под рукою, даже своих вьючных животных, и шли еще 13 дней по пустыне, пока не добрались до гор Нисборских, где жили евреи. Пришедши сюда, войско тотчас же расположилось лагерем по рощам и садам, близ источников, текущих по берегам реки Гозан» [210].

Персидский царь, по словам путешественника, вступил затем в переговоры с жителями близлежащей горной крепости, имевшей высокие башни и крепкие ворота. В ходе переговоров выяснилось, что здесь обитают евреи, поддерживающие дружественные отношения с «бен гузами». Персидская рать, по соглашению с обитателями крепости, вошла в нее на постой и отдых. Спустя полмесяца властитель Персии снова выступил против огузов, но они были заранее предупреждены об этом местным населением. «Последние (гузы.— *С. А.*),— рассказывает Вениамин Тудельский,— заняли горные дороги массою войска, состоящего из всех видов обитателей пустынь; когда персидский царь выступил против кафир ат-турков в поход, они напали на него на дороге и нанесли такое поражение персидскому войску, что сам царь принужден был бежать домой с немногими оставшимися воинами» [211].

Сведения Вениамина Тудельского расходятся в некоторых деталях с повествованием мусульманских историков. В первую очередь это относится к его утверждению о том, что огузы первыми напали на царя Персии, т. е. султана Санджара. Несмотря на это недостоверное сообщение, в целом его рассказ представляет большой интерес. Сведения, приводимые путешественником, совпадают с данными арабских и иранских историков о сражении с огузами в горной местности. В них находит подтверждение версия, по которой Санджар не был пленен в битве, а спасся бегством в столицу своего государства — Мерв [212].

Известия Вениамина Тудельского представляются важными и для определения географического района, где разыгралось это

кровопролитное сражение. Путешественник упоминает о Нисборских горах и реке Гозан, близ которой находилась крепость, населенная евреями. В этой связи обращает на себя внимание, что в X—XII вв. к северо-западу от Балха располагалась область Гузган (Гузганан). Столицей этого края некогда был г. Анбар, лежавший к югу от нынешнего Шибиргана, в Северо-Западном Афганистане. В двух днях пути от последнего, по дороге в Фарйаб, находился город Йахудия, в котором имелась многолюдная еврейская колония. В пяти фарсахах от современного Даулатабада (Фарйаба) начинались пески Ал-Ка'а, между реками Аби Шибирган, Аби Кайсар и Ширин Тагай. В сущности, под Гузганом понималась культурная полоса по р. Шибирган, а также горная область Гирзуван в верховьях Аби Меймене [213].

Накладывая данные средневековых авторов на современную географическую карту, можно обозначить примерный район, где произошла битва огузов с армией Санджара. Сражение, по-видимому, разыгралось в пределах Гирзувана, в северо-западных отрогах Гиндукуша. В этом регионе, лежащем к югу от Шибиргана и к западу от Меймене, имеется сеть горных рек, из которых наиболее крупными являются Дарьяи Гирзуван и Банди Баба. Очевидно, здесь, в одной из горных долин, и разыгрались события, имевшие трагические последствия для Хорасанского султаната.

РАСПАД ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКОГО СУЛТАНАТА

В исторической литературе высказаны различные суждения о поражении Санджара в битве с огузами Балха. Некоторые исследователи при этом усматривали причину разгрома султанской армии в несогласованности действий сельджукских полководцев [214]. Однако подобный взгляд представляется нам слишком узким. Конечно, нельзя отрицать наличие вражды и соперничества между эмирами Санджара, что сыграло свою роль в поражении султанской армии. На ходе битвы сказалось и то, что простые воины Санджара без особого желания обратили мечи против моливших о пощаде огузских женщин и детей [215]. Раванди и другие восточные авторы утверждают, что воины питали враждебные чувства к своим полководцам — таким, как Му'аййид ибн Юрункуш [216]. Поэтому не случайно, когда его отряд, располагавшийся в авангарде войска Санджара, начал сражение, они его не поддержали [217].

Немалое значение в поражении войска султана имело и то, что рядовые огузы защищали в этом сражении жизни своих жен и детей. Они понимали, что в случае поражения их ожидает жестокая кара. Все это привело к тому, что поход огромной рати во главе с Санджаром, одержавшим за свою долгую жизнь немало крупных побед, окончился столь бесславно. Однако глав-

ным фактором, обусловившим разгром султана в борьбе с огузами, была внутренняя непрочность Восточно-Сельджукского султаната. Поражение от огузов наглядно показало силу центробежных тенденций и вместе с тем слабость верховной власти. Фактически кучка алчных эмиров, стремившихся к наживе путем грабежа подданных, диктовала свою волю «султану мира». Грабительская политика военной знати оказалась гибельной для Хорасанского государства. Санджар, понимавший серьезность обстановки, тем не менее не смог устоять перед эмирами. Захир ад-Дин Нишапури, Раванди и другие историки говорят, что султан хотел простить огузов, но этому воспротивились Му'аййид ибн Юрункуш и 'Умар 'Аджами [218].

Поражение Санджара и захват его огузами в плен вызвали волну социальных выступлений в Хорасане. Расправа с феодалами началась уже на поле битвы, где повстанцы предали казни группу попавших к ним в руки султанских эмиров. Такая же участь ожидала и Санджара, но вмешались огузские вожди, испугавшиеся взрыва народной стихии. Огузские предводители еще до окончания сражения бросились искать султана. Вожди кочевников стремились поскорее взять в плен Санджара и править его именем в Хорасанском султанате. Хамдуллах Казвини пишет, что эмиры огузов в спешке посадили на трон некоего Маудуда ибн Йусуфа, который был похож на Санджара. Однако вскоре обнаружилось, что это был не султан, а сын его повара. Интересно отметить, что при взятии в плен Маудуд кричал, что он не тот, за кого его принимают, но огузские предводители посадили его на трон [219].

Пленив затем под Мервом султана Санджара, огузская аристократия воздала ему большие почести. В «Муджмал ат-таварих» указывается, что они «соблюдали правила царствования» по отношению к пленному Санджару и повсюду возили его с собой, назначив при нем охрану [220]. Ал-Бундари и Ибн ал-Асир сообщают, что мятежные огузы, захватив султана, посадили его на трон, а сами стояли в его присутствии (кроме Коркуда и Тути-бека) [221].

Садр ад-Дин ал-Хусайни замечает, что огузы лишь внешне чтили плепного Санджара, а на самом деле притесняли его. Они зорко стерегли султана и назначили ему такое довольствие, которое было недостаточно даже для простого конюха [222]. «Султан Санджар,— пишет Ибн ал-Асир,— просто носил [титул] султана, но не был свободен и был обделен вниманием. Нередко, когда он хотел сесть верхом, некому было нести оружие... Когда ему давали еду, он откладывал часть ее, чтобы поесть потом, боясь, что ее перестанут ему [давать]» [223].

Согласно данным Ата Малика Джувайни, огузские вожди, опасаясь бегства Санджара из плена, соблюдали крайние меры предосторожности. Каждую ночь они запирали султана в железной клетке (кафас-и аханин), которую постоянно возили с собой. Сообщение этого историка воспринято за редкими ис-

ключениями весьма скептически большинством исследователей. Однако помимо Джувайни об этом факте говорит и Сибт ибн ал-Джаузи, использовавший более ранние, не дошедшие до нас источники. Он пишет, что огузы помещали Санджара на ночь в железную клетку, устанавливавшуюся внутри юрты. Султан, испытывая от этого невыносимые муки, громко причитал и жаловался небесам на свою горькую участь [224].

Интересные детали о пребывании Санджара в неволе приводит Минхадж ад-Дин Джузджани. «Они (огузы.— *С. А.*),— пишет историк,— стали при стремени [Санджара] и начали прислуживать ему как султану. Огузские военачальники — Тути, Коркут, Малик Динар, Ибрахим Хуттали и прочие соблюдали обычай [почитания] султанского престола. Сами же они дарили указы друг другу и разделили на части [весь] Хорасан. Они совершали все, что хотели сделать, говоря [при этом], что так повелел султан» [225].

Приведенные факты позволяют видеть, что огузская верхушка использовала восстание рядовых соплеменников в своих корыстных интересах. Вожди кочевников пытались сохранить основные звенья государственного аппарата, собирать налоги и подати. В этих целях они от имени пленного султана издавали фирманы, скрепленные правительственной печатью. Свою победу над Санджаром они хотели использовать для господства над всем Хорасанским султанатом. Экспансионистская политика огузской знати началась с захвата столицы Восточно-Сельджукского государства. Огузы дважды овладели Мервом — в августе и октябре 1153 г. [226]. Вначале они легко захватили беззащитную столицу, оставленную армией Санджара. Однако во второй раз население города оказало сопротивление огузскому войску. Мерв подвергся опустошению и был предан ужасному разграблению [227].

Раванди пишет, что огузы в течение трех суток начисто ограбили столицу Хорасанского султаната. В первый день они растаскивали золотые и серебряные изделия, шелковые и прочие дорогие ткани. В последующие двое суток они забирали медные, бронзовые, железные вещи, ковры, одеяла и другие предметы домашнего обихода. Огузы убили множество жителей города, пытали зажиточных людей, требуя выдать спрятанные богатства. Крайне жестоко они расправлялись с представителями высшего мусульманского духовенства: шейхами, факихами, хатибами, имамами. Ряд известных духовных лиц они умертвили, набив им рот землей или с помощью раскаленного железа [228]. Такой же участи они подвергли ряд служителей ислама в остальных захваченных ими местностях Хорасана.

Применение столь изощренных приемов убийства представителей мусульманского духовенства было не случайным. Скорее всего, это был акт мести, игравшей большую роль в общественной жизни кочевников. Дело в том, что перед началом похода на огузов Санджар попросил заключение (фетву) у видного

имама Мухаммада ибн Йахйи. Последний написал в ответ, что подданные (ра'ийат), противящиеся своему властителю, являются мятежниками. Имам благословил султана и заявил, что восставшие туркмены — «еретики» и поэтому их кровь дозволяется пролить. «Когда огузы,— пишет Наджиб Хамадани,— победили и захватили султана и овладели Хорасаном, то схватили Мухаммада ибн Йахйю и набивали ему рот землей, пока он не умер» [229].

Захват Мерва имел большое значение для огузских вождей, поскольку в столице находились казна и высшие правительственные учреждения. Город был центром богатого и плодородного оазиса, что возбуждало аппетиты кочевых предводителей. Поэтому не случайно, что огузский эмир Бахтийар стал требовать у Санджара отдать ему Мерв в качестве икта'. Султан отклонил его притязания, сказав, что «это — столица, которая не может быть ничьим икта'» [230].

Рассматриваемый эпизод позволяет уяснить истинные цели кочевой знати, которая хотела использовать благоприятную ситуацию для личного обогащения. Огузские эмиры стремились при удобном случае обрести земельные наделы и получать ренту с крестьян и ремесленников. Развитие данной тенденции привело в дальнейшем к созданию ряда огузских феодальных владений на обломках Восточно-Сельджукского государства.

Захват Мерва положил начало широким завоеваниям в Хорасане, организованным родо-племенной знатью огузов. После взятия столицы Восточно-Сельджукского государства огузы направились к Тусу и в ноябре 1154 г. овладели им. Они осадили Серахс и Мешхед, а в декабре того же года подошли к Нишапуру. Подобно Мерву, город несколько раз подвергался нападениям огузов. Легко овладев пригородом (рабадом) Нишапура, огузы не смогли взять «внутренний город» (шахристан), в котором укрылась местная знать. После захвата нишапурского рабада огузы совершили набег на Джувейн и Исфараин. Вернувшись, кочевые эмиры овладели шахристаном Нишапура [231]. Хотя жители города почти не оказали сопротивления, огузы разграбили его, убив несколько тысяч жителей [232].

После захвата Нишапура огузские эмиры овладели почти всей территорией Хорасана. Ибн ал-Асир пишет, что они разграбили и опустошили всю страну, за исключением Герата и Дихистана [233].

В зарубежной медиевистике огузская смута оценивается как чисто грабительское движение «хищнических орд», «жадных номадов», «варварских племен», «диких бедуинов» [234]. Однако такой подход к решению этой сложной проблемы требует некоторого уточнения. Восстание огузов началось как антифеодальное движение, но затем было использовано в своих целях их знатью. Огузская верхушка, ставшая во главе повстанцев, направила их выступление на грабежи и захваты. Несмотря на это, огузская смута на первом этапе сливалась в некоторой сте-

пени с выступлениями недовольных сельджукским режимом низших слоев Хорасана.

В отличие от рядовых номадов родо-племенная знать огузов стремилась прежде всего к захвату власти. Влиятельные эмиры, беки, сердары овладели страной и фактически правили от имени плененного ими Санджара. Действия огузских предводителей сопровождались грабежами, опустошениями, захватом пленных, разрушением городов и селений. Кочевые вожди лелеяли мечту о широких захватах на Ближнем и Среднем Востоке. Ибн Исфандийар свидетельствует, что Коркуд и Тути-бек направили послание правителю (исфахбаду) Табаристана, Шаху Рустаму Гази (1140—1163). Они предлагали исфахбаду заключить с ними договор, в соответствии с которым могли бы беспрепятственно пройти через его владения и завоевать Ирак. Коркуд и Тути-бек обещали за это поделить с властителем Табаристана всю добычу, которую они захватят в Ираке и сопредельных областях. Огузские эмиры обещали с каждого динара от военной добычи оставлять себе два данака, а остальное отдавать Рустаму Гази. Кроме того, они предлагали табаристанскому правителю разделить с ними «добычу Хорасана». Вожди огузов предлагали ему выгодные условия для совместного грабежа населения Хорасана. Себе они хотели оставлять четыре данака с каждого добытого мечом динара, а остальное выплачивать исфахбаду. Однако исфахбад Табаристана не принял эти условия и отказался от договора с Коркудом и Тути-беком [235].

Огузская смута дала толчок движению обездоленного люда и деклассированных элементов в Хорасане, Гургане, Дихистане. В эти события оказались втянутыми корпорации 'аййаров и других тайных организаций. Значительная часть низших слоев общества примкнула и действовала вместе с ними, производя грабежи в Хорасане [236].

После взятия Мерва огузское войско двинулось по серахской и абивердской дорогам к Нишапуру. В пути к нему примкнули ополчения из простонародья. «С ними (огузами.— *С. А.*),— сообщает Захир ад-Дин Нишапури,— соединились мошенники (рунуд), подонки (аубаш) Хорасана [237] и войсковые слуги, которых было в три раза больше, чем их (огузов.— *С. А.*) самих» [238].

Зимой 1154 г. огузы и присоединившийся к ним разношерстный люд, в том числе 'аййары и беглые солдаты, овладели, как говорилось, предместьем Нишапура. В рабаде с приходом огузов развернулась острая борьба между различными толками и сектами, в которой участвовали городские низы и сторонники местной верхушки. Огузы и их союзники использовали хашар — ополчение, вероятно, собранное из крестьян Нишапурского округа. Рашид ад-Дин пишет, что они привели в город «гауга-йи хашар» — «ополчение из черни» [239]. В Нишапуре вспыхнули пожары, начались грабежи, убийства, причем многие жители погибли в соборной мечети [240].

После взятия Нишапура к огузам примкнули новые отряды «мошенников», «подонков», а также «бунтовщиков» (ашрар аннас) большинства округов Хорасана [241]. Все главные дороги были перерезаны толпами «черни» и «бродяг» [242]. Активизировали свои действия исмаилиты, они убивали сановников (а'ийан) Восточно-Сельджукского государства [243]. В охваченных смутой областях разразился голод и начались эпидемии [244]. Стихийные бедствия и грабежи вынуждали жителей оставлять свои города и селения. В большинстве провинций светская и духовная знать бежала, спасаясь от «простонародной черни» (гауга-йи васвас) [245].

Острое противоборство, сопровождавшееся кровопролитием, развернулось в полусожженном и разоренном Нишапуре. «'Аййары,— сообщает Ибн ал-Асир,— ограбили Нишапур хуже огузов и совершали более дурные, чем делали те, поступки» [246]. Разгоревшаяся в городе социальная борьба проходила в форме религиозных столкновений. Она в основном шла между шиитами ('алидами) и сторонниками шафиитского мазхаба. 'Алиды опирались на «бродяг» и «нищих», а шафииты — на состоятельных горожан. Конфликт сопровождался кровавыми стычками и завершился победой шафиитов в 60-х годах XII в. [247].

События в Нишапуре отражают сложный клубок противоречий в Восточно-Сельджукском султанате. В развернувшейся острой социальной борьбе активную роль играли «бродяги» и «чернь шахристана» [248]. Однако вскоре движение низов обернулось против огузской знати, начавшей притеснять жителей Нишапура. После захвата города огузы назначили здесь шахну, который «жестоко угнетал, обижал и избивал людей» [249]. Он повесил на рынках Нишапура три мешка из козьих шкур, требуя наполнить их золотом. Непосильные поборы и насилия вызвали восстание. «Простой народ,— пишет Ибн ал-Асир,— взбунтовался против него (шахны — *С. А.*) и уничтожил всех, кто с ним был» [250]. Огузские эмиры воспользовались этим и устроили страшную резню (катл 'амм). Число убитых, подсчитанное лишь в двух кварталах города, составило 10 тыс. взрослых мужчин; 2 тыс. жителей заживо сгорели во время намаза в соборной мечети Мани. Кроме того, кочевые вожди увели в плен множество женщин и детей [251].

Охватившие Хорасан волнения и смуты докатились вплоть до отдаленных горных областей Гура и Гарчистана [252]. Повсюду, где появлялись огузские ополчения, происходили выступления обездоленного люда и деклассированных элементов. Ибн Исфандийар пишет, что, когда огузы прибыли в Дихистан [253], к ним примкнули «мошенники», «бродяги», «молодчики» (зур азмайан). Толпа насчитывала 50 тыс. человек, собравшихся из Амоля, Сари, Арема и других местностей Табаристана [254].

Наиболее значительным выступлением в Хорасане был мятеж крестьян под руководством «погонщика ослов» [255] Ахмада.

Восстание вспыхнуло в одной из деревень Нишапурского ок-

руга, а затем охватило соседние области Хорасана [256]. Ахмаду и его «сотоварищам и сторонникам» удалось овладеть множеством городов и селений. Восстание продолжалось в течение нескольких лет, держа в постоянном страхе местную знать. Поэтому нишапурская верхушка стала на путь искоренения смуты крестьян во главе с «погонщиком ослов». Началась длительная упорная борьба, окончившаяся поражением восставших. В 1160 г. Ахмад, осажденный в одной из своих крепостей, вынужден был капитулировать. Однако нишапурская аристократия не решилась сразу предать смерти популярного предводителя. Возник план использовать его в своих интересах, но все старания оказались тщетными. Вскоре «погонщик ослов» вновь поднял мятеж, укрепившись в одной из крепостей. Однако Му'аййид Ай Аба, бывший мамлюк Санджара, заставил Ахмада сдаться. Крестьянский вождь был закован в цепи, а затем предан казни [257].

Огузская смута заставила объединиться феодальных правителей Хорезма, Мавераннахра, Табаристана. После пленения Санджара «вельможные мужи» Восточно-Сельджукского султана отправили посольство к Арслан-хану Мухаммаду ибн Сулайману, караханидскому правителю (илеку) Самарканда, прося его о помощи. В числе бумаг этого посольства была и касыда поэта Аухад ад-Дина Анвари, известная под условным названием «Слезы Хорасана». В ней он выразил чаяния знати Хорасана и Ирана в самый разгар огузской смуты. Анвари пишет, что в его касыде «видны вздохи мужей вельможных — в свитке его заключена кровь мучеников». Поэт горько сетует на то, что при огузах «над великими [своего] времени саларами (начальниками) стали малые». Рисуя бедственное положение Хорасана, он говорит, что «свободнорожденные — в печали и ужасе и в лапах темницы; добродетельные — в плену и бедствии». Обращаясь к хакану Мавераннахра, Анвари восклицает: «Сжалься, сжалься над людом, который [теперь] не имеет [даже] ячменя, тогда как [прежде] он не думал о сахаре. Сжалься, сжалься над теми, которые не имеют [грубой] подстилки — тогда как [прежде] их тюфяки были из атласа» [258]. Соболезнуя «вельможным мужам» Хорасана, потерявшим власть, он просит правителя Мавераннахра освободить их от хашаров мятежников [259].

Напуганные огузской смутой правящие круги Средней Азии и Ирана стали объединяться в военный блок. Его душой стал Атсыз, который прежде не пропускал случая для ослабления своего сюзерена. Однако, когда Санджар потерпел поражение от огузов, Атсыз стал изображать покорного вассала. После разгрома армии Санджара он совершил рейд к Амуйе, где находилась одна из главных переправ через Амударью. Крепость Амуйе стояла на стратегически важном пути, который вел из Хорезма и Мавераннахра в Хорасан и Иран. Атсыз пытался овладеть ею, но комендант крепости отказался подчиниться Ануш-

тегинидам. Потерпев неудачу, хорезмшах возвратился, не оставив, впрочем, мысли о вмешательстве в дела Хорасана. В декабре 1153 г. Инал-Тегин, брат Атсыза, вторгся в область Байхак [260]. Однако весной следующего года он ушел оттуда, видимо, опасаясь нападения огузских эмиров.

Потерпев фиаско в стремлении захватить в одиночку Хорасан, Атсыз стал на путь создания антиогузского альянса. Очевидно, в душе хорезмшаха проснулся страх перед бунтарскими выступлениями в Восточно-Сельджукском султанате. Сохранилось письмо Атсыза к малику Систана, в котором описываются бедствия, свалившиеся на жителей Хорасана. Он пишет о насильственном захвате власти, распространении смут, пролитии крови, истреблении ученых, разрушениях медресе и мечетей, пытках «знатных и уважаемых людей». Хорезмшах отмечает, что «искоренение этого великого зла необходимо для всех мусульман» [261]. В том же письме Атсыз пишет, что «пока они (мятежники.— *С. А.*) не будут истреблены, дела вселенной не будут в порядке и их состояние не улучшится». Поэтому он горячо убеждает правителя Систана в необходимости «искоренения основ смуты».

Хорезмшах отправил также послов к вождям огузов, призывая их вступить в возглавляемый им союз. Атсыз в своем письме к Тути-беку предложил склонить огузский «хашам» к изъявлению покорности своему законному властелину — Санджару. «Для войска (хашам) гузов,— советовал хорезмшах,— будет верным протянуть руку извинения, следовать путем просьбы о прощении, изъявить покорность великой державе [Сельджукидов]». Атсыз обещал огузским вождям ходатайствовать перед «султаном мира» о пожаловании им «куска хлеба» (нан пара) и «пастбищ» (юрт-гах) [262].

К сожалению, не сохранился ответ огузских предводителей на предложения хорезмшаха. Однако, судя по всему, они были приняты. Письмо Атсыза к Тути-беку было написано в 1156 г., а в 1158 г. огузские эмиры обратились к племяннику Санджара малику Махмуду [263] с просьбой прибыть к ним, для того чтобы они «сделали его царем над собой». Ибн ал-Асир пишет, что огузы в том же году «остались в Балхе, расселились там, [отказавшись от] грабежей и убийств в Хорасане» [264]. Все это свидетельствует о том, что к исходу 50-х годов XII в. в действиях огузов наступил перелом. Вожди номадов идут на сближение с феодальными кругами Хорасана, Ирана и Афганистана, заключают договор о мире с главой нишапурской знати Му'аййидом Ай Абой. Воспользовавшись ослаблением социальных движений в Хорасане, они сумели затушить пламя огузской смуты. В источниках того времени больше не говорится о действиях «'аййаров», «рендов» и «аубашей», о расправах огузов над духовенством и чиновниками. Напротив, как следует из хроники Ибн ал-Асира, огузы «начали хорошо править и почитать ученых и имамов» [265].

После взятия Санджара в плен хорасанская знать провозгласила султаном Сулайман-шаха, который был его племянником и происходил из иракской ветви Сельджукидов. Сулайман-шах ибн Мухаммад, проживший много лет при Мервском дворе, считался наследником власти (вали 'ахд) султана Санджара. Очевидно, это обстоятельство сыграло главную роль при выборе его кандидатуры в качестве султана. Сулайман-шаха поддержало военное сословие, видевшее в нем законного преемника Санджара. После разгрома огузами султанской армии Сулайман-шах бежал в Табаристан, где правила вассальная династия Бавандидов. В начале сентября 1153 г. он ушел в Хорасан и был объявлен верховным султаном [266]. Начиная с этой поры в крае стала читаться хутба с именами двух «величайших султанов». В Мервской и других областях, захваченных огузами, провозглашалась здравица в честь Санджара. В Нишапуре и его округах, куда бежали эмиры Хорасана и везир Тахир ибн Фахр ал-Мульк, читалась хутба на имя Сулайман-шаха.

Новый султан пытался дать отпор мятежным огузам, которые в это время двигались к Нишапуру. Разгромив передовые отряды кочевников между Мервом и Нишапуром, Сулайман-шах и его военачальники организовали контрнаступление. Султанское войско направилось к Мерву, но в первом же бою с основными силами огузов в панике бежало. В декабре 1154 г., после захвата Туса, огузы снова подошли к Нишапуру. В городе, как отмечалось выше, с их приходом разыгрались драматические сцены кровопролитной борьбы.

Поражение хорасанской знати в войне с огузами привело к свержению с трона Сулайман-шаха, который оказался неспособен одновременно бороться с несколькими противниками — огузскими эмирами и бывшими сельджукскими военачальниками, захватившими ряд провинций и городов Хорасана и Ирана. В апреле или мае 1154 г., после смерти Тахира ибн Фахр ал-Мулька, Сулайман-шах ушел с остатками войска в Дихистан. Тогда эмиры провозгласили султаном другого племянника Санджара — Махмуда ибн Богра-хана [267]. В конце 1154 г. хутба с его именем уже читалась во всех мечетях Хорасана.

Махмуд-хан был сыном сестры Санджара и караханидского правителя Арслан-хана Мухаммада. После битвы при Катаване Махмуд бежал вместе со своим дядей в Термез. Карахитаи, захватив Мавераннахр, посадили вместо него на трон Самарканда его брата Тамгач-хана Ибрахима (1141—1156). Вплоть до пленения Санджара Махмуд-хан оставался в Хорасане. Будучи избран на царство, он продолжал войну с огузами, причем его войска доходили до Мерва и Герата.

В то время как Махмуд был занят борьбой с огузами, Нишапуром овладел бывший мамлюк Санджара — Му'аййид Ай Аба. Заключив в конце 1155 г. договор о перемирии с огузскими предводителями, он отказался подчиняться Махмуду, вернувшемуся из очередного похода против огузов. Лишь в результате

длительных переговоров между ними было достигнуто соглашение, давшее возможность продолжить военные действия против огузов. Борьба Махмуда с огузскими эмирами, продолжавшаяся до 1157 г., оказалась безуспешной, так как отнять у них Хорасан ему не удалось, несмотря на поддержку Атсыза [268].

В 1156 г. Атсыз вместе со своим сыном Иль Арсланом снова пошел в Хорасан. Находясь в Шахрастане, хорезмшах узнал о бегстве Санджара из огузского плена. Атсыз вступил в переговоры с племянником султана Махмуд-ханом и сельджукскими военачальниками. Он наладил также переписку с исфахбадом Табаристана, гуридским султаном ʻАла ад-Дином и систанским маликом Тадж ад-Дином Сури. Хорезмшах отправил поздравительное письмо Санджару, который прибыл в это время в крепость Термез.

Избавление Санджара из огузской неволи приписывается то Муʻаййиду Ай Абе, то ʻИмад ад-Дину Ахмаду ибн Бакру Кумачу. Наиболее подробный рассказ об этом происшествии содержится в труде Раванди. Историк пишет, что, когда огузы во главе с Коркутом и Тути-беком прибыли в Балх, Муʻаййид Ай Аба подкупил огузских воинов, пообещав им «нан пара», т. е. кормление в виде жалованья либо земельных наделов. Однажды, когда очередь караулить Санджара дошла до этих воинов, они отправились вместе с султаном якобы на охоту на берег Амударьи. Место это находилось на другом берегу реки, напротив Термеза. Муʻаййид Ай Аба с тысячью всадников ждал султана в условленном месте, приготовив лодки. Санджар благополучно переправился через Амударью и вступил в Термез, который на время превратился в столицу (дар ал-мульк) Хорасана [269].

Освободившись из плена, Санджар отправил во все стороны гонцов с призывом присоединиться к нему. В Термезе, где укрепился султан, намечался план грандиозного наступления на огузов силами хорезмшаха, правителей Гура, Систана, Табаристана. Одновременно через Атсыза велись переговоры с огузскими вождями Коркутом и Тути-беком. Однако этому плану не было суждено претвориться в жизнь. В конце июля 1156 г. внезапно скончался Атсыз, шедший на помощь Санджару из Хорасана. Пройдя от Шахристана и Нисы до Хабушана (совр. Кучан), он умер, оставив престол Иль Арслану [270].

Вскоре после этого на глазах Санджара разыгрались события, положившие конец всяким надеждам на восстановление его власти в Хорасане. Дело в том, что в Термезе собрались военачальники, которые всегда грызлись между собой за место у султанского трона. Среди них были Муʻаййид Ай Аба, прибывший на помощь к Санджару из Нишапура, эмиры ʻИмад ад-Дин Абу-л-Фатх Ахмад ибн ʻАла ад-Дин Абу Бакр ибн Кумач и Кай Аба ал-Кумач, который давно враждовал с Муʻаййидом. Находясь в Термезе, Муʻаййид Ай Аба пригласил однажды к себе в гости Кай Абу и убил его во время игры в нарды. ʻИмад ад-Дин Ахмад, узнав об этом, ворвался со своими людьми во дворец

Санджара, убил часть его эмиров и приближенных и запер ворота Термеза. Однако Му'аййид Ай Аба, отправленный накануне султаном в Саганиан, вернулся и осадил крепость. Садр ад-Дин ал-Хусайни сообщает, что «солдаты [Санджара] восстали и между войском и султаном произошли отдельные стычки». Наконец было достигнуто соглашение о том, что 'Имад ад-Дин Ахмад выпустит Санджара из Термеза. В рамазане 551 г. х. (1157 г.) султан ушел оттуда в Мерв [271].

Санджар поселился в своем пригородном замке (даулат-хане) Андарабе, располагавшемся под Мервом. Замок образно назывался Каср-и садикан-и Марв (Замок друзей Мерва) [272]. Султан разослал повсюду послания, рассчитывая на помощь дружественных соседних властителей. Однако шансов на восстановление фактически распавшегося султаната уже не оставалось. Казна была пуста, войско больше не слушалось одряхлевшего повелителя. Множество хорасанских крестьян и горожан разбежалось в сопредельные края. Санджар заболел от потрясений и умер 29 апреля 1157 г. Его похоронили в сооруженном в Мерве при его жизни мавзолее — Дар ал-Ахира (Дом последнего прибежища) [273]. Расположенное на городище Султан-Кала, около нынешнего Байрам-Али, это здание стало потом известно как Мавзолей султана Санджара [274].

Печальная участь престарелого султана — главы некогда могучего государства — произвела глубокое впечатление на всем мусульманском Востоке. Его имя стало нарицательным, символизирующим превратности человеческих судеб [275].

В исторической литературе распространено мнение о том, что смерть Санджара ознаменовала конец Восточно-Сельджукского государства. Однако на самом деле падение Хорасанского султаната произошло не со смертью султана в 1157 г., а вслед за разгромом его армии балхскими огузами весной 1153 г. После этого события основная часть областей султаната перешла в руки огузских вождей, правителя Табаристана Рустама Гази и Му'аййида Ай Абы. Откололись от султаната и вассальные окраины, получившие независимость. Восточно-Сельджукское государство, таким образом, уже в 1153—1154 гг. было не более чем призраком, который тщетно пытался оживить преемник Санджара, его племянник Махмуд. Он получил от иракского Сельджукида, Махмуда ибн Мухаммада, инвеституру на правление и владение Хорасаном.

После смерти Санджара Махмуд-хан недолго оставался в Мерве, так как на Хорасан снова двинулись огузские эмиры, которые перед тем «остались в Балхе, расселились там, отказавшись от грабежей и убийств в Хорасане» [276]. В августе—сентябре 1158 г. огузы направились из Балха в Мерв, а Махмуд-хан со своей армией ушел в Серахс. В конце октября между войсками Махмуда и огузами произошло крупное сражение в окрестностях Серахса. По свидетельству Ибн ал-Асира, битва продолжалась три дня и закончилась полным разгромом хора-

санских войск. После одержанной победы огузы завладели Серахсом, а султан Махмуд бежал в Гурган. Таким образом, значительная часть Хорасана снова оказалась в руках огузских вождей [277].

В 1159 г. огузские эмиры отправили посольство к султану Махмуду с просьбой прибыть к ним, чтобы они назначили его маликом (царем) над собой, но Махмуд отказался от приглашения. Тогда они попросили его прислать к ним своего сына Джалал ад-Дина 'Умара, на что он дал согласие, обусловив его «договором и обязательствами» [278]. В мае 1159 г. Джалал ад-Дин, торжественно встреченный огузскими вождями, вступил в Нишапур.

Обретя «законного» султана, огузская знать продолжила грабежи в Хорасане. Летом того же года ей удалось захватить и разорить г. Радакан в области Тус.

В июле 1160 г. огузские эмиры вместе с Джалал ад-Дином двинулись в Байхак и осадили г. Себзевар [279]. Однако осада оказалась безуспешной, и они ушли в Нису и Абиверд, где находился со своим войском Махмуд-хан. В конце июля — начале августа 1160 г. огузские эмиры соединились с Махмуд-ханом и признали его своим султаном вместо Джалал ад-Дина.

Уходом огузского войска воспользовался Му'айяид Ай Аба, бежавший перед тем в Гурган. Он овладел Нишапуром. Против него выступила огузская аристократия, и ему пришлось бежать. Однако после ухода огузских отрядов Му'айяид вместе с шафиитским факихом ал-Муайяидом ибн ал-Хусайном ал-Муваффаки опять овладел Нишапуром. Опираясь на шафиитов и нишапурскую знать, он принялся за подавление беспорядков и смут. Весной 1160 г. Му'айяид направился в Байхак, захватил крепость Хусравджирд и пытался взять Себзевар, но потерпел неудачу и ушел обратно [280]. В результате ряда походов в его руках оказались Нишапурская и Тусская провинции. Султан Махмуд и огузские эмиры вынуждены были признать Му'айяида Ай Абу правителем Туса и Нишапура, но это не означало прекращения между ними вражды.

Летом 1160 г. султан Махмуд и огузские вожди, воспользовавшись конфессиональной борьбой в Нишапуре, осадили город. Осада длилась до конца августа 1160 г., но взять Нишапур им не удалось. Видимо, это в какой-то степени объяснялось раздорами между огузскими эмирами и султаном, из-за которых Махмуд бежал со своим сыном в Нишапур. После этого огузы сняли осаду и ушли обратно, разорив по пути Тус.

Му'айяид Ай Аба, заполучив Махмуда, приказал ослепить его. Той же участи подвергся и Джалал ад-Дин. «Дни их жизни оказались недолгими,— пишет Ибн-Ал-Асир,— скончался султан Махмуд, а затем — его сын от страданий, испытанных после смерти отца» [281]. Таким образом, к середине 1160 г. прекратилась хорасанская ветвь династии Сельджукидов.

В обстановке новой полосы феодальной анархии с особой

силой разгорелась кровавая борьба за раздел бывших восточно-сельджукских владений между огузскими эмирами и властителями Табаристана, Хорезма и Гура. В результате длительных войн на обломках Восточно-Сельджукского государства в 50—60-х годах XII в. образовался ряд крупных и мелких феодальных владений.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В ХОРАСАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Значительная часть областей Восточно-Сельджукского государства оказалась в 60-х годах в руках одного из военачальников Санджара, бывшего мамлюка, эмира Му'аййид ад-Дина Ай Аба. После гибели султана Махмуда ибн Мухаммада и его сына Джалал ад-Дина он провозгласил хутбу на имя багдадского халифа ал-Мустанджида би-л-лаха (1160—1170). Му'аййид Ай Аба носил громкий титул: «император [хусрав] Хорасана, царь [малик] Востока». В 1161 г. он направился к Шахрастану, который был захвачен им в результате длительной осады в июле или августе 1162 г.[282]. Однако на следующий год Му'аййид Ай Аба потерпел поражение от эмира Иргаша, правившего округом Хаф[283]. Несмотря на эту неудачу, Му'аййид Ай Аба вскоре двинулся на Бушендж[284], что вызвало ответный поход гуридской армии, выступившей к Герату. Му'аййид ад-Дин, не рискуя начать сражение с грозным противником, вернулся в Нишапур, но в 1163 г. ему удалось овладеть Бастамом и Дамганом в округе Кумис[285].

Феодальная анархия, царившая в Иракском султанате в 60-х годах, благоприятствовала агрессивным намерениям правителя Нишапура. Пока султан Гийас ад-Дин Сулайманшах был занят подавлением мятежей в Ираке, Му'аййид Ай Аба мог не опасаться за свой западный тыл. Однако после восшествия на иракский престол Му'изз ад-Дина Арсланшаха ибн Тогрула (1161—1176) он выразил покорность западно-сельджукскому султану. В своих владениях Му'аййид Ай Аба установил хутбу с именем сельджукского правителя Ирака Арсланшаха ибн Тогрула[286].

В 1163 г. Му'аййид двинулся на Нису, но был вынужден отступить под натиском войска хорезмшаха Иль Арслана (1156—1172). Му'аййид Ай Аба не остановился на этом и начал упорную борьбу за Хорасан с преемником Атсыза, но перевес явно склонился на сторону Ануштегинидов. В 1167 г. правитель Нишапура, владевший также Кумисом и Тусом, обратился за помощью к Шамс ад-Дину Ильденизу, атабеку султана Му'изз ад-Дина Арсланшаха. Хорезмшах Иль Арслан в то время угрожал взятием Нишапура, но этому помешало прибытие в Хорасан войска Шамс ад-Дина Ильдениза. Иль Арслан снял осаду Нишапура, длившуюся почти два месяца, и ушел в Хорезм. Вскоре между Иль Арсланом и Му'аййидом Ай Аба был заклю-

чен мир, так как правитель Нишапура опасался иракского атабека не менее, чем хорезмшаха [287].

В 1163 г. население Герата, ожидая нападения огузов, попросило военной помощи у правителя Нишапура. В ответ на эту просьбу Му'аййид отправил один отряд в Герат, а другой — против огузов Мерва и Серахса. Воины Му'аййида захватили на Мургабе большую добычу, главным образом табуны коней. Внезапный рейд нишапурского отряда на Мерв заставил огузов вернуться из Герата в долину Мургаба.

В 1172 г. Му'аййид Ай Аба совершил поход в Хорезм, где шла ожесточенная борьба между Султаншахом и Текишем. Нишапурское войско, достигнув небольшого городка Субурна [288], было разбито армией хорезмшаха Текиша. Му'аййид Ай Аба бежал с поля битвы, но был схвачен и убит [289]. Правителем Нишапура стал его сын Абу Бакр Туганшах, у которого не было энергии и воли отца. Джувайни пишет, что он был «другом бубна и лютни», предавался развлечениям и пьянствовал. Однако бурные события в Хорасане не обошли стороной и его. Абу Бакр Туганшах невольно оказался втянутым в междоусобицы Ануштегинидов и кровопролитное противоборство за Хорасан. Он вмешался в спор за Серахс между огузами и Султаншахом, бежавшим туда из Хорезма. Однако действия отправленного в Серахс Туганшахом отряда были неудачны [290].

В 1186 г. после смерти Абу Бакра Туганшаха правителем Нишапура стал его сын Санджаршах. Новый властитель оказался под стать своему отцу; он отошел от дел управления, отдав их в руки временщика Менгли Тегина. Самовластное правление этого фаворита вызвало внутренние раздоры, приведшие к захвату Нишапура в 1187 г. хорезмшахом Текишем [291].

Как уже отмечалось, распад государства Сельджукидов Хорасана привел к образованию множества небольших феодальных владений во главе с бывшими военачальниками Санджара. Одним из них был эмир Ихтийар ад-Дин Айтак [292]. Воспользовавшись наступившей анархией, он овладел Хавераном [293]. В 1157 г., собрав, по выражению Ибн ал-Асира, «шайку грабителей», Айтак стал контролировать территорию между Нисой и Абивердом. Однако ему не удалось здесь удержаться надолго, и пришлось бежать в Дихистан. Табаристанский исфахбад Рустам Гази [294] отдал ему в управление Гурган, по-видимому, в 1157 г., после ухода оттуда огузов. Айтак принял активное участие в войнах исфахбада с огузами в качестве его вассала. В одном из сражений Айтак, находившийся на правом крыле войска Рустама Гази, бежал с поля битвы. Огузская конница, воспользовавшись этим, смяла рать табаристанцев, которые понесли большие потери. Огузы преследовали врага на большом расстоянии, убив несколько тысяч человек. Исфахбад ушел в Табаристан, где набрал новую рать и снова двинулся на огузов, заставив их отступить в Хорасан [295].

В период распада Восточно-Сельджукского государства воз-

никает ряд владений в Хорасане во главе с огузскими вождями. В западных областях нынешнего Туркменистана, в зоне бывших сельджукских пограничных пунктов (уджей) расселились йазыры. Их предводитель Йагмур-хан сумел объединить под своей властью не только йазыров, но и подразделения других племен, создав крупное владение, граничащее на севере с Хорезмом, а на западе — Мазендераном и Табаристаном. Йагмур-хан вел самостоятельную политику, но она не устраивала ни Иль Арслана, ни Рустама Гази.

В 1160 г. хорезмшах Иль Арслан, подстрекаемый Айтаком, напал на Йагмур-хана. Тот бежал в Хорасан к своим соплеменникам огузам и попросил у них помощи. Огузы двинулись через Нису и Абиверд на Айтака, владевшего Дихистаном. Айтак, в свою очередь, обратился за подмогой к Рустаму Гази. Правитель Табаристана пошел на огузов с огромной армией, набранной из курдов, дейлемцев и туркмен Абескуна [296]. Соединившись с Айтаком, он дал бой огузскому войску. Огузы направили главный удар против отрядов Айтака. Тот бежал с поля боя, за ним последовала и рать исфахбада. Айтак ушел в Хорезм, а огузские ополчения вступили в Дихистан, близ которого и произошло это кровопролитное сражение. В начале 1161 г. огузы взяли штурмом крепость Дихистан, пробив осадными машинами ее стены. Затем они захватили и разрушили Гурган, после чего возвратились в Хорасан. Айтак после ухода огузского войска двинулся в Дихистан, который снова оказался под его властью. В 1161 г. он совершил нападение на округ Джувейн, где правил бывший сельджукский эмир Бугра Тегин Бозгуш ал-Джаракани. Благодаря завоеванию Джувейна Айтак усилился и набрал большое войско. Однако самостоятельно управлять своими владениями он не мог и вынужден был подчиниться хорезмшаху Иль Арслану. В Гургане и Дихистане в пятничной хутбе стало упоминаться имя Ануштегинида, но в 1165 г. Айтак сделал попытку стать независимым. Выступление против хорезмшаха оказалось безуспешным, и Айтак лишился Дихистана, перешедшего под власть Иль Арслана [297].

Между тем Йазырское ханство постепенно расширилось, включив земли Бахарденского оазиса, где располагалась его столица — Шехр Ислам [298]. Западные рубежи владений йазыров достигали Мисрианской равнины, центром которой был Дихистан, входивший в состав Гургана. Йазырское ханство, как и другие огузские этнополитические образования, просуществовало вплоть до начала XIII в. В правление хорезмшаха 'Ала ад-Дина Мухаммада II (1120—1122) Йазырский юрт отошел к Хорезму [299].

Огузские предводители создали также свои владения в захваченном ими Мерве и Серахсе, на юге нынешнего Туркменистана. В период смуты в Хорасане, после взятия в плен Санджара, здесь постепенно утвердил свою власть огузский эмир Динар [300]. Он принадлежал к той части вождей огузов, которые

от имени плененного ими султана раздавали друг другу земли, поделив на части почти весь Хорасан [301]. Афзал ад-Дин Кермани пишет, что Динар происходил из знатного рода, его предки были правителями в Мавераннахре и Хорасане. В его подчинении находились 20 тыс. человек, он предводительствовал большим войском [302]. Динар, как и другие вожди огузов, мог передавать свою власть по наследству. Он носил титул «малик», а впоследствии стал шахом Кермана [303].

Средневековые источники, к сожалению, не содержат данных о правлении Динара в Мерве и Серахсе. Археологическое обследование показало, что сельские районы в долине Мургаба переживали во время огузской смуты «тяжелый экономический упадок» [304]. В значительной степени это было связано с прорывом около 1163 г. плотины Султанбент на Мургабе. Хафиз-и Абру пишет, что после этого в течение 30 лет в Мерве не было воды для орошения полей. «Многие жители,— сообщает он,— ушли, наступило полное разорение, длившееся до тех пор, пока плотину не восстановили люди, присланные хорезмшахом» [305]. Таким образом, Мервский оазис, как указал в свое время В. В. Бартольд, длительный период переживал «тяжелые бедствия» [306].

Очевидно, не лучшие времена в период огузской смуты пережил и Серахс, где наблюдалось запустение ряда селений. В конце XI в. Мерв и Серахс относились к «пустынным местностям», причем большая часть Серахсской области превратилась в пастбища [307].

Правление огузов в Мерве и Серахсе продолжалось до начала 80-х годов, когда ими завладел Султаншах, сын хорезмшаха Иль Арслана. Оказавшись побежденным в борьбе с Текишем, он ушел в Хорасан. В 1180 г. он напал на Серахс. Однако овладеть городом, несмотря на внезапность нападения, ему не удалось. Вскоре он ушел в Мерв. Отсюда Султаншах начал беспрерывные набеги на серахских огузов. Динар обратился за помощью к Туганшаху, сыну Му'аййида Ай Аба, предложив отдать ему Серахс в обмен на Бастам [308]. Туганшах дал согласие, и Динар ушел из Серахса, где стал править эмир Каракуш.

Султаншах двинулся на Серахс с трехтысячной армией, но против него выступило нишапурское войско. Туганшах и Динар с десятитысячной ратью подошли к местности Асийа-и Хафс, где 13 мая 1181 г. произошло упорное сражение. Султаншах одержал победу, после чего малик Динар ушел из Хорасана [309]. Афзал ад-Дин Кермани пишет, что огузы, составлявшие 5 тыс. всадников, вместе с обозом, женами и детьми прибыли в Кубнан [310]. Они были так сильно ограблены Султаншахом, что не имели даже одежды. Однако вскоре они усилились, разорив значительную часть Кермана, находившегося в руках Сельджукидской ветви Кавурдидов. Динару при поддержке Самсама, Балака, Кайсар-бека и других огузских вождей удалось после упорной борьбы овладеть в 1187 г. всем Керманом [311]. Огузская

знать, покорив Керман, создала здесь свое государство, просуществовавшее почти до XIII в.

Собственное владение огузам удалось основать также в Газне, куда проникла большая масса кочевников после разгрома в 1153 г. армии Санджара. Обосновавшись в Центральном Афганистане, огузы нападали на селения и города, разоряя и грабя страну. В 1161 г. на престол Гура взошел сын 'Ала ад-Дина Хусайна, Сайф ад-Дин Мухаммад. Собрав большие силы, он в 1163 г. сразился с огузами под Марваррудом, но был разгромлен и сам погиб в битве. Одержав победу, огузские эмиры ворвались в Газну, покинутую султаном Маликшахом ибн Хусравшахом (1160—1183). Газневидский султан бежал в Лахор, который являлся, по словам Фахр ад-Дина Мубаракшаха, «центром ислама в Индии» [312]. Огузы, предводительствуемые Зангн ибн 'Али, сыном Халифа аш-Шайбани, овладели значительной частью страны. Помимо самой Газны они захватили Кабул и Забул, находившиеся в руках Хусрав Малика [313]. Созданное ими здесь феодальное владение, просуществовав около 12 лет, было ликвидировано правителем Гура. В 1174 г. Гийас ад-Дин Мухаммад Сам из династии Шансабидов захватил Газну и изгнал огузов из Центрального Афганистана [314]. Гуридский султан Му'изз ад-Дин Мухаммад (1173—1206) сделал затем попытку овладеть всем Хорасаном. Однако его агрессивные намерения столкнулись с захватническими устремлениями Ануштегинидов. Многолетняя упорная борьба Гуридов с хорезмшахами закончилась победой Ануштегинидов, завоевавших Хорасан и другие владения Сельджукидов [315]. В конце XII — начале XIII в. земли просуществовавшего около столетия Восточно-Сельджукского султаната, распавшегося на отдельные княжества, перешли под власть правителей Хорезма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые симптомы распада державы «Великих Сельджукидов» наметились уже во второй половине XI в. Бурное развитие системы икта', его дальнейшая трансформация в безусловную земельную собственность подточили устои империи. Началось постепенное обособление различных частей обширной державы в самостоятельные владения и государства, из которых наиболее крупными стали Румский, Иракский и Хорасанский султанаты. Развал империи был также следствием ее гетерогенного характера, отсутствия исторически сложившегося экономического единства между входящими в ее состав крупными регионами, наличия культурно-бытовых, конфессиональных и других существенных различий.

Политическая история Сельджукидской державы конца XI — начала XII в. характеризуется наступлением феодальной анархии, сопровождавшейся упорной борьбой за верховную султанскую власть. Сценами дикого произвола и кровопролитной борьбы было наполнено царствование юного Беркйарука. Разнузданная военщина перестала оказывать даже символическое почтение своему правителю. Падение авторитета султанской власти было настолько очевидным, что вызвало едкое замечание одного из придворных Беркйарука. Наблюдая воочию произвол эмиров, таштдар, начальник умывального приказа, сказал, что «великое племя сельджуков» утратило свою мощь и «чувство собственного достоинства» [1].

Смутная пора конца XI — начала XII в. знаменуется постепенным обособлением Северного Хорасана и юго-западных областей Средней Азии в самостоятельное Восточно-Сельджукское государство. В правление султана Беркйарука значительной частью территории современного Туркменистана и Западного Ирана овладел Арслан Аргун. Однако эти области недолго оставались под его властью, не имевшей твердой социальной опоры. В 1096 г. Хорасан оказался в руках Беркйарука, назначившего в качестве наместника эмира Дада Хабаши. Однако в 1098 г. он был разгромлен Санджаром ибн Маликшахом, правившим Балхской областью. В силу договора 1104 г., заключенного между Беркйаруком и Мухаммадом Тапаром, Санджар был признан маликом Хорасана [2]. Опираясь на мамлюкских предводителей и вождей кочевых племен, Санджар в сравни-

тельно короткое время расширил границы Восточно-Сельджукского государства.

Судьбоносное значение в истории Хорасанского султаната имело карахитайское нашествие, сопровождавшееся массовыми передвижениями кочевых племен из Центральной Азии в Среднюю Азию и Казахстан. Грандиозные миграции номадов с востока на запад происходили не только под давлением киданей. Очевидно, это было результатом общего процесса крупных перемещений в X—XI вв. «монгольских племен из северных и западных районов нынешней Маньчжурии на территорию современной Халхи и вытеснения монгольскими племенами тюркских племен» [3]. Тревожная обстановка, создавшаяся на восточных границах исламского мира, породила хадис — предание, восходящее якобы к самому пророку Мухаммаду, в котором предсказывалось гибельное вторжение кочевников с востока в пределы Хорасана. «В некоторое время,— говорилось в хадисе,— появится муж, который направится к берегу Джейхуна, а затем во главе огромного войска выйдет за пределы Востока. Он разгромит владыку Хорасана и тюрок-хитаи [4]. Это будет сильный человек с большим животом и большой головой, с громким голосом и со следами оспы. На его правой руке будут одна или две родинки. Он завоюет Хорасан. И имя его будет такое же, как название городка в области Ал-Джазира. Он поселится в Мерве, который захватят его всадники и пешие войска. Но хотя он одержит верх над владыками, его самого победят огромные полчища, которые придут с Востока и из Китая. Его держава после этого станет слабой, а после него в Хорасане будут большие смуты» [5].

Поражение султана Санджара в битве под Самаркандом привело к ликвидации его власти над Мавераннахром. Началась волна антисельджукских восстаний и сепаратистских движений в зависимых окраинах — Хорезме, Гуре, Газне. Хотя «величайшему султану» и удалось нейтрализовать этот удар, его политическое влияние в вассальных странах значительно ослабело. Окружавшая султанский трон феодальная знать старалась компенсировать утрату доходов от военной добычи и получения дани усилением эксплуатации собственных подданных. Сельджукское правление в еще большей степени, чем прежде, стало олицетворением несправедливого режима. В анонимном трактате XI в., отражающем мировоззрение городского населения Ирана, говорится, что «воины и лихоимцы являются злом». Автор этого сочинения пишет, что «угнетатели бывают трех видов — правители, султаны и тюрки». Здесь под «тюрками» имеются в виду представители династии Сельджукидов и военные, основной контингент которых состоял из мамлюков тюркского происхождения. Автор трактата относит их всех к числу «притеснителей» и «нечестивцев», обогатившихся путем насилия и вымогательства [6].

Гнету подвергалось не только оседлое, в своей основной

массе ираноязычное население, но и сами кочевые тюркские племена Восточно-Сельджукского государства. Стремление нажиться за счет номадов и установить над ними жесткое управление вызвали в 1153 г. протест и восстание огузов Балха.

Следует отметить, что в истории всех обществ и государств острый политический и социальный кризис порождал тягостное предчувствие скорой гибели. Поэтому возникала тяга к астрологическим предсказаниям, к стремлению заглянуть в будущее. В этом отношении не был исключением и Восточно-Сельджукский султанат. В Мерве накануне поражения Санджара от огузов произошел такой случай. Служивший при дворе султана поэт Анвари предсказал по положению звезд ураган, который уничтожит города и селения Хорасана. Жители столицы в страхе попрятались в наспех вырытых подземных и других укрытиях, но вопреки прорицанию установилась тихая безветренная погода. Санджар вызвал Анвари и стал укорять за ложное предсказание, но поэт сказал в ответ, что бедствие непременно свершится. Осмеянный жителями Мерва, Анвари вскоре бежал из города, но не успел он добраться до Нишапура, как балхские огузы, словно буря, обрушились на Хорасан [7].

Приведенный рассказ, содержащийся во многих антологиях средневековой персидско-таджикской литературы, представляет собой историческое предание. Тем не менее оно образно передает тревожную обстановку накануне падения Восточно-Сельджукского султаната.

Восстание балхских огузов было вызвано рядом причин, но главную роль при этом сыграла попытка сельджукского правительства обратить их из «личных султанских подданных» в обычных ра'ийатов, находящихся во власти шахны. Институт шахны по отношению к кочевникам можно рассматривать как своеобразный вариант икта', связанный с административным управлением и передачей государственной прерогативы на взимание налогов.

Изменение общественного статуса огузов Саганиана, Тохаристана и Хутталя означало не только перемену формы управления, но и введение новых податей и сборов. В конечном счете все это вело к установлению жесткого контроля и фактическому закабалению свободных кочевников. Отстаивая свои права, огузы не признали законность передачи их под власть шахны в лице 'Имад ад-Дина Кумача. В результате происшедшей на этой почве кровавой стычки они убили в бою 'Ала ад-Дина, сына правителя Балха. Сельджукские эмиры, воспользовавшись удобным случаем, организовали поход на мятежников, но весной 1153 г. потерпели сокрушительное поражение от огузов. Начавшись как справедливая ответная реакция на социальный гнет, это восстание превратилось затем в свою противоположность. Огузская знать использовала движение соплеменников для организации грабежей, убийств и установления своей власти над Хорасаном.

Разгром огузами армии Санджара и захват его в плен под Мервом привели к развалу Восточно-Сельджукского государства. Вопреки распространенному в исторической литературе мнению, падение Хорасанского султаната произошло в 1153 г., а не после кончины Санджара в 1157 г. Поражение огромной султанской рати под Балхом привело к бегству хорасанских эмиров к правителю Табаристана, захватившему прикаспийские области Ирана и часть нынешнего Юго-Западного Туркменистана[8]. Другая часть Хорасана, а также Гурган оказались под властью «любителя грабежей» эмира Ихтийар ад-Дина Айтака. В степях Мангышлака и Прибалханья образовалось владение огузов-йазыров во главе с Йагмур-ханом. Власть над Нишапурской провинцией захватил бывший мамлюкский предводитель Му'аййид Ай Аба. Мервской, Сарахской, Хаверанской и другими областями владели огузские вожди, главными из которых были Коркуд, Тути-бек и Динар. Политическую самостоятельность наряду с освободившимся ранее Хорезмом обрели Систан, Газна и Гур. Сулайман-шах и Махмуд-хан — преемники Санджара — тщетно пытались оживить призрак Хорасанского султаната. Развал Восточно-Сельджукского государства очистил путь для возвышения молодой сильной державы Ануштегинидов.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] В настоящей работе термином «Сельджукиды» обозначается династия, которая воцарилась в XI в. в Средней Азии, странах Ближнего и Среднего Востока, в части Закавказья и Малой Азии. Название «сельджуки» прилагается к находившимся под властью этой династии тюркоязычным племенам, основное ядро которых состояло из огузов и туркмен. Соотношение между данными этнонимами и их конкретно-историческое содержание освещены в работах советских и зарубежных исследователей. См.: *Бартольд.* Очерки, с. 547—623; *Якубовский.* Вопросы этногенеза, с. 48—54; *Толстов.* Пережитки тотемизма, с. 3—41; *Толстов.* Огузы, с. 49—51; *Росляков.* Туркмены, с. 73—105; *Агаджанов.* Новые материалы, с. 12—27; *Агаджанов.* Огузская проблема, с. 6—26; *Лившиц.* Согдийские документы, с. 179; *Бангуоглу.* Огузы, с. 10—26; *Кафесоглу.* Имя «туркмен», с. 114—150; *Каэн.* Дооттоманская Турция, с. 8; *Сюмер.* Огузы, с. 1—2, 51—52.

[2] Газневиды — тюркская династия, вышедшая из среды гулямов — привилегированных рабов. Родоначальником династии был служивший в войске Саманидов (875—999) военачальник (сипахсалар) Алп Тегин, захвативший в 962 г. Газну — один из городов Южного Афганистана. Основанное им небольшое владение превратилось в конце X — первой трети XI в. в крупную державу, в состав которой помимо Афганистана и Пенджаба вошли области Западного Ирана и значительная часть Средней Азии. См.: *Босворт.* Газневиды, с. I—XI и сл.

[3] Хорасан — историческая провинция, в которую входили южная часть Средней Азии, Западный Иран и Северный Афганистан. Согласно данным персидской «Географии» X в., территория Хорасана простиралась на востоке до пределов Индии, на юге — до пустыни Кергес-Кух, на западе — до Гургана, а на севере — до Амударьи (Худуд, изд. Бартольда, л. 19а). «Хорасан на языке пехлеви означает приятную по климату и плодородную страну» (*Гургани.* Висрамиани, с. 104). См. объяснение названия «Хорасан» и в труде ас-Сам'ани. Границы Хорасана определяются также в сочинениях ал-Истахри и ас-Сам'ани (см.: *ал-Истахри.* Масалик, с. 253; ас-Сам'ани. Ансаб, л. 191б).

[4] Аббасиды пришли к власти в Арабском халифате в 750 г., они перенесли столицу из Дамаска в Багдад. В исследуемый период халифы этой династии оказались под военным и политическим контролем Буидов, правивших в Западном Иране. Буиды захватили в 945 г. Багдад и лишили Аббасидов светской власти (*Босворт.* Дайламиты, с. 73—95).

[5] Йангикент был расположен в низовьях Сырдарьи, в Западном Казахстане на месте современных развалин Джанкент, лежащих к югу от г. Казалинска.

[6] *Агаджанов.* К этнической истории, с. 80—83; *Агаджанов.* Этногенетические процессы, с. 40—41; *Гоулден.* Миграция огузов, с. 45—85; *Сюмер.* Огузы, с. 90—94.

[7] Хорезм — древний земледельческий оазис в нижнем течении Амударьи. Земли, входившие в состав Хорезма, составляют ныне часть территории Каракалпакской АССР, Узбекской и Туркменской ССР. Мавераннахр — арабское название междуречья Амударьи и Сырдарьи. См. подробнее: *Бартольд.* Туркестан, с. 114—237.

[8] Дашти-Кипчак — название обширной степной полосы, которая тянется от Иртыша до Днепра. В. В. Бартольд, ссылаясь на Э. Брауна, утверждал,

что это географическое название упоминается в стихах Насири Хусрава. Однако в произведениях этого поэта и мыслителя XI в. таких данных не имеется. См.: *Сюмер.* Огузы, с. 59.

[9] Очевидно, самое позднее упоминание огузов на территории Средней Азии относится к концу XV в. Сохранился османский сборник указов и писем, одно из которых датировано 1491 г. Среди включенных в сборник документов обращает на себя внимание переписка между Джамом и Баязидом, сыновьями турецкого султана Мехмеда Фатиха (1444—1446, 1451—1481). В письме к брату царевич Джам пишет об «улусе, племенах баяндур и баят и народе (иль) огуз, которые расселились в пределах Хорезма и Туркестана» (Сборник писем, с. 90).

[10] Каратау — горный хребет в среднем течении Сырдарьи. В XI в. этот горный край, служивший одной из областей расселения огузов, назывался Карачык. См.: *Сюмер.* Огузы, с. 34.

[11] Дженд располагался в низовьях Сырдарьи, его руины лежат к югу от г. Кзыл-Орда, в Западном Казахстане.

[12] *Росляков.* Туркмены, с. 73—105; *Агаджанов.* Некоторые проблемы, с. 192—197; *Агаджанов.* Основные проблемы, с. 167—179.

[13] *Соваже.* Арабские историки, с. 7—10; *Габриэлли.* Арабские историки, с. XIV и сл.; *Морган.* Исторические произведения, с. 30—46, 76—108, 109—124; *Каэн.* Сельджукская историография, с. 59—78.

[14] *Брокельман.* Арабская литература, т. I—II; *Кёймен.* Источники, с. 338—405; *Каэн.* Сельджукская историография, с. 59—78; *Стори.* Персидская литература. Т. II, ч. 2, с. 254—260 и др.; *Гибб.* Арабская литература, с. 115 и сл.; *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 11—14 и сл.; *Босворт.* Газневиды, с. 11—27; *Каэн.* Арабская историография, с. 145—185; *Шпуллер.* Персидская историография, с. 215—223.

[15] См.: *Арендс.* «Введение»: Байхаки. История Мас'уда, с. 15—64; *Агаджанов.* Огузы, с. 8—35; *Буниятов.* «Введение»: Ахбар ад-даулат, с. 7—18; *Курпалидис.* 'Атабат, с. 2—9.

[16] См.: *Агаджанов.* Огузы, с. 8—34; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 19—22.

[17] *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 11—14; *Каэн.* Сельджукская историография, с. 59—78; *Каэн.* Арабская историография, с. 145 и сл.

[18] *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 122—124; Аноним, с. 20—24.

[19] В своем, так сказать, чистом виде эта тенденция была, по-видимому, представлена в «Машариб ат-таджариб ва гава'риб ал-гара'иб» («Места освежения „Испытаний" и верх „Удивительных вещей") Захир ад-Дина Абу-л-Хасана 'Али ал-Байхаки. Ибн ал-Асир утверждает, что это сочинение было написано в качестве «Продолжения» («Зайл») к летописи ал-Утби — «Та'рих ал-Йамини». Однако, по словам Джувайни, оно явилось дополнением к «Таджариб ал-умам» («Опыт народов») Ибн Мискавайха. См.: Та'рих-и Байхак, с. 19; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 1; *Йакут.* Иршад. Т. V, с. 208—214; *Каэн.* Арабская историография, с. 153—154; *Хусайни.* Ал-Байхаки, с. 297—318; *Каэн.* Сельджукская историография, с. 58.

[20] *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 55—56; ср.: *Морган.* Исторические произведения, с. 109—124.

[21] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 11.

[22] *Унсуралмаали.* Кабус-наме, с. 99; См. также: *Лэмбтон.* Персидская теория, с. 404—424; *Биндер.* Теория ал-Газали, с. 229—241.

[23] *Босворт.* Военная организация, с. 40—69; *Каэн.* Малик-наме, с. 31—65; *Агаджанов.* Огузы, с. 165 и сл. Подобное искажение и подмена генеалогии мусульманских династий была высмеяна еще в XI в. Абу Райханом ал-Бируни. См.: *Ал-Бируни.* Памятники, с. 50—51; См. также: *Ибн ал-Асир. Ал-Камил.* Т. X, с. 116; *Табакат-и* Насири. Т. I, с. 189.

[24] *Вильчевский.* Новый источник, с. 93—103; *Сафа.* Тасаллот, с. 23—81; *Лэмбтон.* Теория правления, с. 44—45; *Шпуллер.* Роль тюрок, с. 36—56.

[25] Ибн Хассул, с. 31—50; *Зайончковский.* Характеристика, с. 132—135; *Хартман.* Тюрки, с. 282 и сл. Ср. также: *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 351—353; *Марварруди.* Та'рих, с. 44—45.

[26] Наряду с изданным В. Минорским арабским текстом сочинения ал-

Марвази сейчас известен и новый (калифорнийский) список рукописи этого замечательного труда. Калифорнийская рукопись описана и исследована американским ученым А. З. Искандаром. См.: *Искандар.* Марвази, с. 266—312.

[27] *Босворт.* Газневиды, с. 11—27.

[28] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 15—67; *Полякова.* О некоторых проявлениях, с. 45—50; *Муродов, Полякова.* Трансформация, с. 8—9, 45 и др.; *Шаматова.* Гардизи, с. 78—85; *Салихов.* Издания, с. 186—190.

[29] *Нафиси.* Та'рих, с. 39.

[30] *Каэн.* Арабская историография, с. 173 и сл.

[31] *Каэн.* Сельджукская историография, с. 59—64.

[32] В этом отношении несомненный интерес представляет также сочинение ал-Газали «Насихат ал-мулюк» («Наставление царям»), в котором даются советы сельджукским правителям. Повествование иллюстрируется вставными рассказами и историческими анекдотами дидактического характера (*Ал-Газали.* Насихат, с. X и сл.).

[33] *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 135 и сл.

[34] Табаристан — прикаспийская область Ирана, соответствующая основной части территории современной провинции Мазендеран. В средние века Табаристан граничил на западе с областью Гурган (совр. Горган), прилегающей к юго-восточному побережью Каспийского моря. Гурган, располагавшийся к юго-западу от Хорасана, занимал территорию по нижнему течению р. Горган. В состав этой провинции входил Дихистан, который соответствует развалинам Мисриан, расположенным в 90 км от районного центра Кизыл Атрек, в Юго-Западном Туркменистане. В X—XI вв. Гурган был владением прекратившей свое существование в 1042 г. местной династии Зийаридов. См.: *Босворт.* Зийариды, с. 73—95.

[35] Керман — провинция в Южном Иране.

[36] В эпоху средневековья Байхак входил в состав провинции Нишапур. Ныне это округ в Хорасане с центром в г. Себзеваре.

[37] *Хусайни.* Ал-Байхаки, с. 297—318.

[38] Дата написания трактата была предметом дискуссии среди востоковедов. По мнению Э. Захау, он был завершен после 1085 г., а А. Н. Болдырев считает, что произведение было написано между 1117—1120 гг. См.: *Лазар.* Язык, с. 103—106; *Болдырев.* Датировка, с. 44—46.

[39] *Йакут.* Му'джам. Т. I, с. 2 и сл.; *Хеер.* Источники, с. 2—85; *Блох.* Харави, с. 5—17.

[40] Эпистолярий составлен между 1133—1158 гг. См.: *Бади'.* Ступени, с. 3—17; 'Атабат ал-катаба, с. 1—5; *'Ауфи.* Лубаб. Т. I, с. 78—80; *Джувайни.* Та'рих. Т. I, с. 9—10; *Даулатшах.* Тазкират, с. 90—91; *Хорст.* Государственное управление, с. 10 и сл.; *Розен.* Научная коллекция, с. 146—159; *Лэмбтон.* Административное устройство, с. 367—388.

[41] Ватват является автором многих произведений, в том числе трактата о поэтическом искусстве. См.: *Ватват.* Сады волшебства, с. 9—82.

[42] *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 84 и сл.

[43] К данной категории источников следует отнести и жизнеописания знаменитых ученых — «Татиммат сиван ал-хикма» («Дополнение к „Хранителям мудрости"») Захир ад-Дина Байхаки, а также биографический словарь Йакута «Иршад ал-ариб ила ма'рифат ал-адиб» («Руководство знатока для ознакомления с литераторами»). О жанре биобиблиографической литературы см. подробнее: *Лэмбтон.* Персидская биография, с. 141—151; *Гибб.* Исламская биография, с. 54—58; *Розенталь.* Мусульманская историография, с. 84 и сл.; *Мейерхоф.* Ал-Байхаки, с. 122—217; *Дейбер.* Сиван, с. 36—69.

[44] См. о сочинениях под такими и близкими названиями: *Вайнбергер.* Библиографические словари, с. 370—381; Кандия, с. 236—257; Самария, с. 153—159; *Бартольд.* Критика, с. 114—116, 254—264.

[45] Сочинение Ибн ал-Джаузи опубликовано в Хайдарабаде (1938—1941 гг.)

[46] См.: *Хилленбранд.* Средневековые источники, с. 197—205; Труд Сибта ибн ал-Джаузи издан в Хайдарабаде (1951—1952 гг.). В 1968 г. турецкий ученый Али Севим опубликовал разделы из «Мир'ат аз-заман», охватывающие 1056—1086 гг. истории Сельджукидов. Французский арабист Кл. Каэн

считает, что издание Али Севима исполнено «без достаточного критического подхода к рукописям и с пропуском разделов (особенно по Сирии и Египту), которые ему кажутся не относящимися к истории турок» (*Каэн.* Арабская историография, с. 185). См. об источниках Сибта ибн ал-Джаузи: *Хилал ас-Саби*. Установления, с. 12; *Сибт,* изд. Севима, с. 1 и сл.; *Буниятов.* Гарс ан-Ни'ма, с. 8 сл.

[47] Названия, место и годы издания их сочинений приводятся в библиографическом списке в конце книги.

[48] Абу Наср Мишкан — начальник государственной канцелярии при газневидских султанах Махмуде (998—1030) и его сыне Мас'уде Газневи (1030—1041). См.: *Байхаки.* История Мас'уда, с. 26—36 и сл.

[49] В этом отношении следует особо выделить «Асар ал-вузара» («Следы везиров») Сайф ад-Дина 'Укайли, который излагает содержание писем везира Низам ал-Мулька, султана Маликшаха, теолога и философа ал-Газали (1058—1111) и цитирует их. Необходимо также отметить наличие отдельных документальных текстов сельджукского периода в некоторых фондах восточных манускриптов. В частности, сейчас известно завещание (васийат-наме) Низам ал-Мулька, обнаруженное в одной из библиотек Стамбула. См.: *Сафа.* История, с. 39; *'Укайли,* Асар, с. 203—209; *Кермани.* Наса'им, с. 46—65; *Нахчивани.* Тиджариб, с. 253—279; *Хондамир.* Дастур, с. 165—188; *Фалсафи.* Чанд магала, с. 415—427; *Сабити.* Аснад, с. 5 и сл.

[50] См.: *Гусейнов.* Сельджукская тематика, с. 208—222; *Гусейнов.* Современное состояние, с. 24—37; *Гусейнов.* Историография, с. 26—53; *Шенгелия.* Грузинские историки, с. 38—52; *Агаджанов.* Зарубежные тенденции, с. 27—38; *Маркарян.* Некоторые сведения, с. 77—90.

[51] Библиографический список исследований по сельджукской тематике, опубликованных до начала 80-х годов XX в., приведен в специальной работе Косуке Шимизу. Автор расположил свои библиографические материалы по рубрикам: политическая история, социальная и экономическая жизнь, архитектура, медицина и т. д. См.: *Шимизу К.* Библиография, IV+71 с.

[52] См.: *Штромайер.* Сельджукская история, с. 1—273; *Мейер.* Средневековая история, с. 181—182; *Сверчевская.* Краткий обзор, с. 157—167.

[53] См.: *Гордлевский.* Государство Сельджукидов; *Каэн.* Первое проникновение тюрок; *Вриони*с. Закат эллинизма; *Гусейнов.* Сельджуки; *Бейлис.* Сочинения Мас'уда ибн Намдара; *Буниятов.* Атабеки; *Шенгелия.* Сельджуки; *Борназян.* Армения и сельджуки; *Мусаев.* Сочинение Ибн Биби; *Чакрян.* Сельджукское завоевание. См. также: *Новосельцев.* Некоторые проблемы, с. 17—26.

[54] *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне; *Босворт.* Газневиды; *Каэн.* Малик-наме; *Икбал.* Везират; *Клаусне*р. Сельджукский везират. См. также: *Маркарян.* Общественно-политические изменения, с. 1 и сл.

[55] *Икбал.* Везират; *Клаусне*р. Сельджукский везират; *Хусайн.* Та'рих ал-Ирак; *Хасанайн.* Саладжика; *Машкур.* Та'рих; *Машкур.* Туркан-гуз, с. 115—142; *Мухаммад Раванди.* Та'рих; *Эснафпур,* Та'рих; *'Али Тархан.* Икта'; *Таха Йусуф.* Икта', с. 24—30.

[56] Однако не все их положения достаточно обоснованы и подкреплены фактами. В частности, это относится к утверждению о возникновении икта' в Иране уже в эпоху древнего Элама. См.: *Эснафпур.* Та'рих, с. 151.

[57] *Каэн.* Кочевники, с. 111—121; *Босворт.* Нашествия варваров, с. 20—35; *Лэмбтон.* Аспекты расселения, с. 123—144; *Буллет.* История, с. 89—110.

[58] См.: *Давидович.* Золото, с. 55—70; *Гусейнов.* Уджи, с. 32—39; *Курпалидис.* Икта', с. 102—110; *Берадзе.* Торговые связи, с. 27—30.

ГЛАВА I

[1] Остатки этого города под названием Таш-Рабат лежат в 33 км к юго-западу от г. Мары ТуркмССР. *Ершов.* Данденакан. с. 74—77.

[2] См.: *Босворт.* Газневиды, с. 1—11; *Босворт.* Последние Газневиды, с. 3 и сл.

[3] Гурганом именовалась не только область, но и возникший позднее город, располагавшийся недалеко от современного Гомбеде-Кабуса, на берегу р. Горган. См.: *Бартольд.* Орошение, с. 32—33.

[4] *Куглер.* История, с. 1 и сл.; *Шлоссер.* Всемирная история. Т. II, 600—645 и сл.; *Мюллер.* Ислам. Т. II. с. 22, 48—70 и сл.; *Крымский.* История Персии, с. 54—60.

[5] Мусульманская цивилизация, с. 1—16 и сл.

[6] *Каэн.* Кочевники, с. 119.

[7] *Босворт.* Нашествия варваров, с. 28.

[8] Там же.

[9] См., например: *Сафа.* Тасаллот, с. 18—42.

[10] *Туран.* Идеал, с. 84—101; *Туран.* Сельджуки, с. I—XV и сл.

[11] *Заходер.* Хорасан, с. 119—141; *Якубовский.* Сельджукское движение, с. 921—946; *Якубовский.* Махмуд Газневи, с. 31—96; *Росляков.* Первые Сельджукиды, с. 38—42.

[12] *Абу Са'ид.* Тайны, с. 205—207.

[13] Примеры таких сомнительных и недостоверных сюжетов отмечены в специальной работе А. Мейера. В частности, надуманным является, по его заключению, рассказ о встрече шейха Абу Са'ида с Ибн Синой (Авиценной). Очевидно, в равной степени это можно отнести и к описанию сцены аудиенции, данной Абу Са'идом сельджукским вождям — Тогрулу, Чагры и Мусе (см.: *Мейер.* Абу Са'ид, с. 26—29).

[14] В пользу такого мнения говорит и тот факт, что сам Абу Са'ид, следовавший идеалам раннего суфизма, выступал против всяких контактов и соглашений с сильными мира сего. «Ежели у кого-либо,—поучал он своих мюридов,— появится намерение сблизиться с царем и стать владыкой тайн падишаха, то он испытает много тягот и огорчений, вкусит холодное и горячее (действие) бедствий». *Ал-Майхани.* Асрар, с. 41; *Мейер.* Абу Са'ид, с. 26—29.

[15] Кембриджская история. Т. V. с. 269—309.

[16] Поскольку данный вопрос освещен в опубликованных нами ранее монографиях, здесь мы лишь вкратце излагаем историю формирования сельджукской группировки. Основное внимание в настоящей главе уделяется недостаточно исследованной проблеме так называемого сельджукского движения в Хорасане и Гургане в первой трети XI в. См.: *Агаджанов.* Огузы, с. 165—175; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 23—26; *Агаджанов.* Некоторые проблемы, с. 204—207.

[17] Шаш — область средневекового Мавераннахра с административным центром в Бинкете, охватывавшая бассейн р. Чирчик. Столица Шаша находилась на месте современного Ташкента.

[18] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 109б; *Ал-Идриси.* География. Т. II. с. 338—342.

[19] *Ибн Хаукал.* Масалик, с. 106—107, 391; *ал-Макдиси.* Ахсан, с. 274—275; *ал-Истахри.* Масалик, с. 286, 288; *Худуд*, изд. Шаха, с. 384, 398.

[20] *Ал-Марвази.* Таб'и' с. 47; *Рашид ад-Дин.* Сборник, с. 85—86; *Рашид ад-Дин.* Джами' ат-таварих, л. 45б; История Сельджукидов, л. 4б; *Нешри.* Джихан-нума, с. 10, 11; Огуз-наме, с. 12; Бада'и', л. 29а; МИТТ. Т. I, с. 56—57.

[21] *Ал-Бируни.* Памятники, с. 211, 290.

[22] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 69.

[23] *Ибн ал-Факих.* Китаб ахбар, с. 162.

[24] *Ибн Хаукал.* Масалик, с. 106—107.

[25] *Ибн Фадлан.* Путешествие, с. 128; *ал-Джахиз.* Послание, с. 230—235.

[26] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 69а.

[27] Худуд ал-'алам, с. 86; Худуд, пер. Минорского, с. 80; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I. с. 292; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 2; *Ал-Мас'уди.* Мурудж. Т. I, с. 337.

[28] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 68а.

[29] Там же, л. 108б.

[30] *Абу Дулаф.* Путешествие, с. 21.

[31] Точное местоположение этого города неясно, но известно, что он располагался в низовьях Сырдарьи.

[32] Карнак соответствует городищу Ишкан в селе Атабай в Южном Казахстане. Сюткент — название города на левом берегу Сырдарьи; его развалины находятся у озера Каракуль. Фараб представлял собой крупную область по обоим берегам Сырдарьи при впадении в нее Арыси. Главными го-

родами округа были Кердер и Отрар; руины последнего находятся на месте современного Джамбула. Сыгнак — город, лежавший на месте развалин Сунак-Курган, в среднем течении Сырдарьи. Развалины Саурана находятся возле одноименной железнодорожной станции, недалеко от г. Туркестана Казахской ССР. Карачыком именовался Каратауский горный край, но это название прилагалось и к городу, лежавшему на месте городища Торткуль II, на р. Карачык (*Бартольд.* Туркестан, с. 132—392; Средневековый город, с. 192—195; *Байпаков.* Городская культура, с. 9—10).

[33] *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. III, с. 11; Диван лугат. Т. I, с. 344 и др.; *ал-Мас'уди.* Ахбар, с. 75; *ал-Мас'уди.* Мурудж. Т. I, с. 101.

[34] *Ал-Бируни.* Астрология, с. 145—146; *ал-Бируни.* Картина, с. 51.

[35] *Марварруди.* Та'рих, с. 41.

[36] См.: *Агаджанов.* Огузы, с. 94—97.

[37] Ср.: *ал-Джахиз.* Послание, с. 241; *Ибн Русте.* Китаб, с. 295.

[38] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 68а.

[39] Там же; *Ибн ал-Варди.* Харидат, л. 64а.

[40] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 10; *Абу-л-Гази.* Родословная, с. 60.

[41] Этимология и значение этих социальных терминов исследованы тюркологами, главным образом О. Прицаком. См.: *Прицак.* Титулатура, с. 50—60; *Габэн.* Уйгурское княжество, с. 20—21.

[42] *Ал-Бируни.* Китаб ал-джамахир, с. 205; *Ибн Са'ид.* Джуграфийа, л. 19; *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 195.

[43] *Ал-Бируни.* Китаб ал-джамахир, с. 205; *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. III, с. 304—307; См. также: *Агаджанов.* Средневековые этимологии, с. 76—86.

[44] В источниках XI—XII вв. они именуются «йоксул», «джиган», «чигай», «гарапчи». *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 32; т. III, с. 180; *Абу Хаййан.* Китаб, с. 70, 120; Тарджуман тюрки, с. 60, 105; *Нешри.* Джихан-нума, с. 160, 161.

[45] *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 173; *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 20; т. III, с. 200, 285.

[46] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 49; *ал-Марвази.* Таба'и', с. 29; *Му'иззи.* Диван, с. 584; *Раванди.* Рахат, с. 179; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 102.

[47] *Ал-Мас'уди.* Мурудж. Т. I, с. 212; *Ибн Хаукал.* Масалик, с. 392, 393; Худуд, изд. Шаха, с. 3, 99.

[48] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 108—109.

[49] *Ибн Фадлан.* Книга, с. 24—25.

[50] История Сельджукидов, л. 14. См. также о значении термина «уруг»: *Джувайни.* История. Т. I, с. 16; *Прицак.* Титулатура, с. 58.

[51] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX. с. 322; *Каэн.* Малик-наме, с. 40—43.

[52] *Каэн.* Малик-наме, с. 40—43; *Тоган.* Ибн Фадлан, с. 141.

[53] *Салыр-Баба.* История, л. 130—131.

[54] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 322; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 2.

[55] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 10.

[56] *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 292, 293.

[57] Нурата (Нур) — бывшее селение, ныне город в Самаркандской области УзССР, около Нуратинских гор, на краю оазиса, граничащего со степью. Исследователи не обратили до сих пор внимание на интересный рассказ историка XIII в. Джамала Карши о первых Сельджукидах и их взаимоотношениях с Саманидами. «Сельджук ибн Кыник,—пишет он,— [был] главой туркмен, которые пребывали в краях Барчкента и Дженда, откуда откочевали в Нур Бухарский и поселились там на определенное время. Затем султан Ахмад ибн Исма'ил ас-Сам'ани приказал удалить их из него (Нура Бухарского.— *С. А.*) потому, что они потеснили его жителей. И они ушли в Хорасан» (*Карши.* Мулхакат, с. 135).

[58] Караханиды — династия тюркского происхождения, вышедшая из Восточного Туркестана. Название «тюрки-караханиды», «караханидские тюрки» прилагается к находившимся под управлением этой династии племенам, ядро которых составляли карлуки, ягма и чигили. См. подробнее: *Прицак.* Исследования. с. 270—297.

[59] *Ал-Утби.* История, с. 225.

[60] Расположено между Самаркандом и Заамином.

[61] *Ал-Манини.* Ал-Фатх, с. 340—347; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. IX, с. 65, 66.

[62] Они были сыновьями Микаила ибн Сельджука, и доводились племянниками Исраилу ибн Сельджуку. См.: Та'рих-и Байхак, с. 71.

[63] Абиверд соответствует городищу Пештак, расположенному в 8 км от железнодорожной станции Каахка, ТуркмССР. Фарава — пограничное укрепление, располагавшееся на месте современного г. Кизыл-Арвата, в Красноводской области, ТуркмССР. (См.: *Семенов.* Древности, с. 7—27).

[64] *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 119.

[65] Дихистан соответствует городищу Мисриан, остатки которого лежат к северу от р. Атрек и к востоку от Чикишляра, в Красноводской области ТуркмССР.

[66] *Джузджани.* Разряды, л. 151; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 85.

[67] Точное местоположение этого поселения остается неясным, но известно, что оно располагалось на Амударье. Возможно также, что здесь мы имеем дело с искаженным переписчиками рукописей Байхаки названием Даргана, который располагался на левом берегу Амударьи, в пределах нынешней Чарджоуской области ТуркмССР. См.: *Массон.* Старина, с. 107—112.

[68] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 82.

[69] Рей — ныне не существующий город; его руины находятся недалеко от современного Тегерана.

[70] В начале 40-х годов XI в. значительная их часть ушла в пределы Азербайджана и Армении, откуда попала затем в Ирак и Сирию. *Агаджанов, Юзбашян.* К истории, с. 144—159.

[71] Балх — название области и города, располагавшегося к западу от Г. Мазари-Шариф, в Северном Афганистане. Тохаристаном в сочинении Байхаки называются области, лежавшие к югу от Амударьи, к востоку и югу от Балха и простиравшиеся до Гиндукуша. См.: *Байхаки.* История Мас'уда, с. 840.

[72] *Ле Стрэндж.* Халифат, с. 376.

[73] Джибалем называлась область в Юго-Западном Иране, но существовало и понятие «Джибаль Гератский» — так именовались горные местности к востоку от Герата.

[74] *Ле Стрэндж.* Халифат, с. 376.

[75] Астрабад — город на Каспийском море; в X—XI вв. относился к провинции Гурган. См.: Худуд, изд. Бартольда, л. 29б; *Байхаки.* Та'рих, с. 550—574.

[76] Подробный рассказ о завоевании султаном Махмудом Хорезма содержится в труде Сайф ад-Дина 'Укайли, использовавшего более ранний источник газневидского периода. В тексте отмечается, что Хорезм — страна с многочисленным населением и богатая продовольствием. Кроме того, говорится, что Хорезм и Ургендж — это «области, [являющиеся] воротами Туркестана». См.: *'Укайли.* Асар, с. 169.

[77] Другая часть их, очевидно, находилась на службе при дворе хорезмшаха Алтунташа. См.: *Байхаки.* История Мас'уда, с. 409; ср.: *Кёпрюлю.* Племя кай, с. 435—444; *Сюмер.* Огузы, с. 58.

[78] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 402, 409—421.

[79] Там же, с. 208; Кабус-наме, с. 170.

[80] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 87.

[81] Там же, с. 330 и сл.

[82] История Индии. Т. II, с. 53 и сл.

[83] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 375, 861.

[84] Там же, с. 499.

[85] Там же, с. 626.

[86] *Хашми.* Общество и религия, с. 254—268.

[87] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 497, 498.

[88] Чаганиан (Саганиан) — область в долине р. Сурхандарьи, притока Амударьи. Центром области был г. Дехи-Нау, остатки которого расположены около современного Денау, в УзССР. Термез — город на Амударье, руины Старого Термеза находятся у современного Термеза. Хутталян — область, расположенная между реками Вахш и Пяндж. Столицей края был г. Хулбук, лежавший к югу от нынешнего Куляба, в ТаджССР. См.: *Бартольд.* Туркестан,

с. 119, 121—127; *Беленицкий.* Хутталь, с. 127; Средневековый город, с. 180—182.

[89] Следует также учесть, что сюда нередко вторгались и горные кочевники, главным образом племя кумиджиев, подстрекаемых к тому же караханидскими правителями — иликами и ханами. См.: *Байхаки.* История Мас'уда, с. 50 и др.

[90] Там же, с. 374, 375, 376 и др.

[91] Динар — золотая монета, вес которой первоначально составлял около 4,235 г, но впоследствии колебался в зависимости от денежного курса и места чеканки (*Хинц.* Мусульманские меры, с. 11—12).

[92] Нишапур — центр крупной провинции в Северо-Восточном Иране. Развалины старого города лежат к западу от нынешнего Мешхеда.

[93] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 510. Дирам, или дирхам, был серебряной монетой, имевшей в зависимости от страны и времени чеканки около 3 г серебра или менее (*Хинц.* Мусульманские меры, с. 11—12).

[94] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 510.

[95] Там же, с. 511; Кабус-наме, с. 187.

[96] Такие праздники проводились красочно и торжественно, но это требовало больших затрат. См. *Бертельс.* Праздник, с. 33—42; *Брагинский.* Исследования, с. 113—120.

[97] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 566 и сл.

[98] Там же, с. 482 и сл.

[99] Там же, с. 500.

[100] Там же, с. 564.

[101] Там же, с. 471.

[102] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 135.

[103] *Полякова.* О некоторых проявлениях, с. 45—50.

[104] Байхаки. История Мас'уда, с. 796, 876.

[105] Там же, с. 651.

[106] Там же, с. 226—227.

[107] *'Укайли.* Асар, с. 193.

[108] *Хондамир.* Дастур, с. 144 и сл.

[109] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 225.

[110] Там же, с. 499; *'Укайли.* Асар, с. 159.

[111] *Босворт.* Газневиды, с. 122 и сл.; *Назим.* Махмуд Газневи, с. 141 и сл.; ср.: *Хорст.* Государственное устройство, с. 16—43.

[112] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 942.

[113] Мушрифы — государственные контролеры, следившие за делопроизводством и боровшиеся со злоупотреблением властью со стороны чиновников. Данным термином обозначались также соглядатаи, приставленные к служащим и другим лицам. См.: *Хорст.* Государственное устройство, с. 17—90.

[114] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 943.

[115] *'Ауфи.* Джавами', л. 229б—230а.

[116] См.: *'Укайли.* Асар, с. 186, 187.

[117] Там же, с. 192—196; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 263—266.

[118] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 345.

[119] «Султан Мас'уд,— пишет Сайф ад-Дин 'Укайли,— отменил инамы (награды) и по этой причине многие люди отвернулись от него» ('Укайли. Асар, с. 192).

[120] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 349.

[121] Значение этих терминов современные исследователи толкуют по-разному, но не подлежит сомнению, что речь идет о видах земельных владений. Нами высказано мнение о том, что «зийа'», («дийа'») — это одна из форм милька — частной земельной собственности. См.: Очерки земледелия, с. 171.

[122] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 262.

[123] Дань этой традиции в свое время была отдана и нами, что объясняется некритическим отношением к трудам видных научных авторитетов, в частности к работам Б. Н. Заходера и А. Ю. Якубовского. См.: Очерки земледелия, с. 148.

[124] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 108, 109.

[125] Там же, с. 304, 784, 799.

[126] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 107. См. также: *Босворт.* Военная организация, с. 40—69; *Босворт.* Газневиды, с. 46—122; *Назим.* Махмуд Газневи, с. 141 и сл.

[127] Кабус-наме, с. 188.

[128] Там же.

[129] Тараз — крупный город, располагался на месте бывшего Аулие-Ата, современного г. Джамбула в Южном Казахстане. Хотан — оазис и город в южной части нынешней провинции Синьцзян в Китае.

[130] *Самарканди.* Четыре беседы, с. 77, 110—123.

[131] Ср.: Кабус-наме, с. 188.

[132] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 382.

[133] Кабус-наме, с. 70—71.

[134] *Босворт.* Военная организация, с. 40—41.

[135] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 362, 468.

[136] Очевидно, к их числу относились и воинские контингенты Балха, Чаганиана, Хутталя и Термеза, входивших в состав Хорасана.

[137] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 235, 608.

[138] Там же, с. 235.

[139] Там же, с. 71—77, 311, 655 и др.

[140] Там же, с. 482—483, 488.

[141] Очевидно, здесь существовали и социально-религиозные противоречия, связанные с тем, что жители Хорасана придерживались в основном суннитского толка, а среди населения Ирака было много приверженцев шиизма и его сект. Шиитская знать Рея и Джибаля всячески ущемлялась в правах, в частности не допускалась к ключевым государственным должностям. См.: *Хашми.* Общество и религия, с. 254—268.

[142] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 526—527.

[143] В персидской художественной литературе XI—XII вв. часто фигурируют образы нищих старух и стариков, обиженных чиновниками и воинами Газневидов. Фарид ад-Дин'Аттар приводит рассказ о бедном старце, который собирал и продавал колючки и питался одним лишь хлебом. Пища таких бедняков немногим отличалась от рациона заключенных, получавших в день две ячменные лепешки с щепоткой соли и кувшин воды.

[144] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 684, 687.

[145] *'Укайли.* Асар, с. 192.

[146] *Ан-Наубахти.* Шиитские секты, с. 58—218; *аш-Шахрастани.* Книга, с. 148—228.

[147] *Маделунг.* Фатимиды, с. 34—48; Сафар-наме, с. 186 и сл.

[148] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 223, 349; *аш-Шахрастани.* Книга, с. 168.

[149] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 263—266.

[150] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 219.

[151] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 135; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 89—90; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX. с. 275—276.

[152] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 276.

[153] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 135—136.

[154] Систан — историческая провинция, лежащая в регионе, где ныне сходятся границы Ирана, Афганистана и Пакистана. Значительная часть этой области, центром которой был Забул, входит ныне в состав Ирана.

[155] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 135—136.

[156] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 267.

[157] *Байхаки.* Та'рих, с. 322, 323.

[158] Ибн ал-Асир утверждает, что было убито более 50 сельджукских вождей.

[159] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 268—275.

[160] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 452—453.

[161] *Кафесоглу.* Маликшах, с. 3.

[162] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 97.

[163] Там же, с. 98.

[164] История Индии. Т. II, с. 53—154.

[165] Тус — округ в средневековом Хорасане с городскими центрами Нука-

ном и Табараном. Развалины старого г. Туса лежат в 25 км к северо-западу от Мешхеда.

[166] Серахс — город и область по р. Теджен в Южном Туркменистане. Остатки средневекового Серахса находятся на границе ТуркмССР с Ираном.

[167] Бакалиджар был дядей с материнской стороны правителя Гургана, Нуширвана ибн Манучихра, умершего в 1032 г. Мас'уд Газневи после смерти Нуширвана утвердил Бакалиджара в качестве эмира Гургана. См.: *Босворт.* Зийариды, с. 25—34.

[168] Ниса — город, центр богатого округа в предгорьях Копет-Дага. Руины средневековой Нисы расположены в 18 км к северо-западу от Ашхабада, в селении Багир.

[169] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 452 и сл.; *Байхаки.* Та'рих с. 460.

[170] *Байхаки.* Та'рих, с. 492.

[171] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 496.

[172] Гузганан — область в Северном Афганистане с городскими центрами Шибирган, Меймене, Фарйаб.

[173] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 497.

[174] Там же, с. 510.

[175] Там же, с. 533 и сл.; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 102.

[176] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 102; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 533 и сл.

[177] Кубадиан — область, располагавшаяся между реками Кафирниган и Вахш — притоками Амударьи, протекающими по территории нынешней ТаджССР.

[178] Шапуркан соответствует Шибиргану — современному городу в Северном Афганистане.

[179] *Байхаки.* Та'рих, с. 544—550; *Байхаки.* История *Мас'уда,* с. 538—539.

[180] *Байхаки.* Та'рих, с. 648.

[181] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 85; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 5; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил, Т. IX, с. 395; *Раванди.* Рахат, с. 88—89.

[182] История этой сельджукской группировки, ее отношения с Караханидами Мавераннахра, правителями Хорезма и огузским вождем Шахмаликом подробно изложены в ранее опубликованной нами работе. См.: *Агаджанов.* Огузы, с. 197—203.

[183] *Насири Хусрау.* Диван, с. 329.

[184] *Байхаки.* Та'рих, с. 617—627.

[185] Сари — древняя столица Табаристана, располагавшаяся в 3 фарсахах от побережья Каспийского моря. Амоль — один из крупных городов Табаристана, находившийся на левом берегу р. Хараз.

[186] *Байхаки.* Та'рих, с. 555—574.

[187] Там же, с. 571.

[188] Там же, с. 582. В исторической литературе высказывалось мнение о том, что под названием «инальцы» скрывается какая-то группа сельджуков, связанных с Ибрахимом ибн Иналом, сводным братом Мухаммада Тогрулбека. Х. Г. Раверти считал их частью газневидских тюрок, примкнувших к сельджукским племенам в Хорасане. Однако инальцы упоминаются вместе с другими подвластными сыновьям Микаила ибн Сельджука племенами еще до их переселения из Мавераннахра и Хорезма в пределы Хорасана в мае 1035 г. Вместе с тем в сочинении Байхаки инальцы как-то отличаются от остальной массы сельджуков, так как говорится о «сельджуках и инальцах». *Байхаки.* Та'рих, с. 582; См. также: *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I. с. 121.

[189] В тексте сочинения Байхаки он назван Байгу (Пайгу, в переводе А. К. Арендса). Однако это не имя собственное, а титул, который носил правитель, стоявший рангом ниже, чем верховный йабгу. Некоторые исследователи полагают, что здесь имеется в виду Ирташ, двоюродный брат Тогрулбека и Чагры-бека. При этом они ссылаются на историка XIII в. Мухаммада Раванди. Однако, судя по его же сведениям, речь должна идти о Мусе, который носил титул «байгу». См.: Ахбар ад-даулат, с. 176—177; МИТТ. Т. I, с. 232; *Раванди.* Рахат, с. 102.

[190] *Агаджанов.* Огузы, с. 204—205.

[191] 'Али-Тегин, о генеалогии которого существуют противоречивые мнения,

умер в конце 1034 г. См.: *Бартольд.* Туркестан, с. 295—297; *Прицак.* Караханиды, с. 29—31; *Назим.* Хаийат, с. 57—58; *Байхаки,* изд. Нафиси. Т. III, с. 1163 и сл.

[192] Харун ибн Алтунташ (1032—1035), добивавшийся независимости от Газневидов, вступил в сговор с 'Али-Тегином и туркменами Хорезма и Прибалханья. Союзники намеревались захватить Термез, Балхскую и Мервскую области. В начале 1035 г. хорезмийское войско направилось к Амударье, чтобы идти на Мерв, но в пути гулямы-заговорщики, подкупленные везиром Мас'уда Газневи, зарубили Харуна. См.: *Байхаки.* Та'рих, с. 540, 552, 578—860.

[193] *Байхаки.* Та'рих, с. 584; ср. также: *Байхаки,* изд. Гани и Файяаза, с. 470—471; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 576—577; ср.: МИТТ. Т. I, с. 246—247.

[194] Имеются в виду сельджуки, которые были переселены в Хорасан султаном Мас'удом Газневи.

[195] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 577.

[196] *Раванди.* Рахат, с. 94; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 579—581.

[197] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 590—593.

[198] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 101.

[199] Гардизи пишет, что туркменские послы сказали Бектуды: «Ежели соблаговолите определить нам [соответствующие] пастбища, то мы прекратим сии [наши] дела и от нас не будет никому [никакого] вреда». *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 101.

[200] *Кёймен.* История тюрок, с. 59—67.

[201] Шахристан — город, располагавшийся в области Ниса, на краю Каракумов.

[202] Названия этих географических пунктов, видимо, искажены, и поэтому их трудно идентифицировать.

[203] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 100—101; *Байхаки,* изд. Гани и Файяаза, с. 590—593; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 325; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 24.

[204] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 592—593.

[205] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 325—326.

[206] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 100—101; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 24—25.

[207] Ахбар ад-даулат, с. 26.

[208] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 594.

[209] Там же.

[210] Там же, с. 590.

[211] См.: *Росляков.* Из истории, с. 35 и сл.; ср.: *Юнусов.* История, с. 1—24.

[212] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 612—613.

[213] Каин — город и округ в Южном Хорасане, в горной области Кухистан.

[214] Марварруд (Мерверруд) располагался на территории современного Афганистана, на месте нынешнего Маручака или Бала Мургаба. *Ле Стрэндж.* Халифат, с. 404—405.

[215] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 602.

[216] *Байхаки.* Та'рих, с. 626—627.

[217] История Сельджукидов, л. 20.

[218] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 653—654; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 103—105.

[219] Талкан — город и округ к востоку от Марварруда, располагался в верховьях Мургаба. Существовал и одноименный город, некогда являвшийся столицей Тохаристана.

[220] Фарйаб — город и округ, лежавший к востоку от Мургаба, на месте современного Даулатабада, в Северном Афганистане.

[221] *Байхаки.* Та'рих, с. 668—669.

[222] В тексте сочинения Гардизи такие отряды называются «курдус». *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 109.

[223] *Байхаки.* Та'рих, с. 668—669.

[224] Самый подробный рассказ о борьбе Сюбаши с туркменами в Серахской и Мервской областях приведен у Мирхонда, который пользовался анонимным сочинением XI в. «Малик-наме». Немало любопытных сведений за-

ключено и в исторических трудах Ибн ал-Асира и Садр ад-Дина ал-Хусайни. В повествованиях названных авторов имеется ряд дополнительных известий, но в них прослеживается некоторое хронологическое и фактическое несоответствие с текстом «Истории Мас'уда». Вместе с тем при внимательном чтении можно обнаружить и ряд совпадений в описываемых ими событиях.

[225] *Байхаки*, изд. Гани и Файяза, с. 522, 523. Следует отметить, что в нашей востоковедческой литературе данный термин неверно транскрибируется как «шихне». Правильное написание, «шахна», впервые указано В. Ф. Минорским. Это мнение подтверждается сведениями грузинских и армянских летописей, где данный термин зафиксирован в форме «шана», «шахна». См.: *Броссе*. История. с. 520; *Акнери*. История, с. 156.

[226] *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 327; Ахбар ал-даулат, с. 29.

[227] Ахбар ад-даулат, с. 27, 28; *Мирхонд*. Сельджуки, с. 30, 31.

[228] *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 327; Ахбар ад-даулат, с. 28, 29; *Мирхонд*. Сельджуки, с. 30, 31.

[229] *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 328; Ахбар ад-даулат, с. 27, 28; *Мирхонд*. Сельджуки, с. 30—34.

[230] Ахбар ад-даулат, с. 29.

[231] *Мирхонд*. Сельджуки, с. 35, 36.

[232] Согласно Ибн ал-Асиру и ал-Хусайни, это произошло в первую пятницу шабана 428 г. х., т. е. 22 апреля 1037 г. См.: *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 328; Ахбар ад-даулат, с. 29.

[233] Согласно Ибн ал-Асиру и Ал-Хусайни, Дауд Чагры-бек получил также лакаб «царь царей» (малик ал-мулюк), что соответствует древнеиранскому титулу «шаханшах». Мирхонд же утверждает, что хутба была прочитана на имя Тогрул-бека, а его младший брат Чагры-бек получил «командование войском». См.: *Мирхонд*. Сельджуки, с. 36.

[234] *Байхаки*. Та'рих, с. 671—678.

[235] Тальхаб (означает по-персидски «Горькая вода») — по-видимому, соленое озеро Шор-Коль в Серахской области ТуркмССР.

[236] Судя по тексту «Истории Мас'уда», сражение произошло между 5 и 10 июня 1038 г. Ибн ал-Асир и ал-Хусайни ошибочно датируют эту битву концом мая — началом июня 1037 г. См.: *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 328; Ахбар ад-даулат, с. 29; *Байхаки*. История Мас'уда, с. 662—664.

[237] *Байхаки*. История Мас'уда, с. 660.

[238] Там же, с. 662—664, 671, 675.

[239] *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 328; Ахбар ад-даулат, с. 29.

[240] *Байхаки*. История Мас'уда, с. 676.

[241] Там же, с. 676—677; *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 328; *Раванди*. Рахат. с. 97.

[242] В. В. Бартольд отождествляет его с Абу Исхаком Ибрахимом, сыном Караханида Насра Арслан-илика, правителя Бухары. См.: *Бартольд*. Туркестан, с. 363, 374—377.

[243] *Ал-Бундари*. Зубдат, с. 7; *Самарканди*. Чахар магала, с. 109.

[244] *Байхаки*. История Мас'уда, с. 692—694.

[245] Ибн ал-Асир утверждает, будто Мас'уд двинулся в поход, имея более чем 100-тысячное войско. Ал-Хусайни сообщает, что султанская рать состояла из 100-тысячной кавалерии, не считая «личной гвардии и [разного] сброда». Мирхонд говорит о 70 тыс. всадников и 30 тыс. пехотинцев. Эти цифры преувеличены по меньшей мере вдвое. См.: *Ибн ал-Асир*. Ал-Камил. Т. IX, с. 328; Ахбар ад-Даулат, с. 30; *Мирхонд*. Сельджуки. с. 40; ср.: *Байхаки*. История Мас'уда, с. 692—693.

[246] *Байхаки*. История Мас'уда, с. 697.

[247] Там же, с. 696—700.

[248] Там же, с. 696.

[249] Дих-и Базарган — точное местоположение неизвестно, но совершенно очевидно, что эта деревня располагалась к югу от Серахса, на р. Теджен.

[250] *Байхаки*. История Мас'уда, с. 700.

[251] Там же, с. 697—700.

[252] Там же, с. 702.

[253] Ибн ал-Асир и ряд других средневековых авторов добавляют неко-

торые детали, отсутствующие у Байхаки. Ал-Хусайни пишет, что на переговоры с султаном явился будто бы Байгу, который получил «почетные одежды, ослеплявшие взоры». Эти сведения, возможно, заимствованы из «Маликname» или же восходят к труду Гардизи, который рассказывает о заключении договора между эмиром Мас'удом и Байгу. Гардизи при этом датирует рассматриваемые события 429 г. х., т. е. 1037—1038 гг., но это не согласуется с хронологией Байхаки. См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 329; Ахбар ад-даулат, с. 30; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 106—107; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 40, 41.

[254] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 710—715.

[255] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 41.

[256] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 329.

[257] Ахбар ад-даулат, с. 31.

[258] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 734.

[259] Там же.

[260] Там же, с. 739.

[261] Устува — волость Нишапурского округа, главным административным центром которого был Хабушан — современный Кучан, в Северном Иране.

[262] *Байхаки.* Та'рих, с. 761.

[263] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 741.

[264] Там же, с. 744—745.

[265] Бадгис — район между Гератом и Серахсом.

[266] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 741—747.

[267] Там же, с. 757, 768; *Раванди.* Рахат, с. 100; *Мирхонд.* Сельджуки. с. 53.

[268] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 747—748.

[269] Там же, с. 754.

[270] Там же, с. 758.

[271] *Байхаки.* Та'рих, с. 787; *Байхаки,* изд. Гани и Файяза, с. 623.

[272] Бегству газневидской армии, судя по всему, предшествовало столкновение между входившими в ее состав отрядами, в которых приняли активное участие дворцовые гулямы. Байхаки, хотя и в осторожной форме, но все же отмечает, что начавшиеся из-за нехватки продовольствия и фуража раздоры «со ступени слов поднялись на ступень меча». Гардизи утверждает, что газневидские военачальники оказали «неповиновение» султану Мас'уду в битве при Данданакане. Ибн ал-Асир говорит, что между свитой и «группой войск» эмира произошла ссора из-за воды, что повлекло за собой кровопролитное сражение. «Среди султанских войск,— пишет ал-Хусайни,— возникли раздоры, одна часть войск стала уничтожать другую, одни грабили имущество других». См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 229; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 767; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 109; Ахбар ад-даулат, с. 31.

[273] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 758—771; ср.: *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 109; *Раванди.* Рахат, с. 100—101; Ахбар ад-даулат, с. 31.

[274] Ибн ал-Асир и некоторые другие авторы ошибочно утверждают, что на трон султана Мас'уда воссел Дауд Чагры-бек. Это расходится с данными современника и очевидца тогдашних событий Байхаки. См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 330; Ахбар ад-даулат, с. 31; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 763.

[275] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 763.

[276] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 8; *Раванди.* Рахат, с. 103.

[277] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 763.

[278] Кембриджская история, с. 23—102.

ГЛАВА II

[1] *Заходер.* Хорасан, с. 119—141; *Якубовский.* Сельджукское движение, с. 921—946; *Росляков.* Первые Сельджукиды, с. 38—42.

[2] *Агаджанов.* Огузы, с. 163—211; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 5—11; *Гусейнов.* Современное состояние, с. 24—37; *Гусейнов.* Сельджукская тематика, с. 208—222.

[3] *Кафесоглу.* Маликшах, с. 3—18 и сл.; *Кёймен.* История тюрок, с. 50 и сл.; *Туран.* История Сельджукидов, с. IX—XIII и сл.; *Хусайн.* Та'рих ал-'Ирак, с. 248.

[4] *Босворт.* Нашествия варваров, с. 20—35; *Каэн.* Кочевники, с. 111—121; Мусульманская цивилизация, с. 1—16 и сл.

[5] *Каэн.* Кочевники, с. 119.

[6] *Байхаки.* Та'рих, с. 783; *Байхаки,* изд. Гани и Файйаза, с. 616 и сл.

[7] *Ходжаниязов.* Денежное обращение, с. 20—21; *Ходжаниязов.* Каталог, с. 5—8; *Майлс.* Нумизматическая история, с. 174, 196.

[8] *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. VIII, с. 24; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 327; Ахбар ад-даулат, с. 29.

[9] *Байхаки.* Та'рих, с. 690; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 35, 36.

[10] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 28, 29.

[11] *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 96; *Абу Хаййан.* Китаб, с. 37; История Сельджукидов, л. 14—17; История Османов, л. 52; *Рашид ад-Дин,* критич. изд. Т. I, ч. 1, с. 80—81; *Абу-л-Гази.* Родословная, с. 51—52; *Рашид ад-Дин.* Джами' ат-таварих, л. 45.

[12] Ахбар ад-даулат, с. 89—90.

[13] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 10 и сл.; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 322; *Шикруллах.* Бахджат, л. 395; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 18.

[14] *Гумилев.* Система, с. 12 и сл.

[15] История Сельджукидов, л. 14—15; Огуз-наме, с. 18 и сл.; История Османов, л. 52.

[16] Мултан — мощная крепость, стоявшая на магистральном караванном пути из Индии в Среднюю Азию и Иран (ныне — город в Пакистане). Была осаждена и взята в 1006 г. войсками Махмуда Газневи. См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 132; *Джузджани.* Разряды, л. 151.

[17] «Инанч» означает буквально «верный, преданный, заслуживающий доверия», а «байгу» — «сокол» или «ястреб-перепелятник». См.: Тарджуман тюрки, с. 28; *Де Кутейль.* Словарь, с. 187; *Пельо.* Заметки, с. 182.

[18] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 324; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 18, 19; *Каэн.* Малик-наме, с. 31—65.

[19] История Систана, с. 349—356.

[20] *Йазди.* Ал-'Урада, с. 34.

[21] *Раванди.* Рахат, с. 102; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 17.

[22] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 17—18; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 120—121.

[23] В тексте ал-Бундари он назван сыном Исраила, что не подтверждается другими источниками.

[24] Кухистан — горная область в Южном Хорасане с административным центром в г. Каине. Другим значительным городом края был Тун, но в новое время столицей Кухистана стал г. Бирджерд. Джурджан — арабизированная форма названия города и области Гурган на юго-восточном побережье Каспийского моря.

[25] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 8. Бушендж — округ и город на р. Герируд в одном переходе к западу от Герата. Сиджистан — арабизированное название провинции Систан. Гур — горная область в верховьях рек Герируд и Гильменд, между Гератом и Газной, в Центральном Афганистане.

[26] Ахбар ад-даулат, с. 35; *Раванди.* Рахат, с. 104; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 19—20; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 36; *Рази.* Джами', л. 88а.

[27] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил, Т. IX, с. 323; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 161; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 7.

[28] *Байхаки.* Та'рих, с. 616 и сл.; ср.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 330.

[29] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 792—796.

[30] *Байхаки.* Та'рих, с. 616—634; *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 102—107; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 329—330.

[31] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 331.

[32] Буст располагался близ места впадения р. Аргандаб в Гильменд. Средневековый Буст отождествляется с позднейшим Калаи-Бистом. *Ле Стрэндж.* Халифат, с. 344—345.

[33] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 346, 347.

[34] Там же, с. 400—401; *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 235; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I. с. 95—97; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 11.

[35] Ахбар ад-даулат, с. 34; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 3.

[36] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 3—4; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 98—99, 103, 104, 133.

[37] Вахш — название области в верховьях Амударьи.

[38] Ахбар ад-даулат, с. 43. Валвалидж — крепость в долине Ак-Сарая, лежавшая к востоку от г. Хулма — административного центра (касаба) Тохаристана. См.: Худуд, пер. Минорского, с. 34, 73.

[39] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 144; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 330 и сл.; Та'рих-и Систан, с. 354—368.

[40] В исторической литературе высказано мнение о том, что Муса ибн Сельджук умер между 1040 и 1041 гг. Однако, судя по «Та'рих-и Систан», он был жив в середине 50-х годов XI в. Муса имел несколько сыновей, из которых, помимо Йусуфа, известны Абу 'Али ал-Хасан и Фахр ал-Мульк. В «Та'рих-и Систан» в одном месте упоминается Абу-л-Фатх Кара Арслан Бури, а в другом говорится о сыне Байгу по имени Бури. Ибн Фундук рассказывает о Му'изз ад-Даула Фахр ал-Мульке Байгу, но ошибочно называет его сыном Микаила. Очевидно, Бури доводился сыном Му'изз ад-Даула Фахр ал-Мульку, т. е. был внуком Мусы. После смерти Мусы, вероятно, главную роль играл сначала Абу 'Али ал-Хасан, а затем Му'изз ад-Даула Фахр ал-Мульк, который упоминается под 1063 г. в качестве правителя Герата. Предпринятая Даудом Чагры-беком попытка сменить в 1056 г. на свое имя хутбу в Систане, по-видимому, была связана с кончиной Мусы. См.: *Росляков.* Первые Сельджукиды, с. 41; История Систана, с. 349, 350, 355, 356, 374, 375; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 22; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 8; *Рази.* Джами', л. 21а.

[41] История Систана, с. 350, 355, 356.

[42] Фарс — юго-западная провинция Ирана, расположенная в бассейне Персидского залива.

[43] Хулван — город и область на левом берегу р. Алванд (в Северо-Западном Ираке), близ которого находился горный перевал, известный под названием Хулванского, или Асадабадского, прохода. Керманшах — город в современном Иранском Курдистане.

[44] Дийарбакр, или средневековый Амид, соответствует нынешнему Диярбекыру — городу на р. Тигр, в Турции.

[45] Ахлат — средневсковый Хилат, на берегу оз. Ван. См.: *Ле Стрэндж.* Халифат, с. 183.

[46] Манцикерт (Маназкерт, Малазгирд) — мощная крепость, лежавшая к северу от оз. Ван, в области Тавруберан. См.: *Аристакэс.* Повествование, с. 144, 164.

[47] Ал-Джазира — область к востоку от Евфрата, северная часть Месопотамии.

[48] Кембриджская история, с. 23—24.

[49] *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. II, с. 18.

[50] Там же, с. 18, 20; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 301, 340; *Байхаки.* Та'рих, с. 340, 376, 394, 451—456.

[51] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 18.

[52] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 347.

[53] См. подробнее: там же, с. 360—376; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 128 и сл.; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 9—10 и сл.; *Раванди.* Рахат, с. 104 и сл.; Фарс-наме, с. 127—133; Шираз-наме, с. 17 и сл.

[54] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 349, 350; *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 2, 3.

[55] Фарс-наме, с. 166.

[56] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 362, 363; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 131; Шараф-наме. Т. I, с. 94; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 303.

[57] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 275, 348.

[58] Там же, с. 348.

[59] Там же, с. 273—275.

[60] В хронике Ибн ал-Асира говорится о Насоглы, но Матфей Эдесский именует его Аназоглы. См.: *Матфей Эдесский. Хроника*, с. 80.

[61] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 275, 276.

[62] Там же, с. 276.

[63] Ашаризм — теологическая система в исламе, применявшая различные методы логических и философских доказательств для защиты мусульманской догматики. Сторонники этого религиозного направления старались примирить теорию божественного предопределения с учением о свободе человеческой воли. Ашариты выступали против открытого антропоморфизма и концепции о противоречии догмата единобожия с признанием сакральных качеств Аллаха.

Ханбалиты — одна из четырех ортодоксальных религиозно-правовых школ в исламе; их учение характризуется отрицанием свободы мнений и права вольного истолкования Корана и хадисов — преданий о пророке Мухаммаде. Ханбализм предписывал верующим строгое соблюдение мусульманских обрядов и норм шариата.

[64] В советской историографии подчас односторонне трактуется вопрос об 'аййарах, которые изображаются лишь в качестве выразителей и защитников народных интересов. В действительности же 'аййары были неоднородны по своему имущественному и социальному положению, но значительная их часть, вероятно, принадлежала к низшим слоям общества. Составляя особую категорию населения, они были объединены в типичные для средневековья «братства». Корпорации 'аййаров (футувва) были подчас связаны с «еретическими» сектами ислама и суфийскими общинами. 'Аййары участвовали в борьбе различных претендентов на власть, в столкновениях религиозных толков, выступали в качестве «полицейских» и карательных сил. См.: *Каэн.* Народные движения, с. 42—60; *Буллет.* Аристократия Нишапура, с. 40—45.

[65] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 21; *ал-Бундари,* Зубдат, с. 30; *Сибт,* изд. Севима, с. 124 и сл.

[66] Хузестан — юго-западная провинция Ирана, древний Элам, с административным центром в г. Шуштере.

[67] См. подробнее: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 401, 402, 414; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 107—116 и сл.; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 9—10; *Раванди.* Рахат, с. 102—104; Фарс-наме, с. 127; 133; Шираз-наме, с. 17, 36.

[68] *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 305; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 418—422; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 10—14; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 105—106; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 113—116, 233; *Сибт,* изд. Севима, с. 1—23, 40—73, 92—93, 107, 254.

[69] *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 40—44.

[70] *Ал-Марвази.* Таба'и', с. 98—101; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 153, 402—421, 827, 849; *Агаджанов.* Огузы, с. 124—128; *Сюмер.* Огузы, с. 32 и сл.; *Кумеков.* Государство кимаков, с. 122—129.

[71] *Байхаки.* Та'рих, с. 856, 865; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 826—833.

[72] *Байхаки.* Та'рих, с. 865—867; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 865—867.

[73] Кят располагался на правом берегу Амударьи, на территории современного Бирунинского района Каракалпакской АССР. В 70-х годах XIX в. это название носила маленькая крепость, построенная хивинским правителем Ильбарс-ханом. См.: *Кун.* Культура оазиса, с. 244.

[74] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 346; *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 56 и сл.

[75] Себзевар — город в округе Байхак, расположенный к западу от Нишапура, на пути в Рей.

[76] Тарих-и Байхак, с. 51; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 36.

[77] *Прицак.* Закат, с. 6.

[78] *Матфей Эдесский.* Хроника, с. 89.

[79] См.: *Агаджанов.* Огузы, с. 154—155; *Сюмер.* Огузы, с. 32 и сл.; *Кумеков.* Государство кимаков, с. 122—129; *Туран.* История Сельджукидов, с. 71—73.

[80] Баласагун соответствует городищу Бурана, расположенному в 24 км от г. Токмака, в КиргССР. См.: Красная речка, с. 144—182.

[81] Очевидно, под Булгаром здесь имеются в виду территории по нижне-

му течению Волги. Анонимный персидский автор XII в. сообщает, что области, прилегающие к «берегам Булгара», назывались «землей огузов». См.: Муджмал, с. 102; *ал-Гарнати.* Му'риб, с. 5—6; Путешествие ал-Гарнати, с. 27.

[82] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 355—356; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. IX, с. 179; История Бухары, с. 235.

[83] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 365.

[84] *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 303; ср. *ал-Марвази.* Таба'и', с. 96—104.

[85] См.: *Цегледи.* Куны, с. 43—50; *Марвази.* Таба'и', с. 99—101.

[86] *Даннел.* Этногенез тангутов, с. 80. Обращает на себя внимание, что Ибн ал-Асир говорит о вторжении в Семиречье массы тюрок-язычников из Тибета. *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 365.

[87] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 372—373; *Ибн ал-Асир.* Та'рих, Т. IX, с. 184; ср. также: *Сибт,* изд. Севима, с. 44, 49 и сл.

[88] *Байхаки,* изд. Гани и Файяза, с. 451—462; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 301.

[89] Кембриджская история, с. 26.

[90] *Севим.* История Майфарикина, с. 187.

[91] См. подробнее: *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. IX, с. 132—136, 226—227; *Ибн ал-Джауэи.* Мунтазам, Т. VIII, с. 137; *Матфей Эдесский.* Хроника, с. 80 и сл.; *Инанч.* История Турции, с. 39—44; *Туран.* История Сельджукидов, с. 73—79.

[92] *Аристакэс.* Повествование, с. 72. Вананд — район (гавар) в области Айрарат с центром в Карсе. Васпуракан — область со столицей в г. Ване.

[93] Ахбар ад-даулат, с. 35—36.

[94] Вопросы, связанные с сельджукским завоеванием Малой Азии и Закавказья, рассматривались многими исследователями, в особенности К. Каэном. См.: *Каэн.* Первое проникновение тюрок, с. 5—67; *Каэн.* Поход Алп Арслана, с. 17—20; *Каэн.* Кутлумыш, с. 14—27; *Минорский.* Исследования, с. 59—63.

[95] Подробные сведения о завоевании сельджуками Азербайджана содержатся в труде Сибта ибн ал-Джауэи, который приводит уникальные детали о нашествии войск Тогрул-бека и Алп-Арслана на Закавказье и Малую Азию. См.: *Каэн.* Северо-Западный Иран, с. 1—7.

[96] Гянджа служила политическим центром Аррана — области между Курой и Араксом.

[97] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 410—411; *Минорский.* История Ширвана, с. 33, 65, 66. Арзрум — древний Феодосиополь, средневековый Карин, лежавший в верховьях р. Аракс.

[98] *Минорский* .История Ширвана, с. 19—22, 50—56; Кембриджская история, с. 33—35; *Инанч.* История Турции, с. 49—57.

[99] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 740—741.

[100] Там же, с. 767.

[101] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 10.

[102] *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 307—308.

[103] Там же.

[104] Мусульманский мир, с. 51.

[105] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 35.

[106] Ахбар ад-даулат, с. 31; ср.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 32.

[107] Сафар-наме, с. 198; см. также: *Гургани.* Вис и Рамин, с. 23.

[108] *Гюналтай.* Причины заката, с. 365; *Сюмер.* Огузы. XI—XVII; *Туран.* История Сельджукидов, с. IX—XIII.

[109] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 50—51; МИТТ. Т. I, с. 376; ср.: Ахбар ад-даулат, с. 44.

[110] *Байхаки.* Та'рих, с. 281, 289, 290—297.

[111] Та'рих-и Байхак, с. 268, 273.

[112] *Хониат.* История, с. 227, 229.

[113] *Насири Хусрау.* Диван, с. 15.

[114] Там же, с. 329.

[115] Там же.

[116] *Брагинский.* Миниатюры, с. 122.

[117] *Насири Хусрау.* Диван, с. 106.
[118] В тегеранском издании принята неверная конъектура «ата ниялым» вместо «ата-йиналым».
[119] *Насири Хусрау.* Диван, с. 102, 302, 380, 468.
[120] МИТТ. Т. I, с. 373, 374.
[121] *Борназян.* Армения и сельджуки; *Шенгелия.* Сельджуки; *Шенгелия.* Грузинские историки, с. 40—45. Нюансы историографической оценки сельджукского периода в региональных масштабах Закавказья: *Гусейнов.* Историография, с. 26—28; *Гусейнов.* Сельджукская тематика, с. 112—213.
[122] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 385.
[123] *Кёймен.* Источник, с. 168; *Сюмер.* Огузы, с. 106 и сл.
[124] *Бартольд.* Туркестан, с. 368—369.
[125] *Лэмбтон.* Торговцы, с. 121—130.
[126] Кембриджская история, с. 55.
[127] *Санауллах.* Закат, с. 1 и сл.; *Хусайн.* Та'рих ал-'Ирак, с. 78 и сл.
[128] *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 60.
[129] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 139, 140; Та'рих-и Систан, с. 33 и сл.; *Нахчивани.* Таджариб, с. 266.
[130] Муджмал, с. 420.
[131] *Хаййам.* Новруз-наме, с. 32—33.
[132] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 96.
[133] *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 3 и сл.
[134] *Каэн.* Эволюция, с. 25—52; *Лэмбтон.* Размышление, с. 358—376.
[135] *Хорст.* Государственное устройство, с. 39—41, 83—87; *Надирадзе.* Проблемы, с. 200—232; *Курпалидис.* Икта', с. 154—159.
[136] *Беккер.* Исследования. Т. I, с. 218—247.
[137] *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 57 и сл.; *Туран.* Земельное право, с. 25 и сл.
[138] *Лэмбтон.* Размышление, с. 358—376; *Каэн.* Эволюция, с. 25—52; *Каэн.* Термин «феодализм», с. 2—20.
[139] *Ибн Адам.* Китаб, с. 62 и сл.; *Абу Йусуф.* Китаб, с. 91.
[140] *Ал-Маварди.* Право, с. 115—120; *ал-Маварди.* Ахкам, с. 334—337; *Ван Бершам.* Земельная собственность, с. 41.
[141] *Лабиб.* Экономическая история, с. 116 и сл.
[142] Закат Аббасидского Халифата. Т. II, с. 172—174; *Ибн Мискавайх.* Таджариб, с. 96 и сл.
[143] *Локкегор.* Налоги, с. 14—18, 38—45; *Каэн.* Эволюция, с. 21—25; 37—50; *Лэмбтон.* Размышление, с. 359—369.
[144] *Босворт.* Газневиды, с. 40—69.
[145] *Давидович.* Монеты Ферганы, с. 110—140; *Давидович.* Нумизматические материалы, с. 69—117; *Давидович.* Новые данные, с. 100—113; *Негматов.* Государство Саманидов, с. 88—97.
[146] *Раванди.* Рахат, с. 92—93; ср.: *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 11.
[147] *Ал-Бундари,* Зубдат, с. 6; Ахбар ад-даулат, с. 24, 25; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 11; История Сельджукидов, л. 17.
[148] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 84, 85; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 13, 14; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 5; *Раванди.* Рахат, с. 86, 87.
[149] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 323, 324; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 3, 4.
[150] *Байхаки.* Та'рих, с. 71, 294.
[151] Там же, с. 582, 583; *Байхаки,* изд. Гани и Файйаза, с. 526, 527.
[152] *Байхаки,* изд. Гани и Файйаза, с. 526, 527.
[153] *Байхаки.* Та'рих, с. 610; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 602; Ахбар ад-даулат, с. 26.
[154] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 602. Ср.: *Байхаки.* Та'рих, с. 610, 611; *Байхаки,* изд. Гани и Файйаза, с. 492.
[155] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 326.
[156] *Байхаки.* Та'рих, с. 627; ср. также: *Байхаки,* изд. Гани и Файйаза, с. 505; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 617, 618.
[157] *Байхаки.* Та'рих, с. 731, 732.
[158] Там же, с. 733; ср.: *Байхаки,* изд. Гани и Файйаза, с. 585; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 713.

[159] *Байхаки.* Та'рих, с. 735.

[160] *Гардизи.* Зайн ал-ахбар, с. 106.

[161] *Прицак.* Спорные вопросы, с. 209—228; *Прицак.* Титулатура, с. 50—60; *Давидович.* О двух каганатах, с. 67—76.

[162] *Агаджанов.* Огузы, с. 102—106.

[163] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 26, 27; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 4.

[164] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 20—22; *Раванди.* Рахат, с. 106—114.

[165] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 28; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 18, 19.

[166] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 20—23; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 29—30; Нишапури. Сельджук-наме, с. 23—24; *Раванди.* Рахат, с. 118; *Сибт,* изд. Севима, с. 45, 90, 116 и сл.

[167] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 22; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 27, 28.

[168] *Фульхерий.* История, с 80—140; *Брайс.* Тюркская колонизация, с. 15—30; *Каэн.* Первое проникновение тюрок, с. 5—67; *Каэн.* Тюркское вторжение, с. 25—58.

[169] *Каэн.* Сельджукиды, с. 21—31; *Кёпрюлю.* Племя кай, с. 435—445; *Сюмер.* Огузы, с. 336—372.

[170] История Османов, л. 46.

[171] *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 4—8; *Босворт.* Газневиды, с. 260.

[172] Сибт ибн ал-Джаузи пишет о восстании и бегстве туркмен от Сельджукидов в XI в. в Анатолию, Сирию и Палестину (*Сибт,* изд. Севима, с. 153. Ср. также: *Гордлевский.* Государство Сельджукидов, с. 22—34; *Якубовский.* Сельджукское движение, с. 921—946; *Сюмер.* Огузы, с. 92—113). О. Туран пишет, что Сельджукиды с помощью огузов и туркмен стремились обеспечить и оборону своих владений. В то же время он видит в завоевании ими Анатолии и других стран претворение в жизнь мнимого идеала тюрок — установить мировое господство. Туран. История Сельджукидов, с. 70—71.

[173] Саве — город на пути из Рея в Хамадан, в Иране. Дамган расположен к востоку от современного Тегерана.

[174] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 23; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 28. Имеются сведения о том, что вместе с Сулайман-шахом в Малую Азию (Рум) ушло до 80 тыс. туркмен во главе со своими беками. История Сельджукидов Малой Азии, с. 1—2; Огуз-наме, с. 34.

[175] Ар-Руха, или Эдесса,— город в верховьях р. Балих, в Сирии.

[176] *Нишапури* .Сельджук-наме, с. 23, 24; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 29, 30; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 20—23; *Раванди.* Рахат, с. 118; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 327, 328.

[177] *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 20; *Гаффари.* Нигаристан, с. 140; См. также: *ал-Бундари.* Зубдат, с. 47; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 279; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 25, 26.

[178] *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 2, 25, 26, 49.

[179] Ахбар ал-даулат, с. 44.

[180] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 42—47; Ахбар ад-даулат, с. 44; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 26.

[181] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 20—22, 25, 36, 37; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 5 и сл.; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 35, 37, 41; *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 12; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 300; Сибт, изд. Севима, с. 1, 2, 81, 92 и сл.

[182] *Гусейнов.* Султан, с. 127, 128.

[183] *Лаус.* Политические идеи, с. 11—92; *Биндер.* Теория ал-Газали, с. 229—241.

[184] *Макдиси.* Халиф и султан, с. 228—236.

[185] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 20—22.

[186] *Агаджанов.* Огузы, с. 232—238. См. также о значении термина «шихна», вернее, «шахна»: *Пельо.* Заметки, с. 72—73; *Джувайни.* История. Т. I, с. 44; *Клаусснер.* Сельджукский везират, с. 20, 28; 123; *Хорст.* Государственное устройство, с. 93—96; *Хилал ас-Саби.* Установление, с. 101.

[187] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 34—36, 44; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам, Т. VIII, с. 249; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 39, 41; *Хондамир.* Дастур, с. 84, 85.

[188] *Макдиси.* Халиф и султан, с. 234—236.

[189] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 28; *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 239.

[190] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 31, 36, 37; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил, Т. X, с. 35, 37, 41.

[191] Багшур — город на р. Кушке, лежавший около современного Калаи-Мора, в ТуркмССР.

[192] Исфизар — город и область в горах Эльбурса, в Табаристане.

[193] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 34 Та'рих-и Систан, с. 529.

[194] *Джувайни.* История. Т. II, с. 549; *Гурлянд.* Степное законодательство, с. 49—158.

[195] Фарс-наме, с. 116; Ахбар ад-даулат, с. 52—54; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 36, 37; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 30, 31; *Гаффари.* Нигаристан, с. 135; Сибт, изд. Севима, с. 45—92, 100—105.

[196] *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 31. Хотан — оазис и город в южной части провинции Синьцзян, в КНР.

[197] *Каэн.* Поход Алп Арслана, с. 17—20; *Каэн.* Северо-Западный Иран, с. 69—70.

[198] Ани был политическим центром Анийского царства, а Карс — столицей исторической области Айрарат.

[199] Ахбар ад-даулат, с. 51, 52, 190, 191; Муджмал, с. 407; *Ибн ал-Асир.* Та'рих, Т. X, с. 14; *Вардан.* История, с. 126—129; *Аристакэс.* Повествование, с. 128—129; Матиане, с. 54—56.

[200] *Каэн.* Северо-Западный Иран, с. 70; *Минорский.* История Ширвана, с. 37—42; *Минорский.* Исследования, с. 21—25.

[201] *Сибт,* изд. Севима, с. 147—149. См. также: *Ибн ал-Асир.* Тарих. Т. X, с. 23; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 262—263; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 38—44; Ахбар ад-даулат, с. 51, 52; *Гандзакеци.* История, с. 257; *Вриенний.* Записки, с. 28—37; *Аристакэс.* Повествование, с. 120—133; *Матфей Эдесский.* Хроника, с. 169.

[202] Кайсери (так же как и все названные города) расположен на территории нынешней Турции.

[203] *Нешри.* Джихан-нума, с. 28, 29; См. также: *Гусейнов.* Уджи, с. 219—229; *Сюмер.* Огузы, с. 135 и др.; *Туран.* История Сельджукидов, с. 20—22 и сл.

[204] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 26; Ахбар ад-даулат, с. 48.

[205] *Брайс.* Тюркская колонизация, с. 15—30; *Сюмер.* Огузы, с. 123—138; *Каэн.* Кочевники, с. 111—121.

[206] Иконий — г. Конья, в Турции.

[207] *Хониат.* История, с. 48.

[208] *Сибт.* изд. Севима, с. 131; Ахбар ад-даулат, с. 52, 192; см. также: *Сюмер.* Огузы, с. 58; *Туран.* История Сельджукидов, с. 108.

[209] *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 28.

[210] *Йакут.* Му'джам. Т. IV, с. 670; МИТТ. Т. I, с. 485.

[211] Ф. Сюмер полагает, что речь идет о людях — Кафшуте и Джарыке, но в использованных нами источниках значится: Кыфшат и Джази. *Сюмер.* Огузы, с. 100—101. О. Туран полагает, что имеются в виду Кафшут и кипчакское племя джазиг. *Туран.* История Сельджукидов, с. 108.

[212] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 28; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 90—92.

[213] *Сибт,* изд. Севима, с. 131; Ахбар ад-даулат, с. 192; ср.: *Сюмер.* Огузы, с. 58.

[214] *Агаджанов.* Огузы, с. 226, 227, 246.

[215] Ахбар ад-даулат, с. 52; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 28; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 94, 95.

[216] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 94, 95; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 63; Ахбар ад-даулат, с. 52; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 28.

[217] *Давидович.* О двух каганатах, с. 67—76; *Прицак.* Титулатура, с. 50—60.

[218] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 570, 571, 868.

[219] Там же, с. 695, 724, 822.

[220] *Бартольд.* Туркестан, с. 363, 364; *Давидович.* Клад, с. 88—92; *Караев.* История, с. 140—150.

[221] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 210; 356; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 524, 525, 623.

[222] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 210; *Байхаки.* История Мас'уда,

с. 644. Исфиджаб — округ и город, лежавший на месте Сайрама, в нескольких километрах от Чимкента.

[223] *Бартольд.* Туркестан, с. 377; *Буниятов.* Гарс ан-Ни'ма, с. 8; *Караев.* История, с. 149—150.

[224] *Сибт*, изд. Севима, с. 123; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 212; Т. X, с. 28. Ср. также: *Босворт.* Мусульманские династии, с. 156.

[225] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 45—47; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 49—50; Ахбар ад-даулат, с. 62, 63; Муджмал, с. 407; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 277; *Харави.* Тазкира, с. 11; *Сибт*, изд. Севима, с. 164—165.

[226] Согласно грузинским летописям, Алп Арслан был убит «старым тюрком в кибитке своих воинов» (*Шенгелия.* Грузинские историки, с. 40—41). Однако Сибт ибн ал-Джаузи пишет, что убийца султана был казнен армянином — дворцовым слугой (фарраш). См.: *Сибт*, изд. Севима, с. 165.

[227] *Раванди.* Рахат, с. 126.

[228] *Рашид ад-Дин*, изд. Атеша, с. 52, 53.

[229] Ахбар ад-даулат, с. 63.

[230] *Матфей Эдесский.* Хроника, с. 196; *Вардан.* История, с. 129—134; *Гандзакеци.* История, с. 89; *Броссе.* История. Т. I, с. 349; *Шенгелия.* Грузинские историки, с. 41—42.

[231] *Кафесоглу.* Маликшах, с. 5 и сл.; 137 и сл.; Кембриджская история, с. 66 и сл.; *Икбал.* Везират, с. 19 и сл.; *Сафа.* История. Т. II, с. 11 и сл.

[232] Ахбар ад-даулат, с. 64; см. также: *Аксарайли.* Мусамарат, с. 15; *Рашид ад-Дин*, изд. Атеша, с. 27.

[233] Муджмал, с. 408; *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 12, 13; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 48, 49; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 277; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 53; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 30; Ахбар ад-даулат, с. 64—197; *Сибт*, изд. Севима, с. 161—163; Ахбар ад-даулат, с. 64—197. Удушение тетивой лука считалось тюркским обычаем и применялось, вероятно, к знатным людям. См.: *Сибт*, изд. Севима, с. 163.

[234] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 40, 44; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 64; Ахбар ад-даулат, с. 65 и сл.; *Сибт*, изд. Севима, с. 161—163.

[235] *Минорский.* История Ширвана, с. 16, 27 и др.; Ахбар ад-даулат, с. 45, 54, 64—69, 189, 201.

[236] *Фульхерий.* История, с. 80, 140; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 43 и сл.; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 294, 323 и сл.

[237] Рамла — город, лежащий к северо-западу от Иерусалима. Атсыз, по словам Ибн ал-Асира и других средневековых авторов, происходил из племени уак. Ф. Сюмером отмечено соответствие данного этнонима названию огузского племени «йива», «йивак». Племя уак фигурирует и в труде Сибта ибн ал-Джаузи. Рассказывая о завоевании Палестины в 1070 г. Атсызом ибн Уаком, он называет его «предводителем (мукаддам) тюрок-гузов». Однако в дальнейшем он именует его «Атыз ат-Туркмани, вождь племени навакийа». Вопрос о соответствии между «йива», «ийвак» и «навакийа» вызвал оживленные споры в турецкой историографии. Мы разделяем высказанную ранее точку зрения Ф. Сюмера о тождестве этих двух этнонимов. Имеющееся в рукописях Сибта ибн ал-Джаузи написание «навакийа» является следствием ошибки переписчиков. Возможно также, что это объясняется и тем, что Сибт ибн ал-Джаузи пользовался различными источниками. См.: *Сибт*, изд. Севима, с. 152, 169; ср.: *Сюмер.* Племя йива, с. 153 и сл.

[238] *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 8 и сл.; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 46; *Сибт*, изд. Севима, с. 152 и сл.; ср.: *Сюмер.* Племя йива, с. 153—156; *Каэн.* Первое проникновение, с. 28, 29.

[239] См. о происхождении этого имени: *Пельо.* Заметки, с. 181.

[240] Хисн Кайфа была сильной крепостью в Верхней Месопотамии (Ал-Джазире), на р. Тигр. Харпут — город в Малой Азии.

[241] *Фарди.* Мардин, с. 104; *Каэн.* Дийарбакр, с. 219—276.

[242] Хой — город в северо-западной части Южного Азербайджана. Урмия — древний город к западу от оз. Урмия.

[243] *Сюмер.* Племя йива, с. 151—163; *Сюмер.* Племя дёгер, с. 156—160; *Кафесоглу.* Маликшах, с. 162, 163.

[244] См. об этом подробнее: *Гордлевский.* Государство Сельджукидов, с. 23

и сл.; *Чакрян.* Сельджукское завоевание, с. 12 и сл.; *Каэн.* Кутлумыш, с. 14—27; *Йинанч.* История Турции, с. 85 и сл.; *Туран.* История Сельджукидов, с. 198—211; *Сюмер.* Огузы, с. 134 и сл. Сибт ибн ал-Джауза пишет, что Сулайман ибн Кутулмыш был «предком (джадд) царей (мулюк) Рума». *Сибт*, изд. Севима, с. 243.

[245] Огуз-наме, с. 34; *Ибн Биби.* Сельджук-наме, с. 2 и сл.; Османские хроники. Т. I, с. 92.

[246] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 71; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 64; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 88, 89; *Хондамир.* Дастур, с. 91.

[247] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 45—49; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 49—53, 63, 64; Ахбар ад-даулат, с. 67, 68, 197, 198; *Сибт*, изд. Севима, с. 172; *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 239. *Бартольд.* Туркестан, с. 377; *Кафесоглу.* Маликшах, с. 28—29.

[248] Ахбар ад-даулат, с. 69.

[249] Нахшеб, или Насаф,— город Карши, в УзССР. *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 55; Ахбар ад-даулат, с. 69, 198; *Раванди.* Рахат, с. 125.

[250] *Сибт*, изд. Севима, с. 207.

[251] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 112.

[252] В исторической литературе принято написание «Теркен-хатун», но последние исследования показывают, что более правильна форма «Таркан-хатун». См.: *Гафуров.* Имя, с. 95—96.

[253] Узгенд, или Узген, а также Ош — древние города, ныне областные центры в КиргССР. См.: *Горячева.* Городские центры, с. 64 и сл.; *Галлицкий, Плоских.* Ош, с. 3 и сл.

[254] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 112—114.

[255] В сочинении ал-Бундари говорится о «билад ал-харкават», что означает, по-видимому, область, где живут кочевники в своих шатрах или юртах. См.: *ал-Бундари.* Зубдат, с. 70; Ср.: *Байхаки*, изд. Нафиси. Т. III, с. 1281, 1285, 1286.

[256] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 70, 71.

[257] *Рашид ад-Дин.* изд. Атеша, с. 47.

[258] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 113, 114; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с 184; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 70, 71, 117; *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 102, 103, 135; Ахбар ад-даулат, с. 71.

[259] *Бартольд.* Туркестан, с. 376—380; *Бартольд.* Семиречье, с. 99, 100; *Кафесоглу.* Маликшах, с. 119—123.

[260] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 53, 88, 89; Ахбар ал-даулат, с. 66, 69; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 49; *Сибт*, изд. Севима, с. 167, 207—218, 230—231.

[261] Лазикой называлась область на Черноморском побережье Грузии.

[262] Ныне Трабзон в Турции.

[263] См. подробнее: *Йинанч.* История Турции, с. 110—113; *Каэн.* Первое проникновение тюрок, с. 49 и сл.; *Минорский.* Исследования, с. 67, 68; *Минорский.* История Ширвана, с. 68 и сл.; *Минорский, Каэн.* Закавказский сборник, с. 19—21; *Буниятов.* Ширван, с. 31—36; *Шенгелия.* Грузинские историки, с. 41 и сл.

[264] Никея — древний византийский город на берегу Никейского оз. ныне Изник, в Турции.

[265] *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 60 и сл.

[266] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 30.

[267] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 35.

[268] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 4 и сл.

[269] *Байхаки.* Та'рих, с. 150, 583, 689; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 112.

[270] *Ходжаниязов.* Денежное обращение, с. 20—21; *Ходжаниязов.* Каталог, с. 5—8; *Майлс.* Нумизматическая история, с. 174, 196.

[271] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 677.

[272] Там же.

[273] *'Укайли.* Асар, с. 203, 204.

[274] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 677.

[275] *'Укайли.* Асар, с. 203, 204.

[276] *Нахчивани.* Таджариб, с. 260.

[277] *Бауэн.* Заметки, с. 105—110; *Икбал.* Везират, с. 18—19.
[278] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 7.
[279] Там же, с. 7; см. также: *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 190, 191.
[280] *Буллет.* История, с. 97, 103.
[281] Ахбар ал-даулат, с. 46.
[282] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 676—677, 753.
[283] *Агаджанов.* Огузы, с. 219.
[284] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 7 и сл.; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 307.
[285] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 7 и сл.; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 307 и др.; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 4 и сл.; *ал-Газали.* Насихат, с. 106—112.
[286] См.: *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 67 и сл.; *Бейлис.* Везират, с. 34—48.
[287] Та'рих-и Байхак, с. 73; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 140; *'Укайли.* Асар, с. 207 и сл.; *Хондамир.* Дастур, с. 156 и сл.; *Нахчивани.* Таджариб, с. 253—260 и сл.
[288] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 58; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 46.
[289] *Сафа.* История. Т. II, с. 204.
[290] *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 71—73.
[291] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 143; 27, 369; ср.: Фарс-наме, с. 93.
[292] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 62, 67, 72, 73, 322; Чахар магала, с. 27, 28.
[293] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 143.
[294] *Самарканди.* Четыре беседы, с. 52.
[295] *Каэн.* Доттоманская Турция, с. 36, 37.
[296] *Гусейнов.* Институт, с. 181—196; *Буниятов.* Атабеки, с. 3 и сл.
[297] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 140.
[298] Там же, с. 54; Ахбар ад-даулат, с. 23; Мунаджжим-баши, с. 535.
[299] *Хондамир.* Дастур, с. 156; см. также: *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам, Т. VIII, с. 278; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 27.
[300] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 331.
[301] *Кёпрюлю.* Титулатура, с. 334—337.
[302] *Гусейнов.* Институт, с. 181—196.
[303] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 34; *Кафесоглу.* Маликшах, с. 12.
[304] Обычай почтительного вставания с места, спешивания и шествования при стремени правителя или сановного лица в рассматриваемый период был широко распространен среди огузо-туркменских племен. В газневидских придворных кругах бытовал совсем иной церемониал: поясной низкий поклон и падение ниц перед властителем. См.: *Хондамир.* Дастур, с. 156—158; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 841—842.
[305] Ахбар ад-даулат, с. 76.
[306] *Джафероглу.* Культ лошади, с. 37 и сл.
[307] Ахбар ад-даулат, с. 63; *Сибт, изд.* Севима, с. 116 и сл.
[308] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 135; *Узунчаршылы.* Османское государство, с. 33, 34; *Кафесоглу.* Маликшах, с. 137, 138.
[309] Мусульманский мир, с. 124.
[310] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 135.
[311] *Лэмбтон.* Административное устройство, с. 367—388.
[312] *Бартольд.* Халиф, с. 15—78.
[313] *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 64—67.
[314] Хита, или, вернее, Хитай,— историческое название Северного Китая.
[315] Имеется в виду Каспийское море.
[316] Таиф —город, расположенный к юго-востоку от Мекки.
[317] *Гаффари.* Нигаристан, с. 145; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 46.
[318] *Гандзакеци.* История, с. 89.
[319] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 68, 69; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 70, 74; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 31.
[320] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 69; Ахбар ад-даулат, с. 77; *Равванди.* Рахат, с. 131; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 31, 60.
[321] *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 4 и сл.
[322] *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 14; Кембриджская история, с. 249. Взимание этой пошлины было возобновлено в Иракском султанате в 1120 г.

султаном Махмудом ибн Мухаммадом. См.: *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 218.

[323] *Хайям.* Новруз-наме, с. 89; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 37; Кембриджская история, с. 160.

[324] *Та'рих-и* Байхак, с. 53.

[325] *Хондамир.* Дастур, с. 155.

[326] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 49.

[327] *Макдиси.* Халиф и султан, с. 233—236.

[328] *Нахчивани.* Таджариб, с. 270—279.

[329] *Казим.* Мироукрашающая история. Т. I, л. 329—330.

[330] Масалик ва мамалик, с. 207.

[331] *'Укайли.* Асар, с. 215, 216.

[332] Нузхат ал-кулуб, с. 33—34.

[333] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 54.

[334] *Гаффари.* Нигаристан, с. 145; *Харави.* Тазкира, с. 11.

[335] Ахбар ад-даулат, с. 72.

[336] Ср: *Байхаки.* История Мас'уда, с. 957.

[337] Ахбар ад-даулат, с. 46, 48.

[338] *Хондамир.* Дастур, с. 156; Ахбар ад-даулат, с. 74; *Раванди.* Рахат, с. 126; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 45, 46; *Нахчивани.* Таджариб, с. 267.

[339] *'Укайли.* Асар, с. 236.

[340] Краткая энциклопедия, с. 137.

[341] *Ходжаниязов.* Денежное обращение, с. 29—45.

[342] *Кермани.* Наса'им, с. 35.

[343] *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 47.

[344] *Ал-Бундари,* Зубдат, с. 58.

[345] Там же.

[346] Там же, с. 51; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 327.

[347] Ахбар ад-даулат, с. 73; *ал-Хусайни,* Ахбар, с. 46.

[348] *Каэн.* Эволюция, с. 25—52; *Каэн.* Заметки, с. 287—303; *Босворт.* Нашествия варваров, с. 26.

[349] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 385; *Туран.* Земельное право, с. 25 и сл.

[350] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 39—41; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 21.

[351] *Давидович.* Город, с. 38—46; *Федоров.* К вопросу, с. 244—249.

[352] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 54.

[353] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 58, 68, 69; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 53, 54; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 50.

[354] См. об этом подробнее: *Исфаханиан.* Военная организация, с. 67—71; *Гусейнов.* Военная организация, с. 132—147; *Хорст.* Государственное устройство, с. 185, 186, 187; *Юнусов.* История, с. 3 и сл.

[355] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 38.

[356] *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 41.

[357] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 70; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 22, 43, 50.

[358] *Харави.* Тазкира, с. 11; *Гаффари.* Нигаристан, с. 145; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 46; *Раванди.* Рахат, с. 128.

[359] *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 314; *Гусейнов.* Военная организация, с. 133.

[360] *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 47.

[361] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 70, 71; Ахбар ад-даулат, с. 75, 76, 203, 204; Муджмал, с. 408; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 46, 47; *Гаффари.* Нагаристан, с. 66; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 34—51; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 294 и сл.; там же. Т. IX, с. 28—29; *Раванди.* Рахат, с. 129.

[362] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 31.

[363] *'Укайли.* Асар, с. 205.

[364] *Нахчивани.* Таджариб, с. 262.

[365] *Маварди.* Право, с. 115—120.

[366] *Каэн.* Эволюция, с. 25—52.

[367] *Хорезми.* Мафатих, с. 60, 88, 89.

[368] *Хондамир.* Дастур, с. 112; *Байхаки.* Та'рих, с. 133; 134; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 60.
[369] *Ас-Сули.* Ахбар. Т. I, с. 185 и сл.
[370] *Маварди.* Право, с. 115—120; *Белэн.* Система, с. 191; *Беккер.* Исследования. Т. I, с. 242.
[371] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 58.
[372] *Белэн.* Система, с. 216, 217.
[373] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 46.
[374] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 58.
[375] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 120; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 47.
[376] Муджмал, с. 408 ('ахд-и фитрат бäд аз вафат-и султан Маликшах); *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 88 и сл.; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 75, 76; *Раванди.* Рахат, с. 142.

ГЛАВА III

[1] *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 63; *Каэн.* Доотоманская Турция, с. 48 и сл.
[2] *Лэмбтон.* Административное устройство, с. 367—388.
[3] *Амин.* Акт, с. 3; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 49—66; *Каэн.* Эволюция, с. 25—52; Кембриджская история, с. 82.
[4] *Малкольм.* История Персии, с. 220—229 и сл.; *Сайкс.* История Персии. Т. I, с. 120—122 и сл.; *Скрайн, Росс.* Сердце Азии, с. 140—144 и сл.
[5] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 71—72; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 74—89; *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 17—21; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 4 и сл.; *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 35.
[6] *Кафесоглу.* Маликшах, с. 19—22 и сл.
[7] Таркан-хатун (Туркан-хатун) была дочерью Тамгач-хана ибн Карахана ибн Илек-хана, караханидского правителя Мавераннахра. *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 82; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 48, 49; *Кермани.* Наса'им, с. 27.
[8] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 59—62; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 142—145; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. VIII, с. 330; *Санауллах.* Закат, с. 2 и сл.
[9] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 59 и сл.; ср.: *'Укайли.* Асар, с. 209.
[10] Ахбар ад-даулат, с. 67; *'Укайли.* Асар, с. 208; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 84.
[11] В некоторых источниках говорится, что после этого Низам ал-Мульк был смещен со своего поста по указанию Маликшаха. Однако анализ переписки между везиром и султаном показывает, что Маликшах не дал отставки Низам ал-Мульку. Скорее всего, это объясняется популярностью и авторитетом везира, которого поддерживала значительная часть армии. Тем не менее противники добились отставки верных ему людей, в первую очередь Камал ад-Даулы, место которого занял Тадж ал-Мульк, ставленник Таркан-хатун. «От этих действий [султана],— пишет 'Укайли,— в [Сельджукидском] государстве началось [большое] расстройство». *'Укайли.* Асар, с. 209; см. также: *Фалсафи.* Чänд магала, с. 427—430; Ахбар ад-даулат, с. 45, 46.
[12] Обращает также на себя внимание, что этому предшествовало и выдвинутое против Низам ал-Мулька обвинение в раздаче областей и государственных должностей своим ближайшим родичам. Султан пригрозил отобрать у него «чернильницу везира», на что Низам ал-Мульк ответил, что это приведет к тому, что не станет и султанской короны. *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 63; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 70; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 67; Раванди. Рахат, с. 134; *Нахчивани.* Таджариб, с. 279.
[13] В ряде источников говорится, что султан был отравлен в результате происков его жены Таркан-хатун. См.: *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 73, 74; Муджмал, с. 408; *Казвини.* Гузида, с. 449; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 274; Тарих-и Байхак, с. 76; *Матфей Эдесский.* Хроника, с. 203; *Вардан.* История, с. 134.
[14] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 137—139; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 62—63, 78—82; *Раванди.* Рахат, с. 132—135; Ахбар ад-даулат, с. 71—77; *Ибн Тиктака.* Правила, с. 338.

[15] *Марке.* Ихван ас-сафа, с. 233—258.

[16] Эта крепость более полутора столетия (1090—1256) была резиденцией главы исмаилитов.

[17] Хасан ас-Саббах в письме к Маликшаху писал: «Я создал новую религию (дин) и общину (миллат)... моя религия мусульманская... я все делаю ради истинной веры». *Фалсафи.* Чанд магала, с. 418.

[18] *Сабити.* Аснад, с. 29, 38; *Джувайни.* Та'рих. Т. III, с. 195, 196. См. подробнее о борьбе Сельджукидов с исмаилитами: *Строева,* Государство, с. 61 и сл.

[19] *Строева.* Движение исмаилитов, с. 56—72; *Строева.* К вопросу, с. 68—79; *Строева.* Восстание исмаилитов, с. 41—56.

[20] *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 21—25; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 213, 219—220.

[21] Хур — город, располагавшийся к востоку от Рея, а Заузан — центр одной из 13 волостей (рустак) Нишапурского округа.

[22] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 213 и сл.; История Систана, с. 217, 391; *Джувайни.* Та'рих. Т. III, с. 21—25; *Джувайни.* История. Т. II, с. 666—675.

[23] Собственно, под этим названием имеется в виду часть Багдада, которая была ограждена по указанию первого сельджукского повелителя; при нем здесь был воздвигнут ряд новых построек. В правление султана Маликшаха «Город Тогрула» был застроен новыми зданиями общественного и культового назначения. *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 10—12; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. IX, с. 212—214; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 164, 169.

[24] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX с. 165, 166; История Бухары, изд. Шефера, с. 236, 237.

[25] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 145, 146; *Раванди.* Рахат, с. 140—142; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 35—36; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 82—83; Ахбар ад-даулат, с. 77, 78; *Санауллах.* Закат, с. 83 и сл.; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 72 и сл.; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 334 и сл.

[26] *Ходжаниязов.* Денежное обращение, с. 57, 58, 108, 109, 113; *Ходжаниязов.* Каталог, с. 67—74; *Лэн Пуль.* Монеты, с. 28.

[27] Это было второе крупное столкновение противоборствующих сторон. Первое сражение произошло в 1093 г. под Баруджердом, недалеко от Исфахана. Битва закончилась разгромом войск султанши и заключением перемирия между Беркйаруком и Таркан-хатун. *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 82, 83; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 62, 63; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 74.

[28] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 152, 153; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 67, 76—88; *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 82, 84—86; *Раванди.* Рахат, с. 136—141, 143; Ахбар ад-даулат, с. 28, 78—79; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 36; Муджмал, с. 409.

[29] *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 105 и сл.; *Матфей Эдесский.* Хроника, с. 205—209 и сл.; *Санауллах.* Закат, с. 91—97; Сокровенное сказание, с. 301—305 и сл.

[30] *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 109; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 195, 196.

[31] Первое соглашение между ними было заключено в 1101 г., когда Беркйарук был признан верховным султаном, а Мухаммад Тапар — правителем Азербайджана, Дийарбакра и Ал-Джазиры. Однако договор был нарушен Мухаммадом, что привело к новому сражению, завершившемуся победой Беркйарука. В 1103 г. Мухаммад Тапар вновь двинулся на Иран, но был наголову разбит у ворот Хоя и ушел в Ахлат. *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 112—129; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 198—202; 205—207; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 38, 39; Ахбар ад-даулат, с. 79, 203; Муджмал, с. 409, 410; *Раванди.* Рахат, с. 144—149.

[32] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 89, 90; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 253—255, 260—268; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 138, 141—143; Муджмал, с. 410; *Сибт.* Мир'ат. Т. I, ч. 8, с. 12—13; Ахбар ад-даулат, с. 210.

[33] *Буниятов.* Атабеки, с. 17. О. Туран полагает, что в 1104 г. произошло разделение империи Сельджукидов на три султаната — Иракский, Хорасанский и Румский, в Малой Азии. *Туран.* История Сельджукидов, с. 167.

[34] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 171.

[35] Там же. Каррамиты были одной из сект ислама, приверженцы которой являлись антропоморфистами, считавшими, что Аллах обладает физическим телом (джисм). Как отмечалось выше, секта была влиятельной в X—начале XI в., при первых Газневидах. Однако затем в результате гонений каррамиты постепенно утратили свое значение и сошли с арены после XIII в. См.: *Байхаки.* История Мас'уда, с. 845; *аш-Шахрастани.* Книга, с. 102—103 и сл.; *Петрушевский.* Ислам, с. 231—232.

[36] *Буллет.* История, с. 106.

[37] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 193, 194; *Раванди.* Рахат, с. 30—32.

[38] *Бартольд.* Туркестан, с. 351; История Нишапура, с. 33 и сл.

[39] *Буллет.* История, с. 90—106.

[40] Там же, с. 104.

[41] Та'рих-и Байхак, с. 268.

[42] Ахбар ад-даулат, с. 85—87; Муджмал, с. 407, 408; Та'рих-и Байхак, с. 53; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 60; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 47, 75 и сл.

[43] Арслан Аргун, согласно «Муджмал ат-таварих», получил от своего отца Алп Арслана в управление область (вилайат) Хорасан. Однако другие средневековые авторы говорят, что он стал эмиром Хорезма. Муджмал, с. 407, 408; Ахбар ад-даулат, с. 52.

[44] Ахбар ад-даулат, с. 85.

[45] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 180 и сл.; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 256—258; Ахбар ад-даулат, с. 85—87.

[46] Та'рих-и Байхак, с. 53; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 180—182; Ахбар ад-даулат, с. 86.

[47] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 180.

[48] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 256—258; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 178—180; Ахбар ад-даулат, с. 85—97; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 60, 61; *Мунаджим-баши,* с. 544.

[49] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 180; *Му'иззи.* Диван, с. 291; Ахбар ад-даулат, с. 86—87; *Мунаджим-баши,* с. 544.

[50] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 181—182.

[51] Садр ад-Дин ал-Хусайни утверждает, что Беркйарук совершил из Хорасана поход на Самарканд. Однако Ибн ал-Асир, трудом которого пользовался ал-Хусайни, сообщает лишь об отправке султаном посольства в Мавераннахр. Ахбар ад-даулат, с. 87; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 181.

[52] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 181.

[53] Там же, с. 182.

[54] Там же, с. 180—182; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 256 и сл.; Ахбар ад-даулат, с. 85—87; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 60—61; *Марвази.* Таба'и', с. 18, 30, 101, 102; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 3; *Мунаджим-баши,* с. 544.

[55] *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 37, 38; *Буниятов.* Хорезмшахи, с. 6.

[56] См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 129—134; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 150—151; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 90, 91; *Раванди.* Рахат, с. 148—157; *Хондамир.* Дастур, с. 183, 184.

[57] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 201—202; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 113 и сл.; Ахбар ад-даулат, с. 87.

[58] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 260—262; Ахбар ад-даулат, с. 89, 213; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 124; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 239—241. См. более подробно о событиях этого времени в Мавераннахре и Восточном Туркестане при караханидских правителях: *Бартольд.* Туркестан, с. 379—381; *Федоров.* Очерк истории, с. 129—130; *Кочнев.* Монетный чекан, с. 144—158; *Прицак.* Спорные вопросы, с. 222, 223.

[59] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 241, 252, 335; История Бухары, изд. Шефера, с. 240.

[60] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 261—262; Ахбар ад-даулат, с. 80; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 138; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 253—255; 260—268.

[61] *Му'иззи.* Диван, с. 196.

[62] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 262, 263; Ахбар ад-даулат, с. 90, 214; *Ибн ал-*Асир. Ал-Камил. Т. X, с. 353 и сл.; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 79; *Раванди.* Рахат, с. 165.

[63] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 129—134; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 205; Ахбар ад-даулат, с. 85—89; см. также: *Макдиси.* Халиф и султан, с. 228—236; *Буниятов.* Атабеки, с. 17—19; Кембриджская история, с. 164—167; *Туран.* История Сельджукидов, с. 170—172.

[64] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 265; *Раванди.* Рахат, с. 167; *Казвини.* Гузида, с. 457; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83; *Нахчивани.* Таджариб, с. 258; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 65; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 96. См. также письмо Санджара к халифу, датированное 1133 г.: 'Атабат ал-катаба, с. 17.

[65] Ибн Тиктака. Правила, с. 34—35.

[66] 'Атабат ал-катаба, с. 6—57 и сл.; *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 16.

[67] «Тазиками» в широком смысле после арабского завоевания называли оседлое мусульманское население Средней Азии. *Рашид ад-Дин.* Сборник. Т. I, кн. 2, с. 67, 189, 206, 240; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 78, 345, 346, 479, 578, 677, 725, 752, 758, 759.

[68] Рассматриваемый термин имел и вторичное значение, им обозначались служащие государственного аппарата, штатные чиновники. *Босворт.* Газневиды, с. 304; ср.: *Валитова.* Этнонимы, с. 2—4.

[69] С генезисе названия «тазик», его трансформации и исторической связи с этнонимом «таджик» см.: *Бартольд.* Таджики, с. 451—468; История Таджикистана. Т. II, с. 452; *Бертельс.* Персидский, с. 55—56; *Гафуров.* Таджики, с. 375, 376.

[70] МИТТ. Т. I, с. 185.

[71] *Ал-Макдиси.* Ахсан, с. 335—336; *Фрейман.* Согдийские надписи, с. 296 и сл.; *Фрейман.* Хорезмийский язык, с. 5 и сл.; *Волин.* Новый источник, с. 85 и сл.; *Певзнер.* Арабские надписи, с. 24 и сл.; МИТТ. Т. I, с. 185, 204; *Минорский.* Ираника, с. 16; *Тоган.* Хорезмийский перевод, с. 33 и сл.; *Хеннинг.* Хорезмийский язык, с. 20 и сл.

[72] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 46—219; *Сафа.* Тасаллот, с. 80.

[73] История Таджикистана. Т. II, кн. 1, с. 452; *Бартольд.* Таджики, с. 496—1080; *Боровков.* Заметки, с. 49—53.

[74] *Фишел.* Евреи Средней Азии, с. 29—50; *Фишел.* Открытие, с. 148—153; *Гойтейн.* Письма, с. 201.

[75] Несториане были христианами, последователями константинопольского патриарха Нестора (323—330).

[76] *Самарканди.* Тарджама, с. 230.

[77] *'Укайли.* Асар, с. 236; *Хондамир.* Дастур, с. 191; Ахбар ад-даулат, с. 73, 100 (факсимиле арабского текста, л. 39б); *ал-Хусайни,* изд. Икбала, с. 68; *Искандар.* Марвази, с. 272—273.

[78] Некоторое представление об этих процессах дают материалы, относящиеся к Малой Азии, где после сельджукского завоевания наряду с огузами поселились кипчаки. Потомки этих мигрантов, которые живут ныне в ряде областей Северной Анатолии, в частности бартынцы, говорят на диалектах, представляющих собой типичный пример смешения огузского и кипчакского языков. *Коркмаз.* Вопрос, с. 341—343.

[79] *Кальмэр.* Шиизм, с. 66, 67.

[80] *Фрай, Сайили.* Тюрки, с. 195.

[81] *Босворт.* Нашествия варваров, с. 24.

[82] Худуд, изд. Шаха, с. 339.

[83] *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. II, с. 1016.

[84] *Тоган.* Ибн Фадлан, с. 41.

[85] *Босворт.* Газневиды, с. 109.

[86] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 153, 827.

[87] *Ибн ал-Факих.* Китаб ахбар, л. 168а; *Мас'уди.* Мурудж. Т. I, с. 288; см. также: *Агаджанов.* Этническая история, с. 344—348.

[88] Захир ад-Дин Бабур и Мухаммад Хайдар сообщают, что в XV—XVI вв. кочевой народ чаграк обитал в горах между Кашгаром и Андижаном, *Джувайни.* История. Т. II, с. 461—463; *Хайдар.* Та'рих, с. 165; ср.: *Абрамзон.* Киргизы, с. 36; Материалы, с. 90.

[89] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 135, 577.

[90] *Босворт.* Газневиды, с. 35; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 181.

[91] *Босворт.* Газневиды, с. 110.

[92] Халаджи обитают сейчас и в Иране, где они населяют 40 селений в провинции Дастгирд. Живут они в нескольких километрах от г. Саве, по соседству с иранским и азербайджанским населением. *Коркмаз.* Вопрос, с. 341—347; *Тезджан.* Халаджи, с. 613—618.

[93] *Кермани.* Наса'им, с. 29.

[94] *Тоган.* Хорезмийский перевод, с. 33; ср. также: *Искандар.* Марвази, с. 272—273.

[95] История Систана, с. 56; *Брагинский.* Миниатюры, с. 121.

[96] *Хилл.* Книга, с. 3 и сл.

[97] В этом отношении большой интерес представляет копия письма знаменитого теолога и философа ал-Газали к Фахр ал-Мульку, везиру Санджара. Хотя оно не датировано, упоминаемые в нем события, по-видимому, относятся к одному из походов Санджара из Северного Хорасана в Персидский Ирак. В письме отмечается, что война и гражданская смута привели к недороду, вслед за которым вспыхнули голод и эпидемии. *'Укайли.* Асар, с. 223.

[98] Та'рих-и Систан, с. 338; Кандия, с. 253; *Шахмардан.* Нузхат, л. 71, 72. Ср.: *Тифлиси.* Описание, с. 117.

[99] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 30, 62; ср.: Та'рих-и Систан, с. 363, 337, 338.

[100] Кандия, с. 253, 254; Средневековый город, с. 186 и сл.; Ташкент, с. 52 и сл.; *Итина.* Основные итоги, с. 190 и сл.; *Мухамеджанов.* О землях, с. 155—168; *Андрианов,* Мухамеджанов. К изучению, с. 161—175.

[101] *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 38.

[102] «Дехас» в переводе с фарси означает «Десять мельниц». Термином «ас» обозначались мельницы с каменными жерновами, приводимыми в действие силой водяного потока. *Убахи.* Тухфат, л. 21а.

[103] Худуд, изд. Шаха, с. 366; МИТТ. Т. I, с. 573.

[104] *Самарканди.* Четыре беседы, с. 61.

[105] Талхатан-Баба, в прошлом Талхатан,— селение к югу от Старого Мерва, современного Байрам-Али, Хурмузфарра — селение, располагавшееся к северу от Мерва, на дороге в Хорезм. *Жуковский.* Мерв, с. 47, 58, 67, 183—191; *Массон.* Средневековые пути, с. 20, 84.

[106] МИТТ. Т. I, с. 326—343.

[107] *Ал-Булдан,* л. 39—40; Табакат, л. 59; МИТТ. Т. I, с. 525, 527; *ал-Майхани.* Асрар, с. 39 и др.; Та'рих-и Байхак, с. 280.

[108] *Жуковский.* Мерв, с. 116, 117; *Бартольд.* Сведения, с. 136—156.

[109] *Хамадани.* Аджа'иб, л. 131а; МИТТ. Т. I, с. 509; *ал-Гарнати.* Тухфат, с. 213; *Казвини.* Нузхат, л. 179а; *Байхаки.* История Мас'уда, с. 206; Табакат, л. 76а.

[110] *Хамадани.* Аджа'иб, л. 131а; Нузхат ал-кулуб, с. 156, 205.

[111] *Атагаррыев.* Дехистан, с. 136—140, 172.

[112] В прошлом столетии туркмены возводили относительно небольшие деревянные плотины между Гасан-Кули и Яглы-Олумом на р. Атрек. Перекочевывая на новое место, они разрушали старую и строили новую плотину. Более сложные гидротехнические сооружения отмечаются на р. Горган, воды которой некогда преграждались плотиной, сложенной из жженых кирпичей. *Безсонов.* Переселенцы, с. 25, 26; *Макаров.* Записки, с. 143—147.

[113] *Ал-Гарнати.* Тухфат, с. 213; *ал-'Имади.* Кынйа, л. 246б; Ад-Дунйа, л. 201; Ал-Гара'иб, л. 165а.

[114] *Гулямов.* Орошение, сл. 3 и сл.; *Андрианов.* Оросительные системы, с. 1 и сл.

[115] *Итина.* Основные итоги, с. 190 и сл.; *Неразик, Савицкий, Манылов.* Раскопки, с. 64—71; *Неразик.* Жилища, с. 67—70.

[116] Самария, с. 161; *Маргинани.* Хидайа. Т. I, с. 109, 180; там же, т. III, с 10.

[117] Кандия, с. 252 и сл.; Самария, с. 162 и сл.; *Тагиев.* Раваткалинская плотина; *Массон.* Прошлое; *Усманова, Кабанов.* К стратиграфии, с. 98 и сл.; История Самарканда. Т. I, с. 118—125.

[118] *Мухамеджанов.* О землях, с. 155—168; Земли, с. 84—94; История Бухары, с. 85 и сл.

[119] История Кума, с. 63.

[120] *Маргинани.* Хидайа. Т. IV, с. 119, 183.
[121] Там же, с. 105, 107, 116.
[122] ʻАтабат ал-катаба, с. 72, 96, 135; *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 34 и др.; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 20; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 55, 56.
[123] *Гаффари.* Нигаристан, с. 145; ср.: *Бартольд.* Надпись, с. 323 и сл. См. о мильках Сельджукидов: ʻАтабат ал-катаба, с. 47, 55, 67, 69, 71; *Кермани.* Наса'им, с. 75.
[124] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 119; ʻАтабат ал-катаба, с. 102, 107, 131; Мунша'ат, л. 25.
[125] *Маргинани.* Хидайа. Т. II, с. 407.
[126] *Абдураимов.* Очерки, с. 34, 35; *Надирадзе.* Мульковое землевладение, с. 31—32; *Чехович.* Земельная собственность, с. 37—44; *Чехович.* Бартольд, с. 146—158.
[127] ʻАтабат ал-катаба, с. 24, 71.
[128] *Скарциа.* Предварительное сообщение, с. 76—82.
[129] Та'рих-и Байхак, с. 116 и сл.
[130] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 376.
[131] *Гаффари.* Нигаристан, с. 145; Фарс-наме, с. 124, 337.
[132] *Низам ал-Мульк.* Сийсат-наме, с. 31, 40, 318; ʻАтабат ал-катаба, с. 24.
[133] *Скарциа.* Предварительное сообщение, с. 82.
[134] Ахбар ад-даулат, с. 249.
[135] *Хорст.* Государственное устройство, с. 21.
[136] Речь идет, конечно, о мусульманской религии, хотя имеются и отдельные свидетельства более позднего времени об учреждении вакфов в пользу христиан в мамлюкском Египте. *Амин.* Акт, с. 43—52.
[137] *Маргинани.* Хидайа. Т. II, с. 140.
[138] *Петрушевский.* Земледелие, с. 268; *Чехович.* Земельная собственность, с. 36, 41.
[139] *Локкегор.* Налоги, с. 55; Кандия, с. 254.
[140] ʻАтабат ал-катаба, с. 33.
[141] *Багдади.* Ат-тавассул, с. 46—73.
[142] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 58.
[143] *Самарканди.* Четыре беседы, с. 97.
[144] *Нахчивани.* Таджариб, с. 279; *Хондамир.* Дастур, с. 153; *ʻУкайли.* Асар, с. 206.
[145] ʻАтабат ал-катаба, с. 35, 37.
[146] *Нахчивани.* Таджариб, с. 270, 279, 301; *Кермани.* Наса'им, с. 68; *Маргинани.* Хидайа. Т. II, с. 144—161.
[147] *Кадр.* Два документа, с. 304—305; *Большаков.* Два вакфа, с. 170—178.
[148] *ʻАуфи.* Лубаб, с. 385.
[149] ʻАтабат ал-катаба, с. 23, 33.
[150] Там же, с. 52—55, 59.
[151] Там же, с. 31, 61, 82, 108, 110, 116, 118, 169.
[152] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 134—135.
[153] ʻАтабат ал-катаба, с. 131—132; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 60 и сл.
[154] ʻАтабат ал-катаба, с. 30, 31.
[155] Там же, с. 20, 69.
[156] Речь идет об ʻАла ад-Дине Абу Бакре — сыне ʻИмад ад-Дина Кумача, мамлюкского военачальника Санджара. ʻИмад ад-Дин получил от султана должность губернатора (вали) и шахны «Балха и его округа». После его смерти ʻАла ад-Дин унаследовал отцовскую должность и титул исфахсалар (главнокомандующий), марзбан аш-шарк (охранитель восточных рубежей), эмир Хорасана. Очевидно, к нему перешли и все икта', которыми владел ʻИмад ад-Дин. См.: ʻАтабат ал-катаба, с. 75—77; *ал-Гарнати.* Тухфат, с. 145.
[157] Абхар — город, расположенный между Казвином и Хамаданом, в Иране.
[158] Зенджан — город в Гиляне.
[159] Рудбар — горный район, один из современных округов Решта, в Иране.

[160] Тарим, или Тарун,— город и округ, граничащий с провинцией Керман.

[161] Насир ад-Дин Кермани пишет, что это был Абу Тахир Исма'ил, происходивший из знатного рода Буф, из Кашана. *Кермани.* Наса'им, с. 64.

[162] В тексте: икта'ат-и бисйар би аджазат ва тауки'-йи султан фру гирифте банабар ин маджма'и хасси сахтанд.

[163] Золотая чернильница (дават) и перо (калам) были отличительными знаками и атрибутами везира наряду с особой чалмой (дастар). *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 63; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 47—48; *Хондамир.* Дастур, с. 453.

[164] *'Укайли.* Асар, с. 253.

[165] Там же, с. 253—254; ср.: *Кермани,* Наса'им, с. 64.

[166] См. об этом в главе IV.

[167] 'Атабат ал-катаба, с. 31; *Кермани.* Наса'им, с. 70; Ахбар ад-даулат, с. 47; *Нахчивани.* Таджариб, с. 262.

[168] 'Атабат ал-катаба, с. 20, 30, 31, 75.

[169] *Эснафпур.* Та'рих, с. 151; *Хорст.* Государственное устройство, с. 50; *Лэмбтон.* Размышление, с. 40—50.

[170] 'Атабат ал-катаба, с. 39, 40, 69; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 53.

[171] В тексте грамоты, помещенной в «Атабат ал-катаба», сказано: Ва амвал ва русум ва хукук-и дивани ба мукта'ан ва мутасаррифан ба тауки' ва фирман-и у гузаранд.

[172] 'Атабат ал-катаба, с. 20, 21, 31, 67, 73, 74, 76, 77.

[173] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 37 и сл.; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 28, 29, 70; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 38, 68, 90, 91; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 31, 49; *Каэн.* Доттоманская Турция, с. 40.

[174] 'Атабат ал-катаба, с. 31, 69, 73, 84; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 53, 76; *Лэмбтон.* Административное устройство, с. 232—238.

[175] 'Атабат ал-катаба, с. 76; *Бади'.* Ступени, с. 106.

[176] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 227.

[177] *Хорст.* Государственное устройство, с. 86.

[178] 'Атабат ал-катаба, с. 86, 73.,

[179] Там же, с. 68, 73; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 234; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 59; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 44; *Кермани.* Наса'им, с. 72; *Минорский.* История Ширвана, с. 63.

[180] *Босворт.* Нашествия варваров, с. 32.

[181] См.: *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 78 и сл.

[182] В каждой провинции существовали правила распределения воды и сбора хараджа (канун-и аб ва хараджи-и мардуман, канун-и и харадж-и вилайат). Очевидно, в целях законности они выдавались казиями и утверждались специальными указами (маншур) с приложением султанской печати. 'Атабат ал-катаба, с. 23, 96.

[183] Там же, с. 47, 48, 55, 60, 67, 73; *Низам ал-Мульк.* Сиайсат-наме, с. 8, 24, 26, 43, 49.

[184] 'Атабат ал-катаба, с. 41, 47, 81, 117, 131, 134, 140, 142, 150.

[185] *Вильчевский.* Новый источник, с. 96—103; *Сафа.* Тасаллот, с. 18—42; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 60 и сл.; Кембриджская история, с. 203—283.

[186] Кандия, с. 253, 254; *Маргинани.* Хидайа. Т. I, с. 107.

[187] Аналогом термина «муката'а» было «вазифа». *Фан ден Берг.* Начала, с. 87. См. о налогах «мукасама» и «муката'а»: *ал-Истахри.* Масалик, с. 158; *Ибн ал-Каланаси.* История, с. 142; *Ван Бершам.* Земельная собственность, с. 16—51.

[188] Кандия, с. 253—254; Та'рих-и Байхак, с. 258; *Ибн ал-Каланиси,* с. 142; *Ван Бершам.* Земельная собственность, с. 16, 45, 51.

[189] Подобная надбавка к поземельному налогу называлась «харадж алфар». *Бейлис.* Из наблюдений, с. 21.

[190] 'Атабат ат-катаба, с. 23, 24, 27, 28, 30, 41, 52; *Петрушевский.* Земледелие, с. 282, 380; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 117; *Бади'.* Ступени, с. 130; *Хатиби.* Источники, с. 75, 76.

[191] 'Атабат ал-катаба, с. 60, 67; *'Укайли.* Асар, с. 249; *Петрушевский.* Земледелие, с. 373, 380; *Хатиби.* Источники, с. 63; *Орал.* Надпись, с. 142; *Туси.* Лугат, с. 55.

[192] *Локкегор.* Налоги, с. 85; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 72, 435; *Хорст.* Государственное устройство, с. 74—75; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 116.

[193] ʿАтабат ал-катаба, с. 25, 29, 47, 51, 53, 56, 57, 60, 66, 67, 72, 79.

[194] *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 72.

[195] *Байхаки.* История Мас'уда, с. 161, 743, 850.

[196] ʿАтабат ал-катаба, с. 123.

[197] *Хан.* Копия декрета, с. 442, 443.

[198] Кабус-наме, с. 135; *Маргинани.* Хидайа. Т. IV, с. 45; *Фалсафи.* Чанд магала, с. 421.

[199] ʿАтабат ал-катаба, с. 104, 107; *Сам'ани.* Ансаб, л. 25а; *Раванди.* Рахат, с. 132, 133; *Насири Хусрау.* Диван, с. 10; *Насири Хусрау.* Новруз-наме, с. 32, 33; Муджмал, с. 420; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 57; Кабус-наме, с. 243; *Самарканди.* Четыре беседы, с. 67; *Джувайни.* Та'рих. Т. I, с. 119. Термин «дихкан» имел (в зависимости от эпохи, региона) различные смысловые оттенки. В названных и других источниках он нередко выступает также в значении «предводитель округа» (мукаддам ан-нахийа), «владелец поместий» (сахиб ад-дийа'), «хозяин земли» (худаванд-и замин), «глава и владелец земли (ра'ис ва худаванд-и дийа' ва амлак)». См.: *Хорст.* Государственное устройство, с. 184. См. также мнение М. Н. Федорова о судьбах дихканства Мавераннахра при Караханидах, что встретило критику в советской историографии. *Федоров.* Исторические судьбы, с. 89—116; *Кочнев.* Шаш (Чач); *Давидович.* О монетах, с. 80—103.

[200] *Туси.* Лугат, с. 114.

[201] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 39.

[202] ʿАтабат ал-катаба, с. 30, 40, 67, 104, 107; Мунша'ат, л. 25. См. о «хавала»: Краткая энциклопедия, с. 137.

[203] ʿАтабат ал-катаба, с. 20, 23, 28, 30, 41, 72; *Хорст.* Государственное устройство, с. 56, 58, 77, 79, 80, 82.

[204] В эту категорию входили бессрочные либо временные налоги. Кисмат в послемонгольскую эпоху означал сбор в пользу оценщиков урожая при взимании хараджа. *Маргинани.* Хидайа, Т. II, с. 358; Тазкират ал-мулук, с. 948; *Хорст.* Государственное устройство, с. 189.

[205] *Хорст.* Государственное устройство, с. 77, 78, 80, 81, 140.

[206] *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 72.

[207] *Локкегор.* Налоги, с. 115; *Белова.* Зарождение феодализма, с. 225—248; *Надирадзе.* Община, с. 217—241; *Надирадзе.* Вопросы, с. 5—82.

[208] ʿАтабат ал-катаба, с. 30, 50, 52; *Туси.* Лугат, с. 144; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 59 и сл.; *Хорст.* Государственное устройство, с. 90; *Ватват.* Письма, с. 42; *Маргинани. Хидайа.* Т. III, с. 257—259; т. IV, с. 32.

[209] *Петрушевский.* Земледелие, с. 286.

[210] *Багдади.* Ат-тавассул, с. 23.

[211] История Кума, с. 28—31, 144—146.

[212] ʿАтабат ал-катаба, с. 235; *Хондамир.* Дастур, с. 190.

[213] В государстве Сельджукидов имелся специальный орган — диван-и мазалим, который в отличие от конфессионального суда был высшей инстанцией светского «административного» суда, где производился разбор жалоб о притеснениях. *Хорст.* Административное устройство, с. 188; *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 94 и сл.

[214] История Систана, с. 256.

[215] ʿ*Укайли.* Асар, с. 250, 251.

[216] ʿАтабат ал-катаба, с. 162.

[217] Там же, с. 97, 123, 144, 162, 166, 167.

[218] *Раванди.* Рахат, с. 33; *Хорст.* Государственное устройство, с. 83; *Бейлис.* Из наблюдений, с. 21, 28; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 21, 66.

[219] См. о «химайа» и «ильджа»: *ал-Истахри.* Масалик, с. 58; *ал-Хорезми.* Мафатих, с. 60, 88—90; Фарс-наме, с. 72; *Каэн.* Заметки; *Удович.* Происхождение коммендации, с. 199—203.

[220] *Петрушевский.* Земледелие; *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 26, 27.

[221] *Большаков.* Некоторые вопросы; *Большаков.* Изучение средневекового города; Средневековый город, с. 3 и сл.

[222] *Фон Силверс.* Военные, с. 212; *Чехович.* К вопросу, с. 87—88; *Сухарева.* Очерки, с. 132—148.

[223] *Ибн Сина.* Дониш-нома, с. 1 и сл.; *ал-Фараби.* Трактаты, с. 304—357.

[224] *Байпаков.* Городская культура, с. 8 и сл.; Средневековый город, с. 134 и сл.

[225] См.: *Буряков, Косымов, Ростовцев.* Археологические памятники; *Буряков.* Караванные пути; *Буряков.* Историческая топография; *Атагаррыев.* Материальная культура; *Лунина.* Культурные связи; *Лунина.* Города Южного Согда.

[226] Средневековый город, с. 170, 171; МИТТ. Т. I, с. 336, 337, 339; *Филанович.* Ташкентский оазис, с. 193; *Немцева.* Рабат-и Малик, с. 112—142.

[227] *Му'иззи.* Диван, с. 29. А вот что писал об этом городе Гургани: «Прекрасен Мерв, земных владык приют, прекрасен Мерв, где цветники цветут». *Гургани.* Вис и Рамин, с. 20). «Город Мерв был переполнен драгоценностями, кладами, товарами, прекрасными изделиями и настолько большим количеством богатых жителей, что [даже] счетовод был бы неспособен подсчитать их число» (*Мирхонд.* Сельджуки, с. 98). Ср. также: Та'рих-и Байхак, с. 22, 28. В правление Санджара Мерв, по мнению В. А. Жуковского, достиг расцвета. Однако, как отметил В. В. Бартольд, нельзя преувеличивать степень развития города в XI—XII вв. *Жуковский.* Мерв, с. 27; *Бартольд.* Археологические работы, с. 282—289.

[228] В официальных сельджукских документах XII в. Мерв называется «стольным градом (дар ал-мульк) властелина вселенной, величайшего султана (Санджара)». ʿАтабат ал-катаба, с. 2; *Бади*ʿ. Ступени, с. 22.

[229] История и археология; Материалы по археологии; *Лунина.* Некоторые результаты, с. 251—252; *Ходжаниязов.* Раскопки, с. 15—16.

[230] ʿАтабат ал-катаба, с. 20.

[231] Там же, с. 19, 20, 30.

[232] Средневековый город, с. 176, 177.

[233] Там же, с. 182; ср.: *Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов.* Средневековые памятники, с. 3 и сл.

[234] История Самарканда; История Бухары; Историческая топография; *Лунина.* Города Южного Согда; Средневековый город, с. 254 и сл.

[235] *Буряков,* Маджи. Из истории; *Бубнова.* Добыча, с. 13 и сл.; *Буряков.* Горное дело, с. 103—110; Средневековый город, с.195—200. В рассматриваемый период интенсивно разрабатывались полезные ископаемые и на территории нынешнего Таджикистана. См.: *Абдураимов.* Древние разработки; *Бубнова.* Изучение памятников, с. 25 и сл.

[236] Сувар, л. 44б, 45а. См. также: *Усманова.* Текстильное производство, с. 2 и сл.

[237] Ал-Булдан, л. 226.

[238] Муджмал, с. 472, 525; Та'рих-и Байхак, с. 28.

[239] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 100, 326; Средневековый город, с. 270—274; История Бухары, с. 29, 80.

[240] Самаркандская бумага высоко ценилась наряду с багдадской, дамасской и амольской. Бумага окрашивалась в различные цвета, она не пропускала чернил. *Тифлиси.* Описание, с. 175—177. См. также: *Хабибуллаев.* Бумажное производство, с. 3 и сл.

[241] Та'рих-и Байхак, с. 28; *Мак Ивэн.* Персидский текст, с. 83; ср.: *Худуд,* изд. Шаха, с. 114.

[242] Широкой популярностью в XII в. пользовались ювелирные изделия гератских мастеров. Та'рих-и Байхак, с. 28; ср.: *Тифлиси.* Описание, с. 89 и др.

[243] *Тифлиси.* Описание, с. 86 и сл.; *Бусенко.* Глазурованная керамика; *Сайко.* Техника и технология; Средневековый город, с. 271—285.

[244] *Пугаченкова.* Пути развития, с. 189—202; *Абдуразаков.* Химические типы, с. 217—218; Средневековый город, с. 277—285; *Заднепровский.* Роспись керамика, с. 39—45; Наследие Персии, с. 213—260; *Эсин.* Тюркское искусство, с. 115; ср. также: *Отто-Дорн.* Фигурные рельефы, с. 106—119; *Молин.* Сельджукские минареты, с. 95—102.

[245] Средневековый город, с. 285; *Абдуразаков.* Химические типы, с. 224—

232; *Шишкина.* Ремесленная продукция; *Пидаев.* Стекло, с. 53—58; *Вильчевский.* Абдуль Фазль, с. 181.

246 *Буряков.* Горное дело, с. 3 и сл.; Средневековый город, с. 285—286.

247 Ал-Булдан, л. 164а.

248 Некоторые исследователи относят карачур к числу «персидских» мечей, но название этого оружия имеет тюркское происхождение. Следует также отметить, что в рассматриваемый период славились и индийские мечи. *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 62; ср.: *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 111, 326, 327.

249 *Аллан.* Технология металла; *Фехервари.* Металлические изделия, с. 100—108; *Меликиан-Ширвани.* Заметки, с. 310—316; *Меликиан-Ширвани.* Металлические изделия, с. 282—390.

250 *Фахретдинова.* Ювелирное искусство, с. 50—62.

251 *Ватват.* Письма, с. 45—46; ср.: *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 30.

252 *Ватват.* Письма, с. 45—46.

253 Кабус-наме, с. 50; *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 54.

254 В Средней Азии и Иране в досельджукское время существовали и государственные ремесленные мастерские, в частности так называемые байт ат-тираз, где изготовлялись роскошные ткани и одежды для халифов, правителей и знатных лиц. В XI в. такие «кустарные фабрики» имелись в Египте, но нам неизвестно, были ли они в Сельджукском государстве. См.: *Мэрфи* Новая интерпретация, с. 294; *Серджэнт.* Мусульманский текстиль, с. 138 и сл.

255 Кабус-наме, с. 194.

256 Там же, с. 193.

257 Там же, с. 194.

258 *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 20.

259 *Каэн.* Народные движения, с. 21.

260 *Бейлис.* Из наблюдений, с. 21.

261 Средневековый город, с. 298, 299.

262 *Бусенко.* Раскопки; *Лунина.* Формы специализации.

263 *Маргинани.* Хидайа. Т. II, с. 7, 98, 123, 124, 306.

264 *Лунина.* Гончарное производство, с. 397—407.

265 Кабус-наме, с. 136; *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 54.

266 Практика найма мастеров для работы в кархана широко бытовала в послемонгольское время. *Гейдаров.* Уникальный документ, с. 85—87.

267 *Хамадани.* Аджа'иб, л. 161а.

268 Мусульманский мир, с. 7.

269 *Бертельс.* Суфизм, с. 41—42; *Петрушевский.* Ислам, с. 310 и сл.; *Бертельс.* Насири Хосров, с. 46—47 и сл.; *Триминэм.* Суфийские ордены, с. 25—36.

270 *Абу Са'ид.* Тайны, с. 22, 26, 114, 204, 273, 293, 326; *ал-Майхани.* Асрар, с. 41, 42, 45 и сл.; Кандия, с. 271.

271 'Аййары, составлявшие особую корпорацию в средневековом исламском обществе, назывались также «джаванмарди». Несмотря на возрастающее количество работ, проблема соотношения между 'аййарами и футувва не может считаться окончательно решенной. Остается недостаточно освещенным и вопрос об их роли в истории мусульманского Востока. Наблюдения и выводы исследователей, особенно последних лет, не получили всеобщего признания. В частности, Буллет в своей рецензии на монографию С. Сабари о народных движениях в Багдаде утверждает, что «социальный бандитизм 'аййаров раскалывал мусульманскую городскую жизнь в течение веков». См. об 'аййарах, джаванмарди и футувва: Кабус-наме, с. 196—199; История Систана, с. 287, 290, 296; *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 96; Самак-айар. Т. I, с. 3—44 и сл.; *Каэн.* Народные движения, с. 34—50; *Вазиров.* Футувват, с. 150—158; *Михайлова.* Народные движения, с. 10; *Шойтов.* Джаванмарди, с. 48—59; *Байрамова.* Халиф, с. 50—54; *Сабари.* Народные движения, с. 1 и сл.; *Буллет.* Рецензия, с. 815—816; *Хартман.* Ибн Хубайра, с. 93 и сл. О происхождении и значении термина «футувва» см.: Краткая энциклопедия, с. 816.

272 *Успенский.* Движение, с. 158.

273 Тустар, или Шустар,— город в провинции Хузестан, в верховьях р. Карун, в Иране.

274 *Гойтейн.* Письма, с. 34—38, 73, 244.

[275] *Кремер.* Мусульманская география, с. 66—74.

[276] *Адыков.* Станции, с. 212—227; *Массон.* Средневековые пути, с. 7 и сл.

[277] *Агеева, Пацевич.* Из истории; *Буряков.* Караванные пути; Древности, с. 64—65.

[278] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 208; *Му'иззи.* Диван, с. 684; *Самарканди.* Четыре беседы, с. 33, 34; *ал-Гарнати.* Тухфат, с. 208.

[279] Сувар, л. 53.

[280] *Хамадани.* Аджа'иб, л. 82а.

[281] История Бухары, с. 80.

[282] *Хамадани.* Аджа'иб, л. 87а.

[283] *Ал-Гарнати.* Тухфат, с. 213; *Кремер.* Мусульманская география, с. 54.

[284] Кабус-наме, с. 138; *Лэмбтон.* Торговцы, с. 122—123.

[285] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 317; ʿАтабат ал-катаба, с. 44; *ʿУкайли.* Асар, с. 208; *Мухаммад Раванди.* Та'рих. Т. III, с. 28, 29.

[286] Относительно термина «хадже» (или «ходжа») среди востоковедов ведутся давние споры. П. Пельо считал, что это слово — иранского, а не тюркского происхождения и «вплоть до эпохи монголов *хо-тшо* в обычной китайской транскрипции передавало мусульманский титул *ходжа* (перс. хвадже) в значении „господин"». *Пельо.* Ходжа, с. 109; *Акнери.* История, с. 431.

[287] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 146, 147, 153, 331; Та'рих-и Байхак, с. 263; Кабус-наме, с. 135; *Маргинани.* Хидайа. Т. II, с. 265.

[288] *Мухаммад Раванди.* Та'рих. Т. III, с. 29; *Лэмбтон.* Торговцы, с. 123.

[289] Термин «суфтаджа», по мнению А. Л. Удовича, обозначал также документ типа аккредитива, подлежащий обмену на деньги. *Удович.* Кредит, с. 1 и сл.

[290] Кабус-наме, с. 137; *Маргинани.* Хидайа. Т. II, с. 367, 371; *Мухаммад Раванди.* Та'рих. Т. III, с. 31; Мусульманский мир, с. 38.

[291] *Гойтейн.* Письма, с. 73, 244; *Фишел.* Открытие, с. 148—153.

[292] Кабус-наме, с. 137; *Маргинани.* Хидайа. Т. I, с. 98, 113; Т. II, с. 122; ʿАтабат ал-катаба, с. 44; *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 28, 154—157; *Джувайни.* Та'рих, с. 275.

[293] *Райт.* Проблема рынков, с. 203—260; *Наджи и ʿАли.* Рынки Басры, с. 298—309.

[294] Кабус-наме, с. 32; ʿАтабат ал-катаба, с. 28, 36; *Самарканди.* Четыре беседы, с. 94, 97; МИТТ. Т. I, с. 326, 330, 333.

[295] Энн Лэмбтон считает, что таййарат — это пошлина с товаров, взимавшихся при въезде купцов в город. Однако Г. Хорст полагает, что речь в данном случае должна идти о рыночных сборах. *Лэмбтон.* Помещики и крестьяне, с. 7, 435, 441; *Хорст.* Государственное устройство, с. 81, 82.

[296] ʿАтабат ал-катаба, с. 110; *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 14; *Раванди.* Рахат, с. 32, 36.

[297] В «Сийасат-наме» племена тюрок — подданных караханидских правителей Мавераннахра — именуются «чикилями». Очевидно, это отражает давнюю огузскую традицию, согласно которой все обитавшие к востоку от них племена назывались «чигилями». См.: *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 104, 135, 325, 332.

[298] *Радлов.* Кудатку Билик. Т. II, с. 127; Кутадгу Билик, с. 321.

[299] *Минорский.* Дополнение, с. 256; *Казвини.* Нузхат, л. 255.

[300] *Радлов.* Кудатку Билик. Т. II, с. 126.

[301] Там же, с. 258, 321; *Эсин.* Тюркское искусство, с. 100.

[302] *Махкамова.* К истории, с. 69—81.

[303] *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 135; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. II, с. 907; *Сюмер.* Огузы, с. 110 и сл.; *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 80 и сл.

[304] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 20; Шираз-наме, с. 48; Сельджуки, с. 35; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 15; *Сюмер.* Племя йива, с. 151—163.

[305] Кудатгу Билик, с. 321; *Радлов.* Кудатку Билик. Т. II, с. 127.

[306] Ибн Халдун, продолжая эту традицию, называл кочевников «дикими животными», но относил такую характеристику лишь к типичным номадам далеких глухих степей и пустынь. В этом отношении представляет интерес и замечание ал-Идриси о тюрках: «Их князья воинственны, предусмотрительны, тверды, справедливы и отличаются превосходными качествами; народ же-

сток, дик, груб и невежествен». См.: *Ибн Халдун.* Пролегомена, с. 254—256; *Ибн Халдун.* Мукаддима, с. 322; *Бартольд.* Туркестан, с. 368; *ал-Идриси.* География. Т. I, с. 498.

[307] *Самарканди.* Четыре беседы, с. 34.

[308] ʻАтабат ал-катаба, с. 110. См. также: *Каэн.* Кочевники, с. 126; *Бадиʻ.* Ступени, с. 112.

[309] *Ибн Халдун.* Мукаддима, с. 320, 390; *Ибн Халдун.* Пролегомена, с. 254—256.

[310] *Марварруди.* Та'рих, с. 41, 42, 47; *Марвази.* Таба'иʻ, с. 18.

[311] *Фульхерий.* История, с. 36, 80, 141, 214; *Хониат.* История, с. 227, 253, 367; *Смбат.* Летопись, с. 69; *Киннам.* Краткое обозрение, с. 225.

[312] *Му'иззи.* Диван, с. 653.

[313] *Хондамир.* Дастур, с. 195.

[314] *Хониат.* История, с. 238.

[315] *Джувайни.* История. Т. I, с. 42; Османские хроники. Т. I, с. 93; *Брайс.* Тюркская колонизация, с. 24; *Салыр Баба.* История, л. 160.

[316] *Буряков.* Караванные пути, с. 34, 60; *Каэн.* Кочевники, с. 119—120.

[317] ʻАтабат ал-катаба, с. 23, 84—85.

[318] Там же, с. 23.

[319] Там же, с. 15, 16.

[320] Та'рих-и Байхак, с. 62.

[321] *Броссе.* История, с. 358—359; *Гусейнов.* Тюрки, с. 144—145.

[322] *Стасюлевич.* История, с. 57.

[323] *Каэн.* Кочевники, с. 113—121.

[324] *Киннам.* Краткое обозрение, с. 229.

[325] *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 15, 66, 74, 311; т. II, с. 11; т. III, с. 83, 174; Тарджуман тюрки, с. 21—64, 100; *Агаджанов.* Огузы, с. 94—97; Николя. Ботанический словарь, с. 114—121.

[326] В связи с этим обращает на себя внимание существование у тюрок Центральной и Средней Азии (киргизов, йабагу, кипчаков и др.) особого культа почитания железа. См.: *Эсин.* Оружие, с. 200—201.

[327] *Марварруди.* Та'рих, с. 38, 39.

[328] *Ал-Идриси.* Нузхат, л. 109.

[329] Сувар, л. 53.

[330] *Марвази.* Таба'иʻ, с. 20.

[331] *Стасюлевич.* История, с. 57.

[332] *Чан Лун-чен.* Торговая деятельность, с. 43—50.

[333] *Залеман.* Сельджукский стих, с. 222; *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. III, с. 32; *Поппе.* Четырехъязычная рукопись, с. 306; Тухфат аз-закийа, с. 30, 229; *Абу Хаййан.* Китаб, с. 5.

[334] В качестве средства денежного обращения при Сельджукидах в торговых операциях с кочевниками употреблялись и куски тканей (кыртас). Существует предположение, что эта практика была перенята у тюрок-караханидов. *Тоган.* Введение, с. 121.

[335] В монгольский период имели также хождение слитки, которые назывались «балыш». *Джувайни.* История. Т. I, с. 23.

[336] *Шефер.* Персидская хрестоматия. Т. I, с. 96; *Салыр Баба.* История, л. 164а; *Тоган.* Ибн Фадлан, с. 117; *Кёймен.* Источники, с. 479.

[337] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 125.

[338] Мусульманский мир, с. 38; Муджмал, с. 103, 526; *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 232; *Абу-л-Фарадж.* Та'рих. Т. I, с. 330.

[339] *Гриньячи.* Военные слуги, с. 206—212.

[340] *Йукнаки.* ʻАтабат, с. 74.

[341] Диван лугат. Т. I, с. 362.

[342] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 275.

[343] В. Банг считает, что термин «илик», восходящий к понятию «иль» («народ»), означает «стоящий над народом». *Банг.* Тюркологические письма, с. 23; ср.: *Прицак.* Караханиды, с. 19.

[344] *Эсин.* Тюркское искусство, с. 117; Кудатгу Билик, с. 19, 250; *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 423; *Банг, Габэн.* Исследования, с. 201.

[345] *Радлов.* Кудатку Билик. Т. I, с. 174; Кудатгу Билик, с. 250, 286, 364; *Валитова.* К вопросу, с. 132.

[346] Кудатгу Билик, с. 19.

[347] «Тöре» («тöру») имело следующие основные значения: «обычное право», «распоряжение хана, бека», «норма поведения в обществе и частной жизни». Кудатгу Билик, с. 254 и др.; *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 96; *Трепавлов.* Преемственность, с. 9—10.

[348] Кудатгу Билик, с. 13.

[349] *Залеман.* Сельджукский стих, с. 235; *Радлов.* Кудатку Билик. Т. I, с. 83 и сл.; т. II, с. 135 и сл.; Кудатгу Билик, с. 152, 254 и др.

[350] Кудатгу Билик, с. 143, 154, 156 и др.

[351] Там же, с. 172.

[352] *Йукнаки.* ʿАтабат, с. 68; Кудатгу Билик, с. 35, 172, 211; *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. III, с. 180; *Залеман.* Сельджукский стих, с. 190.

[353] Кудатгу Билик, с. 35; Диван лугат, факсим. изд., с. 499.

[354] Османские хроники. Т. I, с. 93.

[355] ʿАтабат ал-катаба, с. 81—85; Мунша'ат, л. 126.

ГЛАВА IV

[1] *Лэн Пуль.* Монеты, с. 36—90; см. также: *Кафесоглу.* Маликшах, с. 25; *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 151.

[2] Ас-султан ал-а'зам, Султан ас-салатин, Шаханшах ал-а'зам. (*Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 216; *ал-Бундари,* Зубдат, с. 128, 129; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 55). Худаванд-и ʿалам, Султан-и муʿаззам. Худайган-и ʿараб ва-л-ʿаджам, Шаханшах-и аʿзам, Падишах-и бани Адам (ʿАтабат ал-катаба, с. 2, 42, 129). Санджар носил лакабы: Муʿиз ад-Дунйа ва-д-Дин, ʿАдуд ад-Даула, Рукн ад-Дунйа ва-д-Дин, Абу-л-Харис, Бурхан амир алмуʿминин (Муджмал, с. 429, 430; *Ибн ал-Асир,* Ал-Камил. Т. IX, с. 55; Ахбар ад-даулат, с. 114; ʿАтабат ал-катаба, с. 129; *ʿАуфи.* Лубаб. Т. I, с. 239, 240).

[3] *Лэн Пуль.* Монеты, с. 28—43; *ал-Хазини.* Зидж, с. 3; *Ходжаниязов.* Денежное обращение, 46—67, 115; *Ходжаниязов.* Каталог, с. 81—88.

[4] ʿАтабат ал-катаба, с. 2, 42, 129; *ʿУкайли.* Асар, с. 240; *ʿАуфи.* Лубаб. Т. I, с. 239, 240.

[5] ʿАтабат ал-катаба, с. 14, 16, 17, 129, 139; *ʿУкайли.* Асар, с. 244.

[6] *Муʿизи.* Диван, с. 88.

[7] *Харави.* Тазкира, с. 13; *Казвини.* Гузида, с. 457; *Раванди.* Рахат, с. 83.

[8] *ʿУкайли.* Асар, с. 239—245; *ʿАуфи.* Лубаб. Т. I, с. 239—240.

[9] ʿАтабат ал-катаба, с. 36, 63, 66, 47.

[10] Санджар не пропускал случая, чтобы не употребить самовольно присвоенный себе титул «повелитель вселенной» (худаванд-и ʿалам). Вместе с тем он всячески оттенял свою роль охранителя рубежей исламского мира. В письме к багдадскому халифу, датированному 1133 г., он сообщает, что подчинил земли до пределов Чина (Северного Китая) и Хинда, истребил бесчисленное количество «язычников» в области Дженд. В другом послании Санджар пишет, что ведет борьбу с врагами на границах с Кашгаром, Таразом, Хорезмом, Булгаром, Хиндустаном, Систаном, Кабулом, Забулистаном. Все это должно было создать о нем впечатление как о благочестивом правителе и «господине мира». См.: ʿАтабат ал-катаба, с. 17; *Байхаки,* изд. Нафиси. Т. III, с. 1464—1465; *Нахчивани.* Таджариб, с. 258; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 35—39.

[11] Ибн ал-Каланиси, приводя титулы Санджара (ас-султан ал-муʿазам, султан ал-машрик) отмечает, что он был лишь правителем Хорасана. «Санджар,— пишет ал-Хусайни,— был владыкой Хорасана и Хорезма и время от времени (овладевал) Газной и Мавераннахром» (Ахбар ад-даулат, с. 165; *Ибн ал-Каланиси.* История, с. 16, 261).

[12] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 159; *Ибн ал-Асир-* Ал-Камил. Т. XI, с. 146, 147; Ахбар ал-даулат, с. 90—97; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 64; *Джузджани.* Табакат-и Насири, Т. I, с. 276—277; *Лэн Пуль.* Монеты, с. 36—131; Джами 'ат-таварих, л. 63.

[13] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 125—129; Ахбар ад-даулат, с. 89; *ал-Хусайни,*

изд. Икбала, с. 88—89; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. X, с. 193—195; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 205; Муджмал, с. 412; *Казвини.* Гузида, с. 458; *Сибт.* Мир'ат. Ч. I, с. 77.

[14] *'Укайли.* Асар, с. 258—259; *Хондамир.* Дастур, с. 194—214.

[15] С особым старанием он добивался того, чтобы везирами при иракских правителях были назначены угодные ему лица. *Хондамир.* Дастур, с. 209—211.

[16] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 129 и сл.; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. IX, с. 254 и сл.; Т. X, с. 459; *Раванди.* Рахат, с. 171; *Казвини.* Гузида, с. 457; *Кермани.* Наса'им, с. 79; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 8.

[17] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 134, 185, 186; ср.: *Ибн ал-Асир.* **Ал-Камил.** Т. X, с. 5—9; т. XI, с. 42, 46; *Раванди.* Рахат, с. 230—231; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 57.

[18] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 459 и сл.; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. IX, с. 252—254; Ахбар ад-даулат, с. 95; *Самарканди.* Четыре беседы, с. 99; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 154.

[19] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 156—160; Ахбар ад-даулат, с. 96, 97, 219; Джами' ат-таварих, л. 67.

[20] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 164—175; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 344—345; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 226, 227; Ахбар ад-даулат, с. 97, 98.

[21] Однако не исключено, что это событие произошло несколько позднее.

[22] *Самарканди.* Чахар-магала, с. 25—26; *Самарканди.* Четыре беседы, с. 50.

[23] См. подробнее: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 250—254; *Буниятов.* Атабеки, с. 25—29.

[24] Ахбар ад-даулат, с. 103, 111; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 50 и сл.; *Раванди.* Рахат, с. 32 и сл.; подробнее см.: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 385—386.

[25] Санджар, по словам Рашид ад-Дина и Хамдаллаха Казвини, ежедневно взимал с султана Бахрамшаха дань в 1 тыс. динаров. Однако, по показаниям других средневековых историков, дань равнялась 250 тыс. динаров в год. Джузджани пишет, что дань уплачивалась и Гуридами, которые регулярно посылали сельджукскому правителю оружие, доспехи, собак местной породы. Джами 'ат-таварих, л. 63; *Казвини.* Гузида, с. 458; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 258, 259, 325—327.

[26] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 263—264; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 353; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 79; Джами'ат-таварих, л. 154; *Раванди.* Рахат, с. 165; Ахбар ад-даулат, с. 91, 214; *Джувайни.* История. Т. I, с. 279; *'Укайли.* Асар, с. 274; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 174—175.

[27] Участвовавший в этом походе катиб Мунтаджаб ад-Дин Бади' составил победную реляцию (фатх-наме), которая была послана халифу ал-Мустаршиду. *'Ауфи.* Лубаб. Т. I, с. 75—77, 309.

[28] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 262; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 239—241, 252; *Му'иззи.* Диван, с. 794; см. подробнее: *Бартольд.* Туркестан, с. 381; *Бартольд.* Семиречье, с. 49; *Прицак.* Спорные вопросы, с. 223.

[29] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 465—466; Т. XI, с. 54—55; Ахбар ад-даулат, с. 90; 'Атабат ал-катаба, с. 4; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 44; *Раванди.* Рахат, с. 168—169; Джами' ат-таварих, л. 152; *Джувайни.* История. Т. I, с. 278—279; *Бартольд.* Туркестан, с. 381—385; *Прицак.* Караханиды, с. 49—51.

[30] *Бартольд.* Бурхан, с. 515—518; *Прицак.* Бурхан, с. 84—88.

[31] См. подробнее: *Витфогель.* История, с. 3 и сл.; *Воробьев.* Чжурчжени, с. 33 и сл.; История Монголии, с. 93 и сл.

[32] *Васильев.* История; Киданьская письменность; *Кара.* Критика; *Викторова.* Монголы, с. 139—155; *Клосон.* Тюрки, с. 120—123.

[33] *Пэрлэ.* Киданьские города; *Е Лун-ли.* История, с. 299, 315, 324 и сл.

[34] В китайских источниках Баласагун называется Гу-Сыэ-Ло-До, что означает, по мнению Э. Бретшнейдера и А. Г. Малявкина, «Сильный город». И. Маркварт в свое время пытался дешифровать это название как Гуз Орду (Огузский город). Однако в XII в. основное население Баласагуна состояло не из огузов, а из чигилей и карлуков. См.: *Витфогель.* История, с. 538; *Бретшнейдер.* Заметки, с. 33, 35; *Джувайни.* История. Т. I, с. 58, 355; *Миляв-*

кин. Материалы, с. 148—149; *Маркварт.* Қоманы, с. 164; *Исфахани.* География, с. 13.

[35] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 53—55; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 900—907; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 86; *Джувайни.* История. Т. I, с. 354—355; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 133; см. также: *Менгес.* Титулы, с. 68—79; *Пиков.* Некоторые вопросы, с. 120; *Витфогель.* История, с. 639 и сл.

[36] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 56; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 35, 37; *Бартольд.* Қаракитаи, с. 543—544; *Кёймен.* Сельджукские источники, с. 577 и сл.

[37] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 54.

[38] Там же; ср.: *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 86—88; см. также: *Маркварт.* Қоманы, с. 164 и сл.

[39] Рашид ад-Дин ошибочно считал, что это были огузы, в то время как более ранние авторы говорят о карлуках. См.: *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83.

[40] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 127 и сл.; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83 и сл.; Ахбар ад-даулат, с. 91 и сл.

[41] Ибн ал-Асир отмечает, что это титул, означающий «величайший из царей». Джувайни же утверждаст, что «гур-хан» — это «хан ханов». См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил, Т. XI, с. 55; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 86; *Джувайни.* История. Т. I, с. 384. См. о титуле «гур-хан»: *Пельо, Амби.* История, с. 236, 251; *Менгес.* Титулы, с. 68—79.

[42] Ахбар ад-даулат, с. 91.

[43] Огуз-наме, с. 47—48; ср.: *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83—84.

[44] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 55—57; Ахбар ад-даулат, с. 91—93; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 27—28.

[45] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 52—53; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83—84; Ахбар ад-даулат, с. 91—92; *Раванди.* Рахат, с. 172—173; *Васильев.* История, с. 60—61; *Витфогель.* История, с. 639.

[46] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 57; Ахбар ад-даулат, с. 91 и сл.

[47] *Васильев.* История, с. 60, 61; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 276; *Раванди.* Рахат, с. 171, 172; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 55—56; см. также: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 323—326; *Бартольд.* Семиречье, с. 50 и сл.

[48] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 275 и сл.; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 56 и сл.; Ахбар ад-даулат, с. 91—92.

[49] *Ларичев, Тюрюмина.* Военное дело; *Е Лун-ли.* История, с. 313, 510; *Васильев.* История, с. 179—182.

[50] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 56, 57. Помимо киданей к Елюю Даши примкнула часть беглых чжурчженей, кочевников Монголии, тюркских племен Восточного Тяньшаня и Китайского Туркестана. Орда киданей насчитывала более 40 тыс. семей, т. е. около 200—240 тыс. человек. См.: *Джувайни.* История. Т. I, с. 355; *Пиков.* Некоторые вопросы, с. 120.

[51] *Витфогель.* История, с. 639; ср.: *ал-Бундари.* Зубдат, с. 248; *Самарканди.* Чахар магала, с. 22 и сл. См. также: *Кочнев.* Нумизматические материалы, с. 28—29.

[52] Тадж ад-Дин Абу-л-Фазл, придя к власти в 1090 г., правил в Систане в качестве сельджукского вассала длительное время и умер, по-видимому, в 1164 г. См.: Та'рих-и Систан, с. 383; *Кафесоглу.* Маликшах, с. 117—119.

[53] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 56, 57; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 276—278; Ахбар ад-даулат, с. 91—93; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 45, 46; *Раванди.* Рахат, с. 172—174; *Самарканди.* Чахар магала, с. 37—38; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 97; *Джузджани.* Табакат, с. 308.

[54] Самария, с. 166—229; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 52, 53; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 278; Море тайн, с. 55, 124; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 97; *Раванди.* Рахат, с. 173; *Витфогель.* История, с. 639—640; ср. также: История Бухары, с. 95.

[55] *Менгес.* Титулы, с. 68—79; История Қазахстана. Т. II, с. 32—37; ср.: *Пиков.* Некоторые вопросы, с. 120; *Витфогель.* История, с. 639—640.

[56] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 53; *Джувайни.* История. Т. I, с. 280; *Сибт.* Мир'ат. Ч. I, с. 180; *Бартольд.* Туркестан, с. 390; *Кёймен.* Восстание огузов, с. 163—164; ср.: *Туран.* История Сельджукидов, с. 176—178.

[57] *Груссэ.* Империя, с. 221.

[58] *Бартольд.* История изучения, с. 266—269; 271, 276, 283; *Груссэ.* Империя, с. 200 и сл.; *Гумилев.* Поиски, с. 172 и сл.

[59] *Самарканди.* Чахар магала, с. 37—38; *Джувайни.* История. Т. I, с. 354—356; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 45—46.

[60] *Е Лун-ли.* История, с. 223, 337; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 59; *Пиков.* Буддизм, с. 154 и сл.; История Монголии, с. 96, 100.

[61] *Бретшнейдер.* Изыскания, с. 31.

[62] *Мункуев.* Пайцза, с. 186.

[63] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 181—183; *Джувайни.* История. Т. I, с. 277, 278; Джами' ат-таварих, л. 81; *Мирхонд.* Хорезмшахи, с. 2; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 3—7.

[64] *Тоган.* Хорезмийский перевод, с. 20 и сл.

[65] *Буниятов.* Хорезмшахи, с. 6 и сл.; *Сайпанов.* Хорезмшахи, с. 27—39.

[66] *Толстов.* По следам, с. 5 и сл.

[67] *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 300; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 177, 231; *Мирхонд.* Хорезмшахи, с. 8.

[68] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 182—183; *Йакут.* Му'джам. Т. IV, с. 670; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 35, 37; *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 45 и сл.

[69] Мунша'ат, л. 143б—145б; *Сабити.* Аснад, с. 94—97; *Джувайни.* История. Т. I, с. 280; *Мирхонд.* Хорезмшахи, с. 2—5; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 5, 6. *Байхаки,* изд. Нафиси. Т. III, с. 1470, 1472—1480; ср.: *Багдади.* Ат-тавассул, с. 14—15.

[70] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 280—281; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 53, 58—59, 63; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 46; *Раванди.* Рахат, с. 174; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 280—284; *Мирхонд.* Хорезмшахи, с. 3—5; Ахбар ад-даулат, с. 93 и сл.; *Кёймен.* Сельджукские источники, с. 580.

[71] *Амоли.* Нафа'ис, л. 84а; *Тирмизи.* Диван, с. 5 и сл.; *Даулатшах.* Тазкират, с. 90, 91; *Мирхонд.* Хорезмшахи, с. 93; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 9—10.

[72] *Бартольд.* Туркестан, с. 386—395; *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 60 и сл.; *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 340 и сл.; *Буниятов.* Хорезмшахи, с. 20 и сл.

[73] *Сайпанов.* Хорезмшахи, с. 32—33; *Ходжаниязов.* Монеты, с. 92.

[74] См. более подробно: *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 60 и сл.; *Буниятов.* Хорезмшахи, с. 20—23.

[75] Интересные сведения на этот счет содержатся в историческом труде Хасана Йазди, который использовал не дошедшую до нас поэму Му'иззи «Санджар-наме». Приходится сожалеть, что это сочинение тимуридской эпохи остается пока неопубликованным. См.: *Кёймен.* Восстание огузов, с. 164.

[76] Ахбар ад-даулат, с. 113; см. также: *ал-Бундари.* Зубдат, с. 224 и сл.

[77] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 276.

[78] Там же.

[79] *Кермани.* Наса'им, с. 70; см. также: *Раванди.* Рахат, с. 178—179; *ал-Хусайни.* 'Ахбар, с. 63, 66; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83—84.

[80] *Сафа.* Тасаллот, с. 25, 30, 32, 80, 81.

[81] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 176. См. также о личных гулямах, предводителях войска (сахиб ал-джайш) Алп Арслана: Закат Аббасидского Халифата. Т. III, с. 51 и сл.

[82] *Раванди.* Рахат, с. 310—311.

[83] История Сельджукидов, л. 36б; Шаджарат, л. 19; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 54; *Хафиз-и Абру.* География, л. 117б—178а; ср.: *Узунчаршилы.* Османское государство, с. 22 и сл.

[84] *Махмуд ал-Кашгари.* Диван. Т. I, с. 41; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 110; *Брокельман.* Словарь, с. 66; Клосон. Тюрки и волки, с. 19.

[85] *Мак Ивэн.* Персидский текст, с. 87—98; *Гусейнов.* Военная организация, с. 131—147; *Юнусов.* Военная история, с. 3 и сл.

[86] 'Атабат ал-катаба, с. 16—20, 59—60, 70—71, 105—107, 110, 116, 118; *Лэмбтон.* Административное устройство, с. 380—381.

[87] *'Укайли.* Асар, с. 236—238; *Хондамир.* Дастур, с. 187.

[88] *Ал-Хусайни,* изд. Икбала, с. 95; ср.: *ал-Бундари.* Зубдат, с. 244—274.

[89] Ахбар ад-даулат, с. 93 и сл.; *Сибт.* Мир'ат. Ч. I, с. 180 и сл.

[90] См. подробнее: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 75—91, 353 и сл.

[91] Там же, с. 571—572.

[92] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 89—90, 107—109, 124, 173; *Самарканди.* Чахар магала, с. 46; *Джузджани.* Табакат. Т. I, с. 242—243, 338, 341—346; *Раванди.* Рахат, с. 237—239.

[93] Место битвы по-разному называется в средневековых источниках, Джузджани говорит о сражении у Наба, где-то между Гератом, Фирузкухом и р. Герируд. Рашид ад-Дин пишет, что битва произошла в степи близ Убаха — административного центра (касаба) области Сафид Аспанадж. См.: *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 358; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 91.

[94] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 107—108; Мунша'ат, л. 142а—142б; *Джузджани.* Табакат-и Насири. Т. I, с. 358 и сл.; Ахбар ад-даулат, с. 91 и сл.; *Рашид ад-Дин,* изд. Атеша, с. 83—91.

[95] *Ибн ал-Асир,* Ал-Камил. Т. X, с. 366.

[96] Там же, Т. XI, с. 171 и сл.; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 88; *Браун.* Рукопись «Истории Сельджуков», с. 571; *Буллет.* История, с. 107 и сл.

[97] *Ал-Бируни.* Памятники, с. 217; ср.: Худуд, изд. Шаха, с. 399 и сл.

[98] *Ал-Бируни.* Памятники, с. 213—214; *ан-Наубахти.* Шиитские секты, с. 94 и сл.

[99] См. более подробно об идеологии этих религиозных сект: *Петрушевский.* Маздакиты, с. 72—81; *Большаков.* Хронология, с. 289—306.

[100] *Ан-Наубахти.* Шиитские секты, с. 94; *аш-Шахрастани.* Книга, с. 136—140.

[101] *Ан-Наубахти.* Шиитские секты, с. 215.

[102] *Аш-Шахрастани.* Книга, с. 153.

[103] Там же, с. 153, 168.

[104] *Ан-Наубахти.* Шиитские секты, с. 140 и сл.; *аш-Шахрастани.* Книга, с. 153; см. также: *Шаки.* Социальная доктрина, с. 289—306; *Петрушевский.* Маздакиты, с. 72—81.

[105] *Искандар.* Марвази, с. 279—280.

[106] *Фалсафи.* Чанд магала, с. 430.

[107] Л. В. Строева полагает, что этот поход состоялся не в 1126 г., а несколькими годами раньше, до смерти Хасана ас-Саббаха. См.: *Строева.* Государство, с. 138 и сл.

[108] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 445, Та'рих-и Байхак, с. 271, 276; *'Укайли.* Асар, с. 250; *Ибн* ал-Каланиси. История, с. 165; *Футмэн.* Загадка, с. 66 и сл.

[109] *Строева.* Государство, с. 138—139.

[110] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 445; т. XI, с. 131—142; *Сюмер.* Огузы, с. 113.

[111] *Йакут.* Му'джам. Т. III, с. 366; Т. IV, с. 714.

[112] *Ватват.* Письма, с. 71; *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 45; ср.: *Багдади.* Ат-тавассул. с. 14—15.

[113] 'Атабат ал-катаба, с. 80—82, 84—85.

[114] *Лэмбтон.* Крестьяне и помещики, с. 60 и сл.

[115] *Хорст.* Государственное устройство, с. 186, 187; ср.: *Минорский.* Ираника, с. 78 и сл.

[116] Бурхан ад-Дин Маргинани пишет, что закат должен уплачиваться в следующих размерах: с каждых 5 голов полагается одна коза, с 10 до 14 верблюдов — две козы, а с верблюжьего стада в 25—30 голов — один верблюд. Закат с коз и овец взимается из расчета: с 40 голов — одна коза или овца, со стада, насчитывающего от 120 до 200 голов,— две козы или баран, и т. д. Закат с лошадей уплачивается деньгами: с каждой головы — один динар. См.: *Маргинани.* Хидайа. Т. I, с. 69; ср.: *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 67, 209, 218, 228. О воззрениях на закат различных мусульманских юридических школ и толков см.: *ал-Маварди.* Ахкам, с. 195 и сл.; *Калдэр.* Закат, с. 468—480; *Фан ден Берг.* Начала, с. 35.

[117] *Минорский.* Ираника, с. 78; см. о «купчуре»: *Туси.* Трактат, с. 763; *Хатиби.* Источники, с. 59—61.

[118] *Туси.* Трактат, с. 761.

[119] Кочевники обычно сеяли просо вблизи стационарных и временных стоянок. В арабских источниках эта культура называется «джаварс» (в среднеперсидском языке «джаварс» означало «пшено»). В огузской лексике XI в. для обозначения проса употреблялось слово «тарык» (ср. «тарак» в пехлевийском глоссарии со значением «зелень, овощи»). См.: Фраханг-и пахлавик, с. 5, 59.

[120] Ср.: *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 108, 109; *Абу-л-Гази.* Родословная, с. 70.

[121] История Туркмении. Т. I, с. 272, 273.

[122] *Ал-Мас'уди.* Мурудж. Т. III, с. 254; т. V, с. 302.

[123] Поскольку в сельджукский период термин «огуз» был постепенно вытеснен этнонимом «туркмен», огузы считались частью туркмен. Раванди утверждает, что балхские огузы были «племенем (хайл) из туркмен». Ал-Бундари также отмечает, что огузы — это одно из племен туркмен. См.: *Раванди.* Рахат, с. 177; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 282.

[124] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 112.

[125] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 44—45, с. 116; История Бухары, изд. Шефера, с. 23; *Наршахи,* пер. Фрая, с. 24—25; *Самарканди.* Чахар магала, с. 22; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 14; *Бартольд.* Туркестан, с. 350; *Кафесоглу.* Хорезмшахи, с. 46—49.

[126] *Абу Са'ид.* Тайны, с. 439; *Жуковский.* Энвери, с. 37.

[127] См. подробнее: *Агаджанов.* Восстание, с. 2 и сл.

[128] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 282; МИТТ. Т. I, с. 324; *Иностранцев.* Коркуд, с. 42.

[129] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 283.

[130] *Мунша'ат,* л. 12а и сл.; *'Атабат ал-катаба,* с. 15—92 и сл.

[131] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 88.

[132] *Раванди.* Рахат, с. 178; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 88.

[133] *Раванди.* Рахат, с. 177.

[134] В этом отношении большой интерес представляет и послание Атсыза огузскому эмиру Тути-беку, где отмечается, что «войско гузов» (хашам-и гуз) было собственностью (хасс) султана Санджара «(Мунша'ат, л. 56а). См. о термине «хашам-и гуз» в значении «войско гузов», «племя гузов»: *Кермани.* Та'рих с. 187; *Кермани.* Китаб, с.18; Тарих-и Байхак, с. 281; *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 90.

[135] См.: *Йазди.* Ал-'Урада, с. 101; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 79; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 185; *Салыр-Баба.* История, л. 164а.

[136] *Йазди.* Ал-'Урада, с. 101.

[137] См. о структуре и функциях этого дивана: *Хорст.* Государственное устройство, с. 30—36; *Лэмбтон.* Административное устройство, с. 367—388.

[138] См.: Та'рих-и Байхак, с. 59; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 23; *Гордлевский.* Государство Сельджукидов, с. 66.

[139] 'Атабат ал-катаба, с. 47 и сл.; *Раванди.* Рахат, с. 171.

[140] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 79.

[141] Анализ этих сведений см.: *Маркварт.* Хронология, с. 24, 25; *Хаутсма.* Племена огузов, с. 219.

[142] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 79; Джахан-наме, л. 17а.

[143] Речь идет о ветви династии Шансабидов, владевших Гуром и Гарчистаном. Другие их ветви правили в Бамиане, Тохаристане, а позднее и в Систане. См.: *Казвини.* Асар, с. 387; *Джузджани,* калькуттск. изд. с. 34; *Самарканди.* Чахар магала, с. VIII.

[144] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 79, 80.

[145] Там же.

[146] Там же. См. также: *Шефер.* Персидская хрестоматия, с. 33—34.

[147] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 79, 80.

[148] Джузджани пишет, что в дальнейшем огузы изменили Гуридам и перешли на сторону Санджара. Однако султан вскоре отослал их в Гур вместе с отпущенным из плена 'Ала ад-Дином Хусайном. Излагаемый историком пассаж вызывает сомнение, так как походит на более позднюю вставку. См.: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 382; *Буниятов.* Хорезмшахи, с. 23.

[149] Мунша'ат, л. 33—34.

[150] По данным Самарканди, в местности Убах, а по Джузджани, возле Сегуше-и Наба.

[151] В «Табакат-и Насири» речь идет о «тюрках», но издатель этого источника, Нассау Лиис, полагает, что под «тюрками» следует понимать «туркмен». *Джузджани*, калькуттск. изд., с. 60.

[152] *Джузджани*, калькуттск. изд., с. 60.

[153] Мунша'ат, л. 142.

[154] *Джузджани*, калькуттск. изд., с. 60.

[155] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 183.

[156] Под названием «каи» в этом отрывке подразумевается одноименное огузское племя (каи). В составе балхских огузов были, по-видимому, и татары, имевшие восточно-тюркское происхождение, а также кочевники, называемые по старой местной традиции «кушанами». Возможно, именно эти группы именуют «тюрками» историк Джузджани, который говорит о переходе на сторону Санджара «тюрок, огузов и халаджей». См.: *Джузджани*, калькуттск. изд., с. 60. См. также: *Кёпрюлю.* Племя каи, с. 421—452.

[157] *Сафа.* Тасаллот, с. 70.

[158] Мунша'ат, л. 56.

[159] *Раванди.* Рахат, с. 177; *Йазди.* Ал-ʿУрада, с. 101; Огуз-наме, с. 49.

[160] Очевидно, под этой податью имеется в виду хукук-и мара'и'. См.: ʿАтабат ал-катаба, с. 82.

[161] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 183.

[162] Муджмал, с. 526.

[163] *Раванди.* Рахат, с. 177.

[164] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 185; Мунша'ат, л. 51; ʿАтабат ал-катаба, с. 80—82; *Бади'.* Ступени, с. 111—113.

[165] Байхаки, изд. Гани и Файйаза, с. 24.

[166] Там же, с. 20.

[167] Та'рих-и Байхак, с. 274.

[168] См.: *Агаджанов.* Огузы, с. 232—238; *Хорст.* Административное устройство, с. 93—96; *Клаусснер.* Везират, с. 20, 28, 123, 126.

[169] Фирман выдан на имя эмира, исфахсалара Шамс ал-Миллат Инанч Бильге Улуг Джандар-бека. Обращает на себя внимание, что в государстве Сельджукидов Малой Азии существовал особый корпус джандаров, составлявших личное султанское войско и выполнявших функции палачей, телохранителей и дворцовой стражи. Поэтому можно предположить, что адресат настоящего фирмана был одним из придворных чинов, носивших титул «улуг джанар-бек». См.: *Узунчаршилы.* Османское государство; *Инанч.* История Турции.

[170] ʿАтабат ал-катаба, с. 82; Мунша'ат, л. 11.

[171] ʿАтабат ал-катаба, с. 85.

[172] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 34.

[173] Ал-Хусайни упоминает ʿИмад ад-Дина Ахмада ибн ʿАла ад-Дина Ахмада Абу Бакра ибн Кумача. Джузджани пишет о малике ʿАла ад-Дине Кумаче, а Джувайни сообщает об ʿИмад ад-Дине Ахмаде ибн Абу Бакре. Более верная генеалогическая линия клана балхских Кумачей отмечена нами выше по грамотам XI в. См.: ʿАтабат ал-катаба, с. 77—75; *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 87; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 69.

[174] Должность хансалара существовала и в государстве Великих Моголов Индии, где так именовался «заведующий императорской кухней». См.: *Наршахи*, пер. Фрая, с. 144.

[175] *Раванди.* Рахат, с. 177—178; Огуз-наме, с. 49.

[176] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 281.

[177] *Низам ал-Мульк.* Сийасат-наме, с. 112.

[178] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 282.

[179] Там же. Ср.: Муджмал, с. 526; *Раванди.* Рахат, с. 177—178.

[180] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 282.

[181] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 116.

[182] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 282; МИТТ. Т. I, с. 323. Ср.: *Иностранцев.* Коркут, с. 44.

[183] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 282 и сл.; ср.: *Йазди.* Ал-'Урада, с. 102; *Казвини.* Гузида, с. 460; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 186; *Раванди.* Рахат, с. 178.

[184] *Раванди.* Рахат, с. 178.

[185] Там же.

[186] Йазди и Мирхонд говорят об одном манс, а Джузджани — о шапке серебра и одной лошади. Мехмед Аксарайли и Салыр-Баба пишут о батмане серебра. Согласно «Анис ал-кулуб», огузы должны были выплачивать контрибуцию серебряными слитками (сом кюмуш). Салыр-Баба называет это серебро «ари кюмуш», т. е. «чистое серебро». См.: *Аксарайли.* Мусамарат, с. 11; *Салыр-Баба.* История, л. 164а; *Кёпрюлю.* Источники, с. 479.

[187] Вернее, 'Умар Асами, который упоминается в касыдах Аухад ад-Дина Анвари. Раванди ошибочно говорит о Юрункуше, которого уже не было в живых. Речь может идти о Баранкуше, посившем титул Сайф ад-Дин. См.: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 441.

[188] *Раванди.* Рахат, с. 179.

[189] Там же.

[190] Возможно, это был сын покойного эмира Юрункуша.

[191] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 5, 86.

[192] *Бартольд.* Санджар, с. 414—416.

[193] *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 413.

[194] Мунша'ат, л. 56а; 'Атабат ал-катаба, с. 86.

[195] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 283.

[196] МИТТ. Т. I, с. 323.

[197] Там же.

[198] Муджмал, с. 526.

[199] Диван лугат. Т. I, с. 282, 338.

[200] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 283.

[201] *Мирхонд.* Сельджуки, с. 187.

[202] *Иностранцев.* Коркуд, с. 43.

[203] *Комнина.* Алексиада, с. 8, 22, 214, 484; *Голубовский.* Печенеги, с. 215, 216.

[204] Ф. Сюмер полагает, что огузы устроили в горном ущелье так называемый тарган — заграждение из бревен и других подручных материалов. Однако в тексте ал-Бундари фигурирует термин «алтукан», а не «тарган». См.: *Сюмер.* Огузы, с. 115.

[205] *Кёймен.* Восстание огузов, с. 170—172.

[206] Там же.

[207] *Раванди.* Рахат, с. 180.

[208] *Бержерон.* Путешествия, с. 45 и сл.

[209] Очевидно, именно поэтому огузов считали подчас «неверными» (кафир), но это было скорее политическое, чем конфессиональное определение. В данном отношении характерно письмо Санджара, разосланное всем мусульманским властителям после бегства из плена, в нем говорится, что он освободился из рук «туркменских маликов-кафиров». См.: *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 460.

[210] *Марголин.* Еврейские путешественники, с. 112—114.

[211] Там же, с. 112.

[212] Там же, с. 114.

[213] *Бартольд.* Обзор, с. 58; *Бартольд.* Туркестан, с. 130 и сл.

[214] *Раванди.* Рахат, с. 179; Ахбар ад-даулат, с. 85—86.

[215] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 283; *Раванди.* Рахат, с. 179.

[216] *Раванди.* Рахат, с. 179; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 102; *Казвини.* Гузида, с. 460.

[217] *Раванди.* Рахат, с. 179.

[218] Там же.

[219] *Казвини.* Гузида, с. 460.

[220] Муджмал, с. 526.

[221] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 283—284; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 132.

[222] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 87—88.

[223] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 133; ср.: *ал-Бундари.* Зубдат, с. 283—284.

[224] *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 12; *Кёймен.* История Сельджукидов, с. 416—417; см. также рассказ 'Ауфи о страданиях Санджара в плену, когда он каждую ночь обращался к богу с жалобой на свое несчастное положение. *'Ауфи.* Лубаб. Т. I, с. 40.

[225] *Джузджани.* Разряды, л. 161б; ср.: *Казвини.* Гузида, с. 461.

[226] См. об этом подробнее: *Жуковский.* Мерв, с. 27 и сл.; *Бартольд.* Мерв, с. 123.

[227] *Равванди.* Рахат, с. 180; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 105; *Мирхонд.* Сельджуки, с. 189—190.

[228] *Равванди.* Рахат, с. 180; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 119.

[229] *Хамадани.* 'Аджа'иб, л. 295.

[230] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 80.

[231] Муджмал, с. 526; *ас-Сам'ани.* Ансаб, л. 516б.

[232] Муджмал, с. 526 и сл.; *Равванди.* Рахат, с. 180—181; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 81 и сл.

[233] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 117 и сл.

[234] *Скрайн, Росс.* Сердце Азии, с. 142; *Икбал.* Та'рих, с. 361.

[235] *Ибн Исфандийар.* Та'рих, Т. I, с. 266; *Ма'рауи.* Та'рих, с. 266.

[236] См. подробнее: *Агаджанов.* Сельджукиды, с. 133 и сл.

[237] Другие средневековые авторы сообщают, что к огузам примкнули также «карасулы», «аразил-и халк» — «отбросы народа», «натаидж-и хашам» — «отродье войска». Значение термина «карасул» остается для нас неясным. Интересно отметить, что в ташкентской рукописи труда Рашид ад-Дина вместо «карасул» стоит «доздан», что означает «воры», «разбойники», «грабители». См.: Рашид ад-Дин, изд. Атеша, с. 96; *Салыр-Баба.* История, л. 164а; Джами'ат-таварих, л. 66а; ср. с термином «карашулийат»: *Босворт.* Газневиды, с. 120.

[238] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 50.

[239] Рашид ад-Дин, изд. Атеша, с. 75; *Салыр-Баба.* История, л. 164а.

[240] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 51; Ахбар ад-даулат, с. 180.

[241] *Йазди.* Ал-'Урада, с. 111.

[242] Муджмал, с. 155; *Ватват.* Письма, с. 107.

[243] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 97.

[244] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 59.

[245] 'Атабат ал-катаба, с. 122.

[246] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 120.

[247] Там же, с. 116—121; *Равванди.* Рахат, с. 177 и сл.; *Хамадани.* 'Аджа'иб, л. 164—165; Джами' ат-таварих, л. 157; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 281—284; Ибн ал-Джаузи. Мунтазам. Т. X, с. 161.

[248] *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 51.

[249] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 117.

[250] Там же; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 51.

[251] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 281—284; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 50—51; *Равванди.* Рахат, с. 181—182; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 119—121; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 161 и сл.

[252] *Джузджани,* калькуттск. изд., с. 66.

[253] Очевидно, эти события произошли около 1156 или 1157 г., когда огузы появились в Гургане. См.: *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 94.

[254] *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 95; *Нишапури.* Сельджук-наме, с. 266.

[255] Прозвище «хар-банде» («погонщик ослов») употреблялось в качестве уничижительной, презрительной клички.

[256] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 171—172.

[257] Там же, с. 172.

[258] *Жуковский.* Энвери, с. 47—50, 120—121.

[259] Там же, с. 47—50.

[260] Та'рих-и Байхаки, с. 271.

[261] Мунша'ат, л. 51а.

[262] Там же, л. 51б; *Ватват.* Письма, с. 31.

[263] Махмуд ибн Мухаммад ибн Богра-хан был правителем Мавераннахра, но после Катаванской битвы бежал вместе с Санджаром в Хорасан. Носил

титулы: Арслан-хан, Рукн ад-Дин и Джалал ад-Дунйа ва-д-Дин. См.: *Ватват.* Письма, с. 14; *Бартольд.* Туркестан. Ч. I, с. 27, 33.

[264] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 152; ср.: Мунша'ат, л. 56а.

[265] Там же, с. 152—153; ср.: Мухаммад Ибрахим. Та'рих, с. 169; *Кермани.* Китаб, с. 20.

[266] *Ал-Бундари.* Зубдат, с. 284; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 119.

[267] *Жуковский.* Энвери, с. 111; Мунша'ат, л. 49а; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 82—120.

[268] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 82—83; *Ватват.* Письма, с. 210.

[269] *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 12—13; *Раванди.* Рахат, с. 183; *Ватват.* Письма, с. 10—12; *Аксарайли.* Мусамарат, с. 118.

[270] *Раванди.* Рахат, с. 183; Мунша'ат, л. 55а; *Ватват.* Письма, с. 10—12, 25 и сл.

[271] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 86—87.

[272] Там же, с. 60; *Раванди.* Рахат, с. 183; *Ибн ал-Асир.* Та'рих. Т. XI, с. 80; Ахбар ад-даулат, с. 114; *'Ауфи.* Лубаб. Т. I, с. 40.

[273] Ахбар ад-даулат, с. 114; *Раванди.* Рахат, с. 183; *Абу Са'ид.* Тайны, с. 450.

[274] *Жуковский.* Мерв, с. 30.

[275] *Сибт.* Мир'ат. Ч. I, с. 227.

[276] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 172.

[277] Там же, с. 172—173; *ал-Бундари.* Зубдат, с. 284 и сл.; *Нишапури.* Сельджук-намэ, с. 52 и сл.

[278] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 172—173.

[279] Та'рих-и Байхак, с. 281.

[280] Там же, с. 284.

[281] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 173.

[282] Там же, с. 183—184; Та'рих-и Байхак, с. 284.

[283] Хаф был расположен к северо-западу от Герата.

[284] Бушендж — город в дне пути от Герата, на р. Герируд.

[285] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 130.

[286] *Ал-Хусайни.* Ахбар, с. 102, 110.

[287] Там же, с. 114—115.

[288] Субурна лежала примерно в 120—140 км от Гурганджа.

[289] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 247.

[290] Туганшах Абу Бакр ибн Му'аййид Ай Аба носил титул 'Адуд ад-Даула ва-д-Дин. Сохранился указ хорезмшаха Текиша о предоставлении ему селений Нисы в качестве икта'. См.: *Багдади.* Тавассул, с. 30 и сл.

[291] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 248—249.

[292] В сочинении Ибн ал-Асира это имя пишется по-разному: Инак, Айтак, Исак (в изд. Торнберга), Айтак (в каирск. изд.), в труде Ибн Исфандийара — «Айтак». См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 117—118; *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 94—95.

[293] Хаверан —область в Хорасане, между Абивердом и Мейхене (Меана). См.: *Семенов.* Древности, с. 5.

[294] Рустам Гази, точнее, Рустам ибн 'Али ибн Шахрийар ибн Карун (1139—1164), происходил из династии Бавандидов, из ветви Мулюк ал-Джибал.

[295] Огузы вторглись в Гуран в 1157 г. после смерти Санджара. См.: *ал-Хусайни.* Ахбар, с. 94.

[296] См.: *Маркварт.* Команы, с. 5 и сл.

[297] *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 95—96; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 117—118.

[298] Остатки этого города лежат в 5—6 км от станции Бахарден, в ТуркмССР. См.: *Литвинский, Мошкова.* Изучение, с. 294; *Атагаррыев.* Материальная культура, с. 3 и сл.

[299] *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 46 и сл.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 141; *ан-Насави.* Жизнеописание, с. 83—84.

[300] См.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 168 и сл.

[301] Там же, с. 80; *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 162.

[302] *Кермани.* Китаб, с. 20.

[303] Там же, с. 48 и сл.
[304] *Массон.* Намогильные кирпичи, с. 32.
[305] *Хафиз-и Абру.* Джуграфийа, л. 161а.
[306] *Бартольд.* Археологические работы, с. 282—289.
[307] Та'рих-и Байхак, с. 22; *Йакут.* Му'джам. Т. III, с. 71.
[308] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 249 и сл.; *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 17—18; *Рашид ад-Дин.* Сборник. Т. I, кн. 1, с. 96.
[309] *Джувайни.* Та'рих. Т. II, с. 21; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 248—251.
[310] *Кермани.* Та'рих, с. 88—89; *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 106—107.
[311] *Кермани.* Та'рих, с. 91 и сл.; *Мухаммад Ибрахим.* Та'рих, с. 11 и сл.; *Кермани.* Китаб, с. 48.
[312] *Марварруди.* Та'рих, с. 30.
[313] *Джузджани,* калькуттск. изд., с. 66; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 137.
[314] *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 137; *Джузджани,* калькуттск. изд., с. 72.
[315] *Джузджани,* калькуттск. изд., с. 73.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] *Раванди.* Рахат, с. 147—148; *Йазди.* Ал-'Урада, с. 80—81.
[2] *Сибт.* Мир'ат, изд. Джеветта, с. 8; *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. XI, с. 253.
[3] *Кычанов, Литвинский.* Рецензия, с. 193.
[4] Это — явная интерполяция. Такое переосмысление исторических событий, замена личных имен, названий племен и народностей, как показал А. Зайончковский, была характерна для многих хадисов. См.: *Зайончковский.* Характеристика, с. 31—50, 132—135.
[5] *Ахбар ад-даулат,* с. 70; *ал-Хусайни,* изд. Икбала, с. 64; ср.: *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил. Т. X, с. 178; *Казвини.* Гузида, с. 459; *Ибн ал-Джаузи.* Мунтазам. Т. X, с. 178.
[6] *Вильчевский.* Новый источник, с. 96—103.
[7] *Мередов.* Литература, с. 168—169.
[8] *Ибн Исфандийар.* Та'рих. Т. I, с. 94.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Абу-л-Гази. Родословная.— Родословная туркмен. Сочинение *Абу-л-Гази*, хана Хивинского. Пер. и примеч. А. Н. Кононова. М.— Л., 1958.

Абу Са'ид. Тайны.— Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида Мейхенейского. Изд. В. А. Жуковского. СПб., 1884.

Амоли. Нафа'ис.— *Мухаммад ибн Махмуд Амоли.* Нафа'ис ал-фунун. Рукоп. ИВ АН УзССР, инв. № 2751.

Аноним.— Арабский аноним XI в. Изд. текста, введ., пер., коммент. П. А. Грязневича. М., 1960.

Аристакэс. Повествование.— Повествование Вардапета Аристакэса Ластивертци. Перев., коммент., прил. К. Н. Юзбашяна. М., 1968.

'Атабат ал-катаба.— *Му'аййид ад-Даула Мунтаджаб ад-Дин Бади' Атабак ал-Джувайни.* Китаб 'атабат ал-катаба. Техран, 1329 х. ш.

'Ауфи. Джавами'.— *Мухаммад 'Ауфи.* Джавами' ал-хикайат ва лавами ар-ривайат. Рукоп. ИВ АН УзССР, инв. № 307.

Ахбар ад-даулат.— *Садр ад-Дин 'Али ал-Хусайни.* Ахбар ад-даулат ас-селджукиййа. (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара' ва-л-мулук ас-селджукиййа). Изд. текста, введ., перев., примеч. З. М. Буниятова. М., 1980.

Багдади. Ат-тавассул.— *Баха' ад-Дин Мухаммад ибн Му'аййид ал-Багдади.* Ат-тавассул ила-т-тарассул. Техран. 1315 х.

Бада'и' — Бада'и' ат-таварих. Рукоп. ИВ АН СССР, В-2304.

Бади'. Ступени.— *Мунтаджаб ад-Дин Бади' Атабак ал-Джувайни.* Ступени совершенствования катибов ('Атабат ал-катаба). Перев., введ., коммент. Г. М. Курпалидиса. М., 1985.

Байхаки. История Мас'уда.— *Абу-л-Фазл Байхаки.* История Мас'уда (1030—1041). Перев., введ., коммент. А. К. Арендса. М., 1969.

Байхаки, изд. Гани и Файйаза — Та'рих-и Байхаки, тасниф-и Хаджа Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Хусайн Байхаки. Техран, 1324 х.

Байхаки, изд. Нафиси.— Та'рих-и Мас'уди ма'руф би Та'рих-и Байкахи, ба та'ликат-и Са'ид Нафиси. I—III. Техран, 1319—1332 х.

Ал-Бируни. Китаб ал-джамахир.— *Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни.* Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир. Хайдарабад, 1355 х.

Ал-Бируни. Памятники.— *Абу Рейхан Бируни.* Памятники минувших поколений. Пер. и примеч. М. А. Салье. Таш., 1957.

Ал-Булдан.— Аджа'иб ал-булдан. Рукоп. ИВ АН СССР, В-785.

Вардан. История.— Всеобщая история Вардана Великого. Пер. с арм. Н. Эмин. М., 1861.

Вриенний. Записки.— Исторические записки Никифора Вриенния. Пер. под ред. В. И. Долоцкого. СПб., 1858.

Ватват. Письма.— *Рашид ад-Дин Ватват.* Намеха-йи Рашид ад-Дин Ватват. Техран, 1960.

Ватват. Сады волшебства.— *Рашид ад-Дин Ватват.* Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хади'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р.) Перев., иссл. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М., 1985.

Гандзакеци. История.— *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Пер. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.

Ал-гара'иб.— Маджма' ал-гара'иб. Рукоп. ИВ АН СССР, С-2340.

Гаффари. Нигаристан.— *Ахмад ибн Мухаммад Гаффари Кашани.* Та'рих-и нигаристан. Техран, 1962.

Гургани. Вис и Рамин.— *Фахр ад-Дин Гургани.* Вис и Рамин. М., 1963.
Гургани. Вис ва Рамин.— *Фахр ад-Дин Гургани.* Вис ва Рамин. Техран, 1314 х.
Гургани. Висрамиани.— *Фахр ад-Дин Асади Гургани.* Висрамиани. Тб., 1949.
Джами' ат-таварих.— *Рашид ад-Дин.* Джами' ат-таварих. Рукоп. ИВ АН УзССР, инв. № 1.
Джахан-намс.— *Мухаммад ибн Наджиб Бакран.* Джахан-наме. Рукоп. ИВ АН СССР, С-612.
Ал-Джахиз. Послание.— *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху ибн Хакану» ал-Джахиза.— ТИИ АЭ АН КазССР. Т. I. А.-А., 1956.
Джузджани. Табакат.— Табакат-и Насири та'лиф-и Минхадж ад-Дин 'Усман Джузджани ба тасхих-и 'Абдалхаий Хабиби. Дж. I—II. Кабул, 1342 х. ш.
Джузджани. Разряды.— *Джузджани.* Табакат-и Насири. Рукоп. ИВ АН СССР, С-1846.
Ад-Дунйа.— Аджа'иб ад-дунйа. Рукоп. ИВ АН СССР, А-253.
Е Лун-ли. История.—*Е. Лун-ли.* История государства киданей. Пер. с кит. В. С. Таскина. М., 1972.
Ибн ал-Асир. Та'рих.— *'Изз ад-Дин Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад ма'руф би Ибн ал-Асир ал-Джазари.* Та'рих ал-камил. Дж. I—X. Ал-Кахира. 1301 х.
Ибн ал-Варди. Харидат.— *Ибн ал-Варди.* Харидат ал-'аджа'иб ва фаридат ал-гара'иб. Рукоп. БСЩ, № 114 (по каталогу Б. Дорна).
Ибн ал-Джаузи. Мунтазам.— *Ибн ал-Джаузи.* Ал-Мунтазам фи та'рих ал-мулук ва-л-умам. Дж. VIII—X. Хайдарабад, 1359 х.
Ибн Исфандийар. Та'рих.— *Ибн Исфандийар.* Та'рих-и Табаристан. Дж. I—II. Техран. 1320 х.
Ибн Сина.— Ибн Сина. Дониш-нома. Сталинобад, 1957.
Ибн Тиктака. Правила.— *Мухаммад ибн Али Табатаб.* Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Казань, 1863.
Ибн Фадлан. Путешествие.— Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Пер. под ред. И. Ю. Крачковского. М.— Л., 1939.
Ибн Фадлан. Книга.— *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.
Ибн ал-Факих. Китаб ахбар.— *Ибн ал-Факих.* Китаб ахбар ал-булдан. Фотокоп. мешхедской рукоп. ИВ АН СССР, ИФВ-202.
Ал-Идриси. Нузхат.— *Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси.* Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак. Рукоп. БСЩ, Ар. НС-176.
Ал-'Имади. Кынйа.— *Джалал ад-Дин ал-'Имади.* Кынйа ал-мунйа ли-л-татмим ал-гунйа. Рукоп. ИВ АН СССР, С-2311.
История Кума.— Китаб та'рих-и Кумм, та'лиф-и Хасан ибн Мухаммад ибн Хасан Кумми. Техран, 1353 х.
История Османов.— Та'рих-и Ал-и Осман. Рукоп. ИВ АН СССР, С-1046.
История Сельджукидов.— Та'рих-и Ал-и Селджук. Рукоп. ИВ АН СССР, Д-116.
История Систана.— Та'рих-и Систан (История Систана). Пер., введ., коммент. О. И. Смирновой. М., 1974.
Кабус-наме.— Кабус-наме. Пер., статья, примеч. Е. Э. Бертельса. М., 1953.
Казвини. Нузхат.— *Хамдаллах Казвини.* Нузхат ал-кулуб. Рукоп. Гос. б-ки им. Ленина, ф. 185, № 10.
Казим. Мироукрашающая книга.— *Мухаммад Казим.* Наме-йи аламарайи надири (Мироукрашающая надирова книга). Изд. текста и предисл. Н. Д. Миклухо-Маклая. Т. I. М., 1960.
Кандия.— Кандия Малая, перев. В. Л. Вяткина. СКСО. Вып. VIII. Самарканд, 1906.
Карши. Мулхакат.— *Джамал Карши.* Мулхакат ас-сурах.— *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб., 1898.
Киннам. Краткое обозрение.— *Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118—1180). СПб., 1859.
Кермани. Китаб.— *Афзал ад-Дин Кермани.* Китаб 'икд ал-'ула ли-л-маукиф ал-а'ла. Техран, 1311 х.

Кермани. Та'рих.— *Афзал ад-Дин Кермани.* Та'рих-и Афзал йа бада'и' ал-азман фи вака'и' Керман. Техран, 1326 х.
Комнина. Алексиада.— *Анна Комнина.* Алексиада. Пер. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965.
Ал-Майхани. Асрар — *Мухаммад ибн ал-Мунаввар ал-Майхани.* Асрар ат-таухид фи макамат аш-шайх Аби Са'ид. Техран. 1333 х.
Ал-Манини. Ал-Фатх.— *Ахмад ибн 'Али ал-Манини.* Ал-Фатх ал-вахби ала та'рих Аби Наср ал-'Утби. Ал-Кахира, 1266 х.
Маргинани. Хидайа.— *Бурхан ад-Дин Маргинани.* Хидая. Комментарий мусульманского права. Т. I—IV. Таш., 1893.
Ал-Мас'уди. Ахбар.— *Абу-л-Хасан 'Али ибн Хусайн ибн 'Али ал-Мас'уди.* Ахбар аз-заман. Ал-Кахира, 1357 х.
Матианс.— Матианс Картлиса. Пер., введ., примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тб., 1976.
Махмуд ал-Кашгари. Диван.— Диван лугат ат-турк, му'аллифи Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари. Дж. I—III. Истанбул, 1333—1335.
Море тайн.— Море тайн относительно доблестей благородных. Пер. и примеч. Б. А. Ахмедова. Таш., 1977.
Муджмал.— Муджмал ат-таварих ва-л-кисас. Техран, 1318 х.
Му'иззи. Диван.— *Му'иззи Нишапури.* Диван. Техран, 1318 х.
Мунадджим-баши.— *Мунадджим-баши.* Сахаиф ал-ахбар. Дж. I—III. Истанбул, 1285 х.
Мунша'ат.— Маджму'а-йи мунша'ат-и 'ахд-и Салджукийан ва Хоразмшахийан ва ава'ил-и 'ахд-и мугул. Рукоп. ИВ АН СССР, С-816.
Ан-Насави. Жизнеописание.— *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. и комм. З. М. Буниятова. Баку, 1973.
Насири Хусрау. Диван.— *Насири Хусрау.* Диван-и гаса'ид ва мукатта'ат. Техран, 1307 х.
Ан-Наубахти. Шиитские секты.— *Ал-Хасан ибн Муса ан-Наубахти.* Шиитские секты. Пер. с араб., иссл., коммент. С. М. Прозорова. М., 1973.
Низам ал-Мульк. Сийасат-наме.— Сиасет наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., введ., примеч. Б. Н. Заходера. М.— Л., 1949.
Нишапури. Сельджук-наме.— *Захир ад-Дин Нишапури.* Сельджук-наме. Техран, 1332 х.
Путешествие ал-Гарнати.— Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати. Пер., вступ. ст. и примеч. О. Г. Большакова. М., 1971.
Рази. Джами'.— *Фахр ад-Дин Рази.* Джами' ал-'улум. Рукоп. ИВ АН СССР, С-612.
Рашид ад-Дин. Сборник.— *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер., Л. А. Хетагурова. Т. I, кн. 1. М.— Л., 1952.
Рашид ад-Дин, критич. текст.— *Рашид ад-Дин Фадлаллах.* Джами' ат-таварих. Критический текст. Т. I, ч. 1, М., 1965.
Рашид ад-Дин. Джами' ат-таварих.— *Рашид ад-Дин.* Джами' ат-таварих. Рукоп. БСШ, ПНС-46.
Сабити. Аснад.— *Саййид 'Али Сабити.* Аснад ва намеха-йи та'рихи. Техран, 1346 х.
Салыр-Баба. История.— *Салыр Баба.* Джами' ат-таварих. Рукоп. ИЯЛ АН ТССР, инв. № 526.
Самак-айар.— Самак-айар, или Деяния и подвиги красы айаров Самака. Кн. 1—2. М., 1982—1984.
Самария.— *Абу Тахир-ходжа.* Самария, описание древностей и мусульманских святых Самарканда. Пер. В. Л. Вяткина.— СКСО. Вып. VI. Самарканд, 1899.
Самарканди. Тарджама.— *Абу-л-Касим Исхак ибн Мухаммад ибн Исма'ил ибн Ибрахим ибн Зайд Хаким Самарканди.* Тарджама-и ас-Сввад ал-а'зам. Техран, 1969.
Самарканди. Четыре беседы.— *Низми Арузи Самарканди.* Собрание редкостей, или Четыре беседы. Пер. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М., 1963.

Сафар-наме.— *Насир-и Хусрау.* Сафар-наме. Книга путешествии. Пер., с перс. Е. Э. Бертельса. М.— Л., 1953.
Сельджуки.— Селджукийан ва гузз дăр Иран. Техран, 1964.
Сибт. Мир'ат.— *Сибт ибн ал-Джаузи.* Мир'ат аз-заман фи та'рих ал-а'йан. Дж. I—II. Хайдарабад, 1370—1371 х.
Смбат. Летопись.— *Смбат Спарапет.* Летопись. Ер., 1974.
Сокровенное сказание.— *Анна Комнина.* Сокровенное сказание о делах царя Алексея Комнина. СПб., 1859.
Сувар.— Сувар ал-акалим-и саба. Рукоп. Восточного отделения ЛГУ, № 149.
Табакат.— Аджа'иб ат-табакат. Рукоп. ИВ АН УзССР, инв. № 3042.
Та'рих-и Байхак.— *Абу-л-Хасан 'Али ибн Зайд Байхаки.* Та'рих-и Байхак. Техран, 1317 х.
Та'рих-и Систан.— Та'рих-и Систан. Техран, 1319 х. ш.
Тирмизи. Диван.— *Адиб Собир Тирмизи.* Девон. Ашъори баргузида. Душ., 1983.
Тифлиси. Описание.— *Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси.* Описание ремесел (Байан ас-сана'ат). Пер. с перс. и коммент. Г. П. Михалевич. М., 1976.
Убахи. Тухфат.— *Хафиз Султан 'Али Убахи.* Тухфат ал-ахбаб. Рукоп. ИВ АН СССР. С-1818.
'Укайли. Асар.— *Сайф ад-Дин Хваджа ибн Низам 'Укайли.* Асар ал-вузара. Техран, 1337 х.
Унсуралмаали. Қабус-наме.— Қабус-наме. Энциклопедия персидско-таджикской литературы. Душ., 1986.
Ал-Фараби. Трактаты.— *Аль-Фараби.* Философские трактаты. А.-А., 1970.
Хамадани. Аджа'иб.— Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат. Рукоп. ИВ АН СССР, А-453.
Харави. Тазкира.— *Фахри Харави.* Тазкира-йи раузат ас-салатин. Техран, 1966.
Хафиз-и Абру.— *Хафиз-и Абру.* География. Рукоп. ИВ АН УзССР, инв. № 5361.
Хафиз-и Абру. Джуграфиййа.— *Хафиз-и Абру.* Джуграфиййа. Рукоп. БСЩ, № 290.
Хилал ас-Саби. Установления.— *Хилал ас-Саби.* Установления и обычаи халифов. Пер. и примеч. И. Б. Михайловой. М., 1983.
Хондамир. Дастур.— *Гийас ад-Дин ма'руф би Хвандамир.* Дастур ал-вузара. Техран, 1317 х. ш.
Хониат. История.— *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1860.
Худуд, изд. Бартольда.— Худуд ал-алем. Рукоп. Туманского. С введен. и указат. В. Бартольда. Л., 1930.
Шараф-наме.— Шараф-хан ибн Шамс ад-Дин Бидлиси. Шараф-наме. Т. I. Пер., предисл., примеч. Е. И. Васильевой. М., 1979.
Шахмардан. Нузхат.— *Шахмардан ибн Абу-л-Хайр.* Нузхат нама-и 'Ала'и. Фотокоп. рукоп. Герцогской б-ки г. Готы, № 10 (по каталогу Перча).
Шаджарат.— Шаджарат ал-атрак. Фотокопия рукоп. Британского музея, АДД-2619.
Аш-Шахрастани. Книга.— *Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим аш-Шахрастани.* Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1984.
Шираз-наме.— *Ахмад Ширази.* Шираз-наме. Техран, 1310 х.
Шукруллах. Бахджат.— *Шукруллах ибн Шихаб ад-Дин Ахмад.* Бахджат ат-таварих. Рукоп. ИВ АН СССР, С-785.
Абу Дулаф. Путешествие.— *Rohr-Sauer A.* Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien. Stuttgart, 1939.
Абу Йусуф. Китаб.— *Abou Yusuf Yakoub.* Kitab al-kharaj. P., 1921.
Абу-л-Фарадж. Та'рих.— *Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus).* Abu'l Farac tarihi. Cilt I. Ankara, 1945.
Абу Хайян. Китаб.— *Abu Hayyan.* Kitab al-idrak li lisan al-atrak. Istanbul, 1931.
Акнери. История.— History of the Nation of the Archers (The Mongols) by Grigor of Akan. Cambridge, 1954.

Аксарайли. Мусамарат.— *Aksarayli Mehmed oğlu Kerimüddin Mahmud.* Müsameret-ül-ahbar. Ankara, 1944.
'Ауфи. Лубаб.— Lubabu'l-Albab of Muhammad 'Awfi. Ed. in the Original Persian. Pt I—II. London — Leide, 1906.
Байхаки. Та'рих.— The Tarikh-i Baihaki Containing the Life of Massaud, Son of Sultan Mahmud of Gazna. Ed. by W. H. Morley. Calcutta, 1861—1862.
Ал-Бируни. Астрология.— *Abu'l Rayhan Muhammad ibn Ahmad al-Biruni.* The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology. L., 1934.
Ал-Бируни. Картина.— Biruni's Picture of the World.— Memoirs of the Archaeological Survey of the India, № 53. Delhi, 1937.
Ал-Бундари. Зубдат.— Histoire des Seldjucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-Din al-Katib al-Isfahani. Leide, 1889.
Ал-Газали. Насихат.— Chazali's Book of Council for Kings. L., 1968.
Гардизи. Зайн ал-ахбар.— Kitab Zainu'l-Akhbar. Composed by Abu Said Abu'l-Hayy ad-Dahhak ibn Mahmud Gardizi. Ed. by M. Nazim. L.. 1928.
Ал-Гарнати. Тухфат.— Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati. Ed. par G. Ferrand.— JA. T. CCVI, 1926.
Ал-Гарнати. Му'риб.— Abu Hamid el-Granadino y su relacion de viaje por terras Eurasiaticas. Madrid, 1953.
Даулатшах. Тазкират.— The Tadhkiratu-sh-Shu'ara («Memoirs of the Poets») of Dawlatshah bin 'Ala'u'd-Dawla Bakhtishah al-Ghazi of Samarqand. London — Leide, 1901.
Джувайни. Та'рих.— The Tarikh-i-Jahan-gusha of Ala'ud-Din Ata Malik-i-Juwayni. Ed. by Mirza Muhammad ibn Abu'l-Wahhab-i-Qazwini. Pt I—III. Leyden — London, 1912—1937.
Джувайни. История.— The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl. by J. A. Boyle. Vol. I—II. Manchester, 1958.
Джузджани, калькуттск. изд.— The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Djawzjani. Calcutta, 1864.
Джузджани. Табакат-и Насири.— Tabakat-i-Nasiri: A General History Muhammadan Dynasties of Asia... by the Maulana Minhaj-ud-Din, Abu Umar-i-Usman. Transl. by H. G. Raverty. Vol. I—II. L., 1881.
Диван лугат.— *Atalay B.* Divanü lugat-it-türk tercumesi. Cilt I—III. Ankara, 1939—1941.
Диван лугат, факсим. изд.— *Mahmut ibn Husayn al-Kaşgari.* Divan luğat at-türk. Tipkibasim. Ankara, 1941.
Ибн Адам. Китаб.— Yahya ben Adam's Kitab al-Kharaj. Leiden, 1958.
Ибн ал-Асир. Ал-Камил.— Ibn-el-Athiri Cronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg. Vol. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1851—1876.
Ибн Биби. Сельджук-наме.— Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'Abrédgé du Seldjouk-nameh d'Ibn Bibi. Leyden, 1902.
Ибн ал-Каланиси. История.— *Roger de Tourneau.* Damas de 1075 à 1154. Traduction annotée d'un fragment de l'histoire de Damas d'Ibn al-Qalanisi. Damas, 1952.
Ибн Мискавайх. Таджариб.— The Concluding Portion of the Experiences of Nation by Ibn Miskawaihi. Vol. II. Ox., 1921.
Ибн Русте. Китаб.— Kitab al-a'lak an-nafisa auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn Ali Jakub ibn Wadih al-Katib al-Jakubi. Lugduni Batavorum. 1892.
Ибн Халдун. Мукаддима.— *Ibni Haldun.* Mukaddime. Istanbul, 1954.
Ибн Халдун. Пролегомена.— Les Prolégomènes d'Ibn Khaldoun. Trad. par M. G. de Slane. P., 1883.
Ибн Хассул.— *Azzavi A.* Ibni Hassulün türkler hakkında bir eseri.— TTKB. Cilt IV. 1940, № 14—15.
Ибн Хаукал. Масалик.— Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873.
Ал-Идриси. География.— Geographie d'Edrisi. Traduite de l'arabe en français par M.. Reinaud. T. I—II. P., 1848.
Ал-Истахри. Масалик.— Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Istakhri. Lugduni Batavorum, 1927.
История Бухары, изд. Шефера.— Description topographique et historique de

Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs a la Transoxiane. Texte persan publ. par Ch. Schefer. P., 1892.
История Нишапура.— Abu-l-Hasan al-Farisi. Kitab al-Siyaq li-ta'rikh Nisapur. The History of Nishapur. Ed. by R. Frye. Cambridge, 1965.
История Сельджукидов Малой Азии.— Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure. Leide, 1891.
Исфахани. География.— The Geographical Works of Sadik Isfahani. L., 1892.
Йазди. Ал-'Урада.— Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte von dem Wezir Muhammad al-Husayni al-Jazdi. Leiden, 1909.
Йакут. Иршад.— The Irshad al-arib ila ma'rifat al-adib or Dictionary of Learned Men of Yaqut. Ed. by D. S. Margoliouth. Vol. I—VII. Leyden — London, 1907—1927.
Йакут. Му'джам.— Jakut's geographisches Wörterbuch. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I—IV. Lpz., 1866—1873.
Йукнаки. 'Атабат.— *Edib ibn Muhammed Yükneki. Atabet'ül* hakkaik. Istanbul, 1951.
Казвини. Гузида.— The Tarikh-i-Guzida or «Selected History» of Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazwini. Leyden — London, 1910.
Казвини. Асар.— Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Theil I—II. Göttingen. 1848—1849.
Кермани. Наса'им.— Nasa'im al-Ashar. Biographies of Ministers by Nasiruddin Munshi Kirmani Completed in 725 A. H. Persian text. Ed. by J. M. H. Urmawi. Teheran, 1959.
Кутадгу Билик.— *Yusuf Hass Hacib.* Kutadgu Bilig. Ankara, 1959.
Ал-Маварди. Право.— *El-Mawerdi.* Le droit du Califat. P., 1925.
Ал-Маварди. Ахкам.—*Abu'l Hasan Ali b. Muhammad Mavardi.* Al-Ahkam as-Sultaniya. Bonn, 1853.
Ал-Макдиси. Ахсан.— Descriptio imperii moslemici auctore Sham's od-din al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
Мар'аши. Та'рих.— Sehir eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan. Hrsg. von B. Dorn. SPb., 1850.
Ал-Марвази. Таба'и' — Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120). Transl. by V. Minorsky. L., 1942.
Марварруди. Та'рих.— Tarikh-i Fakhru'din Mubarakshah being the Historical Introduction to the Books of Genealogies of Fakhr'ud-din Mubarakshah Marvarrudi. L., 1927.
Масалик ва мамалик.— Masalik va Mamalik by Abu Ishaq Ibrahim Istakhri. Anonymos Persian Translation from V—VI Century A. H. Teheran, 1961.
Ал-Мас'уди. Мурудж.— *Maçoudi.* Les Prairies d'or. Texte arabe et trad. par C. Barbier-Meynard et Pavet de Courteille. T. I—IX. P., 1851—1877.
Матфей Эдесский. Хроника.— Chronique de Matthieu d'Edesse. Trad. par M. E. Dulaurier. P., 1858.
Мирхонд. Хорезмшахи.— Histoire des sultans du Kharezm, par Mirkhond. P., 1842.
Мирхонд. Сельджуки.— Mirchondi Historia Seldschukidarum persice. Ed. J. A. Vullers. Gissae. 1837.
Мухаммад Ибрахим. Та'рих.— Histoire des Seldjucides du Kerman par Muhammed Ibrachim. Lugduni Batavorum, 1886.
Нахчивани. Таджариб.— *Hinduchah ibn Sandjar Nakhdjawani.* Tadjarib us-Salaf (Histoire des Khalifes et de leurs ministres). Téhéran, 1934.
Наршахи, пер. Фрая.— The History of Bukhara. Transl. from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi R. N. Frye. Cambridge, 1954.
Нешри. Джахан-нума.— *Neşri Mehmed.* Kitab-i cihan-nüma. Hazırlayan F. R. Unal ve M. A. Köymen. Ankara, 1949.
Нузхат ал-кулуб.— The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub Composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin. Transl. by G. Le Strange. Leyden, 1919.
Огуз-наме.— Oguz-name ja hud seldjuk-name. Neşri N. Asim. [Б. м., б. г.].
Османские хроники.— Osmanli tarihleri. Cilt I. Istanbul, 1949.
Раванди. Рахат.— The Rahat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur, Being a History of the Saljuqs by Muhammad ibn Ali ibn Sulayman al-Rawandi, ed. by M. Iqbal. Leyden — London, 1921.

Радлов. Кудатку Билик.— *Radloff W.* Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass Hadschib aus Balasagun. Bd. I—II. SPb., 1891.
Рахат ас-судур.— Rahat-üs-südür ve ayet-üs-sürür. Yazan Muhammed er-Ravendi. Ankara, 1960.
Рашид ад-Дин, изд. Атеша.— *Raşid al-Din Fazlallah.* Cami al-tavarih. Selcuklular tarihi. Ankara, 1960.
Ас-Сам'ани. Ансаб.— The Kitab al-Ansab by Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani. Leiden — London, 1919.
Самарканди. Чахар магала.— Chahar Maqala («The Four Discourses») of Ahmad ibn Umar ibn Ali an-Nizami al-Arudi as-Samarkandi. L., 1927.
Сборник писем.— Fatih devrine ait münşeat mecmuası. Neşredenler N. Lugal, A. Erzi. Istanbul. 1956.
Сибт, изд. Джеветта.— *Sibt ibn al-Jauzi.* Mirat al-Zaman. Ed. J. Jewett. Chicago, 1907.
Сибт, изд. Севима.— Sibt ibnül-Cevzi Şemsuddin Ebu'l Muzaffar Yusuf b. Kızoğlu.. Mir'atüz-zeman fi tarihi'l-ayan. Yayinlayan Ali Sevim. Ankara, 1968.
Ас-Сули. Ахбар.— Akhbar ar-Radi billah wal'-Mutaqibillah, par Mohammed ben Yahya as-Suli. T. I—II. Alger, 1946—1950.
Тазкират ал-мулук.— Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safavid Administaration (circa 1137/1725). L., 1943.
Тарджуман тюрки.— Ein türkisch-arabischer Glossar. Nach der Leidener Handschrift. Hrsg. von M. H. Houtsma. Leiden, 1894.
Туси. Лугат.— *Ali ibn Ahmad Asadi Toosi.* Logat-i fors. A Dictionary in Persish Language. Teheran, 1957.
Туси. Трактат.— Nasir ad-Din Tusi on Finance. Ed. by M. Minovi and V. Minorsky. L., 1950.
Тухфат аз-закийа.— Et-tuhfet üz-zekiye fil-luğat-it-türkiyye. Istanbul, 1945.
Ал-Утби. История.— Histoire de Yemineddoula Mahmoud, fils de Sebectegin. Trad. de l'arabe en persan par Abouscheref Nassih Monschi Djebardecani.— NE. T. IV, 1789—1799.
Фарс-наме.— The Farsnama of Ibnu'l Balkhi. Ed. by G. Le Strange and R. A. Nicholson. L., 1921.
Фраханг-и пахлавик.— Das Frahang-i pahlavik in zeichengemässer Anordnung von F. Junker. Lpz., 1955.
Фульхерий. История.— *Fulcher of Chartres.* A History of the Expedition to Jerusalem. 1095—1123. [Б. м.], 1969.
Ал-Хазини. Зидж.— *Turan O.* İstanbul'un fethinden önce yazilmış tarihi takvimler. Ankara, 1954.
Хайдар. Та'рих.— The Tarikh-i-Rashidi ef Mirza Muhhammad Haidar, Dughlat. L., 1895.
Хайям. Новруз-наме.— *Omar Khayyam.* Novruz Namah. Persian Text. Ed. by M. Minovi. Teheran, 1933.
Хоразми. Мафатих.— *Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusuf.* Liber Mafatih al-olum explicans vocabula technica scientiarum. Ed. G. van Vloten. Lugduni Batavorum, 1895.
Худуд ал-'алам.— Hudud al-'Alam min Mashriq ila al-Maghrib. Ed. by M. Sotoodeh. Teheran, 1962.
Худуд, изд. Шаха.— Hudud al-'Alam. Explained by V. Minorsky with the Preface of V. Barthold. Transl. by Mir Husayn Shah. Kabul, 1963.
Худуд, пер. Минорского.— *Minorsky V.* Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.— 982 A. D. L., 1937.
Ал-Хусайни. Ахбар.— *Sadruddin Ebu'l Hasah Ali ibn Nasir ibn Ali el-Hüseyni.* Ahbar üd-devlet is-selcukiyye. Ankara, 1943.
Ал-Хусайни, изд. Икбала.— *Sadr'uddin Abu'l Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali al-Husayni.* Akhbar ud-dawlat as-saljuqiyya. Ed. by M. Iqbal. Lahor, 1933.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуразаков. Химические типы.— *Абдуразаков А.* Химические типы древних и средневековых стекол Средней Азии.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. 16. Таш., 1970.

Абдураимов. Очерки.— *Абдураимов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Таш., 1970.
Абдураимов. Древние разработки.— *Абдураимов С. А.* Древние разработки полезных ископаемых в северной части Таджикистана (VIII—XII вв.).— Вестник МГУ. Сер. IV. Геология, № 3. М., 1974.
Абрамзон. Киргизы.— *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971.
Агаджанов. Восстание.— *Агаджанов С. Г.* Восстание огузов и падение Восточно-Сельджукского государства. Авторсф. канд. дис. Аш., 1956.
Агаджанов. Новые материалы.— *Агаджанов С. Г.* Новые материалы о происхождении туркмен.— ИАН ТССР СОН. 1963, № 2.
Агаджанов, Юзбашян. К истории.— *Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н.* К истории тюркских набегов на Армению в XI в.— ПС. Вып. 13(76). М., 1965.
Агаджанов. Огузы.— *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969.
Агаджанов. Некоторые проблемы.— *Агаджанов С. Г.* Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии.— ТС. 1970. М., 1970.
Агаджанов. Сельджукиды.— *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв. Аш., 1973.
Агаджанов. Огузская проблема.— *Агаджанов С. Г.* Огузская проблема и задачи ее изучения.— ТС. 1973, М., 1975.
Агаджанов. Зарубежные тенденции.— *Агаджанов С. Г.* Зарубежные историко-политические тенденции в освещении сельджукской проблемы.— Вопросы современной идеологической борьбы. Аш., 1976.
Агаджанов. Средневековые этимологии.— *Агаджанов С. Г.* Средневековые этимологии названия «туркмен».— Проблемы этногенеза туркменского народа. Аш., 1977.
Агаджанов. К этнической истории.— *Агаджанов С. Г.* К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана.— ИАН ТССР СОН. 1977, № 4.
Агаджанов. Этническая история.— *Агаджанов С. Г.* Этническая история огузов Средней Азии и Казахстана.— Проблемы современной тюркологии. А.-А., 1980.
Агаджанов. Этногенетические процессы.— *Агаджанов С. Г., Андрианов Б. В., Левина Л. М.* Этногенетические процессы в Юго-Восточном Приаралье в I в. н. э.— Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988.
Агеева, Пацевич. Из истории.— *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР. Т. V. А.-А., 1958.
Адыков. Станции.— *Адыков К. А.* Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв (по археологическим данным).— СА. 1959, № 4.
Андрианов. Оросительные системы.— *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
Андрианов, Мухамеджанов. К изучению.— *Андрианов Б. В., Мухаммеджанов А. Р.* К изучению истории орошения Средней Азии.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. 14. Таш., 1978.
Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов. Средневековые памятники.— *Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.* Средневековые памятники Сурхандарьи. Таш., 1982.
Атагаррыев. Материальная культура.— *Атагаррыев Е.* Материальная культура Шехр Ислама. Аш., 1973.
Атагаррыев. Дехистан.— *Атагаррыев Е.* Средневековый Дехистан. Л., 1986.
Байпаков. Городская культура.— *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI — начале XVIII вв. Автореф. докт. дис. М., 1985.
Байрамова. Халиф.— *Байрамова Н. К.* Халиф ан-Насир ли-диниллах и футувва.— Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, № 2. Баку, 1981.
Бартольд. Археологические работы.— *Бартольд В. В.* По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.— Сообщения ГАИМК. Л., 1926.

Бартольд. Надпись.— *Бартольд В. В.* Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче.— Сочинения. Т. IV. М., 1966.
Бартольд. Санджар.— *Бартольд В. В.* Султан Санджар и гузы.— Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964.
Бартольд. Кара-китаи.— *Бартольд В. В.* Кара-китаи.— Сочинения. Т. V. М., 1968.
Бартольд. История изучения.— *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. IX. М., 1977.
Бартольд. Критика.— *Бартольд В. В.* Критика.— Сочинения. Т. VIII. М., 1973.
Бартольд. Мерв.— *Бартольд В. В.* К истории Мерва.— ЗВО. Т. XIX. СПб., 1909.
Бартольд. Бурхан.— *Бартольд В. В.* Бурхан.— Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964.
Бартольд. Орошение.— *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
Бартольд. Очерк.— *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа.— Сочинения. Т. II, ч. 1, М., 1963.
Бартольд. Сведения.— *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
Бартольд. Семиречье.— *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья.— Сочинения. Т. II, ч. 1. М., 1963.
Бартольд. Таджики.— *Бартольд В. В.* Таджики. Исторический очерк.— Сочинения. Т. II, ч. 1, М., 1964.
Бартольд. Туркестан. Ч. I.— *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб., 1898.
Бартольд. Туркестан.— *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. I. М., 1963.
Бартольд. Халиф.— *Бартольд В. В.* Халиф и султан. СПб., 1916.
Безсонов. Переселенцы.— *Безсонов Б. В.* Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915.
Бейлис. Из наблюдений.— *Бейлис В.* Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и поэм Мас'уда ибн Намдара.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М., 1970.
Бейлис. Сочинения Мас'уда ибн Намдара.— *Бейлис В. М.* Сочинения Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и как памятник средневековой арабской литературы. Автореф. докт. дис. Баку, 1975.
Бейлис. Везират.— *Бейлис В. М.* Из истории везирата в период кризиса Сельджукского государства.— Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980.
Беленицкий. Хутталь.— *Беленицкий А. М.* Историко-географический очерк Хутталя.— Материалы по археологии СССР, № 15. М., 1950.
Белова. Зарождение феодализма.— *Белова Н. К.* Зарождение и формирование феодализма в Иране.— Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.
Беляев. Арабские источники.— *Беляев В. И.* Арабские источники по истории туркмен и Туркмении.— МИТТ. Т. I. М.— Л., 1939.
Берадзе. Торговые связи.— *Берадзе Г. Г.* О торговых связях городов Ирана в IX—XII вв.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения. М., 1980.
Бертельс. Персидский.— *Бертельс Е. Э.* Персидский, дари, таджикский.— СЭ. 1950, № 4.
Бертельс. Праздник.— *Бертельс Е. Э.* Праздник джашн-и сада в таджикской поэзии.— Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию А. А. Семенова. Душ., 1953.
Бертельс. Насири Хосров.— *Бертельс А. Е.* Насири Хосров и исмаилизм. М., 1959.
Бертельс. Суфизм.— *Бертельс Е. Э.* Суфизм и суфийская литература.— Избранные труды. М., 1965.
Болдырев. Датировка.— *Болдырев А. Н.* Датировка «Нузхат-намаи Алаи».— Памяти акад. И. Ю. Крачковского. Сб. ст. Л., 1958.

Большаков. Изучение средневекового города.— *Большаков О. Г.* Изучение средневекового города Средней Азии в свете общих проблем истории городов Востока.— Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1969.
Большаков. Некоторые вопросы.— *Большаков О. Г.* Некоторые вопросы изучения средневекового города Средней Азии VIII—XII вв.— КСИВ, № 122. М., 1970.
Большаков. Два вакфа.— *Большаков О. Г.* Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде.— Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1970.
Большаков. Хронология.— *Большаков О. Г.* Хронология восстания Муканны.— История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Борназян. Армения и Сельджуки.— *Борназян С. В.* Армения и Сельджуки в XI—XII вв. Ер., 1980.
Боровков. Заметки.— *Боровков А. К.* Филологические заметки.— Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Сталинабад, 1953.
Босворт. Мусульманские династии.— *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. Пер. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971.
Босворт. Нашествия варваров.— *Босворт К. Э.* Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире.— Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981.
Брагинский. Миниатюры.— *Брагинский И. С.* Двенадцать миниатюр. М., 1966.
Брагинский. Исследования.— *Брагинский И. С.* Исследования по таджикской культуре. М., 1977.
Бубнова. Добыча.— *Бубнова М. А.* Добыча полезных ископаемых в Средней Азии.— Материалы по истории химии и биологии. XIII Международный конгресс по истории науки. М., 1971.
Бубнова. Изучение памятников.— *Бубнова М. А.* Изучение памятников, связанных с горным промыслом на территории Таджикистана в 1970 г.— Археологические работы в Таджикистане. Вып. X. Душ., 1973.
Буллет. История.— *Буллет Р. В.* Религиозно-политическая история Нишапура в XI в.— Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981.
Буниятов. Ширван.— *Буниятов З. М.* Ширван в XII — первой половине XIII в.— Известия АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1975, № 4; 1976, № 2.
Буниятов. Атабеки.— *Буниятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана (1136—1225). Баку, 1978.
Буниятов. Гарс ан-Ни'ма.— *Буниятов З. М.* Гарс ан-Ни'ма и Камал ад-Дин ибн ал-Фувати об истории Караханидов.— ППВ ИФИ. М., 1981.
Буниятов. Хорезмшахи.— *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097—1231). М., 1986.
Буряков. Горное дело.— *Буряков О. Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
Буряков. Историческая топография.— *Буряков О. Ф.* Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Таш., 1975.
Буряков. Караванные пути.— *Буряков О. Ф.* По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Таш., 1975.
Буряков, Косымов, Ростовцев. Археологические памятники.— *Буряков О. Ф., Косымов М. Р., Ростовцев О. М.* Археологические памятники Ташкентской области. Таш., 1973.
Буряков, Маджи. Из истории.— *Буряков О. Ф., Маджи О. Р.* Из истории добычи золота в Ташкентском оазисе.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. XI. Таш., 1974.
Бусенко. Раскопки.— *Бусенко Л. Г.* Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афросиаб.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. VIII. Таш., 1969.
Бусенко. Глазурованная керамика.— *Бусенко Л. Г.* Глазурованная керамика Чача IX—XIII вв. Таш., 1986.
Вазиров. Футувва.—*Вазиров З.* О соотношении футуввата и суфизма.— Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока. Душ., 1983.
Валитова. К вопросу.— *Валитова А. А.* К вопросу о классовой природе Кара-

ханидского государства.— Известия Киргизского филиала АН СССР. Вып. 1. Фрунзе, 1943.
Валитова. Этнонимы.— *Валитова А. А.* Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадку билиг». М., 1964.
Васильев. История.— *Васильев В. В.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII столетия. СПб., 1875.
Викторова. Монголы.— *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
Вильчевский. Абдуль Фазль.— *Вильчевский О. Л.* Абдуль Фазль Хобейш ибн Ибрахим Тифлиси.— СЭ. 1952, № 2.
Вильчевский. Новый источник.— *Вильчевский О. Л.* Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана в X—XI вв.— СВ. 1955, № 1.
Волин. Новый источник.— *Волин С. Л.* Новый источник для изучения хорезмийского языка.— ЗИВ. Вып. VII. Л., 1939.
Воробьев. Чжурчжени.— *Воробьев М. В.* Чжурчжени и государство Цзинь. М., 1975.
Галлицкий, Плоских. Ош.— *Галлицкий В., Плоских В.* Старинный Ош. Фрунзе, 1987.
Гафуров. Имя.— *Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М., 1987.
Гафуров. Таджики.— *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Гейдаров. Уникальный документ.— *Гейдаров М. Х.* Об одном уникальном документе 1355 г. по социальным отношениям в городском ремесле Азербайджана.— Доклады АН АзССР. Т. XXXVI. Баку, 1980.
Гибб. Арабская литература.— *Гибб Х. А. Р.* Арабская литература. Классический период. М., 1960.
Голубовский. Печенеги.— *Голубовский П. И.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
Гордлевский. Государство Сельджукидов.— *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.— Л., 1941.
Городская культура.— Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюзного совещания. А.-А., 1983.
Горячева. Городские центры.— *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид Булан). Фрунзе, 1983.
Гулямов. Орошение.— *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957.
Гумилев. Система.— *Гумилев Л. Н.* Удельно-лествичная система у тюрок.— СЭ. 1959, № 3.
Гумилев. Поиски.— *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства (Легенда о государстве пресвитера Иоанна). М., 1970.
Гурлянд. Степное законодательство.— *Гурлянд А. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие.— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 20, вып. 4—5. Казань, 1904.
Гусейнов. Сельджуки.— *Гусейнов Р. А.* Сельджуки и Закавказье. Автореф. докт. дис. Баку, 1969.
Гусейнов. Султан.— *Гусейнов Р. А.* Султан и халиф.— ПС. Вып. 19(82). М., 1969.
Гусейнов. Сельджукская тематика.— *Гусейнов Р. А.* Сельджукская тематика в современной историографии.— ТС. 1970. М., 1970.
Гусейнов. Тюрки.— *Гусейнов Р. А.* К истории тюрок XI—XII вв.— Труды Института истории АН АзССР. Т. XII, Баку, 1957.
Гусейнов. Институт.— *Гусейнов Р. А.* Институт атабеков.— ПС. Вып. 15(78). М., 1966.
Гусейнов. Военная организация.— *Гусейнов Р. А.* Сельджукская военная организация.— ПС. Вып. 17(80). М., 1967.
Гусейнов. Современное состояние.— *Гусейнов Р. А.* Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы.— ТС. 1973. М., 1975.

Гусейнов. Историография.— *Гусейнов Р. А.* Историография истории Закавказья XI—XII вв.— ТС. 1976, М., 1978.
Гусейнов. Уджи.— *Гусейнов Р. А.* Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI—XII вв.— ТС. 1974. М., 1978.
Гусейнов. Земли.— *Гусейнов Р. А.* Земли уджей (из истории института феодальных пожалований в XI—XII вв.).— Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
Давидович. Нумизматические материалы.— *Давидович Е. А.* Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах.— Труды АН ТаджССР. Т. XVII. Душ., 1954.
Давидович. Город.— *Давидович Е. А.* Город, ремесло, денежное обращение в Средней Азии в период так называемого «серебряного кризиса».— Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.— Л., 1956.
Давидович. О двух каганатах.— *Давидович Е. А.* О двух караханидских каганатах.— НАА. 1968, № 1.
Давидович. Клад.— *Давидович Е. А.* Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник.— ППВ ИФИ. 1968, М., 1970.
Давидович. Монеты Ферганы.— *Давидович Е. А.* Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в.— ППВ ИФИ. М., 1972.
Давидович. Новые данные.— *Давидович Е. А.* Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX—X вв. из Самарканда).— Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М., 1976.
Давидович. О монетах.— *Давидович Е. А.* О монетах дихканов Илака в X — начале XI в. (к методике их интерпретации М. Н. Федоровым).— Древность и средневековье народов Средней Азии. История и культура. М., 1978.
Давидович. Золото.— *Давидович Е. А.* Золото в денежном хозяйстве Средней Азии в IX—XVIII вв.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения. М., 1980.
Древности.— Древности Чарвака. Таш., 1976.
Ершов. Денданакан.— *Ершов С. А.* Денданакан (археологическая разведка у Ташрабата в 1942 г.).— КСИИМК. Вып. 15. М., 1947.
Жуковский. Энвери.— *Жуковский В. А.* Али Аухададдин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883.
Жуковский. Мерв.— *Жуковский В. А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894.
Заднепровский. Росписная керамика.— *Заднепровский Ю. А.* Средневековая росписная керамика Ферганы.— КСИИМК. Вып. 120. М., 1969.
Заходер. Хорасан.— *Заходер Б. Н.* Хорасан и образование государства сельджуков.— ВИ. 1945, № 5—6.
Земли.— Земли древнего орошения. М., 1963.
Икбал. Та'рих.— *Аббас Икбал* Та'рих-и Иран аз садри ислам та истила-и могул. Техран, 1939.
Иностранцев. Коркуд.— *Иностранцев К. А.* Коркуд в истории и легенде.— ЗВО. Т. XX. СПб., 1912.
История Бухары.— История Бухары с древнейших времен до наших дней. Таш., 1976.
История и археология.— История и археология Средней Азии. Аш., 1978.
История Казахстана.— История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. А.-А., 1979.
История Монголии.— История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
История Самарканда.— История Самарканда с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. I. Таш., 1969.
История Таджикистана.— История таджикского народа. Т. II, кн. 1—2. М., 1964.
История Туркмении.— История Туркменской ССР. Т. I, кн. 1. Аш., 1957.
Историческая топография.— К исторической топографии Самарканда. Таш., 1981.
Итина. Основные итоги.— *Итина М. А.* Основные итоги работ Хорезмской

экспедиции в минувшем пятилетии.— Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М., 1977.
Караев. История.— *Караев О.* История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983.
Каэн. Кочевники.— *Каэн Кл.* Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире.— Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981.
Киданьская письменность.— Материалы по дешифровке киданьского письма. Т. I. М.— Л., 1970.
Кочнев. Монетный чекан.— *Кочнев Б. Д.* Монетный чекан Куз-Орду — Баласагуна.— Красная речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе, 1989.
Кочнев. Шаш.— *Кочнев Б. Д.* Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным).— ИМКУ. Вып. 14. М., 1978.
Кочнев. Материалы.— *Кочнев Б. Д.* Нумизматические материалы для характеристики взаимоотношений Караханидов и бухарских садров.— Бартольдовские чтения. 1982. Год шестой. Тезисы докладов и сообщений. М., 1982.
Красная речка.— Красная речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе, 1989.
Крачковский. Арабские географы.— *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература.— Избранные сочинения. Т. IV. М.— Л., 1957.
Кычанов, Литвинский. Рецензия.— *Кычанов Е. И., Литвинский Б. А.* Рецензия на «Историю Казахской ССР» — НАА. 1981, № 6.
Крымский. История Персии.— *Крымский А. Е.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии. М., 1909.
Куглер. История.— *Куглер В.* История крестовых походов. М., 1895.
Кумеков. Государство кимаков.— *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972.
Кун. Культура оазиса.— *Кун Г.* Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи от Кунграда до Чимбая — Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876.
Курпалидис. Икта'.— *Курпалидис Г. М.* Икта' и мульк в официальных документах XII в.— Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
Курпалидис. 'Атабат.—*Курпалидис Г. М.* «Атабат ал — катаба» (документы XII в.) как исторический источник. Автореф. канд. дис. М., 1984.
Ларичев, Тюрюмина. Военное дело.— *Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.* Военное дело у киданей.— История и культура Восточной Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
Лившиц. Согдийские документы.— *Лившиц В. А.* Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. II. М., 1962.
Лунина. Гончарное производство.— *Лунина С. Б.* Гончарное производство Мерва X—XII вв.— Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Аш., 1962.
Лунина. Некоторые результаты.— *Лунина С. Б.* Некоторые результаты археологического изучения средневекового Мерва.— Материалы по истории и археологии Средней Азии. Таш., 1972.
Лунина. Культурные связи.— *Лунина С. Б.* О культурных связях средневекового Мерва.— Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
Лунина. Формы специализации.— *Лунина С. Б.* Формы специализации в средневековом гончарном производстве Средней Азии.— СА. 1981, № 3.
Лунина. Города Южного Согда.— *Лунина С. Б.* Города Южного Согда в VIII—XII вв. Таш., 1984.
Лэмбтон. Аспекты расселения.— *Лэмбтон Э. К. С.* Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране.— Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981.
Литвинский, Мошкова. Изучение.— *Литвинский Б. А., Мошкова В. Г.* Изучение Така-Языра, Дуруна.— Труды ЮТАКЭ. Т. I. Аш., 1949.
Макаров. Записки.— Записки о реке Атрек капитана I ранга флигель-адъютанта Макарова.— Сборник географических и статистических материалов по Азии. Вып. XV. СПб., 1885.
Малявкин. Материалы.— *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров IX—XII вв.— История и культура Восточной Азии. Т. II. Новосибирск, 1974.

Марголин. Еврейские путешественники.— *Марголин П.* Три еврейских путешественника XI и XII столетий. СПб., 1881.
Маркарян. Некоторые сведения.— *Маркарян С. А.* Некоторые сведения армянских историков XI—XIII вв. о тюрках-сельджуках.— Вестник общественных наук АН АрмССР. 1981, № 12.
Маркарян. Общественно-политические изменения.— *Маркарян С. А.* Общественно-политические изменения в Иране в эпоху «Великих Сельджуков» (1038—1092 гг.). Автореф. канд. дис. Тб., 1984.
Массон. Средневековые пути.— *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр.— Труды ЮТАКЭ. Т. XIII. Аш., 1966.
Массон. Старина.— *Массон М. Е.* Дарганатинская старина.— Сборник, посвященный памяти М. С. Андреева. Сталинабад, 1960.
Массон. Прошлое.— *Массон М. Е.* Прошлое Самаркандского Даргома.— Общественные науки в Узбекистане. 1976, № 7.
Массон. Намогильные кирпичи.— *Массон М. Е.* Намогильные кирпичи из Марыйского оазиса.— ЭВ. Вып. VIII. М.— Л., 1953.
Материалы по археологии.— Материалы по археологии Мерва. Аш., 1978.
Материалы.— Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.
Махкамова. К истории.— *Махкамова С. М.* К истории ткачества в Средней Азии.— Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Таш., 1983.
Машкур. Та'рих.— *Мухаммад Джавад Машкур.* Та'рих-и Иранзамин. Техран, 1977.
Мейер. Средневековая история.— *Мейер М. С.* Средневековая история Турции в современной историографии.— Великий Октябрь и Турция. Сб ст. Тб., 1982.
Мередов. Литература.— *Мередов А.* Селджуклар деврунин эдебиятынын тарыхындан. Ашгабат, 1968.
Михайлова. Народные движения.— *Михайлова И. Б.* Народные движения в Багдаде в X—XII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1983.
Муродов, Полякова. Трансформация.— *Муродов О. М., Полякова Е. А.* Трансформация мифологических и легендарных образов в таджикско-персидских хрониках XI—XV вв. Душ., 1986.
Мусаев. Сочинение Ибн Биби.— *Мусаев Х. М.* Сочинение Ибн Биби как источник по истории анатолийских Сельджукидов. Автореф. канд. дис. Баку, 1972.
Мусульманский мир.— Мусульманский мир. 950—1150. Сборник переводов. М., 1981.
Мухаммад Раванди. Та'рих.— *Раванди Мухаммад.* Та'рих-и иджтима'и Иран. Т. I—III. Техран, 1341 х.
Мухамеджанов. О землях.— *Мухамеджанов А. Р.* О землях древнего орошения Бухарского оазиса.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. Таш., 1975.
Надирадзе. Община.— *Надирадзе Л. И.* Община на территории Восточного Халифата в VII—IX вв.— Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.
Надирадзе. Вопросы.— *Надирадзе Л. И.* Вопросы общественно-экономического строя государства арабов и халифата в VII—IX вв.— Историография стран Востока. М., 1969.
Надирадзе. Проблемы.— *Надирадзе Л. И.* Проблемы института икта в Арабском Халифате.— История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973.
Надирадзе. Мульковое землевладение.— *Надирадзе Л. И.* Проблемы мулькового землевладения в завоеванных арабами странах.— Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. М., 1975.
Нафиси. Та'рих.— *Нафиси Са'ид.* Тар'их-и назм ва наср ба Иран ва дар забан-и фарси. Техран, 1344 х.
Негматов. Государство Саманидов.— *Негматов Н. Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX—X вв.). Душ., 1977.
Немцева. Рабат-и Малик.— *Немцева Н. Б.* Рабат-и Малик.— Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Таш., 1983.
Неразик, Савицкий, Манылов. Раскопки.— *Неразик Е. Е., Савицкий И. В.,*

Манылов Ю. П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхоре в 1970 г.— Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1974, № 2.
Неразик. Жилища.— *Неразик Е. Е.* Сельские жилища в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
Новосельцев. Некоторые проблемы.— *Новосельцев А. П.* Некоторые проблемы историографии древнего и средневекового Закавказья.— ВИ. 1982, № 3.
Очерки земледелия.— Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (с древнейших времен до присоединения к России). Аш., 1971.
Певзнер. Арабские надписи.— *Певзнер С. Б.* О двух арабских надписях из раскопок в Мерве.— ЭВ. Вып. IX. М.— Л., 1954.
Петрушевский. Земледелие.— *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.— Л., 1960.
Петрушевский. Ислам.— *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XIV вв. Л., 1966.
Петрушевский. Маздакиты.— *Петрушевский И. П.* К истории маздакитов в эпоху господства ислама.— НАА. 1970, № 5.
Пидаев. Стекло.— *Пидаев И. Р.* Стекло средневекового Термеза.— Общественные науки в Узбекистане. 1986, № 2.
Пиков. Некоторые вопросы.— *Пиков Г. Г.* Некоторые вопросы экономики западных киданей.— История и культура Восточной Азии. Новосибирск,, 1980.
Пиков. Буддизм.— *Пиков Г. Г.* Буддизм в государстве киданей.— Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 1. Новосибирск, 1980.
Полякова. О некоторых проявлениях.— *Полякова Е. А.* О некоторых проявлениях демократических тенденций в персоязычных источниках XI в.— Общественные науки в Узбекистане. 1982, № 11.
Пугаченкова. Пути развития.— *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
Пэрлэ. Киданьские города.— *Пэрлэ А.* Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики.— Монгольский археологический сборник. М., 1962.
Ромаскевич. Персидские источники.— *Ромаскевич А. А.* Персидские источники по истории туркмен и Туркмении.— МИТТ. Т. I. М.— Л., 1939.
Росляков. Из истории.— *Росляков А. А.* Из истории военного искусства туркмен (Организация преследования в войнах туркмен в XI—XII вв.).— Труды Ашхабадского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. Вып. I. Аш., 1947.
Росляков. Первые Сельджукиды.— *Росляков А. А.* Первые Сельджукиды.— Известия Туркменского филиала АН СССР. 1951, № 3.
Росляков. Туркмены.— *Росляков А. А.* Туркмены и огузы.— Уч. зап. Туркменского гос. ун-та. Вып. 3. Аш., 1956.
Сайко. Техника и технология.— *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
Сайпанов. Хорезмшахи.— *Сайпанов Б. С.* Образование государства Хорезмшахов-Ануштегинидов.— Проблемы истории СССР. Вып. 1. М., 1977.
Салихов. Издания.— *Салихов М.* Издания «Истории Бейхаки» — памятника раннеперсидской и таджикской прозы.— Уч. зап. ЛГУ. № 396. Серия востоковедных наук. Л., 1967.
Сверчевская. Краткий обзор.— *Сверчевская А. К.* Краткий обзор работ по истории Турции (1970—1976 гг.).— Великий Октябрь и Турция. Сб. ст. Тб., 1982.
Семенов. Древности.— *Семенов А. А.* Древности Абивердского района.— Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Сер. II. Вып. 9. Таш., 1931.
Средневековый город.— *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большакова О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Стасюлевич. История.— *Стасюлевич М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. М., 1902.
Строева. Движение исмаилитов.— *Строева Л. В.* Движение исмаилитов в Исфахане в 1100—1107 гг.— Вестник МГУ. 1962, № 14.
Строева. К вопросу.— *Строева Л. В.* К вопросу о социальной природе ис-

маилитского движения в Иране в XI—XII вв.— Вестник ЛГУ. 1963, № 20.
Строева. Восстание исмаилитов.— *Строева Л. В.* Восстание исмаилитов в Иране на грани XI—XII вв.— Исследования по истории стран Востока. Л., 1964.
Строева. Государство.— *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в XI—XIII вв. М., 1978.
Сухарева. Очерки.— *Сухарева О. А.* Очерки по истории среднеазиатских городов.— История и культура Средней Азии. М., 1976.
Тагиев. Раваткалинская плотина.— *Тагиев М.* Раваткалинская плотина и ее значение для орошения Самаркандского оазиса.— Общественные науки в Узбекистане. 1970, № 9.
Ташкент.— Древний Ташкент. Таш., 1976.
Триминґэм. Суфийские ордены.— *Триминґэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. и коммент. О. Ф. Акимушкина. М., 1989.
Трепавлов. Преемственность.— *Трепавлов В. В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в. Автореф. канд. дис. М., 1987.
Толстов. Пережитки тотемизма.— *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— Проблемы истории докапиталистических общества. М.— Л., 1930, № 9—10.
Толстов. По следам.— *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Толстов. Огузы.— *Толстов С. П.* Огузы, печенеги, море Даукара.— СЭ. 1950, № 4.
Удович. Кредит.— *Удович А. Л.* Кредит как средство инвестирования в средневековой мусульманской торговле.— Доклады V Международной конференции экономических наук. М., 1970.
Усманова. Текстильное производство — *Усманова М. Ю.* История текстильного производства в Средней Азии в IX—X вв. Автореф. канд. дис. Таш., 1989.
Усманова, Кабанов. К стратиграфии.— *Усманова З. И., Кабанов С. К.* К стратиграфии верхних наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. XII. Таш., 1975.
Успенский. Движение.— *Успенский Ф.* Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу в XIII—XIV вв.— ВВ. Т. II. М.— Л., 1949.
Фан ден Берг. Начала.— *Фан ден Берг.* Основные начала мусульманского права. Учение имамов Абу Ханифы и Шафии. СПб., 1882.
Фалсафи. Чänд магала.— *Фалсафи Н.* Чänд магала-йи тарихи ва адаби. Техран, 1342 х.
Фахретдинова. Ювелирное искусство.— *Фахретдинова Д. Л.* Ювелирное искусство Мавераннахра.— Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Таш., 1983.
Федоров. К вопросу.— *Федоров М. П.* К вопросу о «серебряном кризисе» и некоторые особенности денежного обращения в государстве «Великих Сельджуков».— СА. 1971, № 1.
Федоров. Исторические судьбы.— *Федоров М. Н.* К вопросу об исторических судьбах дихкан при Караханидах (по данным караханидской нумизматики).— СА. 1975, № 1.
Федоров. Очерк истории.— *Федоров М. Н.* Очерк истории восточных Караханидов конца X — начала XIII в. по нумизматическим данным.— Киргизия при караханидах. Фрунзе, 1983.
Филанович. Ташкентский оазис.— *Филанович М. И.* Ташкентский оазис. Зарождение и развитие городской культуры. Таш., 1983.
Фрейман. Согдийская надпись.— *Фрейман А. А.* Согдийская надпись из Мерва.— ЗИВ. Вып. VII. Л., 1939.
Фрейман. Хорезмийский язык.— *Фрейман А. А.* Хорезмийский язык. Материалы и исследования. Т. I. М.— Л., 1951.
Хабибуллаев. Бумажное производство.— *Хабибуллаев Н. Н.* Бумажное производство в Средней Азии (период феодализма). Автореф. канд. дис. Таш., 1988.

Хасанайн. Саладжика.— *'Абд ан-На'им Мухаммад Хасанайн.* Саладжика Ирана-л-'Ирак. Ал-Кахира, 1959.
Хатиби. Источники.— *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII—XIV вв. Аш., 1985.
Хинц. Мусульманские меры.— *Хинц В.* Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.
Ходжаниязов. Денежное обращение.— *Ходжаниязов Т.* Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков (по данным нумизматики). Аш., 1977.
Ходжаниязов. Каталог.— *Ходжаниязов Т.* Каталог монет Великих Сельджукидов. Аш., 1979.
Ходжаниязов. Монеты.— *Ходжаниязов Т.* Монеты Хорезмшахов.— ЭВ. 1971, вып. IX, № 4—5.
Ходжаниязов. Раскопки.— *Ходжаниязов Т.* Раскопки объектов сельджукской эпохи в Старом Мерве.— Мерв в древней и средневековой истории Востока. Аш., 1990.
Хусайн. Та'рих ал-'Ирак.— *Амин Хусайн.* Та'рих ал-'Ирак фи-л-аср ас-Салджуки. Багдад, 1965.
Чакрян. Сельджукское завоевание.— *Чакрян А. А.* Сельджукское завоевание Малой Азии. Автореф. канд. дис. Ер., 1990.
Чехович. Земельная собственность.— *Чехович О. Д.* К проблеме земельной собственности в феодальной Средней Азии.— Общественные науки в Узбекистане. 1976, № 11.
Чехович. К вопросу.— *Чехович О. Д.* К вопросу о единстве исторического процесса развития средневековых городов.— Общественные науки в Узбекистане. 1976, № 4.
Чехович. Бартольд.— *Чехович О. Д.* Бартольд и пути дальнейших исследований проблемы милька.— Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
Шаматова. Гардизи.— *Шаматова А.* Историко-филологическое значение памятника историографии XI в. «Зайн ал-ахбар» Гардизи.— Вопросы востоковедения. Сборник научных трудов. Таш., 1981.
Шенгелия. Сельджуки.— *Шенгелия Н. Н.* Сельджуки и Грузия в XI в. Тб., 1968.
Шенгелия. Грузинские историки.— *Шенгелия Н. Н.* Грузинские историки XI—XII вв. о сельджуках.— ТС. 1973. М., 1975.
Шишкина. Ремесленная продукция.— *Шишкина Г. В.* Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло, керамика. Вторая половина VII—XIII в. Таш., 1986.
Шлоссер. Всемирная история.— *Шлоссер Ф.* Всемирная история.— Т. I—II. СПб.— М., 1870.
Шойтов. Джаванмарди.— *Шойтов А.* Джаванмарди в персидском дастане.— Классическая литература Востока. М., 1972.
Юнусов. История.— *Юнусов А. С.* История военного дела в Азербайджане в IX — начале XIII в. Автореф. канд. дис. Баку, 1986.
Якубовский. Махмуд Газневи.— *Якубовский А. Ю.* Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства.— «Фердовси». Сб. ст. Л., 1934.
Якубовский. Сельджукское движение.— *Якубовский А. Ю.* Сельджукское движение и туркмены в VIII—X вв.— СЭ. 1947, № 4.
Агаджанов. Основные проблемы.— *Agadzhanov S. G., Karryev. A.* Some Basic Problems of the Ethnogenesis of the Turkmen.— The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Stepes. The Hague—Paris, 1978.
Аллан. Технология металла.— *Allan I. W.* Persian Metal Technology 700—1300 A. D. L., 1979.
'Али Тархан. Икта'.— *Ibrahim Ali Tarkhan.* Al-Nazm al-iqta' fi al-Shark al-Awsat fi Qurun al-Wusta. Al-Kahira, 1968.
Амин. Акт.— *Amin M. M.* Une acte foundation the waqf par une Chretienne.— JESHO. Vol. VIII. Pt 1. Leiden, 1975.

Биндер. Теория ал-Газали.— *Binder L.* Al-Ghazali's Theory of Islamic Government.— The Muslim World. 1955.
Банг. Тюркологические письма.— *Bang W.* Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarishen Institut.— Ungarische Jahrbücher. Bd. X, H. 1—2. B. und Lpz., 1930.
Банг, Габэн. Исследования.— *Bang W.* und A. *von Gabain.* Uigurische Studien.— Ungarische Jahrbücher. Bd. X, H. 3. Lpz., 1930.
Бангуоглу. Огузы.— *Banguoğlu T.* Oğuzlar ve oguzeli üzerine.— TDAVB. 1950, № 180.
Бауэн. Замстки.— *Bowen H.* Notes on Some Early Saljuqid Vizires.— BSOAS. Vol. XX, 1957.
Бержерон. Путешествия.— *Bergeron P.* Voyages faits principalement en Asie Centrale. T. 1. La Haye, 1835.
Беккер. Исследования.— *Becker C. H.* Islamstudien. Bd. I. Lpz., 1924.
Белэн. Система.— *Belin M.* De régime des fiefs militaires dans l'islamisme, et principalement en Turquie.— JA. T. XV, № 56, 1870.
Блох. Харави.— *Bloch E.* Harawis Schrift über die muhammedanischen Wallfahrtsorte, eine der Quellen des Jaqut. Bonn, 1929.
Бойл. Комментарий Минорского.— *Boyle J. A.* Minorsky's Marginal Commentary on Houdas's Translation of Nasawi's Life of Sultan Jalal-ad-Din.— Yadname-ye iraiye Minorsky. Teheran, 1969.
Босворт. Дейлемиты.— *Bosworth C.* Dailamits in Central Iran: the Kakuyids of Jibal and Yazd.— Iran. T. VIII. L., 1970.
Босворт. Последние Газневиды.— *Bosworth C. E.* The Later Ghaznevids Splendour and Decay. N. Y., 1977.
Босворт. Военная организация.— *Bosworth C. E.* Ghaznevid Military Organization.— DI. Bd XXXVI. H. 1—2. 1960.
Босворт. Газневиды.— *Bosworth C. E.* The Ghaznavids: their Empire in Afghanistan and Eastern Iran. Edinburgh, 1963.
Босворт. Зийариды.— *Bosworth C. E.* On the Chronology of the Ziyarids in Gurgan and Tabaristan.— DI. Bd XI. B.. 1964.
Брайс. Тюркская колонизация.— *Brice W. C.* The Turkish Colonization of Anatolia.— Bulletin of the John Rylands Library. Vol. 38, № 1. Manchester, 1955.
Браун. Рукопись «Истории сельджукидов».— *Browne E. G.* Account of a Rare, If Not Unique, Manuscript History of Seljugs.— Journal of the Royal Academy of Science. L., 1909.
Бретшнейдер. Замстки.— *Bretschneider E.* Notices of the Medieval Geography and History of Central and Western Asia. L., 1876.
Бретшнейдер. Изыскания.— *Bretschneider E.* Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. L., 1910.
Брокельман. Арабская литературы.— *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Literatur. Bd. I—II. Weimar—Berlin, 1898—1902.
Брокельман. Словарь.— *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kasgari's Divan Lugat at-Türk. Lpz., 1928.
Броссе. История.— Histoire de la Géorgie. Trad. du géorgien par M. Brosset. T. I—II. P., 1849.
Буллет. Рецензия.— *Bullet R. W.* Critique.— Speculum. A Journal of Medieval Studies. Vol. 58, № 3. Cambridge, 1982.
Буллет. Аристократия Нишапура.— *Bullet R. W.* The Patricians of Nishapur. Cambridge, 1972.
Вайнбергер. Библиографические словари.— *Weinberger I.* The Autorship of Two Twelfth Century Transoxanian Biographical Dictionnaries.— Arabica. Revue d'Etudes Arabes. T. XXXIII. 1986.
Ван Бершам. Земельная собственность.— *Max van Berchem.* La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes. Genève, 1886.
Врионис. Закат эллинизма.— *Vryonis S.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and Process of Islamization. Berkely and Los Angeles, 1971.
Витфогель. История.— *Wittfogel L.* and *Feng Chia-Seng.* History of Chinese Society Liao. Philadelphia, 1949.
Габриэлли. Арабские историки.— Arab Historians of the Grusades. Selected

and Translated from the Arabic Sources by F. Gabrielli. Berkely and Los Angeles, 1969.
Габэн. Уйгурское княжество.— *Gabain A.* Das Uigurische Königreich von Chotscho (850—1250). B., 1960.
Гибб. Исламская биография.— *Gibb H. A. R.* Islamic Biographical Literature.— HME. L.. 1962.
Гойтейн. Письма.— *Goitein S. D.* Letters of Medieval Jewish Traders. Princeton, 1973.
Гоулден. Миграция огузов.— *Golden P. B.* The Migrations of the Oguz.— Archivum Ottomanicum. IV. N. Y., 1972.
Гриньячи. Военные слуги.— *Gringnaschi M.* Les guerriers domestiques dans la féodalité turque.— IV TK. Ankara, 1961.
Груссэ. Империя.— *Grousset R.* L'Empire des Steppes. P., 1941.
Гюналтай. Причины заката.— *Günaltay R.* Islam dünyasının inhitât sebebi Selçuk istilâsi midir? — I TTK. Istanbul, 1943.
Даннел. Этногенез тангутов.— *Dunell R. W.* Who Are Tanqut Ethnogenesis and the Ethnonym Tanqut.— Journal of Asian History. Vol. XVIII. № 1. Wiesbaden, 1984.
Джаферогlу. Культ лошади.— *Caferoğlu A.* Türk onomastiğinde «at» kültü.— TM. Cilt X, 1953.
Дейбер. Сиван.— *Daiber H.* Der Siwan al-Hikma und Abu Sulaiman al-Mantiqi as-Sigistani in der Forschung.— Arabica. T. XXXI, fasc. 1, 1984.
Де Куртейль. Словарь.— *Pavet de Courteille.* Dictionnaire türk-oriental. P., 1870.
Зайончковский. Характеристика.— *Zajaczkowski A.* Charakteristyka turkow w swietle pismiennictwa arabskiego w sredniowieczu.— Rozprawy Komisji Orientalistycznej. Warszawa, 1952, № 4.
Закат Аббасидского халифата.— The Eclipse of the Abbasid Caliphate. Vol. I—VIII. Ox., 1920—1921.
Залеман. Сельджукский стих.— *Salemann C.* Noch einmal die seldschukischen Verse.— BAI. Bd. II, 1892.
Икбал. Везират.— *Eghbal A.* Le ministère pendant la période des grands rois Saldjuqides. Téhéran, 1959.
Искандар. Марвази.— *Iskandar A. L.* A Doctor's Book an Zoology: al-Marwazi's Taba'i' al-hayawan (Nature of Animals) Re-assissed.— Oriens. Vol. XXVII—XXVIII, 1981.
История Индии.— The History of India. As Told by Its Own Historians. Ed. by H. Elliot and J. Dowson. Vol. I—VIII. L., 1867—1877.
Исфаханиан. Военная организация.— *Esfahanian M.* Organisation militaire sous les Seljouqides.— Barrasiha-ye tarihi. Vol. 5, № 48. Teheran, 1973.
Йинанч. История Турции.— *Yinanç M. H.* Türkiye tarihi. Selçuklular devri. Anadolunun fethi. Istanbul, 1944.
Кадр. Два документа.— *Khadr M.* Deux actes de wakfs d'un Garahanide d'Asie Centrale.— JA. T. CCLV, 1967.
Калдэр. Закат.— *Calder M.* Zakat in Imami Shi'i Jurisprudence, from the Tenth to the Sixteenth Century A. D.— BSOAS. Vol. XLIV. Pt 3, 1981.
Кальмар. Шиизм.— *Calmard J.* Le chiisme imamite en Irak à l'époque Seldjokide.— Le Monde iranien et l'islam. T. I. Genève—Paris, 1971.
Кара. Критика.— *Kara G.* Critica.— Acta Orientalia Hungarica. T. XXVI, facs. 1. Budapest, 1972.
Кафесоглу. Маликшах.— *Kafesoğlu I.* Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu imparatorluğu. Istanbul, 1953.
Кафесоглу. Хорезмшахи.— *Kafesoğlu I.* Harezmşahlar devleti tarihi. Ankara, 1956.
Кафесоглу. Имя «туркмен».— *Kafesoğlu I.* A propos du nom turkmen.— Oriens. Vol. XI, № 1—2. Leiden, 1958.
Каэн. Дийарбакр.— *Cahen Cl.* De Diyar Bakr au temps des premiers Urtukides.— JA. T. CCXXVII. 1935.
Каэн. Главные линии.— *Cahen Cl.* Les grandes lignes de l'histoire du XI siècle.— Actes du XXe Congrès Internationales des Orientalistes. Bruxelles, 1938.

Каэн. Первое проникновение тюрок.— *Cahen Cl.* La première pénétration turque en Asie Mineure.— Byzantion, XVIII. Bruxelles, 1946—1948.
Каэн. Малик-наме.— *Cahen Cl.* Le Malik-nameh et l'histoire des origines Seldjucides.— Oriens. Vol. II. Leiden. 1949.
Каэн. Эволюция.— *Cahen Cl.* L'évolution de l'iqta du IX au XIII siècle.— Annales. Economies—Sociétés—Civilisation. T. VIII, № 1, 1953.
Каэн. Тюркское вторжение.— *Cahen Cl.* The Turkish Invasion: The Seldchukids.— A History of Crusades. Vol. I. L., 1955.
Каэн. Заметки.— *Cahen Cl.* Notes sur l'histoire de la himaya.— Mélanges Louis Massignon. Vol. I. Damas, 1955—1957.
Каэн. Народные движения.— *Cahen Cl.* Mouvements populaires et autonomisme urbain dans L'Asie musulmane du Moyen âge. Leiden, 1958.
Каэн. Термин «феодализм».— *Cahen Cl.* Reflexion sur l'usage du mot de «feudalité». A propos d'un livre récent.— JESHO. Vol. III, pt II, 1960.
Каэн. Сельджукиды.— *Kahen Cl.* Seldjukides, Turkomans et Allemands au temps de la troisième croisade.— WZKM. Bd LVI, 1960.
Каэн. Поход Алп Арслана.— *Cahen Cl.* Une campagne du Seldjucide Alp-Arslan en Georgie.— Bedi Kartlisa (Revue de Kartvelologie), XLI—XLII. P., 1962.
Каэн. Сельджукская историография.— *Kahen Cl.* The Historiography of the Saldjuqid Period.— HME. L., 1962.
Каэн. Северо-Западный Иран.— *Cahen Cl.* L'Iran du Nord-Ouest face à l'expansion Seldjukide, d'après une cource inédite.— Mélanges d'orientalisme offerts à H. Massé. Téhéran, 1963.
Каэн. Кутлумыш.— *Cahen Cl.* Qutlumush et ses fils avant l'Asie Mineure.— DI. Bd 39. B., 1964.
Каэн. Дооттоманская Турция.— *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History. L., 1968.
Каэн. Арабская историография.— *Cahen Cl.* L'Historiographie arabe: des origines au VIIe S. H.— Arabica. Revue d'étures Arabes. T. XXXIII, fasc. 2. Leiden. 1986.
Кёймен. Сельджукские источники.— *Köymen M. A.* Selçuklu devri kaynaklarına dair araştırmalar.— Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt VIII, sayi 4. Ankara, 1949.
Кёймен. История Сельджукидов.— *Köymen M. A.* Büyük Selçuklu imparatorluğu tarihi. Cilt II. Ankara, 1954.
Кёймен. Источники.— *Köymen M. F.* Anadolu Selçuklulari tarihinin yerli kaynakları.— TTKB. Cilt VII, № 27, 1943.
Кёймен. История тюрок.— *Köymen M. A.* Selçuklu devri türk tarihi. Ankara, 1963.
Кёймен. Восстание огузов.— *Köymen M. A.* Büyük Selçuklular Impapatorluğunda Oğuz isyani.— Ankara Universitesi Dil ve Tarih-Goğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt V, sayi 2. Ankara, 1947.
Кёймен. Источник.— *Köymen M. A.* Büyük Selçuklu imparatoru Melikşah devrinde dair bir eser münasibetiyle.— TTKB. Cilt XVII, № 68, 1953.
Клаусснер. Сельджукский везират.— *Klausner K. L.* The Seljuk Vezirat. A Study of Civil Administration. 1055—1194. [Б. м.], 1973.
Клосон. Тюрки.— *Clauson G.* Turks, Mongols, Tungus.— Asia Major. Vol. VIII, 1960, № 5.
Клосон. Тюрки и волки.— *Clauson G.* Turks and Wolves.— Studia Orientalia. Helsinki, 1964.
Кёпрюлю. Титулатура.— *Köprülü M. F.* Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur.— KCsA. Bd. I, H. 1. Budapest, 1938.
Кёпрюлю. Источники.— *Köprülü M. F.* Anadolu Selçukluları tarihinin yerli kaynakları.— TTKB. Cilt VII, № 28, 1943.
Кёпрюлю. Племя кай.— *Köprülü M. F.* Kay kabilesi hakkında yeni notlar.— TTKB. Cilt VIII, № 31, 1944.
Коркмаз. Вопрос.— *Korkmaz Z.* Die Frage des Verhältnisses der anatolischen Mundarten zu ihrer ethnischen Struktur.— Geschichte und Kultur der Altaische Völker. B., 1974.
Краткая энциклопедия.— Shorter Encyclopaedia of Islam. Leyden—London, 1961.
Кремер. Мусульманская география.— *Kremer I. H.* Islamic Geography and

Commercy.— The Iranian World and the West A. D. 622—1492. N. Y.— L., 1970.
Кембриджская история.— The Cambridge History of Iran. Vol. V. The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge, 1968.
Лабиб. Экономическая история.— *Labib M.* Texte zur Wirtschaftgeschichte Aguiptens im Mittelalter.— DI. Bd 35, 1960.
Лазар. Язык.— *Lazard G.* La langue plus anciens monuments de la prose persane. P., 1963.
Лаус. Политические идеи.— *Laoust A.* La pensée et l'action politiques d'al-Mavardi.— BSOAS. Vol. 24, 1961.
Локкегор. Налоги.— *Lokkegaard F.* Islamic Taxation in the Classic Period. Cambridge, 1950.
Лэмбтон. Помещики и крестьяне.— *Lambton A. K. S.* Landlord and Peasant in Persia. L., 1953.
Лэмбтон. Теория правления.— *Lambton A. K. S.* The Theory of Kingship in the Nasihat ul-muluk of Gazali.— The Islamic Quarterly. L., 1954, № 1.
Лэмбтон. Административное устройство.— *Lambton A. K. S.* The Administration of Sanjar's Empire as Illustrated in the «Atabat al-Kataba».— BSOAS. Vol. XX, 1957.
Лэмбтон. Торговцы.— *Lambton A. K. S.* The Merchants in Medieval Islam.— A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. L., 1962.
Лэмбтон. Персидская биография.— *Lambton A. K. S.* Persian Biographical Literature.— HME. L., 1962.
Лэмбтон. Размышление.— *Lambton A. K. S.* Reflection on the Iqta.— Arabic and Islamic Studies in Honour of H. A. Gibb. Leiden, 1965.
Лэмбтон. Персидская теория.— *Lambton K. A. S.* Persian Theory of Kingship.— Theory and Practice in Medieval Persian Government. L., 1980.
Лэн-Пуль. Монеты.— *Lane Poole St.* The Coins of the Turkoman Houses of the Seljook, Urtuk. Zengee etc. in the British Museum. L., 1877.
Ле Стрэндж. Халифат.— *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930.
Маделунг. Фатимиды.— *Madelung W.* Fatimiden und Bahrainqarmaten.— DI. Bd 34, 1959.
Майлс. Нумизматическая история.— *Miles G.* The Numismatic History of Rayy. N. Y., 1938.
Мак Ивэн. Персидский текст.— *McEwen E.* Persian Archery Texts: Chapitres Eleven of Fakhr-i Mudabbir's Adab al-Harb.— The Islamic Quarterly. Vol. XVIII. 1980, № 3—4.
Макдиси. Халиф и султан.—*Makdisi G.* Les rapports entre calife et sultan à l'époque Saljucide.— International Journal of Middle East Studies. Vol. VI, № 2. Cambridge, 1975.
Малкольм. История Персии.— *Malkolm J.* Geschichte von Persien von dem frühesten Zeiten bis zu den neuesten nach morgenländischen Quellen. Stuttgart und Tübingen, 1830.
Маркварт. Хронология.— *Marquart I.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Lpz., 1898.
Маркварт. Команы.— *Marquart I.* Über das Volkstum der Komanen. B., 1915.
Марке. Ихван ас-сафа.— *Marquet Y.* Ihwan al-safa, Ismailites et Qarmates.— Arabica. Revue des Etudes Arabes. T. XXIV, facs. 3. Leiden, 1977.
Машкур. Туркан-гуз.— *Mashkour M. D.* Qhoz-Turks and their Immigration to the Iran.— Barrasiha-ye Tarihi. Historical Studies of Iran. Teheran, 1970.
Мейер. Абу Са'ид.— *Meier F.* Abu Said-i Abul-Hayr (967—1049). Wirklichkeit und Legenden. Teheran, 1976.
Мейерхоф. Ал-Байхаки.— *Meierhoff M.* Ali al-Bayhaqi's Tatimmat siwan al-Hikma.— Oriens. Vol. VIII, 1948.
Меликиан-Ширвани. Заметки.— *Melikian-Chirvani A. S.* Notes sur la terminologie de la metallurge et des armes dans l'Iran Musulman.— JESHO. Vol. XXIV, pt. 111. L., 1981.
Меликиан-Ширвани. Металлические изделия.— *Melikian-Chirvani A. S.* Islamic Metalwork from the Iranian World: VIIIth—XVIIIth Centuries. L., 1982.
Менгес. Титулы.— *Menges K.* The Titles and Organizational Terms of the Kitan

(Liao) and Qara Kitan (Si Liao).— Rocznik Orientalyczny. T. XVII, 1953.
Минорский. Исследования.— *Minorsky V.* Studies in Caucasian History. L., 1953.
Минорский. Дополнение.— *Minorsky V.* Addenda to the Hudud al-'Alam.— BSOAS. Vol. XVIII, Pt 2, 1955.
Минорский. История Ширвана.— *Minorsky V.* A History of Sharvan and Darband in the 10th—11th Centuries. Cambridge, 1958.
Минорский. Ираника.— *Minorsky V.* Iranica. Twenty Articles. Teheran, 1964.
Минорский, Каэн. Закавказский сборник.— *Minorsky V., Cahen Cl.* Le recueil Transcaukasien de Masud bin Namdar.— JA. T. 237, 1942.
Молин. Сельджукские минареты.— *Moline J.* Salğuq Minaretes in Iran: Structural Development.— Kunst des Orients. Bd XII, H. 1—2. Wiesbaden, 1978—1979.
Морган. Исторические произведения.— *Medieval Historical* Writting in the Cristian and Islamic Worlds. Ed. D. O. Morgan. L., 1982.
Мункуев. Пайцза.— *Munkuev T. S.* New Mongolian p'ai-tzu from Simferopol.— Acta Orientalia Hungarica. T. XXXI. Pt 2, 1977.
Мусульманская цивилизация.— Islamic Civilisation, 950—1150. Ed. D. S. Richards. Ox., 1977.
Мэрфи. Новая интерпретация.— *Murphy G. F.* A New Interpretation of the Economic History of Medieval Egypt. The Role of the Textile Industry. 868—1161.— JESHO. Vol. XXIV, Pt 11. Leiden, 1981.
Мюллер. Ислам.— *Müller A.* Der Islam im Morgen- und Abenland. Bd. II. B., 1887.
Наджи ш'Али. Рынки Басры.— *Naji A. I.* and *Ali I. N.* The Suqs of Basrah: Commercial Organization and Activity in a Medieval Islamic City.— JESHO. Vol. XXIV, Pt III. Leiden, 1980.
Назим. Хайят.— *Nazim M.* Hayat wa auqat-i sultan Mahmud Ghaznavi. Kabul, 1939.
Назим. Махмуд Газневи.— *Nazim M.* The life and Times of Sultan Mahmud of Ghazna. Cambridge, 1931.
Наследие Персии.— The Legacy of Persia. Ed. by A. J. Arberry. Teheran, 1958.
Николя. Ботанический словарь.— *Nicolas M.* Les composantes du vocabulaire botanique turc.— DI. Bd 59, H. 1. B.— N. Y., 1982.
Орал. Надпись.— *Oral M. Z.* Harput Ulu cami duvarıdaki vergi kitabesi.— IV TTK. Ankara, 1961.
Отто-Дорн. Фигурные рельефы.— *Otto-Dorn K.* Figural Stone Reliefs on the Seljuk Sacred Architecture in Anatolia.— Kunst des Orients. Bd XII, H. 1—2. Wiesbaden, 1978—1979.
Пельо. Ходжа.— *Pelliot P.* Le Hoja et le Sayyid Husain de l'histoire des Ming.— Toung Pao. T. 38. Tokyo, 1948.
Пельо. Заметки.— *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde D'Or. Oeuvres posthumes de P. Pelliot. II. P., 1949.
Пельо, Амби. История.— *Pelliot P., Hambis L.* Histoire de campagnes de Gengis-khan Cheng-won tsin-taheng lou. T. I. Leiden, 1951.
Поппе. Четырехязычная рукопись.— *Poppe N.* Eine Viersprache Zamaxsari-Handschrift.— ZDMG. Bd 101. B., 1951.
Прицак. Спорные вопросы.— *Pritsak O.* Karachanidische Streitfragen.— Oriens. Vol. III, № 2, 1950.
Прицак. Бурхан.— *Pritsak O.* Al-Burhan.— DI. Bd XXX, 1952.
Прицак. Титулатура.— *Pritsak O.* Stammensnamen und Titulatur des altaischen Völker.— Ural-Altaische Jahrbücher. Bd XXIV, H. 1—2. Wiesbaden, 1952.
Прицак. Закат.— *Pritsak O.* Der Untergang des Reiches des oguzischen Yabgu.— Melanges F. Köprülü. Istanbul, 1953.
Прицак. Караханиды.— *Pritsak O.* Die Karachaniden.— DI. Bd XXI, 1953.
Прицак. Исследования.— *Pritsak O.* Studies in Medieval Eurasian History. L., 1981.
Райт. Проблема рынков.— *Wright E.* Zum problem des Bazars (sug, carsi).— DI. Bd 51, H. 2. B.—N. Y., 1974.
Розен. Научная коллекция.— *Rosen V.* Collection scientifique de l'Institut des

langues orientales du Ministère des affaires etrangères. III. Les manuscrits persans. SPb., 1886.
Розенталь. Мусульманская историография.— *Rosenthal F.* History of the Muslim Historiography. Leiden, 1952.
Сабари. Народные движения.— *Sabari S.* Mouvements populaires à Bagdad à l'époque 'Abbaside. IX-e — X-e siècles. P., 1981.
Серджэнт. Мусульманский текстиль.— *Serjant P. B.* Islamic Textiles Material for a History up to Mongol Conquest. Beirut, 1972.
Сайкс. История Персии.— *Sykes M. P.* A History of Persia. Vol. I. L., 1915.
Санауллах. Закат.— *Sanaullah M. F.* The Decline of the Saljuqid Empire. Calcutta, 1938.
Сафа. Тасаллот.— *Safa Z. O.* La domination des Turcs d'Asie Centrale des moite du cinquième siècle jusqu'au commencement du septième siècle.— Université de Téhéran. Revue de la Faculté des Letters. T. IV, № 1, 1956.
Сафа. История.— *Safa Z. O.* A History of Iranian Literature. The Islamic Era. Vol. II. From the Middle of the Fifth Century to the Beginning of Seventh Century A. H. Teheran, 1957.
Севим. История Майафарикина.— *Sevim A.* Tarihi Meyyafarikin ve Amid'in Mervanlılar bolümünün yayın munasebetiyle.— VII TTK. Ankara, 1967.
Скарциа. Предварительное сообщение.— *Scarcia G.* A Preliminary Report on a Persian Document of 470—1078 Found at Bamiyan.— East and West. Vol. XIV, № 1—2. Rome, 1962.
Скрайн, Росс. Сердце Азии.— *Skrine F. H.* and *Ross E. D.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L., 1899.
Соваже. Арабские историки.— Historians Arabes. Pages choisies. Trad. et présentées par J. Sauvaget. P., 1946.
Стори. Персидская литература.— *Storey C. A.* Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Selc. II, fasc. 2. L., 1923.
Сюмер. Племя йива.— *Sümer F.* Yiva oğuz boyna dair.— TM. Cilt IX, 1951.
Сюмер. Племя дёгер.— *Sümer F.* Dögerlere dair.— TM. Cilt X, 1953.
Сюмер. Огузы.— *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri — Boy Teşkilâti — Destanları. Ankara, 1972.
Таха Йусуф. Икта'.— *'Abd al-Kadir Taha Yusuf.* Al-iqta'.— Al-'Ulum. A Monthly Scientific Review. Vol. XI—XII. Beyrout, 1967.
Тезджан. Халаджи.— *Tezdcan S.* Zum Stand der Chaladsch.— Forschungsprache, Geschichte und Kultur der altaische Völker. B., 1974.
Тоган. Ибн Фадлан.— *Togan A. Z.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Lpz., 1939.
Тоган. Введение.— *Togan Z. V.* Umumî türk tarihine giriş. Istanbul, 1946.
Тоган. Хорезмийский перевод.— *Togan Z. V.* Horezmçe tercumeli Muqaddimat al-adab. Istanbul, 1951.
Туран. Земельное право.— *Turan O.* Le droit terrien sous les Seljoukides de Turquie. P., 1948.
Туран. Идеал.— *Turan O.* The Ideal of World Domination among the Medieval Turks.— Studia Islamica. IV. P., 1955.
Туран. История Сельджукидов.— *Turan O.* Selçuklular tarihi ve Türk-Islam medeniyeti. Ankara, 1965.
Туран. Сельджуки.— *Turan O.* Selçuklar ve islamiyet. Istanbul, 1971.
Узунчаршилы. Османское государство.— *Uzunçarşılı I. H.* Osmanlı devleti teşkilâtına medhal. Istanbul, 1941.
Удович. Происхождение коммендации.— *Udovith A. L.* At the Origin of the Western Commend.— Speculum. April, 1962.
Фарди. Мардин.— *Fardi K.* Mardin mulük-i Artukiya tarihi. Istanbul, 1931.
Фехервари. Металлические изделия.— *Fehervari G.* Islamic Metalwork of the Eighth to the Fiftienth Century in the Keir Collection. L., 1976.
Фишел. Евреи Средней Азии.— *Fischel W. J.* The Jews of Central Asia in Medieval Hebrew and Islamic Literature.— Historia Judaica. Vol. XI. N. Y., 1945.
Фишел. Открытие.— *Fischel W. J.* The Rediscovery of the Medieval Jewish Community at Firuzkuh in Central Afghanistan.— JAOS. Vol. 85, № 2, 1965.
Фон Сильверс. Военные.— *Peter von Sielvers.* Military, Merchants and Nomads:

The Social Evolution of the Syrien Cities and Countryside during the Classical Period.— DI. Bd 56, H. 2, 1979.
Фрай, Сайили. Тюрки.— *Frye R. N.* and *Sayili M.* Turks in the Middle East before the Saljuqs.— JAOS. Vol. 36. 1943.
Футмэн. Загадка.— *Footman D.* The Riddle of Hasan II.— History Today. L., 1952, September.
Хайят. Шиитское восстание.— *Khayat H. A.* The Shi'ite Rebellions in Allepo in the 6th A. H. (12th A. D.) Century.— Rivista degli studi orientalni. Vol. XLVI, fasc. III—IV. Roma, 1971.
Хан. Копия декрета.—*Khan M.* A Copy of a Decree from the Archives of the Fatimid Chancelery in Egypt.— BSOAS. Vol. XLIX, Pt 3, 1986.
Хартман. Тюрки.— *Hartmann A.* Türken in Bagdad zur Zeit des späten Abbasiden am Beispiel der Herrschaft an-Nasir li-Din Allah.— DI. Bd 51, H. 2, 1974.
Хартман. Ибн Хубайра.— *Hartmann A.* Ibn Hubaira and an-Nasir li Din Allah.— DI. Bd 53, H. 1, 1976.
Хашми. Общество и религия.— *Hashmi Yusuf Abbas.* Society and Religion under the Ghaznawids.— JPHS. Vol. 6, Pt 4, 1958.
Хаутсма. Племена огузов.— *Houtsma M. Th.* Die Ghuzenstämme.— WZKM. Bd. II. Wien, 1888.
Хеер. Источники.— *Heer F. I.* Die historischen und geographischen Quellen in Jaqut's geographischen Wörterbuch. Strassburg, 1898.
Хенниг. Хорезмийский язык.— *Henning W.* The Khwarezmian Language.— Z. V. Togan'a armagan. Istanbul, 1955.
Хилл. Книга.— *Hill D. R.* The Book of Ingenious Devices (Kitab al-Hayal) by Banu Musa bin Shakir. Boston and London, 1979.
Хилленбранд. Средневековые источники.— *Hillenbrand C.* Some Medieval Islamic Approaches to Source Material: The Evidence of 12th Century Chronicle.— Oriens. Vol. XXVII—XXVIII, 1981.
Хорст. Государственное управление.— *Horst H.* Die Staatsverwaltung der Grosselguqen und Horazmsahs (1038—1231). Wiesbaden, 1964.
Хусайни. Ал-Байхаки.— *Husayni Q. S. K.* Life and Works of Zahiruddin al-Bayhaki.— Islamic Culture. Vol. XXVIII, 1954, № 1.
Цегледи. Куны.— *Czegledy K.* Magyar östörténeti tanulmanyok. Budapest, 1985.
Чан Лун-чен. Торговая деятельность.— *Chang-Lung-Chen.* Trading Activities of the Turkish Peoples in China.— Central Asiatic Journal. Vol. XXIX, № 1—2. Wiesbaden, 1981.
Шефер. Персидская хрестоматия.— Chrestomatie persane à l'usage de éléves de L'Ecole spécial des langues orientales vivantes. Publ. par Ch. Schefer. T. I. P., 1933.
Шаки. Социальная доктрина.— *Shaki M.* The Social Doctrine of Mazdak in the Light of Middle Persian Evidence.— Archiv Orientalni. Vol. 46, № 4. Praha, 1978.
Шимизу. Библиография.— *Kosuke Shimizy.* Bibliography on Saljuq Studies. Tokyo, 1979.
Шпулер. Персидская историография.— *Spuler B.* Historiography in Muslim Persia.— JPHS. Vol. 6, Pt 4, 1958.
Шпулер. Роль тюрок.— *Spuler B.* Le rôle des Turks dans l'histoire de l'Iran (I—-eme—XIII-eme siècle).— Problemi attuali di scienca e di cultura. Roma, 1971.
Штромайер. Сельджукская история.— *Strohmaier M.* Seldschukische Geschichte und türkische Geschichtswissenschaft: die Seldschuken im Urteil moderner türkischer Historiken. B., 1984.
Эсин. Тюркское искусство.— *Esin E.* Türk san'at tarihinde Kara-Hanlı devrinin mevkii.— VI TTK. Ankara, 1961.
Эсин. Оружие.— *Esin E.* L'arme zoomorphe du guerriers turc.— Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. B., 1974.
Эснафпур. Та'рих.— *Esnafpour G. R.* The History of Economic Life of the Iranian Villagers and the Social Classes. Teheran, 1974.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЩ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЗВО — Записки Восточного отделения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества
ЗИВ — Записки Института востоковедения Академии наук СССР
ИАН ТССР СОН — Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук
ИВ АН — Институт востоковедения Академии наук СССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИЯЛ АН ТССР — Институт языка и литературы Академии наук Туркменской ССР
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
НАА — Народы Азии и Африки
ППВ ИФИ — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования
ПС — Палестинский сборник
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СКСО — Справочная книжка Самаркандской области
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТС — Тюркологический сборник
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BAI — Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (University of London)
DI — Der Islam (Berlin)
HME — Historian of the Middle East, ed. by B. Lewis and P. M. Holt
JA — Journal Asiatique (Paris)
JAOS — Journal of the American Oriental Society (Baltimore)
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient (London)
JPHS — Journal of the Pakistan Historical Society (Karachi)
KCsA — Körösi Csoma Archivum (Budapest)

TDAYB — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten
TM — Türkiyat Mecmuası
TTKB — Türk Tarih Kurumu. Belleten
I TK — I-nçi Türk Kongresi
IV TK — IV-nçi Türk Kongresi
VII TK — VII-nçi Türk Kongresi
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenländer
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ИМЕН

ʿАбд ал-Малик ибн ʿАтташ 115, 123
ʿАбд ар-Рашид 8
ʿАбд ас-Самад 40, 42
Абу ʿАли ибн Муса ибн Сельджук 61
Абу ʿАли ибн Хасан ибн Ахмад (Хасанак) 35
Абу Ибрахим Мунтасир 27
Абу Исхак ал-Фукка'и 55, 61
Абу Калиджар 64
Абу Наср Мишкан 12, 42
Абу-л-Фазл Сури (Бу-л-Фазл Сури) 31, 42, 54, 63, 97
Абу Шуджа Сулайман Арслан-хан 89
ʿАйн ад-Даула 89, 95
Айтак Ихтийар ад-Дин 220, 227
Аийаз 93
Ак Сонкур (Сункур) 92, 109
Акинджи ибн Кочкар 122
ʿАла ад-Даула 40, 47, 97
ʿАла ад-Дин Хусайн 189, 190, 198
ʿАли Дайе 41, 47, 52
ʿАли Кариб 35
ʿАли Тегин 27, 30, 41—45, 55, 60, 89
ʿАли-хан 25—26
ʿАли Четри 138, 185, 189—190
Алп Арслан 3, 9, 63, 80—88, 90—95, 99, 101, 108, 109, 174
Алтунташ 29
Анасоглы 65, 69
Арслан Аргун 85, 120, 121, 224
Арслан Басасири 66
Арслан Джазиб 28
Арслан-хан 123, 132, 149
Арслан-хан Мухаммад ибн Сулайман 94, 159
Арслан-шах 124, 132, 149
Арслан-хатун 83
Ар-Тегин 52
Артук ибн Аксук 93
Атсыз ибн Абу-л-Музаффар Хорезмшах 10, 173, 180—184, 203, 213—214
Атсыз ибн Уак 92, 109
Ахмад ибн ʿАбд ас-Самад 33
Ахмад ибн Хасан 33
Ахмад Йинал Тегин 30, 42
Ахмад-хан 115, 149

Бахрамшах 124, 174, 175, 182
Бектугды 46, 47
Беркийарук ибн Маликшах 111, 114—118, 120, 124
Бёри Барс 120
Бильге Тегин 41
Боз Куш 123
Бозан 96, 109
Борсук (Бурсук) 92—96
Бузджани Абу-л-Касим 97
Бука 27, 28, 39, 40, 64, 65, 69
Бури Барс 92
Бури Тегин 51, 89, 90
Бу Сахл Хамдави 41

Гийас ад-Дин Масʿуд 188, 219

Дадбек Хабаши 122, 123, 224
Дана 64
Динар (Малик Динар) 209, 221

Елюй Даши (Гур-хан) 177—180

Ибрахим Газневи 174
Ибрахим ибн Инал 50, 61, 63
Ибрахим ибн Наср 136
Иль Арслан 216, 219, 221, 222
Ирташ 63, 67
Исмаил ибн Йакути 116
Исмаил Хандан 51, 66, 67
Исраил ибн Сельджук 26, 27, 44, 60, 65
Йагисийан 80
Йагмур 28, 40, 41
Йагмур-хан 221, 227
Йа'куб-Тегин 95
Йакути 64, 70
Йарыкташ 122
Йига-Тегин 93
Йусуф Хорезми 90

Кавурд ибн Чагры-бек Кара Арслан 63, 64, 85, 86, 92
Кадр-хан Джабраил ибн ʿУмар 123, 175
Кадр-хан Йусуф 89
Ка'им би-амри-ллах 27, 55, 61, 65, 83, 84, 109
Кара Арслан Бури 60, 63
Кизыл 27, 28, 39, 40
Кизыл Сарыг 115
Кök Сагун 175

Көкташ 27, 28, 39, 40. 64, 65
Коркут ибн ʿАбд ал-Хамид 186, 195, 208, 209, 211, 227
Кумач ʿАла ад-Дин 137, 202, 216, 226
Кумач ʿИмад ад-Дин 96, 137, 140, 173, 178—180, 185, 187, 189, 201—203, 206, 226
Кунд Огуз 123
Кутб ад-Дин Мухаммад Гури 189
Кутб ад-Дин Мухаммад Хорезмшах 122, 182, 183
Кутулмыш ибн Исраил 63, 64, 69, 70, 81, 82, 85
Маликшах ибн Алп Арслан 9, 82, 84, 90—97, 99, 101—105, 108, 109, 111—115, 118, 120, 136
Мансур 64
Мансур Заузани 97
Мас'уд ибн Йахз ат-Туркмани 95
Мас'уд ибн Махмуд 9, 16, 28, 29, 31—36, 39—41
Мас'уд ибн Мухаммад 172—174, 184
Мас'уд ибн Эрташ 85
Маудид ибн Мас'уд 8, 62
Маудуд ибн Эрташ 85
Махмуд Газневи 8, 27—30, 33, 34, 38—40, 43, 60, 77
Махмуд ибн Маликшах 114, 116—117
Махмуд ибн Мас'уд Газневи 90
Махмуд ибн Мухаммад Арслан-хан 177, 178, 215, 216, 218, 219
Махмуд ибн Мухаммад Тапар 118, 170
Микаил ибн Сельджук 27, 44, 45, 58, 60, 61, 73
Му'аййид Ай Аба 213—219, 222, 227
Му'аййид Юрункуш 185
Муктади 84, 115
Муктафи 184, 188
Муса Байгу 16, 18, 27, 28, 44, 46, 48, 51, 52, 55, 59—63, 78, 85
Мустазхир 116, 123
Мустаршид 124, 170
Мухаммад ибн Арслан-хан ибн Сулайман 123
Мухаммад Газневи 35, 62
Мухаммад Йига-Тегин 89
Мухаммад ибн Мансур Абу Наср Кундури (ʿАмид ал-Мульк Кундури) 66, 80, 81, 111, 118
Мухаммад Тапар Гийас ад-Дин 123 124, 170, 224
Низам ал-Мульк (Абу ʿАли Хасан ибн Али ат-Туси) 7, 9, 12, 32, 36, 80—85, 87, 91, 96, 98—116, 120, 121, 134
Расул-Тегин 69
Роман Диоген 3, 86
Сав-Тегин 92, 93
Сагыр-бек 123
Санджар ибн Маликшах 10, 111, 121—125, 138, 142, 143, 148, 160, 162, 170—174, 179—192, 198, 202—211, 214, 216, 217, 221, 223—227
Сайф ад-Дин Сури 189, 223
Сельджук ибн Тугак 25, 60, 88
Сулайман ибн Кутулмыш 93, 96
Сулайман ибн Чагры-бек 80, 85
Сулайман-шах 25, 227
Султаншах Хорезмшах 220, 222
Сюбаши 48—50, 52
Тадж ад-Дин Абу-л-Фазл Наср 178, 179, 189, 216
Тадж ад-Дин Хатун 121
Тадж ал-Мульк Абу-л-Ганаим 104, 113, 116
Тамгач-хан Ибрахим 215
Таркан-хатун (Хатун Джалалийа) 93, 109, 116
Таркан-хатун 175, 180
Ташфарраш 40, 41
Текиш ибн Алп Арслан 92, 95, 96, 113
Текиш Хорезмшах 220, 222
Тогрул 62
Тогрул-бек Мухаммад 3, 5, 8, 16, 18, 27, 28, 44, 45, 48—54, 60—73, 78—84, 97, 98, 106—109
Тогрул ибн Инал 95
Тогрул Кара-хан Йусуф 89
Тугтегин 86
Тунуш 45, 89
Тути-бек Наср ад-Дин Абу Шуджа 186, 195, 203, 208, 209, 211, 214, 216, 227
ʿУмар ʿАджами (Асами) 185, 203, 208
ʿУсман ибн Дауд Чагры-бек 92, 95
Фахр ал-Мульк 60, 63, 85
Фахр ал-Мульк ибн Низам ал-Мульк 105
Харун Бугра-хан 90
Харун Хорезмшах 45, 67
Хасан Ай-Тегин 94
Хасан ибн ʿАли 175
Хасан ибн Муса 60
Хасан ас-Саббах 114, 115
Чагры-бек Дауд 5, 16, 18, 27, 28, 44—55, 59—63, 66, 67, 72, 78—80, 83, 91, 97, 101, 120
Чакырмыш 109
Шамс ал-Мульк 89, 90, 93, 94
Шах Рустам Гази 211, 217, 220, 221
Шахмалик Барани Абу-л-Фаварис 46, 66, 67
Эрдем 80
Юсуф ибн Муса 60

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА I. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА СЕЛЬДЖУКИДОВ 16
Огузы и туркмены в X—XI вв. 19
Образование сельджукидского объединения 26
Газневидская держава в канун «сельджукского движения» в Хорасане 28
Восстание сельджуков в Хорасане в 1031—1034 гг. 39
Сельджуки в Хорасане и Гургане в 1035—1040 гг. 43
Поход султана Мас'уда на Хорасан. Битва под Серахсом и Данданаканом 51
ГЛАВА II. СЕЛЬДЖУКИДСКАЯ ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI в. 56
Сельджукиды Хорасана в 40-х годах XI в. 58
Сельджукские завоевания в 40—60-х годах XI в. 62
Последствия сельджукских завоеваний 70
Перемены в сфере аграрных отношений 74
К вопросу о генезисе икта' сельджукского периода 76
Сельджукидская империя в 60-х — начале 70-х годов XI в. . . . 79
Сельджукидская империя в 70-х — начале 90-х годов XI в. . . . 91
Становление и развитие государственного аппарата 97
Внутренняя политика Сельджукидов 102
ГЛАВА III. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКИЙ СУЛТАНАТ В XI—XII вв. 112
Первые симптомы распада единой империи 113
Правление султана Беркйарука (1094—1105) 115
Образование Восточно-Сельджукского султаната 118
Борьба за Хорасан и приход к власти Санджара 121
Средняя Азия и Северный Хорасан в составе Восточно-Сельджукского государства 125
Хозяйственная жизнь Средней Азии и Северного Хорасана . . . 128
Система налогов и положение крестьянства 140
Город, торговля, ремесло 146
Положение кочевых племен 158
ГЛАВА IV. ПАДЕНИЕ ВОСТОЧНО-СЕЛЬДЖУКСКОГО ГОСУДАРСТВА . . . 170
Восточно-Сельджукский султанат в 20—40-х годах XII в. 172
Восточно-Сельджукский султанат и Хорезм 182
Восточно-Сельджукское государство в середине и начале второй половины XII в. 184
Восстание огузов в Балхе в 1153 г. 194
Поход Санджара на огузов Балха 202
Распад Восточно-Сельджукского султаната 207
Феодальные владения в Хорасане во второй половине XII в. . . 219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 224
ПРИМЕЧАНИЯ 228
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 275
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 299
УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ИМЕН 301

Научное издание

Агаджанов Сергей Григорьевич

ГОСУДАРСТВО СЕЛЬДЖУКИДОВ
И СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В XI—XII вв.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Заведующая редакцией *С. В. Полтавская*
Редактор *И. М. Дижур*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Г. Гущина*
Корректоры *И. И. Чернышева, Н. Н. Щигорева*

ИБ № 16754

Сдано в набор 01.03.91. Подписано к печати 04.10.91. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19.0. Усл. кр.-отт. 19,25. Уч.-изд. л. 23,79. Тираж 3000 экз. Изд. № 7234. Зак. № 115. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28